

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 112

«МУЗЕИ РОССИИ – ДУХОВНЫЙ ЩИТ ОТЕЧЕСТВА»

МАТЕРИАЛЫ
XXIX Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(12–15 февраля 2026 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2026

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)
М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **«Музей России — духовный щит Отечества»: материалы XXIX Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (12–15 февраля 2026 года) : [сб. ст.]**. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2026. — 364 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 112).

ISBN 978-5-94595-150-1

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы XXIX Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко, прошедших в Пушкинском Заповеднике 12–15 февраля 2026 года.

Музей не только предоставляет информацию — прежде всего он формирует человека культуры, вводя посетителя в мир общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. Роль музея очевидна в сохранении материального и нематериального культурного наследия, памяти, традиций, воспитании патриотизма и гражданской ответственности.

В рамках обозначенной темы были представлены сообщения, касавшиеся как биографии и творчества А.С. Пушкина, так и истории Пушкинского Заповедника, а также музейной собирательной, хранительской, просветительской работы.

Кроме того, в выпуске читатель найдет материалы о потомках Пушкина, авторские размышления о поэте и православии, о трагедии «Борис Годунов» в работах художников-иллюстраторов, а также результаты изучения народной фразеологии и ее отражения в пушкинской повести «Барышня-крестьянка».

Издание предназначено для специалистов в области музейного дела, истории, литературы, искусства, краеведения, паркового хозяйства, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приводимых в статьях фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Мнения, высказанные авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции (редакционного совета музея).

ISBN 978-5-94595-150-1
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2026

Настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы прошедших в Пушкинском Заповеднике с 12 по 15 февраля 2026 года XXIX Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (1903–1993) «Музеи России — духовный щит Отечества». Выбор названия чтений определил их главную целевую установку — обсудить, как и в какой мере музеи помогают сохранить, укрепить и проявить духовный потенциал человека. Ведь музей не только дает знания, информирует посетителя, но, прежде всего, формирует человека культуры, вводит его в мир общечеловеческих духовно-нравственных ценностей. И здесь роль музея очевидна в сохранении материального и нематериального культурного наследия, памяти, традиций, воспитании патриотизма и гражданственности.

В рамках предложенной тематики конференции ее участниками — музейными работниками, филологами, культурологами, представителями образования и научной общественности из Москвы, Санкт-Петербурга, Луги, Воткинска (Удмуртия), Пскова, Великих Лук, Пушкинских Гор — были представлены доклады, которые примечательны не только их количеством, но и разнообразием по темам и глубиной исследований, касавшихся как биографии и творчества А.С. Пушкина, так и истории Пушкинского Заповедника, музейной собирательной, хранительской, просветительской работы.

Также в этом выпуске дополнительно опубликованы и другие исследования. В этом блоке читатель найдет материалы о потомках Пушкина, авторские размышления о поэте и православии, о трагедии «Борис Годунов» в работах художников-иллюстраторов, а также результаты изучения народной фразеологии и ее отражения в пушкинской повести «Барышня-крестьянка».

*Эдуард Узнев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника*

**«МУЗЕИ РОССИИ —
ДУХОВНЫЙ ЩИТ ОТЕЧЕСТВА»
Материалы XXIX Февральских музейных
чтений памяти С.С. Гейченко
(12–15 февраля 2026 года)**

Анатолий Филимонов

**ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ В МИХАЙЛОВСКОМ
(КОНЕЦ 1920-Х ГОДОВ)**

«Пушкинский уголок», декретированный СНК РСФСР в 1922 году в качестве Заповедника, на протяжении ряда лет с трудом выходил из нелегкого положения, сложившегося после разгрома заповедных мест в 1918 году. Но по мере того, как время от него отдалялось и предпринимались первые, порой даже робкие и частичные, меры по наведению порядка в деле сохранения окружающего ландшафта, поддержанию и ремонту сохранившихся построек, попытки реставрации и т. п., на фоне одновременного увеличения потока экскурсантов, с неизбежностью вставал вопрос о создании в Михайловском музейной экспозиции. Но дело до ее оформления дошло только в конце 1920-х годов.

О том, что организация музея готовится, сообщалось уже в путеводителях 1927 года. Так, Т.Н. Черепнина¹, например, писала: «В настоящее время в усадьбе (имеется в виду Михайловское) вправо и влево от ворот имеется два небольших дома. Первоначально они были заняты общежитием для престарелых писателей. Теперь один из них занят администрацией Заповедника, в другом предполагается устроить музей. Из усадебных построек времен Пушкина сохранился домик няни»².

---

¹ Черепнина Татьяна Николаевна — сотрудник Пушкинского Дома, член президиума Общества друзей Пушкинского Заповедника, созданного в 1926 году в Ленинграде с целью оказания материальной и научной помощи музею. Путеводитель ее был издан при поддержке указанного Общества.

² Черепнина Т.Н. Пушкинский Заповедник. Л., 1927. С. 6.

В мае 1927 год псковский краевед К.А. Иеропольский³, писавший о благоприятных изменениях в заповедных местах, заметил, что «Главнаука ассигновала на музей 1 000 рублей»⁴. В следующем месяце газета «Псковский набат» констатировала, что в Михайловском «организуется Пушкинский музей, часть экспонатов для него поступит из Пскова»⁵. В выпущенном в том же 1927 году путеводителе П.М. Устимовича⁶ речи

³ Иеропольский Константин Алексеевич (1887–1938) — педагог, краевед. Окончил Торопецкое духовное училище, Псковскую духовную семинарию, историко-филологический факультет Варшавского университета. В студенческие годы участвовал в фольклорных экспедициях в Холмском уезде, в 1910 году принят в члены Псковского археологического общества (ПАО). С августа 1913 года — преподаватель русского языка в Псковской мужской гимназии, где продолжал работать и после преобразования гимназии (1919) в 1-ю Советскую школу II ступени. Один из организаторов и активных деятелей Псковского общества краеведения, его секретарь и член-корреспондент Центрального бюро краеведения (ЦБК) от Пскова, организатор ученического краеведческого кружка в школе. Автор многочисленных публикаций по истории и культуре Псковского края, библиографических обзоров и рецензий. В 1930 году уехал из Пскова в Ростов-на-Дону, работал ассистентом в пединституте, сотрудничал в Северо-Кавказском бюро краеведения. Репрессирован, посмертно реабилитирован.

⁴ *Иеропольский К.* В Пушкинском Заповеднике // Псковский набат. 21.05.1927.

⁵ На родине Пушкина // Псковский набат. 25.06.1927.

⁶ Устимович Петр Митрофанович (1867–1931) — научный сотрудник, ученый секретарь Пушкинского Дома. Литературной деятельностью занимался с 1887 года, написал ряд работ о русских писателях, в том числе об А.С. Пушкине. Впоследствии работал в судебных органах, во время массовых арестов заложников 28 мая 1919 года был арестован в Петрограде, отправлен в Москву и заключен в Новопесковский концлагерь, 12 сентября как «бывший потомственный дворянин и юрист» приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. В начале декабря по ходатайству Пушкинского комитета и по амнистии был освобожден. В 1922 году принят внештатным научным сотрудником Пушкинского Дома в Петрограде, с 1923 года — ученый секретарь и член Особого совещания по научно-художественной охране Пушкинского Заповедника, неоднократно бывал в «Пушкинском уголке», участвовал в торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина (сентябрь 1924 года). С 1926 года — член Общества друзей Пушкинского Заповедника, в июне того же года сопровождал и давал научные объяснения А.В. Луначарскому во время его приезда в пушкинские места, в 1927 году вышел его путеводитель по Заповеднику, иллюстрированный фотографиями заповедных мест середины 1920-х годов, чертежами планов усадьбы в Михайловском, описанием экскурсионных

о создании музея не шло⁷, но автор был одним из инициаторов его открытия и создателей экспозиции, выступал за необходимость воссоздания в ней бытовой обстановки⁸. В июле того же 1927 года, т. е. в самый разгар экскурсионного сезона, с развернутой статьей о делах Заповедника вновь выступил К.А. Иеропольский. «В Михайловском заканчивается ремонт дома — бывшего общежития престарелых писателей, в котором в начале августа будет открыт Пушкинский музей, — писал он. — Главнаукой для этой цели отпущено 1 500 рублей»⁹.

Задуманный музей изначально не мог стать по-настоящему мемориальным, т. к. оборудовался не в доме А.С. Пушкина, уничтоженном пожаром 1918 года и еще не восстановленном, а в сохранившейся постройке 1911 года. Вопреки надеждам и браваурным заверениям об открытии музея уже в августе 1927 года его удалось открыть только через год. Вопросы об оформлении и содержании первой экспозиции, дальнейшей ее реконструкции некоторые современные исследователи уже в той или иной мере касались. Так, сотрудник Пушкинского Заповедника И.Ю. Парчевская со ссылкой на работу А.К. Гладкого посвятила ей несколько строк¹⁰. Вновь выявленные материалы позволяют несколько

маршрутов и др. 11 июля 1927 года как «активный участник контрреволюционной организации» был арестован, 15 ноября приговорен к трем годам ссылки в Сибирь и отправлен в Красноярск. В 1928 году был переведен в Енисейск, работал в Енисейском музее в качестве «добровольного научного сотрудника», во время командировок в село Назимово Енисейского района работал с материалами о пребывании там декабриста Якубовича. В октябре 1929 года по ходатайству Пушкинского комитета освобожден из ссылки досрочно с ограничением пребывания в течение трех лет. Поселился в Новгороде, давал частные уроки английского языка, работал сторожем дровяного двора и одновременно занимался научной работой, писал статьи, работал с материалами о надзоре над А.С. Пушкиным во время поездок его по Новгородской губернии в 1820–1825 годах. В июне 1930 года был освобожден из ссылки и вернулся в Ленинград.

⁷ Устимович П.М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927.

⁸ Пушкинская энциклопедия «Михайловское». В 3 т. Т. 1: Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь, Святые Горы, Заповедник — Персоналии (1922–2002. Ч. 1). Сельцо Михайловское; М., 2003. С. 390.

⁹ Иеропольский К. В Пушкинском Заповеднике // Псковский набат. 19.07.1927.

¹⁰ Парчевская И.Ю. Из истории музейных экспозиций Пушкинского Заповедника 1920–1930-х годов // Михайловская пушкиниана. Вып. 33. Пушкинские Горы; М., 2004. С. 39.

расширить имеющееся повествование и добавить в него ряд интересных подробностей.

Первую краткую характеристику Михайловского музея вскоре после открытия привел на страницах газеты «Псковский набат» заведующий Псковским окружным архивным бюро К.К. Розенбек¹¹:

«После целого ряда неудачных попыток, наконец, организован и открыт Пушкинский музей в Михайловском. В экспозиции чувствуется рука опытного музейного работника. В отделе, посвященном Пушкину, отражены: предки Пушкина и история Михайловского, пребывание Пушкина в Михайловском, его произведения этого периода, стихи о няне, владельцы Тригорского, виды Тригорского, произведения Пушкина, с ними связанные, переписка с родными и друзьями, связи Пушкина с декабристами, 1837-й — год смерти. Одна комната обставлена мебелью и предметами обихода первой половины XIX века, дающими отображение эпохи. При музее имеется ценная библиотека, в которой около 400 томов старинных книг издания 1835 года и позднее и примерно 150 названий поздних изданий. Музей открыт четыре дня в неделю по 5–6 часов, пользуется популярностью: за три месяца существования его посетило свыше 1 300 человек. Экскурсанты самые разные — ученые, местные крестьяне, ленинградские рабочие. Заведующий Заповедником Волков¹² говорит, что готовится расширение музея: будут два новых отдела — «Образы Пушкина в художественном изображении», и произведения, где займет видное место фауна и флора Заповедника. В музее продается литература, посвященная поэту,

---

¹¹ Розенбек Карл Карлович (1885–1938) — музейный работник, краевед, архивист. До 1919 года жил в Латвии, служил в русской армии, штабс-капитан. Затем жил и работал в Псковской губернии. В октябре 1924 года назначен заведующим Псковским музеем Революции, находившимся в стадии организации; завершил всю подготовительную работу и обеспечил открытие музея 18 августа 1925 года, заведовал им в течение двух лет. С марта 1927 года — заведующий губернским архивным бюро, в 1930–1934 годах — в различных учреждениях, в январе 1935 года назначен директором Псковского краеведческого музея, но в августе того же года освобожден «за притупление классово-бдительности». В 1936–1937 годах — директор Псковского райлесхоза, в сентябре 1937 года освобожден от должности «за вредительские действия», в декабре того же года арестован, в 1938 году осужден и расстрелян. Посмертно реабилитирован. Автор статей по историко-революционной тематике.

¹² Волков Петр Михайлович — заведующий «Пушкинским уголком» в 1928–1931 годах.

и художественные открытки с видами Михайловского и Тригорского»¹³. Об указанных намерениях по расширению музея П.М. Волков сообщил в августе 1928 года Главнауке, в Псковский окружком и Пушкинский райком партии¹⁴.

В начале 1928 года музей подвергся осмотру со стороны сотрудника Ленинградского ГубОНО Н. Кузнецова, который делился своими впечатлениями от увиденного:

«При очередной поездке по области мне пришлось побывать в так называемых пушкинских местах, а именно в Святогорском монастыре и Михайловском.

По нашей просьбе нам дали возможность ознакомиться с музеем. Музейный материал весь помещается в одной небольшой комнате. Содержимое музея целиком связано с усадьбой и пребыванием Пушкина во время ссылки в Михайловском. Подлинного материала, по которому бы можно исследовать Пушкина, нет. Весь материал в копиях. Указана история сельца Михайловского. Материал собран с момента передачи сельца Абраму Петровичу Ганнибалу («Арап Петра Великого») императрицей Елизаветой Петровной от 6 февраля 1746 года. Затем указаны те лица, которые были фактическими владельцами Михайловского... Затем идет материал, относящийся к пребыванию Пушкина в Михайловском. Он разделяется на три раздела:

1) кто был в Михайловском и с кем Пушкин имел встречи (личные): рисунки, перечень фамилий и их отношение к Пушкину, документы и т. д.;

2) переписка Пушкина во время ссылки в Михайловском: письма Пушкина и его друзей;

3) произведения Пушкина, написанные в Михайловском: около 100 произведений за два года.

В материалах разобраться не было никакой возможности, т. к. комнаты, да и всё помещение не отапливается. В целом можно говорить, что материал не очень богат, есть все основания думать, что он будет пополнен и музей расширен. Сейчас уже привезено из Академии наук свыше 10 ящиков музейных вещей, характеризующих эпоху Пушкина, как нам сказали — музей будет развертываться к весне.

---

¹³ Розенбек К. Пушкинский музей в селе Михайловском // Псковский набат. 13.09.1928.

¹⁴ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 143. Л. 54–56.

Осмотрели недалеко расположенный от музея домик няни. Это одноэтажный маленький домик, совершенно не похожий на обычный дом. Сквозной коридор с выходами: к «барскому дому» и на обрыв к реке. По обе стороны коридора находится по комнатке площадью сажени по 3,5. Это единственный дом, который остался от времен Пушкина. Домик реставрирован и в нем ничего нет, кроме литературных плакатов из произведений Пушкина, сделанных бывшей школой II ступени и развешанных по стенам.

Из расспросов музейных работников выяснилось, что основными посетителями являются заезжие лица, главным образом из Москвы и Ленинграда...»¹⁵

Вскоре факт пополнения Пушкинского музея материалами был подтвержден на страницах центрального краеведческого издания:

«В уютных, заново отремонтированных комнатках бывшего общежития престарелых литераторов с весны развернут Пушкинский музей. Этим летом из Ленинградского музейного фонда прибыло значительное количество экспонатов для «Пушкинского уголка». Экскурсанты охотно покупают открытки с изображением пушкинских мест, изданные Псковским обществом краеведения и «Обществом друзей Заповедника». Библиотека-читальня имеет 600 книг Пушкина и о Пушкине, и современных Пушкину писателей...»¹⁶

В мае 1928 года доклад заведующего Заповедником П.М. Волкова был заслушан на заседании бюро Пушкинского райкома ВКП(б), где он, в частности, отметил: «В доме, отведенном под музей-выставку, имеется пять комнат, из коих в настоящее время оборудовано три: 1) выставка, посвященная пребыванию А.С. Пушкина в Михайловском, 2) бытовая комната начала XIX века, 3) библиотека-читальня для интересующихся литературой вообще и в частности имеющая направление «Пушкин и современные ему писатели». К развертыванию четвертой и пятой комнат приступлено, где предполагается создать «Образы и типы литературных типов Пушкина в художественном изображении» и «Уголок флоры и фауны Пушкинского района». По результатам обсуждения бюро РК в своем постановлении записало: «Добиться получения новых экспонатов для музея, превратив имеющуюся временную выставку

---

¹⁵ Кузнецов Н. В пушкинских местах // Просвещение: журнал Ленинградского ГубОНО. 1928. № 3. С. 79–80.

¹⁶ В Пушкинском Заповеднике // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 7. С. 22.

в фундаментальную, при чем работа по расширению выставки должна быть увязана с Пушкинским Домом Академии наук»¹⁷.

В следующем, 1929 году положения музея коснулся краевед и пушкинист А.К. Гладкий¹⁸, высказав одновременно ряд предложений: «Производит благоприятное впечатление отремонтированный и благоустроенный Пушкинский музей, где имеется обстановка пушкинского времени, некоторые реликвии и рукописи, портреты родных и друзей Пушкина, картины, литографии, рисующие жизнь и творчество Пушкина. В музее имеется достаточно хорошая библиотека — «Пушкиниана». В домике няни следовало бы сделать небольшой внутренний ремонт, устроив там маленький музей, посвященный Арине Родионовне»¹⁹.

Более критичными оказались оценки ленинградца С. Абашидзе, побывавшего в пушкинских местах и по итогам увиденного изложившего свои впечатления в специальной записке в Ленинградский ОблОНО (июнь 1930 года): «Бережно охраняемый и сохраняемый музей не удовлетворяет нынешним требованиям, предъявляемым к музейному делу, ибо этот музей мертв, историчен, а не живой, пользующийся экспонатами прошлого для организации сознания и воли современного человека, строителя социалистического общества. В музее очень мало от Пушкина, а главным образом, вещи эпохи Пушкина, причем мебель расставлена в таком порядке, что она меньше всего определяет стиль эпохи. В библиотечном шкафу книги в беспорядке, даже всего Пушкина нет. Этикетаж сух и лаконичен и носит исключительно информационный характер. История ссылки Пушкина в музее не представлена. Здесь нет даже открыток, которые экскурсант мог бы приобрести на память. В день моего пребывания в музее т. Васильев привез и оставил для продажи свою книжку, но это издание 1923 года, которое точно так же, как

---

¹⁷ ГАПО. Ф. П-821. Оп. 1. Д. 6. Л. 102, 144.

¹⁸ Гладкий Александр Климентьевич (1883–1934) — педагог, пушкинист. Окончил духовную семинарию и Киевскую духовную академию, с октября 1908 года преподавал в Псковском духовном училище и духовной семинарии, вел также занятия в мужской и Марининской женской гимназиях, являлся членом Псковского церковно-археологического комитета. В начале 1920-х годов — член Псковского общества краеведения, сотрудник-корреспондент Пушкинского Дома при РАН по Псковской губернии, с 1924 года проживал в Ленинграде, но связей с Псковом не порывал. Автор многочисленных статей и нескольких брошюр по теме «Пушкин и пушкинские места в Псковском крае».

¹⁹ *Г-кий*. В Пушкинском Заповеднике // Псковский набат. 31.07.1929.

и книжка т. Черепниной, уже сейчас явно устарели... Не входя в дискуссию об этом, считал бы желательным перестроить ныне Пушкинский музей в смысле его оживления для того, чтобы показать живого творческого Пушкина, его роль и значение не только на стыке двух веков (XVIII и XIX), но и его неумирающее значение и для XX века. Пересмотреть расположение экспонатов, пересмотреть и оживить весь этикетаж в свете новых требований к музейному делу. Может быть, обогатить самый музей новыми экспонатами, вообще ежегодно пересматривая музей... Словом, должна быть проведена продуманная агитационно-пропагандистская работа вокруг Пушкина, не мертвого поэта, а живого творца и именно в свете марксистского литературоведения»²⁰.

Ряд замечаний, несомненно, был высказан вполне справедливо, но в то же время сквозь них чувствуется влияние утверждавшихся в обществе идей «национального нигилизма», пронизанных духом некоего пренебрежения к историческому прошлому и необходимостью всячески «осовременить» и поэта, и его время, отдать предпочтение пропагандистской направленности в оформлении музея в ущерб мемориальности. И уж «святым» считалось всю экспозицию и просветительскую работу перестроить в русле «марксистского литературоведения».

Совершенствовать и перестраивать имевшуюся экспозицию, конечно же, требовалось, поэтому в том же 1930 году А.К. Гладкий, который мог и не знать о претензиях С. Абашидзе, попытался представить в общих чертах перспективы развития музея в Михайловском: «Экскурсионной базой предполагается постройка музея на месте фундамента бывшего главного дома-музея, сгоревшего в 1918 году, а нынешнее помещение приспособить под колонию для писателей, литераторов, научных работников по пушкиноведению, музейных работников, специалистов по лесному хозяйству и др.»²¹ Эти же мысли, но в более развернутом виде, как и описание музея, содержатся в выпущенном в 1931 году путеводителе А.К. Гладкого: «Производит прекрасное впечатление пушкинский музей, состоящий из пяти небольших комнат, в которых имеется обстановка пушкинской эпохи, некоторые реликвии, а также портреты родных, друзей-декабристов и знакомых поэта, картины и иллюстрации, рисующие жизнь и творчество Пушкина михайловского периода, и, наконец, рисунки, относящиеся к кончине поэта. В числе экспонатов

---

²⁰ ГАПО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 656. Л. 28.

²¹ Г-кий А. По пушкинским местам (впечатления экскурсанта) // Псковский колхозник. 8.08.1930.

находятся акварельные копии находящихся в Пушкинском Доме документов — родословных Пушкиных и Ганнибалов и жалованной грамоты на владение Михайловским. Кроме изобразительного материала, в музее имеются папки текстов писем и других документов по темам «История Михайловского», «Пушкин в Михайловском», «Пушкин и декабристы», «Пушкин под тайным надзором», «Переписка Пушкина во время ссылки». При музее достаточно хорошая библиотека-читальня «Пушкиниана» (она содержит до 1 100 томов)²².

Приведенные описания пушкинского музея, составленные разными авторами, во многом повторяются, но из них следует, что он после открытия постоянно пополнялся и расширялся: в начале 1930-х годов размещался уже в пяти комнатах, большим становилось число экспонатов, увеличивались фонды библиотеки... Мечты же о восстановлении Дома-музея А.С. Пушкина и развертывании в нем мемориального музея взамен открытого в 1928 году и представлявшего скорее временную выставку отчасти удалось реализовать только в 1937 году — в год 100-летия со дня гибели поэта.

---

²² *Гладкий А.К.* По пушкинским местам (Руководство при экскурсиях через Псков в Пушкинский Заповедник с 18 рисунками, маршрутами и двумя картами). М. ; Л., 1931. С. 26.

**«...Я НЕ МОГУ ЕХАТЬ В МИХАЙЛОВСКОЕ»:
ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
М.З. ЗАКГЕЙМ — КОРРЕСПОНДЕНТ И РЕЦЕНЗЕНТ
Л.А. ТВОРОГОВА**

Настоящая публикация — первое специальное исследование о директоре Пушкинского Заповедника Михаиле Зиновьевиче Закгейме и вторая публикация о новосибирском периоде в жизни Леонида Алексеевича Творогова¹. Напомним, Закгейм занимал руководящий пост с мая 1941 по февраль 1945 года². Следующим директором, как известно, был назначен Семен Степанович Гейченко. При этом о непосредственном предшественнике Семена Степановича известно крайне мало.

О руководителе военных лет находим лишь несколько строк в воспоминаниях Марии Алексеевны Шпиневой и Георгия Петровича Святогорова. М.А. Шпинева (1919–2018), коренная жительница деревни Савкино, на себе испытывавшая немецкую оккупацию Пушкиногорья, до войны работала на метеостанции на Михайловской поляне. Она сообщает: «После [Василия Захаровича] Голубева директором Заповедника был назначен Закгейм Михаил Зиновьевич, совсем еще молоденький еврейчик. К нам на метеостанцию он не заходил, поэтому ничего о нем не могу сказать. Известно только то, что в первые дни войны он куда-то пропал»³. Из воспоминаний Г.П. Святогорова (1933 года рождения): «Я хоть и маленьким был, но знал многих работников Заповедника, потому что часто бегал в Михайловское. Знаком был и с директором... После того как Голубев уехал из Заповедника, директором был назначен Михаил Зиновьевич Закгейм. Когда... немцы подошли к Пушкинским Горам, этот директор куда-то исчез, поэтому эвакуацией имущества

---

¹ См.: *Васильева З.К.* Подвижник науки. Новосибирский период жизни Л.А. Творогова (1941–1945) // Псковская правда. 17.03.1995 (№ 50 (20964)). С. 1, 7.

² См.: *Бойцова А.Е.* Петр Михайлович Волков — директор Пушкинского Заповедника с марта 1928 по сентябрь 1930 года. Материалы к биографии // Михайловская пушкиниана. Вып. 107. Сельцо Михайловское, 2025. С. 90.

³ См.: *Хмелева Е.В.* «Минувшее проходит предо мною...» (Пушкиногорье и Пушкинский Заповедник в воспоминаниях М.А. Шпиневой) // Псков. 2018. № 48. С. 234.

Заповедника занимался его заместитель Аксенов, но с эвакуацией работники Заповедника опоздали:... обоз завернули назад,... немцы Новоуржев уже захватили»⁴. Мемуаристы Святогоров и Шпинева допускают одинаковую неточность: после В.З. Голубева директором Заповедника был назначен Павел Ефимович Безруких, затем — Константин Мамертович Ходасевич и только потом — М.З. Закгейм⁵.

На характер профессиональной занятости Закгейма после скорого отъезда последнего из Пушкинских Гор указывает сообщение Лиллы Константиновны Маковской, военного историка и оружейведа. По сведениям Маковской, Закгейм летом 1941 года жил и работал в Новосибирске, где занимался, в частности, распределением эвакуированного из городов Советского Союза музейного имущества. Так, «14 августа 1941 г. [в Новосибирске]... была создана комплексная комиссия в составе... ученого хранителя архива Института литературы АН СССР Л[ьва] М[ихайловича] Добровольского, директора Пушкинского государственного заповедника М.З. Закгейма и [военного инженера] Н.Т. Сорокина, представляющего [ленинградский Артиллерийский исторический] музей. Комиссия, обследовав помещения склада 727 (там хранились эвакуированные из Артиллерийского исторического музея ценности. — **Авт.**), пришла к категорическому выводу об их непригодности. Материалы, имеющие большое культурное и историческое значение, необходимо было срочно переместить в новое, удовлетворяющее условиям хранения место, иначе они обречены были на гибель. Буквально с первых же дней после размещения музейного имущества в этих бараках началась борьба за «выживание» уникальных памятников»⁶.

---

⁴ См.: *Хмелева Е.В.* «История своего дома, то есть история отечества». На примере истории рода основателей каменной мукомольной мельницы в слободе Тоболонец (Пушкинских Горах) Святогоровых и Столяровых // «Хлебом царствуем!»: материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020. С. 105–106.

⁵ Список предшественников С.С. Гейченко на посту директора Заповедника см.: *Бойцова А.Е.* Петр Михайлович Волков — директор Пушкинского Заповедника с марта 1928 по сентябрь 1930 года. Материалы к биографии. С. 89–90. М.З. Закгейм — десятый по порядку.

⁶ *Маковская Л.К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Музей в годы Великой Отечественной войны: сайт [Электронный ресурс: <https://artillery-museum.ru/ru/muzej-v-godyi-vov.html>].

Итак, в годы войны в «борьбе за выживание» музейных ценностей Союза и было поручено участвовать Закгейму.

Увы, сложно найти другие содержательные упоминания о руководителе Пушкинского Заповедника, вынужденно находившемся «в изгнании». Предпринятое нами исследование устраняет существенные лакуны в биографии непосредственного предшественника С.С. Гейченко.

В архиве Леонида Алексеевича Творогова, сберегаемом в Псковском музее-заповеднике, мы обнаружили папки «Дело № 19» и «Дело № 357», в которых хранятся документы 1942–1947 годов, имеющие непосредственное отношение к М.З. Закгейму.

Как известно, во время Великой Отечественной войны Творогов находился в эвакуации в Новосибирске. Статус персонального пенсионера (с ноября 1941 года)⁷ и удостоверение инвалида (с декабря того же года), подразумевавшие материальную поддержку, мало помогали Леониду Алексеевичу в лечении цинги и дистрофии⁸. Тяжелые условия существования Творогова, к концу 1941 года потерявшего трудоспособность и вынужденного большую часть дня лежать в постели, стали поправляться только за счет усилий конкретных равнодушных людей. Зинаида Константиновна Васильева в биографической заметке 1995 года очертила их круг, включив в него и Закгейма⁹. Благодаря коллегам и друзьям Леонид Алексеевич время от времени сможет есть больше хлеба и поправлять свое здоровье в больнице и санатории. Эта помощь была совершенно необходима, но, разумеется, недостаточна. Так, в письмах 1944 года Творогов признается своим корреспондентам, что на фоне общего истощения его ноги опухли и покрылись нарывами, а сам он «чуть было не умер с голода»¹⁰.

⁷ Персональная пенсия Л.А. Творогова — 99 рублей в месяц. Норма хлеба (продовольственная карточка иждивенца) — 400 граммов хлеба в день.

⁸ См.: *Васильева З.К.* Подвижник науки. Новосибирский период жизни Л.А. Творогова (1941–1945) // Псковская правда. 17.03.1995. (№ 50 (20964). С. 7.

⁹ «В Новосибирске Творогов встретил своих друзей: Л.М. Добровольского (председатель Института русской литературы, уполномоченный по делам Академии наук), М.З. Закгейма (директор Государственного Пушкинского Заповедника), Л.Б. Модзалевского (сотрудник Пушкинского Дома), М. Юрьева (народный артист), сотрудников Третьяковской галереи, сотрудников Этнографического музея г. Ленинграда, которые, как могли, помогали Л.А. Творогову» // *Васильева З.К.* Подвижник науки. Новосибирский период жизни Л.А. Творогова (1941–1945).

¹⁰ Там же.

Леонид Алексеевич нашел в Новосибирске добрых помощников. И самыми активными из них, бесспорно, были Лев Михайлович Добровольский и Михаил Зиновьевич Закгейм, в годы войны иногда работавшие сообща. В некоторых официальных документах они представлялись уполномоченными Академии наук СССР, дочерними подразделениями которой выступал как Пушкинский Дом, так и Пушкинский Заповедник.

Желая улучшить условия проживания Творогова, Добровольский и Закгейм ходатайствовали о предоставлении первому постоянной прописки.

**Л.М. Добровольский, М.З. Закгейм — начальнику
Октябрьского райотделения РК Милици[и] г. Новосибирска
(14.01.1942, Новосибирск)¹¹**

Академия наук СССР при СНК¹²

Государственный Пушкинский Заповедник

Убедительная просьба прописать на постоянное жительство в г. Новосибирске научного работника тов. Творогова Леонида Алексеевича, так как его научная работа связана с необходимостью пребывания в Новосибирске.

Уполномоченный Академии наук СССР (ЛДобров-) /Добровольский/

Директор Пушкинского З/ка АН СССР (МЗакгейм) /Закгейм/

Ходатайство возымело действие: Творогову было предоставлено место в общежитии на Инской улице в доме № 20. 8 апреля 1942 года Леонид Алексеевич, уже постоянный житель Новосибирска, подал заявление заместителю начальника облисполкома на увеличение продо-

---

¹¹ Без конверта. Письмо на типографском бланке директора Государственного Пушкинского Заповедника. Здесь и далее материалы переписки Л.А. Творогова с М.З. Закгеймом приводятся по архивным документам из личного фонда псковского ученого. Кроме отдельно оговоренных случаев публикуются расшифровки документов из папки «Дело № 357»: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище (ПГОИАХМЗ. ДХ). Ф. 766. Творогов Л.А. Д. 357. Переписка с Закгеймом Михаилом Зиновьевичем.

¹² СНК — Совет народных комиссаров.

вольственного пайка¹³. В том же году, не без участия Добровольского, Творогову было дозволено в течение целого месяца посещать столовую № 8 Норкомторга¹⁴.

Главное, что удалось сделать Добровольскому, Закгейму, их ленинградским и новосибирским коллегам в отношении Леонида Алексеевича, — они освободили его от какой-либо другой работы, кроме научной. Девять предвоенных лет Творогов был занят на Повенецкой метеорологической станции и в Беломор-Онежском бассейновом управлении пути. Если он и в эвакуации был бы задействован в качестве метеоролога и геотехника, то, очевидно, не смог бы издать ни одной крупной работы.

Из письма М.З. Закгейма от 3 марта 1943 года мы узнаем, что первая книга¹⁵ Творогова была напечатана в Новосибирске по заказу директора Пушкинского Заповедника (*Творогов Л.А.* «Слово о полку Игореве»: О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» / предисл. Л.А. Добровольского. Новосибирск, 1942. 52 с.). Это подтверждается дневниковой записью Творогова от 21 декабря 1942 года: «Был в издательстве. ...мне начислили 1 115 рублей 26 коп. ...сумма... за печатание ничтожна. ...пошел за деньгами за брошюру к М.З. Закгейму»¹⁶.

---

¹³ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехрамнище (ПГОИАХМЗ. ДХ). Ф. 766. Д. 19. Материалы служебной и общественной деятельности (Новосибирск, 1941–1945 годы). О. Ф. 12937. № 113.

¹⁴ Там же. № 115.

¹⁵ Автор настоящей статьи придерживается принятого в музейной практике принципа атрибуции. Так, в спорных случаях, когда не ясно, с чем мы имеем дело — с книгой или брошюрой, единственным определяющим фактором признается количество страниц: их 48 и более — перед нами книга; менее 48 — брошюра.

¹⁶ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 916. Мемуарные материалы. Записи дневниковые от 21 декабря 1942 года.

**М.З. Закгейм — директору Новосибирского областного
государственного издательства И.А. Гольдбергу
(3.03.1943, Новосибирск)¹⁷**

Академия наук СССР. Институт литературы

В прошлом году, по нашему заказу, вверенным Вам издательством была напечатана брошюра Л.А. Творогова «Слово о полку Игореве».

В силу ограничений на размер из нее были исключены все примечания и доказательства, требовавшие значительного увеличения книжки. Ныне, ввиду высказанных пожеланий отдельными учеными Академии наук СССР о желательности переиздания этой брошюры с введением примечаний, и не имея для этого издания соответствующего фонда бумаги, прошу напечатать в виде небольшой брошюры заметку Л.А. Творогова, обосновывающую его основное положение изданной в 1942 г. брошюры об условиях занесения киевского текста «Слова о полку Игореве» во Псков в XIII веке.

За уполномоченного по управлению и хранению архивных и музейных фондов Академии наук СССР (подпись) /М. Закгейм/

О какой новой брошюре Творогова ходатайствует Закгейм? В письме от 15 мая того же года директор Пушкинского Заповедника приведет ее название: «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве». Как известно, 20-страничное издание под таким заголовком будет напечатано в Пскове в 1946 году¹⁸. Итак, только теперь, прочитав письма Закгейма, мы узнали, что это знаменитое исследование Леонида Алексеевича относится не только к псковскому периоду в жизни ученого. Брошюра была готова к передаче в новосибирское издательство еще 3 марта 1943 года. Напомним, что биографы связывали основные положения брошюры 1946 года с псковскими археографическими экспедициями Творогова 1920-х годов, приездом ученого в Псков на постоянное место жительства в 1945 году, устройством на работу в Псковский музей и временной необходимостью квартироваться непосредственно на территории Спасо-Мирожского монастыря.

---

¹⁷ Копия письма.

¹⁸ *Творогов Л.А.* К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве» XIII века / предисл. И.Н. Ларионова. Псков, 1946. 20 с.

В действительности в 1946 году Творогов только вычитал и отредактировал текст, в значительной степени создававшийся в дни Сталинградской битвы.

В письме от 20 апреля 1943 года Закгейм ходатайствовал о необходимости денежного поощрения Творогова, ссылаясь на то обстоятельство, что исследователь занимается научной работой без какой-либо аффилиации. Интересная деталь: декабрьскую книгу 1942 года о «Слове о полку Игореве» автор письма называет «отчетом». Заметим, что в документах и записках военных лет все свои новосибирские публикации Творогов называет «отчетами», «отчетными данными», «отчетными докладами». Он, определенно, не смотрел на свою пенсию как на социальное пособие беспомощному иждивенцу. Отсюда потребность ученого в «публичных докладах» перед коллегами и новосибирцами о честно проделанной им масштабной работе.

**М.З. Закгейм — в Отдел социального обеспечения
Октябрьского района гор. Новосибирска
(20.04.1943, Новосибирск)¹⁹**

Академия наук СССР. Институт литературы

Научный работник-пенсионер Л.А. Творогов не только продолжает вести научные работы, но и опубликовал этой зимой отчет о своих занятиях.

Однако в виду отсутствия в г. Новосибирске соответствующих научных учреждений, а также денежных фондов, выполняемая Л.А. Творовым работа оплачена быть не может.

Никаких других средств к существованию, кроме пенсии, Л.А. Творогов не имеет.

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

И. о. уполномоченного Академии наук СССР (МЗакгейм) /М.З. Закгейм/

Показательно, что уже через несколько дней директор Пушкинского Заповедника начнет ходатайствовать о переиздании книги Творогова 1942 года. Увы, эта инициатива не увенчается успехом.

---

¹⁹ Без конверта.

**М.З. Закгейм — директору Новосибирского областного
государственного издательства И.А. Гольдбергу
(26.04.1943, Новосибирск)²⁰**

Академия наук СССР. Институт литературы

Прошу о напечатании в Вашем издательстве второго расширенного издания отчета Л.А. Творогова «О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве».

И. о. уполномоченного Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов (подпись) /М. Закгейм/

**М.З. Закгейм — в Новосибирское областное
государственное издательство (7.05.1943, Новосибирск)²¹**

[Штамп: «Академия наук СССР. Институт литературы».]

Прошу напечатать вторым расширенным изданием отчет Л.А. Творогова: «О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве».

Тираж издания от 200 до 400 экземпляров²².

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

И. о. уполномоченного Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов (МЗакгейм) /М.З. Закгейм/

В следующих двух письмах директор Пушкинского Заповедника просит напечатать сразу две работы Творогова. В переиздании книги 1942 года будет вновь отказано. Напомним, брошюра «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа...», за которую Закгейм уже ходатайствовал 3 марта, будет опубликована в 1946 году в Пскове. Михаил Зиновьевич аргументирует важность этих двух изданий, констатируя гибель тех материалов, на основе которых Творогов писал о пресвитере Иосифе. Это не риторика. Новосибирский

---

²⁰ Копия письма.

²¹ Без конверта.

²² В черновом варианте письма зачеркнуто: «Издание выпустить с отметкою: бесплатно. Оно предназначается специально лишь для рассылки соответствующим научным учреждениям и отдельным научным работникам. Формат издания, как и прежде, небольшой. Расходы по изданию беру на себя».

дневник Леонида Алексеевича начинается с указания на значительную потерю (из-за спешной эвакуации) составленных исследователем выписок, черновиков, рабочих материалов и картотеки.

**М.З. Закгейм — председателю Новосибирского Облплана
тов. Васильеву (15.05.1943, Новосибирск)²³**

Убедительно прошу отпустить 900 листов типографской бумаги нормального размера (1 лист = 2-м печатным листам текста) для отпечатания в 400 экземплярах двух брошюр научного работника Л.А. Творогова (в ½ и 4 печ. листа) о результатах его 22-летних разысканий — для отсылки их в Академию наук СССР и другие научные учреждения нашего Союза. Разрешение на печатание этих работ Творогова имеется. Прошу оказать всяческое содействие, дабы сохранить для науки результаты его работ, основанных на материалах, значительная часть которых погибла в настоящую войну.

И. о. уполномоченного [Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов]

**М.З. Закгейм — в Новосибирское государственное издательство
(15.05.1943, Новосибирск)²⁴**

Прошу напечатать в вверенном Вам издательстве две брошюры Л.А. Творогова: 1. «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве», 2. «О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». Второе расширенное и дополненное издание.

Тираж брошюр — 400 экземпляров. Бумагой обеспечиваю.

И. о. уполномоченного [Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов]

В архиве Творогова сохранилась рецензия Закгейма на второе издание книги о «Слове о полку Игореве» (*см. Приложение 2 в конце статьи*). Эту рецензию Леонид Алексеевич предполагал использовать

---

²³ Черновик.

²⁴ Черновик.

в качестве предисловия к книге. Нами обнаружена записка, составленная рукой Творогова. Из этой записки становится известно, что Михаил Зиновьевич и Леонид Алексеевич фактически готовили совместное издание. Очень жаль, что задуманная «соавторами» книга не увидела свет ни в Новосибирске, ни в Пскове.

Леонид Творогов

О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве»

Оглавление

[Предисловие.] М.З. Закгейм. Новое направление в изучении литературной истории поэтических произведений Древней Руси.

Л.А. Творогов. О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве».

Как известно, 23 июля 1944 года Псков был освобожден от немецкой оккупации. Творогов получает приглашение на работу в Псковский музей²⁵. Необходимо было соблюсти некоторые формальности. В частности, требовалась рекомендация. Добровольский и Закгейм эту рекомендацию, разумеется, предоставили. Михаил Зиновьевич, понимая, что бумага будет предъявлена на Псковской земле, вновь подписывается как директор Государственного Пушкинского Заповедника.

**Л.М. Добровольский, М.З. Закгейм —
рекомендация Л.А. Творогову (1.11.1944, Новосибирск)²⁶**

[Типографский бланк: «Академия наук СССР при СНК. Институт литературы. Ленинград, В.О., Тучкова наб., д. № 2». Машинописью: «Новосибирская группа».]

Рекомендуем тов. Творогова Леонида Алексеевича как крупного специалиста в области истории древнего Пскова и его письменности. Работы Л.А. Творогова в области изучения псковских памятников сочувственно встречены и вызвали большой интерес в специальных кругах нашего Союза.

---

²⁵ Л.А. Творогов приедет на постоянное место жительства в Псков только летом 1945 года.

²⁶ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Л.А. Творогов. Д. 19. Материалы служебной и общественной деятельности (Новосибирск, 1941–1945 годы).

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

Уполномоченный Института литературы Академии наук СССР в Новосибирске (ЛДобровольск-) /Л.М. Добровольский/

Директор Государственного Пушкинского Заповедника Академии наук СССР (МЗакгейм) /М.З. Закгейм/

Из следующих трех писем директора Пушкинского Заповедника становится известно, что Твороговым в 1944 году была полностью завершена еще одна брошюра, которая, к сожалению, стала уже третьей неизданной новосибирской работой ученого. Речь о сборнике из трех научных статей о «Слове о полку Игореве». Брошюра должна была выйти под названием «Величайший художественный памятник южно-русской великокняжеской дипломатии XII века» и под грифом Новосибирской группы Института литературы Академии наук СССР. До наших разысканий считалось, что Творогов не напечатал в Новосибирске лишь одну завершённую работу о «Слове о полку Игореве»²⁷. Теперь мы знаем, что таковых было три — одна книга 1943 года и две брошюры 1943 и 1944 годов²⁸.

М.З. Закгейм — в Отдел агитации и пропаганды Новосибирского обкома ВКП(б) (1944 год, Новосибирск)²⁹

Прошу Вашего содействия в напечатании прилагаемой при сём брошюры Л.А. Творогова «Величайший художественный памятник южно-русской великокняжеской дипломатии XII века»³⁰, представляющей

---

²⁷ Васильева З.К. Подвижник науки. Новосибирский период жизни Л.А. Творогова (1941–1945). С. 7.

²⁸ Неизданные новосибирские труды Л.А. Творогова: 1) брошюра 1943 года «К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа...» (выйдет в Пскове в 1946 году); 2) расширенное издание 1944 года с предисловием М.З. Закгейма книги «Слово о полку Игореве»: О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве»; 3) брошюра 1944 года «Величайший художественный памятник южно-русской великокняжеской дипломатии XII века».

²⁹ Черновик письма.

³⁰ Зачеркнуто: «[брошюры], состоящей из трех небольших статей, посвященных изучению «Слова о полку Игореве».

собою публикацию совершенно неизвестных науке данных. Бумага для издания имеется.

И. о. уполномоченного Института литературы Академии наук СССР, директор Государственного Пушкинского Заповедника [М.З. Закгейм]

**М.З. Закгейм — ответственному редактору газеты
«Советская Сибирь» (3.07.1944, Новосибирск)³¹**

[Штамп: «Академия наук СССР. Институт литературы». Добавление от руки: «Новосибирская группа».]

Прошу о напечатании в вверенной Вам типографии прилагаемой при сём брошюры Л.А. Творогова «Величайший художественный памятник южно-русской великокняжеской дипломатии XII века» с пометой на титульном листе, на месте наименования издательства: «Новосибирская группа Института литературы Академии наук СССР». Разрешение на печатание Отдела агитации и пропаганды Новосибирского обкома ВКП(б) получено.

Бумага для издания (газетная, 30 кг) имеется. Расходы по изданию будут оплачены Новосибирской группой Института литературы Академии наук СССР.

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

И. о. уполномоченного Института литературы АН СССР, директор Государственного Пушкинского Заповедника (МЗакгейм) /М.З. Закгейм/

**М.З. Закгейм — заведующему Новосибирским областным отделом
Государственного издательства (1944 год, Новосибирск)³²**

Прошу Вас о напечатании прилагаемой при сём брошюры Л.А. Творогова³³. Разрешение на печатание Отдела агитации и пропаганды Новосибирского обкома ВКП(б) получено. Бумага для издания (газетная, 30 кг) уже передана в вверенное Вам издательство. Расходы по напечатанию будут оплачены Новосибирской группой Института литературы Академии наук СССР.

---

³¹ Без конверта.

³² Черновик письма.

³³ Зачеркнуто: «состоящей из его трех статей, посвященных изучению «Слова о полку Игореве».

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

И. о. уполномоченного Института литературы АН СССР, директор Государственного Пушкинского Заповедника [М.З. Закгейм]

30 декабря 1944 года в Новосибирске Леонид Алексеевич получит на руки экземпляры своей новой брошюры «Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве». Закгейм выступил посредником при публикации этого труда между Твороговым и редакцией газеты «Советская Сибирь»³⁴. Из письма Михаила Зиновьевича от 7 июля 1944 года мы узнаем, что у брошюры было другое исходное название. Она была посвящена «Слову о полку Игореве», но черновой заголовок на это обстоятельство никак не указывал (исходный вариант — «Новые проблемы в издании и изучении древних текстов русской литературы»). Сам Закгейм получит экземпляр брошюры по почте — уже в Ленинграде, куда он вернется до 6 января 1945 года. Неизвестно, когда именно директор Пушкинского Заповедника покинул Новосибирск, но, учитывая, что Творогов посещал Закгейма по месту проживания последнего³⁵ и располагал частью тиража непосредственно перед Новым годом, справедливо предположить, что Михаил Зиновьевич уехал в Ленинград до 30 декабря 1944 года.

**М.З. Закгейм — в редакцию газеты «Советская Сибирь»
(7.07.1944, Новосибирск)**³⁶

[Штамп: «Академия наук СССР. Институт литературы».]

При сём препровождается Вам для напечатания статья научного работника Л.А. Творогова «Новые проблемы в издании и изучении древних текстов русской литературы».

---

³⁴ Творогов Л.А. Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве»: тезисы доклада в клубе редакции газеты «Советская Сибирь». Новосибирск, 1944. 24 с.

³⁵ См., например: «Сегодня утром зашел к Закгеймам. Михаил Зиновьевич передал мне, что приехал Л.Б. Модзалевский, который хочет меня повидать» (ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 916. Мемуарные материалы. Записи дневниковые от 23 июня 1944 года).

³⁶ Без конверта.

[Штамп: «Уполномоченный Академии наук СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов».]

И. о. уполномоченного Института литературы АН СССР, директор Государственного Пушкинского Заповедника (МЗакгейм) /М.З. Закгейм/

После эвакуации Закгейм фактически потерял все те привилегии, которыми обладал в статусе руководителя Пушкинского Заповедника. Более того, из ленинградского письма к Творогову от 6 января 1945 года мы узнаем, что директор Пушкинского Дома Павел Иванович Лебедев-Полянский, очевидно, соглашаясь с решением более крупных чиновников, пресек попытку Михаила Зиновьевича вернуться в Михайловское. «...я не могу ехать в Михайл[овское]. Я, конечно, возмущен», — досаждает корреспондент Леонида Алексеевича.

Теперь мы знаем, что первую половину января дальнейшая судьба Закгейма была неопределенной. Директором Заповедника он оставался лишь де-юре. Если в Новосибирске его должность предполагала серьезную административную работу, пусть и не решающую проблемы оккупированного Пушкиногорья, то в Ленинграде у Михаила Зиновьевича фактически не было поручений: «Инст[иту]т почти не работает. В помещ[ениях] холодно, не топят. Приходят [сотрудники] на 2–3 ч[аса] и уходят» (см. письмо от 15 января 1945 года). «Вы знаете, — делится с Твороговым в том же письме Закгейм, — ...подумываю крепко о том, чтобы вернуться обратно в Н[ово]с[ибирск]... Комнату... еще не вернули — тянется волокита. С А[академией] Н[аук] окончательно порвано. Где я буду, ничего не знаю. Ощущение таково — словно я нахожусь на необитаемом острове, абсолютно один и одинок... Временами тяжело до безумия, хочется плакать, кричать, выть по-волчьи».

Из письма от 1 февраля 1945 года мы узнаем, когда именно Закгейм освободит должность директора Пушкинского Заповедника: «...у меня ничего отрадного. В Мих[айловско]е я не поеду, а с 15 [февраля] из Инст[иту]та буду отчислен «по личному желанию».

Дальнейшая служба Михаила Зиновьевича не будет связана ни с именем Пушкина, ни с музейным делом. «Получил предл[ожение] на должность директора подсобного хоз[яйст]ва завода, — сообщает в той же февральской корреспонденции Закгейм. — Очевидно, что придется согласиться, иного выхода не предвидится. Поехал бы с радостью обратно в Н[овосибирск], да нет матер[иальной] базы. Временами бывает так тоскливо, что руки на себя наложил бы». Летом 1945 года Тво-

рогов покинул Новосибирск и приехал в Псков. Вся его последующая жизнь будет связана с Псковским музеем. Не позднее июня 1946 года местом службы Закгейма становится Ленинградский главный автотранспортный трест (Ленглававтотранс). В письме от 2 июня читаем: «С Акад[емией] наук и Инстит[утом] литер[атуры], после реэвакуации и беседы с П.И. Леб[сedeвым]-Пол[янс]ким, я порвал. Теперь «подвизаюсь» совершенно на другом поприще: в автотранспортном тресте, по кадрам». В декабре 1946 года корреспондент Творогова переедет в поселок Тосно Ленинградской области. Последним его местом работы, упомянутым в переписке с Леонидом Алексеевичем, станет «Авторемонтный завод». 24 числа Закгейм написал Творогову: «Я... около 2-х месяцев работаю и живу не в Ленинграде. Работаю на заводе, который расположен в лесу, примерно 60 км от Л[енингра]да и в 12 км от ближайшего райцентра — поселка Тосно. Помимо работы веду одинокий, сельский образ жизни: встаю в 6 ч. утра, сам себе готовлю пищу, сам заготавливаю дрова... В Лен[ингра]де бываю довольно редко. Последнее время и вовсе перестал ездить, — незачем. ...Невыносимо тяжело мне было, очень тяжело. Тягостно и сейчас».

В письмах к Творогову из Ленинграда и Ленинградской области Закгейм делится глубоко личным, сокровенным. Из этих доверительных корреспонденций мы узнаем о семейной драме бывшего директора, его глубокой депрессии и трагическом одиночестве. Воспоминание о дружбе с Леонидом Алексеевичем в Новосибирске, радостях совместной работы и об общем досуге — вот та редкая драгоценность, которая озаряет мрачные, тягостные письма Закгейма. В последнем письме к Творогову он признается: «Дорогой мой Леонид Алексеевич! ...дорогой друг... Как видите, я не забыл Вас. Тепло вспоминаю сибирские, вместе проведенные дни. Ныне, в одиночестве и в глуши пребывания еще ярче вспоминаю именно Вас. ...Вам, ведь, хорошо известны мои ненормальные взаимоотношения с Ц[ецилией] С[оломоновной]. ...Думаю, что у меня хватит выдержки и силы воли довести [разрыв] до конца. ...Я неуклонно деградировал, буквально превращался в какой-то безвольный придаток и терял самого себя. И, как ни странно, окруженный многими людьми..., я находился как на необитаемом острове, жестко одинок, душевно, морально одинок. ...Вы знаете это хорошо... Хочу знать о Вас, как Вы живете, о здоровье, как устроились с жильем, питанием, работой. Пишите, не забывайте меня с горести. Ваш Михаил».

Итак, как мы постарались показать в настоящей публикации, переписка Закгейма с Твороговым важна для будущих биографов обоих корреспондентов. Мы узнаем не только о том, где и чем конкретно занимался предшественник Семена Степановича Гейченко на посту руководителя Заповедника, но нам становятся известны и контекст новосибирских изданий Леонида Алексеевича.

Закгейм и Творогов — два трагических одиночества. И два пути его преодоления. Решение, на котором в конечном итоге остановился Михаил Зиновьевич, подразумевало кардинальную смену рода деятельности (замену музея и литературы заводом и авторемонтом), отказ от амбиций, полный разрыв со своим окружением. Этот путь, разумеется, был чужд Творогову. Леонид Алексеевич являл пример последовательной веры в свое дело, в свои мечты, сформулированные еще в студенческие годы. Пресечению профессиональных контактов он предпочитал полемику и поиск для последней новых аргументов. Ожидаемо, что в конечном итоге переписка Закгейма с Твороговым себя исчерпала. Но то позитивное значение, которая она заключает в себе сведениями, важными для истории науки и музейного дела, нельзя переоценить.

Переписка М.З. Закгейма с Л.А. Твороговым
1945—1947 годов

М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(6.01.1945, Ленинград)³⁷

Дорогой Леонид Алексеевич!

Поздравляем Вас с наступившим Н[овым] годом и шлем Вам наши наилучшие пожелания: здоровья, прежней бодрости, плодотворности в В[ашей] большой и нужной нашей Родине научной работе и ускорения выхода в свет В[ашего] труда³⁸. Впрочем, уверен, что он уже опечатан, и ждем его сюда.

Где я буду работать, еще неизвестно. [Директор Пушкинского Дома] П.И. Леб[едев]-Полянск[ий] ничего определенного не ответил, но подтвердил то, что передал Л.М. [Добровольскому]: что, по известной В[ам] причине³⁹, я не могу ехать в Михайл[овское]. Я, конечно, возмущен.

Пока заняты личн[ым] устройством, в понедельник (8/1) пойду в Инст[итут] для окон[чательных] переговоров.

Пишите чаще. Обнимаю и целую Вас. Ц[ецилия] С[оломоновна Савельева] сердечно приветствует.

Ваш (МЗакгейм)

---

³⁷ Открытка: «Новосибирск. Почтамт. [До] Востребования. Леониду Алексеевичу Творогову». Адрес отправителя: «Ленинград, Жуковского 38, кв. 7. [нрзб] М.З. Закгейм».

³⁸ Творогов Л.А. Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве»: тезисы доклада в клубе редакции газеты «Советская Сибирь». Новосибирск, 1944. 24 с.

³⁹ В публикуемой нами переписке причина не названа. Не исключено, что речь идет о пятом пункте (графе «Национальность») в паспорте Закгейма.

**М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(15.01.1945, Ленинград)⁴⁰**

Дорогой мой Леонид Алексеевич!

Мою телеграмму и 2 открытки Вы, д[олжно] б[ыть], получили. А вот от Вас нет ни весточки. Очень хотелось бы хоть одним глазком, хоть издали поглядеть на В[ас]. Хочется знать: получили ли уже из печати свой труд. Надеюсь, что получили. Радуюсь вместе с Вами и желаю всего, всего наилучшего. А у меня нового нет ничего. В личном быту и его неувязках, о коих Вы знаете, ничего не изменилось, подумываю крепко о том, чтобы вернуться обратно в Н[ово]с[ибирск]. И это, д. б., будет скорее всего. Комнату н[ам] еще не вернули — тянется волокита. С [нрзб] А[академией] Н[аук] окончательно порвано. Где я буду, ничего не знаю. Ощущение таково — словно я нахожусь на необитаемом острове, абсолютно один и одинок. «Куда пойдешь, кому расскажешь?» Временами тяжело до безумия, хочется плакать, кричать, выть по-волчьи.

Собираюсь пойти к В[ашему] брату⁴¹, но всё как-то недосуг. Не то, что очень занят, а такое скверное настроение, что ни за что руки не берутся. В ближайшие пару дней схожу. Л.М. [Добровольского] вижу очень редко. За всё время 2–3 раза. Инст[иту]т почти не работает. В помещ[ениях] холодно, не топят. Приходят на 2–3 ч[аса] и уходят. Вид и самочувствие Л.М. — плохие. Вообще, бытовые условия его [з]десь, видимо, хуже, чем в Н[ово]с[ибирске]. Ц[ецилия] С[оломоновна] хандрит и бесится по-прежнему.

Как В[аше] здоровье, в порядке ли получение прод[овольственных] карточек? Топят ли в общежитии? Получили ли к[акие]-л[ибо] известия из Пскова? В общем, хочу знать о Вас всё подробно.

Пишите мне, родной, не только в ответ, а когда вздумаете и вспомните обо мне. Крепко Вас обнимаю и целую.

Всегда Ваш (МЗакгейм)

---

⁴⁰ На двух открытках. Адрес получателя: «Новосибирск. Почтамт. До востребования. Леониду Алексеевичу Творогову». Адрес отправителя: «Ленинград. До востребов. П/отдел 36. М.З. Закгейм».

⁴¹ Речь о Викторе Алексеевиче Творогове, жителе Ленинграда.

**М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(1.02.1945, Ленинград)⁴²**

Дорогой Леонид Алексеевич!

Послал Вам неск[олько] писем, тел[егра]мму, а от Вас д[о] с[их] п[ор] — ни словечка, почему? Неужели забыли меня или сердитесь? Я было беспокоился о В[ас], но от Л.М. знаю, что он получил В[ашу] книжку, а от Анны Викентьевны к Ц[ецилии] С[оломоновне] знаю, что В[ы] бываете у нее — и, следовательно, здравствуете, чему я очень рад. От души поздравляю В[ас] с выходом в свет В[ашего] большого и полезного труда, желаю дальнейших успехов. Читали ли Вы уже в «Сов[етской] Сибири» доклад, как он прошел? Как В[аше] здоровье, самочувствие, тепло ли в общежитии, как организовано получение прод[овольственных] карточек? В общем, хочу знать о Вас и В[ашем] труде и быте всё и подробно. Если будет желание и напишете — буду несказанно рад.

А у меня ничего отрадного. В Мих[айловско]е я не поеду, а с 15/II из Инст[иту]та буду отчислен «по личному желанию». С Ц[ецилией] С[оломоновной] отношения еще больше обострились и, д[олжно] б[ыть], окончат[ельно] скажу: «Finito la comedia». Даже живем на разных квартирах: я у сестры Ц.С., которая ко мне исключительно хорошо и тепло относится, хотя она всё знает и тем паче сочувственно относится ко мне. Сама же Ц.С. уже вторую неделю живет у др[угой] родственницы. Комнату ее, д. б., к середине февраля ей освободят. Я же там жить не буду.

В Л[енингра]де меня, вероятнее всего, не пропишут, да и службы подходящей нет. Получил предл[ожение] на должность директора подсобного хоз[яйст]ва завода. Очевидно, что придется согласиться, иного выхода не предвидится. Поехал бы с радостью обратно в Н./Сиб., да нет матер[иальной] базы. Временами бывает так тоскливо, что руки на себя наложил бы. Ведь — одиночество, и В[ы] хорошо знаете, как это тяжело. Я, ведь, привык к семье, друзьям, люблю позаботиться о ближнем. А сейчас я [на] дурацком распутье.

Хотел бы навестить В[ашего] брата, да не знаю адреса, просить у Ц.С. не хочется. Напишите адрес — обязательно зайду. Увидите Анну Вик[ентьевну] и др. общ[их] знакомых — приветствуйте их. Имеете ли

---

⁴² Без конверта.

письма из Пскова, что Вам пишут, разрешился ли вопрос о вызове Вас туда на работу? Каковы дальнейшие Ваши планы и перспективы? Жду от Вас подробных вестей. Желаю Вам всего, всего наилучшего. Помню, люблю и ценю Вас.

Ваш Михаил.

Пишите либо на Жуковскую, либо до востребования — 36 п/отделение.

Целую.

В[аш] Михаил.

Л.А. Творогов — М.З. Закгейму
(12.02.1945, Новосибирск)⁴³

Дорогой Михаил Зиновьевич!

Судя по Вашему письму от 1 сего февраля, я получил далеко не все Ваши письма. Телеграммы также не получил. Рад, что Ваши семейные неприятности разрядились. Хорошо, что поступаете на работу. Я уже получил вызов во Псков и еду туда в апреле месяце.

Спасибо за поздравление с выходом книжки. Ее высылаю Вам отдельно заказной бандеролью. Желаю всего и всего доброго.

Ваш (ЛТворогов)

Л.А. Творогов — Ц.С. Савельевой
(25.03.1945, Новосибирск)⁴⁴

Глубокоуважаемая Цецилия Соломоновна!

Спасибо Вам за теплый отзыв о моей второй брошюре о «Слове». Она встречена очень хорошо читательскими группами, в особенности — учащимися. Доклад мой еще не состоялся: погорел зал для докладов. Скоро выходит в свет моя новая, третья, книжка о «Слове»⁴⁵. Как выйдет — вышлю ее немедленно Вам.

---

⁴³ Черновик письма.

⁴⁴ Черновик письма.

⁴⁵ *Творогов Л.А.* К проблеме художественного перевода текста «Слова о полку Игореве» на современный русский язык: тезисы доклада в Новосибирском Государственном заочном педагогическом училище. (К 150-летию со дня открытия «Слова о полку Игореве». 1795–1945.) Новосибирск, 1945. 8 с.

Погода у нас потеплела. Днем — тает, ночью — морозы. С питанием у меня пока что хорошо. Во Псков думаю ехать в мае. Раньше не выйду⁴⁶.

Спасибо еще раз Вам за память и теплое отношение ко мне и моим работам. Желаю Вам всего и всего доброго.

Ваш (ЛТворогов)

М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(9.05.1945, дер. Большое Сельгелево⁴⁷, Ленинградская область)⁴⁸

Дорогой Леонид Алексеевич!

Поздравляю Вас с победой. Желаю Вам и надеюсь, что скоро поедете в родные места и будете жить и заниматься творческой деятельностью, столь же благодарной и плодотворной, как и до сих пор. Пишу одновременно на два адреса. Если захотите отвечать — на обороте мой адрес.

Привет.

Ув[ажаящий] В[ас] (МЗакгейм)

М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(2.06.1946, Ленинград)⁴⁹

Дорогой Леонид Алексеевич!

Хотя Вы меня совсем предали забвению, я со своей стороны, как видите, Вас помню и, поверьте, живо интересуюсь Вашей судьбой. Был я у Льва Михайловича, долго и тепло говорили про Вас, вспоминали, Л.М. дал мне прочесть В[аши] откр[ытые] письма к нему. Он же сообщил мне Ваш почтовый адрес и кое-что о В[ашем] быте. Очень сожалеею,

---

⁴⁶ Вычеркнуто: «Если остановлюсь в Ленинграде, и всё будет благополучно, встретимся. В связи с потеплением стало теплее и у меня в общежитии».

⁴⁷ Деревня неоднократно меняла наименование. Современное название — Большое Сергелево.

⁴⁸ Открытка: «Новосибирск. Псков. До востребования. Профессору Л.А. Творогову». Адрес отправителя: «Антропшинский с/с, Павловск. р-н. Ленинград. обл., дер. Б.-Сельгелево, директору п/х[?] М.З. Закгейму».

⁴⁹ Конверт: «г. Псков. Почтамт. До востребования. Л.А. Творогову». Адрес отправителя: «Ленинград. 23 п/о, п/я № 248 «Ленглававтотранс». М.З. Закгейму».

что Вы болеете. Вот не везет! Ведь Вы там совсем одинокий. А, м. б., у Вас есть новые, хорошие друзья, лучше нас?! Во всяком [нрзб], от души желаю Ва[м] благополучия, здоровья и всяческих благ и успехов в В[ашем] творческом труде. Ведь Вы т[а]к[ой] трудолюбивый, бескорыстный труженик и творец научной мысли, что вполне заслуживаете этого и от людей и от судьбы.

Нек[оторое] время т[ому] н[азад] я читал в «Ленинградской правде» [нрзб] заметку о том, что некто Югов⁵⁰ издал новый перевод «Слова»⁵¹, и в этом новом чтении его будет исполнять публично артист (кажется, Балашов, забыл фамилию). Признаться, эта заметка меня больно уколола, не знаю — почему, как-то подсознательно. Правда, я не знаком с трудом Югова о «Слове» и не знаю, чем [его перевод] отличается от Вашего. Но о самом Югове, по отзывам частного характера, у меня создалось впечатление как о «литер[атурном] проходимце». Ведь я знаю, что уже почти два года тому назад [нрзб], еще будучи в Новосибирске, когда Вы закончили составление своего разыскания нового чтения и перевода «Слова», у Вас была договоренность (и, кажется, с артистом Юрьевым из Пушкинского театра) о том, что Юрьев будет публично читать В[аш] труд. И вот, у меня возникло подозрение (подчеркиваю — пока необоснованное), — не имеет ли здесь место прямой плагиат. Ведь Вы Вашу книжку и [нрзб] на правах рукописи рассылали многим, а рецензенты «мариновали» В[аш] труд, не давая заключения. Вам, конечно, виднее. Тем более, что Л.М. [Добровольский] послал В[ам] перевод Югова и скоро он сам будет в Пскове. Тогда Вы сумеете установить наличие прямого или завуалированного плагиата. Очень хотел бы знать В[аше] мнение по этому вопросу, котор[ый] меня тревожит. И это Вам понятно: здесь была капля и моих забот.

Хотел бы я знать более подробно о В[ашем] житье-бытье. Как у Вас [с] жильем, где, условия. Как и где питаетесь? К[а]к работается, как зарплата? Готовитесь ли Вы к защите диссертации на учен[ую] степень? Это значительно облегчило бы и улучшило В[аше] материальное положение. В общем, хочу знать про Вас всё, что касается жизни, здоровья, быта и творчества.

---

⁵⁰ Писатель Алексей Кузьмич Югов (1902–1979) — корреспондент и деятельный помощник Л.А. Творогова.

⁵¹ Слово о полку Игореве: к 150-летию открытия рукописи «Слова о полку Игореве» (1795–1945) / пер. и коммент. Алексея Югова. М., 1945. 194 с.

О себе писать почти нечего и в тоже время и много. С Акад[емией] наук и Инстит[утом] литер[атуры], после реэвакуации и беседы с П.И. Леб[едевым]-Пол[янс]ким, я порвал. Теперь «подвизаюсь» совершенно на другом поприще: в автотранспортном тресте, по кадрам. Здоровье удовлетворительное, как и в Н.-Сибирске. Но все те «неурядицы», «неувязки» и пр. с Ц[ецилией] С[оломоновной], о которых Вы знаете, не только не изжиты, но, наоборот, еще более обострились, достигли крайнего напряжения, и, д. б., скоро наступит развязка. Куда направляю свое брэнное существо — не знаю. Это т[а]к смутно, что трудно заранее планировать.

Ну, на этом заканчиваю, не будучи уверен, что Вы получите письмо и интересуетесь мною. Буде появится у Вас времечко и охота, буду рад В[ашим] вестям.

Крепко жму руку, Ваш Михаил.

Ленинград, 23 п/о, п/я № 248, Ленглаввтотранс, М.З. Закгейму.

Л.А. Творогов — М.З. Закгейму
(25.06.1946, Псков)⁵²

Дорогой Михаил Зиновьевич!

Ради всего святого простите меня за невольное молчание. Меня уже второй раз выселяют с моей жилплощади⁵³ (вернулись хозяева). Я живу на чужой службе, на столах, за что после работы и рано утром разбираю у них библиотеку⁵⁴.

Сплю 3–5 часов в сутки, без удобств и [нрзб] еды.

Я Вам писал в подсобку и на квартиру, но ответа от Вас не получал. На днях должна выйти моя новая работа о «Слове». Как выйдет, на следующей неделе вышлю Вам.

С А.К. Юговым познакомился на днях. Он мне в один день сделал больше добра, чем Академия наук за 25 лет [нрзб]. Он возбудил вопрос об учреждении во Пскове Кабинета «Слова о полку Игоре»». Правда, у нас с ним имеются расхождения, но академики на него злы и напускают про него небылицы зря. Не всем слухам верить.

Пишите. Спасибо за память и всё прочее.

С любовью Ваш (ЛТворогов)

---

⁵² Черновик письма.

⁵³ Псков. Плехановский посад, дом 78.

⁵⁴ Речь о комнате Библиотеки Отдела архитектуры при Мирожском монастыре.

**М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(10.07.1946, Ленинград)⁵⁵**

Дорогой Леонид Алексеевич!

Получил Ваше письмо от 21/VI. Не скрою, я был удивлен и даже обижен Вашим молчаньем. Оказывается, что Вы мои письма не получили и поэтому не отвечали. Тот факт, что я Вам написал, говорит за то, что я и до получения этого письма простил. «Понять, — значит простить».

Очень огорчен, что Вам так не везет. Я даже не представляю себе, как Вы устраиваетесь, как можно работать да еще так много, как Вы, и вовсе не иметь никакого отдыха и сна. Как можно спать всего 3–5 часов в сутки. А как и где Вы питаетесь, как организовано снабжение, числитесь ли Вы и где на службе?

От души рад за Вас, что В[ам] представилась возможным издать новую работу о «Слове». Желаю Вам всяческой удачи, ибо верю в Ваш чистый творческий труд и Вашу трудолюбивую энергию.

С удовлетворением узнал о Вашем сближении с А.К. Юговым. Признаться, я с горечью в душе «ревновал» (если можно так выразиться) его труды о «Слове» к Вашим, ибо мне казалась возможность плагиата. И очень рад тому, что Вы рассеяли во мне это впечатление.

У Цили Соломоновны стало плохо со 2й ногой. Сейчас она в Сочи и есть надежда на благотворное лечение. Буде времячко и охота, — напишите ей: Сочи, парк «Ривьера», корп. № 4, кв. 6, Савельевой, для нее.

Желаю Вам здоровья, бодрости и успехов. Пишите, всегда рад В[ашей] весточке. Ваш (МЗакгейм)

**М.З. Закгейм — Л.А. Творогову
(24.12.1946, пос. Тосно⁵⁶, Ленинградская область)⁵⁷**

Дорогой мой Леонид Алексеевич!

Поздравляю Вас, дорогой друг, с наступающим Новым годом и шлю

---

⁵⁵ Конверт: «Псков. Почтамт. До востребования. Л.А. Творогову». Адрес отправителя: «Лен-град, п/ящ. № 248 автотранс. М.З. Закгейм».

⁵⁶ С 1963 года — город.

⁵⁷ Конверт: «Псков. До востребования. Творогову Леониду Алексеевичу». Адрес отправителя: «Тосно Ленинградской обл., Авторемонтный завод. М.З. Закгейм».

Вам свои наилучшие пожелания: бодрости, здоровья, успехов в творческой работе и всяческого благополучия. Надеюсь и уверен, что грядущий год принесет Вам плоды многолетних Ваших творческ[их] научных трудов. Еще раз желаю В[ам] успехов и счастья в личной жизни.

Как видите, я не забыл Вас. Тепло вспоминаю сибирские, вместе проведенные дни. Ныне, в одиночестве и в глуши пребывания еще ярче вспоминаю именно Вас. Я, как Вы видите из обратного адреса, теперь уже, вот около 2^x месяцев работаю и живу не в Ленинграде. Работаю на заводе, который расположен в лесу, примерно 60 км от Л[енингра]да и в 12 км от ближайшего райцентра — поселка Тосно. Помимо работы веду одинокий, сельский образ жизни: встаю в 6 ч. утра, сам себе готовлю пищу, сам заготавливаю дрова и пр. бытовые дела самообслуживания. В Лен[ингра]де бываю довольно редко. Последнее время и вовсе перестал ездить, — незачем. Вам, ведь, хорошо известны мои ненормальные взаимоотношения с Ц[ецилией] С[оломоновной]. Но, как ни зрел нарыв, обстоятельства складывались так, что он зрел, но не лопнул. Но всему в итоге наступает конец. После одной из размолвок, характер коей Вы, д. б., знаете или, вернее, сейчас догадываетесь, а произошла она как раз в момент, когда я, будучи в Л[енингра]де по делам службы, собрался уезжать и уже уходил из дому. Т[а]к[им] образом, «в короткой схватке», как говорят военные люди, внезапно и быстро нарыв лопнул. Я уехал и больше не являлся. Думаю, что у меня хватит выдержки и силы воли довести [разрыв] до конца. Знаю, что многие меня резко осудят. С их точки зрения они будут правы: здесь и зрелый н[аш] возраст, и ее тяжелое положение, часто беспомощное, и прожитое и пережитое вместе в эти тяжелые годы суровых испытаний, и, наконец, в н[аше] напряженное боевое время не место разминаться на бытовые дрызги. Всё это так, я прекрасно сознаю. М. б., я и нехорошо поступил. Но мне кажется, что друзья, близко стоявшие к нам и искренне относившиеся[,] поймут, что иначе поступить я не мог. Я неуклонно деградировал, буквально превращался в какой-то безвольный придаток и терял самого себя. И, как ни странно, окруженный многими людьми: родней, друзьями, приятелями, сослуживцами и др. окружающими людьми, я находился как на необитаемом острове, жестко одинок, душевно, морально одинок.

С кем я мог поделиться своими переживаниями, кому можно рассказать всё (а Вы знаете это хорошо) и чтобы это не было простым, обывательским показыванием «своего грязного белья»? Кому и как я мог говорить отрицательно, ранить, порочить того, кто мне интимно

близок? Невыносимо тяжело мне было, очень тяжело. Тягостно и сейчас. Но вместе с тем я наслаждаюсь тем, что я вновь обрел право свободного, точнее — самостоятельного человека, имеющего право иметь свои привычки, взгляды, не подделываться под чужие болезненные капризы — властные и своенравные, и главное не подвергаться ежеминутным оскорблениям словом и делом. Но я Вам надоел моей болтовней. Хочу знать о Вас, как Вы живете, о здоровье, как устроились с жильем, питанием, работой. Пишите, не забывайте меня с горести.

Ваш Михаил.

**Л.А. Творогов — М.З. Закгейму
(14.01.1947, Псков)⁵⁸**

Дорогой Михаил Зиновьевич!

Простите за долгое молчание. От души поздравляю Вас с освобождением от семейных уз и с Новым годом.

В знак наилучшего расположения к Вам посылаю на память свой скромный подарок — мою новую книжку о «Слове о полку Игореве»⁵⁹.

Жду Вашего отзыва.

Желаю Вам всего и всего доброго.

Искренне уважающий Вас (ЛТворогов)

---

⁵⁸ Черновик письма.

⁵⁹ *Творогов Л.А.* К литературной деятельности пресвитера Спасо-Мирожского монастыря Иосифа, предполагаемого заказчика псковской копии текста «Слова о полку Игореве» XIII века / предисл. И.Н. Ларионова. Псков, 1946. 20 с.

М. Закгейм
Директор Государственного Пушкинского Заповедника
Академии наук СССР

**Новое направление в изучении
литературной истории поэтических произведений Древней Руси
(по поводу исследования Л.А. Творогова
о «Слове о полку Игореве»)⁶⁰**

Вопрос о происхождении так называемой Мусин-Пушкинской рукописи, содержащей в себе единственный известный науке текст «Слова о полку Игореве» и сгоревшей в 1812 году в большом московском пожаре, до самого последнего времени оставался неразрешенным.

Между тем, решение его, несомненно, должно было внести известную ясность в изучение читавшегося в ней текста «Слова», содержащего в себе целый ряд непонятных мест и необъясненных форм и особенностей его языка и графики.

Вследствие этого, разыскания Л.А. Творогова о происхождении известного нам текста «Слова о полку Игореве» представляют собой далеко не малый интерес для каждого, интересующегося древней русской литературой.

Раскрывая шаг за шагом давно забытые страницы литературной истории текста «Слова о полку Игореве», Л.А. Творогов этой своей работой, помимо реальных наблюдений, положил, собственно говоря, новое направление вообще в изучении историко-литературных произведений Древней Руси, дошедших до нас в большинстве случаев в позднейших, сильно искаженных и не раз перерабатывавшихся в связи с запросами дня текстах.

Конечно, для производства такой колоссальной работы нужно было время и время немалое. В частности, Л.А. Творогов употребил на нее 22 года своей научной жизни.

Для выполнения указанной работы о «Слове» Л.А. Творогову пришлось пересмотреть и изучить в свое время немалое количество

---

⁶⁰ Рецензия М.З. Закгейма на рукопись книги Л.А. Творогова «О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» (2-е издание; Новосибирск, 1943).

старинных русских рукописей и актов. Так, только в пределах одной лишь старой псковской письменности им было использовано для своих наблюдений свыше 600 малоизвестных или вовсе неизвестных в научной литературе псковских историко-литературных произведений XII–XVII веков, дошедших до нас в относительно большом количестве списков, не говоря уже о бесчисленном количестве старинных рукописных книг и актов, содержавших в себе автографы общественных, политических и культурных деятелей старого Пскова.

В результате такого углубленного изучения памятников псковской письменности Л.А. Творогову удалось до известной степени воскресить давно забытые страницы культурной и политической жизни старого Пскова, объясняющие в конечном итоге причины появления во Пскове и дальнейших переписок в нем текста «Слова о полку Игореве», одна из которых и была той самой знаменитой рукописью «Слова», которая в свое время была приобретена гр. А.И. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Ярославского Спасского монастыря Иооила, а в 1812 году сгорела в Москве.

Для проверки сделанных наблюдений Л.А. Твороговым сверх рукописных материалов и источников было пересмотрено и изучено несколько тысяч работ, заметок и отдельных высказываний о «Слове», принадлежащих более чем 3 000 наших и иностранных исследователей, начиная с конца XVIII века по настоящий день.

Насколько предложенные Л.А. Твороговым новые методы восстановления литературной истории отдельных известных нам старинных текстов (путем вскрытия исторических условий их создания и переписок) жизненны, видно из результатов его разысканий, дающих в конечном итоге определенное воззрение на дошедший до нас текст «Слова о полку Игореве», представлявший до сего времени какую-то непонятную загадку.

Само собою разумеется, что высказанные Л.А. Твороговым отдельные соображения о различных моментах создания и литературной истории известного нам текста «Слова о полку Игореве» при находке новых материалов будут соответственно дополняться и видоизменяться. Однако, основная задача его исследования — дать новые пути для восстановления литературной истории этого текста «Слова» — может считаться разрешенной.

Ввиду большого интереса, проявленного нашими учеными и исследователями к первому изданию отчета Л.А. Творогова о проделанной им

работе по новому изучению «Слова о полку Игореве», изданного, кстати сказать, весьма ограниченным тиражом⁶¹, этот его отчет переиздается ныне вторично в значительно расширенном и дополненном виде.

Однако в силу ограниченного размера настоящего издания, обусловленного нехваткой бумаги, в него включены лишь те основные положения наблюдений Л.А. Творогова, которые построены исключительно на материалах опубликованных в печати и потому хорошо известных каждому более или менее серьезному исследователю древнерусской письменности.

Более полное обнародование сделанных Л.А. Твороговым наблюдений, а равным образом опубликование ссылок на привлекаемые им источники и материалы — а их тысячи, — будут даны в полном издании его исследования о «Слове о полку Игореве», выпуск которого в свет задерживается тяжелыми условиями военного времени.

[апрель — май 1943 г.,
г. Новосибирск]

---

⁶¹ Примечание М.З. Закгейма: «Л.А. Творогов. «Слово о полку Игореве». ОГИЗ Новосибирское областное государственное издательство, 1942. 52 стр. Тираж 400 экз. Бесплатно. Содержание: Л. Добровольский. Новые проблемы в изучении «Слова о полку Игореве»; Л.А. Творогов. О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве».

**УЧАСТНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ ПУШКИНОГОРЬЯ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕСНОКОВ.
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ГЕРОЯ**

В период с марта по июль 1944 года Пушкинский район Калининской области освобождали от немецко-фашистских захватчиков войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

В директиве Ставки Верховного Главнокомандования командующему 2-м Прибалтийским фронтом от 1 апреля 1944 года в п. 1 отмечено: «Расширить захваченный плацдарм на левом берегу р. Великая севернее устья р. Сороть, не ожидая окончания сосредоточения войск 10 гв. армии»¹.

Директива от 18 апреля 1944 года констатировала следующее положение: «1. Войскам 2-го Прибалтийского фронта ввиду неудачного наступления с получением настоящей директивы перейти к жесткой обороне во всей полосе фронта. 2. ...Прочно закрепить за собой плацдарм на западном берегу р. Великая. 3. Оборону иметь глубокоэшелонированной. В полосе фронта подготовить не менее трех оборонительных рубежей с общей глубиной обороны 30–40 километров...»²

После кровопролитных боев в марте — первой половине апреля наступление возобновилось в начале июля 1944 года. «6 июля Верховный Главнокомандующий товарищ И.В. Сталин принял решение — на Стрежневский плацдарм ввести 54-ю армию 3-го Прибалтийского фронта, полностью укомплектованную вооружением и личным составом, весь июнь учившуюся на учебных полях штурмовать «так называемую противником линию «Пантера»»³.

В красноармейской газете 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» за 14 июля 1944 года под общим заголовком «Победа! Сердцу сладкий час! Россия! Встань и возвышайся! А.С. Пушкин» были напечатаны

---

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 3. Оп. 11556. Д. 15. Л. 152.

² Там же. Л. 178.

³ Освобождение Пушкиногорского района Псковской области. 3-й Прибалтийский фронт. В июле 1944 года / авт.-сост. Д.А. Тимошенко. 2011. С. 12.

материалы, посвященные освобождению Пушкинских Гор от немецко-фашистских захватчиков. Одна из заметок, в которой перечисляются злодеяния оккупантов, названа «Отмщение!».

«...Второго июля 1941 года немецкие бомбардировщики появились над Пушкинскими Горами. Немцы знали, что здесь нет военных объектов. Они сбрасывали бомбы на святое для русских людей место. Одна немецкая бомба разорвалась рядом с могилой поэта. Другие попали в старинный, построенный еще при Иване Грозном, Святогорский монастырь.

Через несколько дней войска изувера Гитлера, вздумавшего стереть с лица земли всё русское, всё советское, вступили в Пушкинские Горы. Эти изверги надругались над могилой Пушкина. Около нее они хоронили поганые трупы своих солдат. Над ней, на ветвях древних, слыхавших Пушкина, деревьев немцы вешали партизан.

Русская национальная гордость оскорблялась на каждом шагу. В домике няни Пушкина — Арины Родионовны немцы открыли дом терпимости. Музей разграбили и устроили в нем офицерский кабак. Даже деревья они не оставили в покое — изувечили, вырубили прекрасный Михайловский парк...

Ненависть и стремление отомстить, жестоко отомстить немцам — это главные чувства бойцов, проходящих сегодня через Пушкинские Горы на запад, по пятам отступающего врага. Мы не простим глумления над нашей культурой. Мы не простим издевательств над нашей любовью.

Оскорбленная память нашего поэта будет отмщена.

Мы вспоминаем гневные строки:

Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья,
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...

Эти пушкинские стихи звучат сегодня, как грозный голос всей Красной армии.

Вперед, богатыри-мстители!»⁴

Большая статья посвящена «Освободителям Пушкинских Гор».

«...Пушкинские Горы! Исконная русская тверская земля. Прозрачный туман, клубящийся над озерами, величавые заснеженные дубравы,

---

⁴ ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2175. Д. 8. Л. 24.

могучие корабельные сосны, крутобокие валуны, поросшие изумрудным мхом.

Места, где много дней провел Пушкин, где осеняло его высокое и чистое вдохновение, где создал он прекрасные, милые нашему сердцу творения. Припав к этой земле, черпал певец свои силы. Здесь бродил он, бормоча строки будущих стихов.

...Пушкин завещал, чтобы его похоронили именно здесь, под сенью ветвистых дубов и вековых лип.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

Он хотел и после смерти быть здесь, раствориться в этой русской земле, стать ее частицей.

...С трепетом мечтали мы о том часе, когда вернем Отечеству Пушкинские Горы.

...И вот настал великий час — нет больше немцев в Пушкинских Горах! Бежит он, окаянный, от нас, вязнет и погибает в болотах. И одна мысль у каждого из нас: не дать уйти живым ни одному немцу, не упустить ни одного осквернителя наших святынь.

Нет, не спасется он, багровомордый факельщик, тупой колбасник, вешавший в Пушкинских Горах русских людей, бомбивший Святогорский монастырь, топтавший грязными ножищами книги Пушкина, разряжавший свой «вальтер» в портреты курчавого певца.

Мы отомстим за всё: за каждую обуглившуюся веточку в пушкинских рощах, за каждый след солдафонского прусского сапога, вдавленный в священную землю.

...Пушкинские Горы наши!

Весть эта наполнит счастьем сердца всех русских, всех советских людей. Она вдохновит всех бойцов, наступающих на огромном фронте, — «от хладных финских скал до пламенной Колхиды». Известие это «пройдет по всей Руси великой» и повторит его «всяк сущий в ней язык», все народы, сплоченные великой Русью.

Узбеки и грузины, казахи и эстонцы будут гордиться тем, что среди освободителей Пушкинских Гор есть и их сыновья и братья.

Воины, которым выпало счастье водрузить красное знамя над Пушкинскими Горами, идут вперед, отмечая врага всё дальше на запад.

Мы знаем: возродятся Пушкинские Горы, отстроятся сожженные селения, вновь зазеленеют широкошумные дубравы, и к могиле великого русского поэта потекут со всех концов Отчизны свободные советские люди. Вовеки не зарастет сюда народная тропа.

И с благодарностью всегда будет вспоминать народ о вас, доблестные герои — освободители Пушкинских Гор»⁵.

В послевоенные годы Пушкинский Заповедник посещали ветераны, делились своими воспоминаниями. Обращаясь к газетным публикациям, документам тех лет, фотолетописи памятных дат — Дня Победы и Дня освобождения Пушкинских Гор от немецко-фашистских захватчиков, часто встречаешь материалы о Семене Степановиче Гейченко и ветеранах. С.С. Гейченко принимал участие в благоустройстве братских могил на местах боев, выступал на митингах, общался с подрастающим поколением. Тема освобождения представлена в его многочисленных статьях и очерках.

«...Советские люди в смертельном бою отстояли родную землю. И еще дороже, еще ближе стала нашему народу эта земля, ее великая культура, ее священные памятники», — пишет директор музея-заповедника в своей статье «Этого забыть нельзя»⁶.

В настоящее время в Пушкиногорском районе расположен крупнейший мемориал времен Великой Отечественной войны — «Чертова гора». На братской могиле установлен обелиск с текстом: «26 марта 1944 года воины 578 и 435 полков 208 стрелковой дивизии форсировали реку Великую, прорвав оборонительную линию противника, и закрепились на плацдарме у деревни Чертова гора, обеспечив условия для успешного освобождения территории Пушкинского Заповедника и поселка Пушкинские Горы от немецко-фашистских захватчиков. Вечная слава павшим героям! Вы участи легкой себе не искали, вы смертными были, бессмертными стали!»

В широко известной литературе упоминаются на момент этого наступления «командир 208-й стрелковой дивизии гвардии полковник А.В. Шуньков и заместитель командира дивизии Р.В. Цветков», газетные статьи подписаны «бывшим командиром 208-й стрелковой дивизии Р. Цветковым»⁷.

---

⁵ ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2175. Д. 8. Л. 24.

⁶ Гейченко С.С. Этого забыть нельзя // Знамя труда. 12.07.1964.

⁷ Шуньков А. Сердечные поздравления // Пушкинский край. 12.07.1974; Цветков Р. За Пушкинский край // Пушкинский край. 11.07.1978; Савыгин А.М.

Относительно того, кто командовал 208-й стрелковой дивизией ранней весной 1944 года, можно внести некоторые уточнения.

С января по 8 мая 1944 года и. д. командира 208-й стрелковой дивизии был В.К. Чесноков. В представлении Военному совету 2-го Прибалтийского фронта на утверждение полковника Василия Константиновича Чеснокова в должности командира 208-й стрелковой дивизии за подписями командующего войсками 1-й Ударной армии гвардии генерал-лейтенанта Короткова и члена Военного совета 1-й Ударной армии генерал-майора Колесникова перечислены все ступени прохождения им службы в Красной армии в течение 16 лет 7 месяцев. Отмечено:

«Полковник Чесноков В.К. в должности командира дивизии с января 1944 года за время своего командования показал себя грамотным офицером. Требовательный к себе и к подчиненным. Уделяет много внимания усовершенствованию боевой подготовки. Дисциплинирован, культурный офицер. Современный бой понимает правильно. Взаимодействие родов войск организовать может.

Должности командира стрелковой дивизии соответствует.

Ходатайствую об утверждении полковника Чеснокова В.К. командиром 208-й стрелковой дивизии. 19 марта 1944 года»⁸.

Александр Варфоломеевич Шуньков, полковник, был утвержден в должности начальника штаба 208-й стрелковой дивизии приказом ГУК НКО № 02019 от 11.11.1943г. (по 8 мая 1944 года), а исполняющим должность командира 208-й стрелковой дивизии назначен приказом 2-го Прибалтийского фронта № 0309 от 9.05.1944г. (по 11 сентября 1944 года). С 11 сентября 1944 года отстранен от занимаемой должности за допущение фактов дезертирства, исчезновение бойцов, непринятие соответствующих мер по их предотвращению, за отсутствие изучения людей и в особенности нового пополнения и запущенности воспитательной работы с личным составом⁹.

В.К. Чесноков с 8 мая 1944 года был назначен командовать 321-й Чудово-Дновской Краснознаменной стрелковой дивизией (начальник штаба — полковник Е.Л. Алексеев, начальник политотдела — полков-

---

Пушкинские Горы. Л., 1989. С. 124–125; Книга Памяти. Псковская область. Новоржевский и Пушкиногорский районы. Псков, 1994. Т. 11. С. 496; *Швабский В.Л.* С именем Пушкина в бой. М., 2016. С. 64–67.

⁸ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Инв. № 0308735 (021979) К 39/89. Л. 40.

⁹ ЦАМО. Личное дело. Шуньков А.В. Инв. № 0385972 К-4170. Л. 5–5 об.

ник Лосев), освобождавшей Пушкиногорье в начале июля 1944 года. О боевом пути дивизии и о той роли, которая ей была отведена историей в освобождении пушкинских мест, немало написано¹⁰.

О самом командире, к сожалению, почему-то в литературе о военных действиях в Пушкиногорье почти ничего не писалось. Между тем, в его биографии отразилась история страны, история Пушкиногорья в пору военных испытаний. Обратимся к архивным документам, среди которых хранится личное дело этого офицера.

Из автобиографии В.К. Чеснокова, составленной им 9 ноября 1938 года в Новоград-Волыньске, в/ч 6175: «Родился в 1908 году января 1 дня в городе Балашове Саратовского края в семье лесного стражника. Отец был взят на фронт в 1916 году, откуда и не вернулся (пропал без известия), мать в 1918 году с двоими меньшими детьми из г. Балашова поехала в деревни в поисках хлеба и больше я о ней ничего не мог узнать. Я после ухода отца на фронт был отдан матерью в детский дом в г. Балашове летом 1916 года, где пробыл до весны 1919 года, а в 1919 году в связи с плохим питанием из детдома бежал и пристал воспитанником в обоз отряда Красной армии...»¹¹

В течение трех лет, до июня 1931 года Чесноков — курсант Закавказской пехотной школы имени 26-и бакинских комиссаров в Тбилиси. Дальнейшие места службы — Херсон, Новоград-Волыньск; в должностях от командира взвода до помощника начальника 1-го отделения штаба 8-го стрелкового корпуса Киевского особого военного округа. В сентябре 1939 года капитан Чесноков участвовал в походе по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии от поляков в составе 36-го корпуса. В 1940 — начале 1941 года Чесноков служит в Львовском пехотном училище¹².

Из листа аттестации на помощника командира батальона Львовского пехотного училища капитана В.К. Чеснокова за период с 1 августа по 1 октября 1940 года:

---

¹⁰ *Савыгин А.М.* Пушкинские Горы. С. 129–130; *Терентьев В.О.* Освобождение Пушкиногорья. Обобщенная хроника событий и список соединений, участвующих в боевых действиях. Пушкинские Горы, 2005; Освобождение Пушкиногорского района Псковской области. 3-й Прибалтийский фронт. В июле 1944 года / авт.-сост. Д.А. Тимошенко. 2011; *Швабский В.Л.* С именем Пушкина в бой. М., 2016. С. 64–80.

¹¹ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 9–10 об.

¹² Там же. Л. 5–5 об.

«Партии Ленина — Сталина и социалистической Родине предан. Идеологически устойчив и выдержан. Бдителен, военную тайну хранить может. Общее развитие удовлетворительно. Мало уделяет внимания повышению общего развития путем чтения. В области политического роста дальше 4-й главы краткого курса истории ВКП(б) за 1940 год не продвинулся. Основное внимание уделяет: изучению военных уставов и наставлений, технике ближнего боя пехоты и изучению теории стрельбы из стрелкового оружия. С массами связан недостаточно. Недоценивает роли партийно-комсомольского актива. В партийной работе участия не принимает. Волевыми качествами обладает. Решительный и энергичный командир... Свои знания передавать подчиненным умеет... Вынослив, физически здоров.

Выводы: занимаемой должности соответствует. Желателен пропуск через курсы усовершенствования. В военное время может быть использован в должности начальника штаба полка. 18 октября 1940 года. Командир батальона ЛПУ Банюк»¹³.

В.К. Чесноков не оканчивал академий (правда, как значится в документах, заочно окончил первый курс Высшей военной академии), военное образование получил в пехотной школе и совершенствовал свое мастерство командира в боях.

К началу Великой Отечественной войны Чесноков — начальник штаба 41-го мотострелкового полка 41-й танковой дивизии. Он разделил общую судьбу многих солдат и офицеров в первые месяцы войны. 26 июня Василий Константинович получил ранение в боях под Ковелем. С 18 сентября по 3 октября 1941 года находился в окружении в составе 295-й стрелковой дивизии 31-го стрелкового корпуса в районе Пирятин — Томны на Юго-Западном фронте, из которого вышел с 80-ю бойцами.

При выходе из окружения Чесноков лишился партбилета, за что впоследствии не раз получал взыскания. Членом ВКП(б) состоял с 1928 по 1941 год, с 1943 по 1947 год. Исключен из рядов в 1947 году «за обман органов... скрыв пребывание членом ВКП(б) с 1928 года... и нарушение партийной этики». В личном деле в соответствующей графе указано: «Беспартийный... Выбыл по причине уничтожения партбилета № 0465149, будучи в окружении».

---

¹³ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 29.

С января (по другим документам с марта) по июнь 1942 года — командир 228-го отдельного лыжного батальона. С лета 1942 года — на Калининском фронте: начальник курсов младших лейтенантов 2-го гвардейского стрелкового корпуса 3-й Ударной армии, с июля — заместитель командира 1073-го стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии, командир 953-го стрелкового полка 257-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии¹⁴.

Боевая характеристика на начальника курсов усовершенствования комсостава при 2-м гвардейском стрелковом корпусе майора В.К. Чеснокова:

«Товарищ Чесноков в частях корпуса с 6 марта 1942 года, в начале в должности командира 228-го отдельного лыжного батальона, за время пребывания в которой показал себя способным, вполне подготовленным командиром.

В оперативно-тактических вопросах ориентируется быстро.

С 11 июня 1942 года товарищ Чесноков работал начальником курсов младших лейтенантов при 2-м гвардейском стрелковом корпусе, позднее реорганизованном в курсы усовершенствования комсостава.

...товарищ Чесноков исполнительный, дисциплинированный, организационными способностями обладает.

В сентябре... 1941 года товарищ Чесноков, будучи командиром 1038-го с[трелкового] п[олка] 295-й с[трелковой] д[ивизии,] попал в окружение, выход из которого требует проверки.

Занимаемой должности по своей подготовке соответствует, но целесообразнее использовать в частях внутренних округов.

24 сентября 1942. Начальник штаба гвардии полковник Бейлин (?) [нрзб.]

Военный комиссар штаба, гвардии старший батальонный комиссар Юрков»¹⁵.

8 января 1943 года подполковник Чесноков попадает в госпиталь по ранению, после излечения состоит в распоряжении Военного совета Калининского фронта. С 17 апреля по 7 июня 1943 года — заместитель командира, с 7 июня по 20 января 1944 года — командир 23-й отдельной стрелковой бригады Калининского (с ноября 1943 года — 2-го Прибалтийского) фронта¹⁶.

¹⁴ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 3, 5 об., 81.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

Из боевой характеристики на временно исполняющего должность командира 23-й стрелковой бригады подполковника В.К. Чеснокова:

«...Тактически грамотный, волевой командир. Имеет большой боевой опыт в Отечественной войне.

Командуя полком при штурме г. Великие Луки показал образцы отваги и мужества. Лично руководил штурмом вражеских укреплений, за что награжден орденом Суворова 3-й степени, а полк стал гвардейским.

Временно командуя бригадой, много сделал по усовершенствованию оборонительного рубежа, усиленно проводит боевую подготовку с подразделениями и командным составом. Дважды ранен.

Должности командира бригады вполне соответствует.

Заместитель командующего войсками 3-й Ударной армии генерал-майор Юдинцев. 16.7.1943г.»¹⁷

С января по 8 мая 1944 года, как уже было отмечено, Чесноков командует 208-й стрелковой дивизией 2-го Прибалтийского фронта. С 8 мая 1944 года его назначают командиром формируемой 321-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта (с 8 июля 1944 года — 3-го Прибалтийского, с октября 1944 года — 2-го Белорусского фронта)¹⁸.

12 июля 1944 года первыми прорывают оборону противника и под утро врываются в Пушкинские Горы воины 72-го стрелкового полка 321-й стрелковой дивизии.

Из журнала боевых действий 54-й армии: «12 июля 1944 года. В результате боя с отрядами прикрытия противника части 53-й гвардейской стрелковой дивизии и 321-й стрелковой дивизии, преодолевая огонь пехотного оружия, артиллерии и минометов, в 3.30 полностью овладели районным центром Калининской области ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ»¹⁹.

В результате недавних архивных изысканий Д.А. Тимошенко стали известны списки безвозвратных потерь 321-й дивизии — имена воинов, отдавших свои жизни за освобождение Пушкинского края (143 человека)²⁰.

В.К. Чесноков продолжал командовать дивизией до конца Великой Отечественной войны.

---

¹⁷ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 5 об.–6.

¹⁹ Освобождение Пушкиногорского района Псковской области / авт.-сост. Д.А. Тимошенко. С. 72.

²⁰ Там же. С. 13, 258–276.

Из листа аттестации на командира 321-й стрелковой Чудово-Дновской Краснознаменной дивизии:

«...Полковник Чесноков В.К.... Идеологически и морально устойчив. Делу партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине предан. ...В боевой обстановке разбирается и решение принимает правильное, но переоценивает силы противника. Организовать взаимодействие родов войск может. Наступательными боями в Польше, Восточной Пруссии и Померании руководил хорошо. В бою смел, дисциплинирован, решителен. Требователен к себе и подчиненным. Заботу о бойцах проявляет... Много уделяет внимания подготовке личного состава к бою... Состояние здоровья хорошее.

Вывод: должности командира стрелковой дивизии мирного времени соответствует. Желательно послать на учебу.

Командир 116-го стрелкового корпуса генерал-майор Фетисов.

Заключение старших начальников:

направить на курсы переподготовки офицерского состава.

Командующий войсками 2-й Ударной армии генерал-полковник Федюнинский

Член Военного совета 2-й Ударной армии генерал-майор Шабалин.
15 июня 1945 года»²¹.

Дальнейшая служба Василия Константиновича, после окончания Великой Отечественной войны, проходила в составе Советской военной администрации в Германии, в провинции Мекленбург: с августа 1945 по август 1947 года он являлся начальником окружной военной комендатуры Гюстровского округа. После возвращения в СССР В.К. Чесноков до начала 1954 года служил в должностях инспектора, старшего инспектора, начальника 5-го отдела в Московском областном военном комиссариате, Западно-Казахстанском райвоенкомате, Гурьевском областном военном комиссариате²².

Награжден орденами: Отечественной войны I степени — два (27.07.1944 и 1.10.1944); «Красная Звезда» — два (13.09.1942 и 3.11.1944); Суворова III степени (5.02.1943); Суворова II степени (29.05.1945); «Красное Знамя» — два (17.01.1944 и 5.02.1945); медаль «За победу над Германией» (9.05.1945)²³. Другие источники дополняют список наград: медаль «За взятие Кенигсберга» (1945), Крест храбрых

²¹ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 51.

²² Там же. Л. 6, 82.

²³ Там же. Л. 3 об.

(1945, награда Польской Народной Республики), медаль «За Одру, Нису и Балтику» (1945, ПНР), третий орден «Красное Знамя» (20.06.1949), орден Ленина (30.04.1954), медаль «За оборону Киева» (1962)²⁴.

Приказом министра обороны № 0270 от 15.01.1954г. уволен в запас по возрасту с правом ношения мундира²⁵. О дальнейшей судьбе героя пока ничего не известно.

На одной из встреч с ветеранами-освободителями С.С. Гейченко подчеркнул, что «каждая годовщина освобождения — это и священная пушкинская дата, это начало высокого возрождения. Мы никогда не забудем тех, кто освободил нашу священную пушкинскую землю, кто отдал за нее свои жизни... Пусть каждый, кто придет поклониться Пушкину — прежде поклонится воинам-освободителям»²⁶.

Свой весомый вклад в общее дело освобождения Пушкиногорья от немецко-фашистских оккупантов внес гвардии полковник Василий Константинович Чесноков.

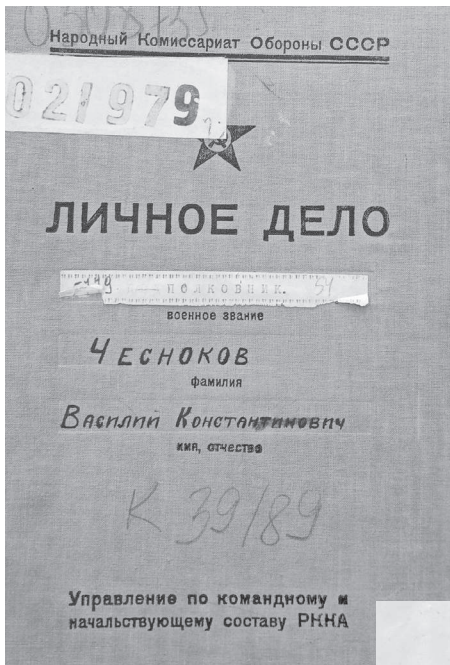
---

²⁴ Великая Отечественная: комдивы. Военный биографический словарь. М., 2014. Т. 5. С. 931–932.

²⁵ ЦАМО. Личное дело. Чесноков В.К. Л. 6 об.

²⁶ Радость и торжество // Пушкинский край. 11.07.1978.

*Личное дело В.К. Чеснокова.
ЦАМО РФ*

*В.К. Чесноков.
Фото из документов личного дела.
ЦАМО РФ*

1301
15799

Вместительнее среш - Кошр 483 об 257 ед 349 дм.
докум. пр 349. арм и 0478. 2.10.42.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

НА НАЧАЛЬНИКА КУРСОВ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОМСОСТАВА ПРИ
2 ГВАРДЕЙСКОМ СТРЕЛКОВОМ КОРПУСЕ - МАЙОРА ЧЕСНОКОВА
Василия Константиновича

тов. ЧЕСНОКОВ в частях корпуса с 6 марта 1942 года. в начале в должности командира 228 отдельного лыжного батальона, за время пребывания в котором показал себя способным, вполне подготовленным командиром.

В оперативно-тактических вопросах ориентируется быстро.

С 11 июня 1942 года тов. ЧЕСНОКОВ работал начальником курсов младших лейтенантов при 2 Гвардейском стрелковом корпусе, позднее реорганизованных в курсы усовершенствования комсостава.

В битность на курсах тов. Чесноков с обязанностями справляется. Исполнительный, дисциплинированный, организаторскими способностями обладает.

В сентябре месяце 1941 г. тов. Чесноков будучи командиром 1038 СП 295 СД попал в окружение, выход из которого требует проверки.

Занимаемой должности по своей подготовке соответствует, но целесообразнее использовать в частях внутренних округов.

КАДРОВЫЙ КОМПОНЕНТ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
МАЙОР /Чесноков/

ВОЕННЫЙ КОМИССАР ШТАБА
ГВАРДИИ СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
КОМИССАР
/ДРКОВ/

24 сентября 1942 года.

Боевая характеристика на начальника курсов
усовершенствования комсостава при 2-м гвардейском стрелковом корпусе —
майора Василия Константиновича Чеснокова.

24 сентября 1942 года. ЦАМО РФ

НКО-СССР
Ударная Армия
Военный Совет
19 марта 1944 г.

15
Секрет
Военному Совету 2 Прибалтийского фронта

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

На утверждение полковника ЧЕСНОКОВА Василия Константиновича командиром 208 стрелковой дивизии

1908 г. рождения, уроженец г. Балашиха, Саратовской обл., русский, русский, член ВКП(б) с 1923 г. и/б в 234312, образование: общее - 7 классов, военное - Пехотное училище в 1931 г. Заочно I Курс академии им. Фрунзе в 1939 г. в Красной армии с 1928 г. в действующей армии с июля 1941 года. Награжден орденом "Красная звезда" в 1942 г. орденом "СУВОРОВА II степени" в 1943 г. орденом "Красное знамя" в 1944 году.

Прожитоания службы в Красной Армии.

Курсант пехотного училища	2 года	8 мес
Командир взвода	1 год	6 мес
Зам. командира роты	1 год	11 мес
Командир роты	2 года	-
Пом. начальника штаба	1 год	-
Пом. нач. I отделения	1 год	1 мес
Пом. нач. оперативного корпуса	1 год	7 мес
Ком. пулеметного батальона	-	10 мес
Начальник штаба полка	-	5 мес
Командир полка	-	9 мес
Командир группы	-	1 мес
Командир див. батальона	-	6 мес
Начальник курсов мл. лейтенантов	-	3 мес
Зам. командира бригады	-	3 мес
Командир бригады	-	7 мес
Командир дивизии	-	3 мес
	16 лет	7 месяцев

Полковник ЧЕСНОКОВ В.К. в должности командира дивизии с января 1944 года за время своего командования показал себя грамотным военным офицером. Требовательный к себе и подчиненным, уделяет максимум внимания усовершенствованию боевой подготовки. Дисциплины, порядка, культурный офицер. Чрезвычайно современно и бодро понимает правильно. Взаимодействие родов войск организовать может.

Должности командира стрелковой дивизии освобождается. ходатайствует об утверждении полковника ЧЕСНОКОВА Василия Константиновича командиром 208 стрелковой дивизии.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ АРМИИ
Гвардии Генерал-лейтенант
(КОРОТКОВ)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ
Генерал-майор
(КОЛЕСНИКОВ)

кол Колесников

Представление командующего войсками 1-й Ударной армии гвардии генерал-лейтенанта Короткова и члена Военного совета 1-й Ударной армии генерал-майора Колесникова Военному совету 2-го Прибалтийского фронта на утверждение полковника Василия Константиновича Чеснокова в должности командира 208-й стрелковой дивизии.
19 марта 1944 года. ЦАМО РФ

*Саперы ведут работы у стен Святогорского монастыря.
Из истории 72-го стрелкового полка 321-й стрелковой дивизии.
Автор неизвестен. Июль 1944 года.
Иллюстрация: Швабский В.Л. С именем Пушкина в бой. М., 2016*

Копия. 31 26

А Т Т Е С Т А Ц И Я.

На командира 321 стрелковой Чудовско-Дновской Краснознаменной дивизии
Гвардии полковника **ЧЕСНОКОВА** Василия Константиновича.

1908г.р., русский, чл ВКП/б/ с 1943г. Образование: общее - 7 кл в 1927г. Военное - Пехучил. в 1931г. 1 курс ВДФ в 1939г./варочно/на фронтах Отеч. войны с 22.6.41г. 030, с 12.41г. Мал. фр., с 10.43г. 2 ПБФ., с 7.44г. 3 ПБФ., с 9.44г. Лен. фр. с 10.44г. 2 Бел. фр. Легко ранен в 6.41г. Тяжело контужен 1.43г.

- Награда: Орден "Красная Звезда" - 9.42г.
 Орден "Суворова 3 ст" - 2.43г.
 Орден "Красного Знамени" - 1.44г.
 Орден "Отеч. войны 1 ст" - 7.44г.
 Орден "Отеч. войны 1 ст" - 10.44г.
 Орден "Красное Знамя" - 2.45г.
 Орден "Красная Звезда" - 11.44г.
 Орден "Суворова 2 ст" - 5.45г.

Полковник **ЧЕСНОКОВ** Василий Константинович в должности командира дивизии с января 1944 года. На фронтах Отечественной войны с июня 1941 года в должностях: командира полка, зам. командира бригады, командира бригады и командира стрелковой дивизии.

Идеологически и морально углубил дело партии **ЛЕНИНА-СТАЛИНА** Социалистической Родине предан. Общее развитие хорошее. Военно-политическая подготовка хорошая. Тактически подготовлен удовлетворительно. В боевой обстановке разбирается и решение принимает правильное, но переоценивает силы противника. Организовать взаимодействия родов войск может. Наступательными боями в Польше, восточной Пруссии и Померании руководил хорошо. В бою смел, дисциплинирован, решителен. Работаетелен к себе и подчиненным. Заботу о подчиненных проявляет. Обладает достаточными волевыми качествами офицера. Много уделяет внимания подготовке личного состава к бою. Дивизия в боевой и политической подготовке подготовлена хорошо. Требуется т. **ЧЕСНОКОВУ** повысить свою личную культуру. Состояние здоровья хорошее.

В Н В О Д: Должности командира стрелковой дивизии мирного времени соответствует. Желательно послать на учебу.

КОМАНДИР 116 СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР - **ФЕТИСОВ**.

15 июня 1945 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТАРШИХ НАЧАЛЬНИКОВ:

Направить на курсы переподготовки офицерского состава.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 2 УДАРА АРМИИ ЧЛЕД ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК / **ФЕДУНИНСКИЙ** / ГЕНЕРАЛ-МАЙОР / **ШАБАЛИН** /

15 июня 1945 г.

см на/об.

Аттестация на командира 321-й стрелковой
Чудово-Дновской Краснознаменной дивизии
гвардии полковника **Василия Константиновича Чеснокова**.
15 июня 1945 года. ЦАМО РФ

*Митинг на Братском воинском захоронении в поселке Пушкинские Горы.
Выступает ветеран Великой Отечественной войны,
директор Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина
«Михайловское», Герой Социалистического Труда С.С. Гейченко.
12 июля 1984 (?) года. Фото В.Ф. Михайлова.
Из собрания отдела краеведения*

*Поселок Пушкинские Горы. У памятной стелы ветераны
321-й стрелковой дивизии. Я.Я. Ковеня, М.Г. Шепетинников, Б.Ф. Поликарпов,
Н.М. Поликарпова, В.И. Бадуев, И.Д. Николаенко, П.А. Непомнящая,
Н.И. Непомнящий. 11 июля 1984 года.
Фото Ю.С. Чернова. Из собрания отдела краеведения*

Колонна ветеранов на улице Пушкинской. На переднем плане ветераны 321-й стрелковой Чудово-Дновской Краснознаменной дивизии.

День освобождения Пушкиногорского района от немецко-фашистских захватчиков. 12 июля 1984 (?) года.

Фото В.Ф. Михайлова. Из собрания отдела краеведения

**ЛЕНИНГРАД — ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ
В 1968—1988 ГОДАХ. ВСТРЕЧИ С С.С. ГЕЙЧЕНКО**

*По материалам архива
Владимира Владимировича Воронова*

Мой отец стал музейным работником, экскурсоводом, историком-краеведом и журналистом с легкой руки С.С. Гейченко, ибо получил от него импульс вдохновения, благословение на творческую стезю.

Будучи студентом, а потом и аспирантом Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ), мой отец, Владимир Владимирович Воронов (1941–2014) впервые познакомился с Семеном Степановичем Гейченко и его спутницей Любовью, хранителями Пушкинских Гор, в 1968 году. В аспирантуре папа занимался изучением проекта архитектора В.А. Шуко по восстановлению Михайловского, Пушкинских Гор и искал, возможно, сохранившиеся художественные полотна наших родственников — Варвары Павловны и Ивана Павловича Пороховниковых, живописцев репинской мастерской в Академии художеств (в 1885–1889 годах). В Царском Селе, в Пушкинском Лицее до сих пор хранятся портреты директоров Лицея пушкинской поры, исполненные Иваном Павловичем Пороховниковым (1863–1923).

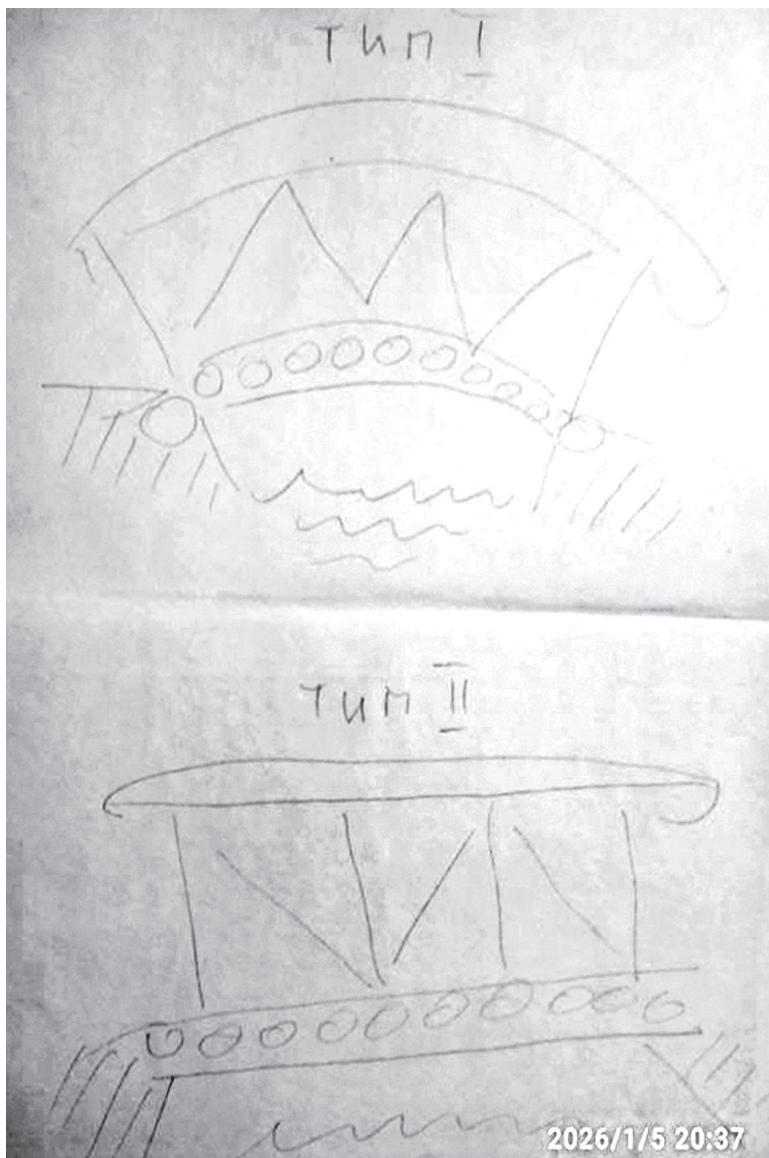
Наша семья родом из Царского Села и свято чтит память Александра Сергеевича Пушкина, изучает памятники культуры и архитектуры, связанные с жизнью и творчеством великого поэта. В годы немецкой оккупации (1941–1944) многие живописные полотна исчезли из нашего дома на Октябрьском бульваре, а сам дом сгорел сразу после войны. Перед самой войной, буквально в июне 1941 года, наши родственники, семья Бачановых-Зверевых, передала ряд полотен, натюрмортов, кисти Пороховниковых на выставку в Святые (Пушкинские) Горы. За год до первого посещения Пушкинского Заповедника моим отцом, в июне 1967 года прошел Первый Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, и отец, вдохновленный таким событием, ринулся в творческий поиск. Он приехал в Пушкинские Горы и, как сам пишет, «на тропинке в Тригорском», совершенно случайно познакомился с Семеном Степановичем Гейченко: «Навстречу шел, потирая левое плечо и немного морщась, человек в светлой рубашке и вязаной безрукавке-жилетке». Отец рассказывал,

что, судя по речи и артикуляции незнакомца, тот искал смотрятеля — «где этот (...) смотрятель», и в общении произвел впечатление внимательного и темпераментного человека. Что-то сильное, харизматичное притягивало к нему. Отцу казалось, что собеседник к нему «присматривается, щурится». Разговорились, пошли рядом; оказалось, что живет Семен Степанович в деревянной даче (домике) рядом с домом-усадьбой Пушкина в Михайловском. «Я ведь в землянке раньше жил... как на войне», — рассказывал С.С. Гейченко отцу. Отец во время визита в Пушкинские Горы в 1968 году останавливался на ночлег в брезентовой палатке, это не было чем-то удивительным. Говорили достаточно долго, поднялись к бывшей церкви и маленькому кладбищу. Договорились о том, что встретятся на другой день. Учитывая, что дом Ганнибала не сохранился в Петровском, зашел разговор о чертежах и планах имений, домов, усадеб, хранящихся в ленинградских, псковских и московских архивах, о возможной помощи аспирантов из ЛИСИ. Обсудили материалы архитектора В.А. Щуко, имевшиеся в наличии.

Рассуждали о том, как выглядели мостики через ручьи в Михайловском в пушкинские времена. Гейченко высказал предположение, что их (мостиков) могло и вовсе не быть: «Вообще, летом коров гоняли...» По весне ручьи, впадающие в Сороть, вздувались, летом пересыхали. Московским родственникам моей матери, из семьи Гойловых, известным историкам и журналистам, была отправлена почтовая открытка с рядом вопросов по архивным темам. Георгий Степанович Гойлов и его дочь, Георгина Буденная, сотрудница журнала «Музыкальная жизнь», впоследствии помогли с архивными материалами.

*В.В. Воронов. 1977 год.
Семейный архив Вороновых*

Набросок-эскиз мостиков. 1968 год. Из архива Вороновых

Отец пригласил Гейченко в гости в Ленинград. «Тогда уж лучше к фонтанам, в Петергоф», — усмехнулся хранитель. С.С. Гейченко рассказал отцу о местной воде прекрасного вкуса и истории ее употребления (?) со «славянских праправремен», вода эта даже, может быть, имела целебные свойства.

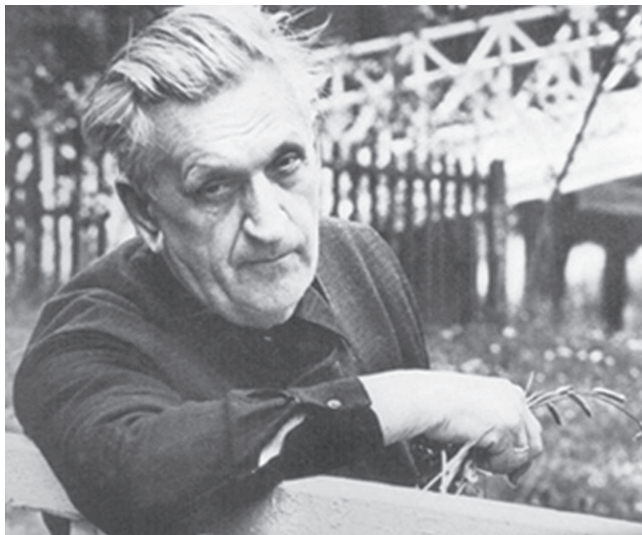
На следующий день посетили Святогорский монастырь, место погребения А.С. Пушкина. Отец услышал историю о том, как сложно было разминировать это святое для всех россиян место после освобождения от фашистских оккупантов. Речь зашла о создании путевой пушкинианы, музейного пути от Ленинграда до Пскова — Суйда, Выра, Рождествено, Луга, и т. д.; некий, как говорят сегодня, проект. Но все эти намерения остались в мире идей.

Тепло расстались. «Вам, Володя, надо стихи писать», — сказал отцу Семен Степанович. Отец вернулся в Ленинград. В том же году его призвали в армию после института, и следующая встреча состоялась только через семь лет. Живописные полотна предков найдены не были. Позднее, уже в начале 1970-х, одна картина — «Девушка со свечой», в катастрофическом состоянии — была случайно найдена, восстановить живописный лик не удалось. Демобилизовавшись, отец с легкой руки Гейченко стал экскурсоводом в ГМИЛ — Государственном музее истории Ленинграда и проработал 44 года на музейных объектах в Петропавловской крепости, крепости Орешек и т. д.

Вторая встреча состоялась спустя семь лет: турпоездка отца с группой в 1974 году, весточка, переданная им для С.С. Гейченко от ленинградского поэта Михаила Дудина хранителю Лукоморья, лестный отзыв Гейченко о Тынянове: «Он, пожалуй, пушкинист из первых» (были,

*Г.С. Гойлов. 1950-е годы.
Московский архив Гойловых-Буденных*

*С. С. Гейченко.
1980–1990-е годы.
Фото А. Глазова и А. Петрова (?)*

В мастерской М.К. Аникушина. 1974 год. Из архива Вороновых

оказывается, знакомы до войны). Говорили о том, будут ли памятники Ганнибалу, Пушкину в Заповеднике.

Папа после той встречи с С.С. Гейченко в Пушкинских Горах водил меня в мастерскую скульптора М.К. Аникушина в Ленинграде. Речь шла, в том числе, о проекте памятника для усадьбы-музея в Пушкинском Заповеднике. Михаил Константинович тогда работал над памятником А.П. Чехову и монументом Победы на Средней Рогатке. Добрейший Михаил Константинович позволил мне из глины изваять нечто похожее на человечка. «Пусть Саша поступает в художественную школу», — запомнились слова, напутствие мэтра. Скульптурных эскизов Пушкина, Ганнибала и даже няни, Арины Родионовны, исполненных в пластилине (?), в мастерской было много. Говорили о Пушкинских Горах. Запомнился неповторимый дух влажной глины, волшебный дух творчества ваятеля...

Наконец, в 1988 году в Кировском (Мариинском) театре в Ленинграде я первый и последний раз видел творческих гениев вместе, на балетном спектакле. Пригласил всех участников повествования великолепный дирижер Виктор Андреевич Федотов. Причем М.К. Аникушин сидел в первом ряду партера, а мы вместе с Гейченко и отцом в ложе директора. Общались в перерыве и после спектакля в будуаре дирижера. Легендарным пушкинистом, Хранителем, Семеном Степановичем

Книга С.С. Гейченко, подаренная автору. 1988 год. Библиотека Вороновых

Гейченко нам была подарена книга «В стране, где Сороть голубая...». Впечатления кружили голову: еще бы, два Героя Социалистического Труда, живые классики, причем Семен Степанович звезду, как я помню, не носил. Я был просто слушателем, смущался и волновался самому факту такого соприсутствия.

Вкратце это, пожалуй, всё. Остались записи. Учитывая, что мемуарные материалы разбросаны и хранятся в разных семьях, сложно собрать всё воедино. «Je suis», как любил повторять Семен Степанович Гейченко. Je suis ta mémoire restante.

МУЗЕЙ ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ: ПРОЕКТЫ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА ДЛЯ СЕМЕЙНОЙ АУДИТОРИИ

Основополагающие направления деятельности музея — хранение, изучение, экспонирование коллекций. Не менее важно взаимодействовать с теми, кто приходит в музей. Это могут быть случайные посетители и те, кто следит за жизнью музея, интересуется выставочной, лекционной, экскурсионной работой.

Обычно на обзорных экскурсиях нет возможности подробно говорить об истории бытования представленных предметов или работать с текстами литературных произведений, анализируя которые можно было бы подвести слушателя к пониманию заложенных смыслов. Как правило, цель обзорных экскурсий — создавать впечатление, настроение, вызывать интерес и желание вернуться. В современном музее для «вернувшегося» посетителя роль пассивного слушателя не всегда актуальна, для многих становится важно найти ответы на вопросы, разобраться в теме, выстроить диалог с музеем.

Всегда остается актуальным поиск новых форм работы, особенно с подрастающим поколением. Сотрудники заинтересованы в том, чтобы взаимодействие с этой категорией посетителей было поэтапным и носило долговременный характер. Целевой аудиторией всё чаще становятся семьи с детьми. Деятельность, направленная на семейную аудиторию, помогает популяризировать музеи и их коллекции, «растить» новые поколения посетителей, формировать интерес к новым знаниям. Кроме того, эта работа находится в согласии с обозначенными в сфере культуры приоритетами: она помогает восстановить и поддерживать связь между поколениями и способствует пониманию важности семьи.

Разрабатывая программы, необходимо учитывать, какие задачи ставят родители и дети, планируя совместное посещение музея. Это может быть желание найти информацию об экспозиции и теме, которой она посвящена. Возможно, для них важна образовательная задача или они хотят раскрыть свой творческий потенциал. Многие приходят в выходной день, следовательно, рассчитывают на отдых и общение. Зачастую

эти задачи тесно связаны между собой — в большей или меньшей степени всё это надеется найти посетитель.

Опыт показывает, что эффективность работы с такими группами зависит от количества участников: не более трех-пяти детей и трех-пяти взрослых. Это позволяет проводить качественную работу с семейной аудиторией, когда дети и взрослые могут равноценно принять участие в интерактивном занятии с включением диалогов.

Не следует забывать, что взрослые тоже любят играть. Им очень не хватает детских занятий, поэтому нельзя игнорировать желание родителей включаться в процесс. Они не должны оставаться пассивными наблюдателями. Действительно, родители, активно участвуя в занятиях, помогают детям в их творчестве, проявляя свою собственную фантазию.

В итоге встреча в музее проходит по-семейному тепло и душевно, а участники программы получают светлые и позитивные эмоции. Сюда хочется возвращаться, и для кого-то семейный поход в музей превращается в добрую семейную традицию.

Всероссийский музей А.С. Пушкина объединяет шесть музейных пространств: Музей «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество», Музей-квартира А.С. Пушкина, Музей-дача А.С. Пушкина, Мемориальный Музей-Лицей, Музей-квартира Н.А. Некрасова и Музей-усадебка Г.Р. Державина. В музеях проходят обзорные, тематические, театрализованные экскурсии, музейные занятия, на которых бывают родители с детьми самостоятельно или в рамках проектов.

Несколько лет назад в Музее «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество» была разработана тематическая экскурсия «Сказки сказывать мы станем». Из 17 залов экспозиции в этой программе задействованы шесть.

В начале занятия юным посетителям и их родителям предлагают представить себя исследователями и в процессе занятия выяснить, когда сказки были написаны поэтом, где он писал их, где находил сюжеты, что вдохновляло поэта на создание сказок.

Музейный сотрудник выстраивает диалог, выводит на рассуждения и самостоятельные выводы с использованием личного опыта и знаний. Во время занятия расширяется словарный запас, вводятся новые понятия, например, посетители узнают, кто такой «текстолог» и что изучает наука «текстология»; рассматривая представленные в экспозиции копии рукописей поэта, пытаются прочитать текст, написанный А.С. Пушкиным, и понимают, каким непростым был поэтический труд: несколько раз зачеркивая одну строку за другой, автор искал нужный вариант.

Используя факсимильное издание поэмы «Руслан и Людмила» 1820 года, сравнивают его с современным, находят отличия. И в этот процесс с удовольствием включаются и дети, и родители. Читают наизусть пролог к поэме «Руслан и Людмила» в сюжете об издании поэмы или вспоминая обстоятельства написания пролога в Михайловском. Не только дети, но и взрослые на таких занятиях учатся внимательно слушать литературный текст и понимать слова, образы, метафоры.

Полученные знания посетители могут применить, играя в литературные игры в конце программы. В процессе одной игры они повторяют названия сказок, вспоминают героев. В другой игре звучит слово поэта: с помощью карточек с цитатами дети читают небольшие отрывки из сказок А.С. Пушкина, соотнося их с героями и предметами, которые демонстрирует сотрудник.

В Музее «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество» сказочная тема зрительным рядом почти не представлена. Есть портрет Арины Родионовны, со слов которой были записаны сказочные сюжеты в Михайловском, автоиллюстрации к «Сказке о попе и работнике его Балде» и титульный лист к «Сказке о золотом петушке». Поэтому на этой экспозиции больше говорим об истории создания сказок, и эта тема не менее увлекательна и интересна для слушателей разных возрастов.

Об этом свидетельствуют отзывы юных посетителей и их родителей после занятия. Все отмечают доброжелательную атмосферу, признаются, что не чувствовали усталости, «с интересом выполняли задания, расшифровывали рукописи и старались с пользой провести время в музее». Кому-то было «приятно на фоне рассказа вспомнить свое детство», кто-то для себя «открыл новые грани в творчестве поэта», а «сказочные персонажи, знакомые с детства, в новой музейной интерпретации предстали в совершенно ином свете». Другим понравилось, как занятие «помогло погрузиться в атмосферу сказок»

В декабре 2025 года в Восточном корпусе Музея-усадьбы Г.Р. Державина была открыта временная выставка «Сказки и сказочники», где представлены подлинные иллюстрации к сказкам поэта из фондов Всероссийского музея А.С. Пушкина. Эта выставка продолжает свою работу и сейчас. На выставке есть возможность увидеть шедевры из коллекции музея и узнать, как художники в разное время видели героев пушкинских сказок. После интерактивной экскурсии проходит мастер-класс, в котором участвуют дети и родители. Так получилось, что в Музее «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество» посетители узнают историю

создания сказок, а на временной выставке в усадьбе Г.Р. Державина больше говорят о героях, чудесах, сказочных событиях, то есть рассматривают сказку как бы изнутри.

Еще один проект музея, рассчитанный на семейную аудиторию, — интерактивная экскурсия «Не дом, а игрушечка!» в музее «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество».

В конце 2024 года по инициативе заведующей отделом «Музей-Квартира А.С. Пушкина» и «Музей «А.С. Пушкин. Жизнь и творчество» Г.М. Седовой в некоторые залы были внесены экспозиционные изменения. В результате появилась возможность подготовить занятие, посвященное одному экспонату музея, а именно уникальному «Домику Нащокина». Необходимость в этом появилась давно: в обзорной экскурсии не получалось детально рассмотреть этот уникальный экспонат и подробно поговорить о нем. Посетители тематических экскурсий видели Домик на выходе из музея. Он привлекал внимание, интриговал, вызывал вопросы. Была разработана экскурсия, название которой взяли из повести писателя, кишиневского знакомого А.С. Пушкина — А.Ф. Вельтмана.

В этой программе экскурсоводы затрагивают несколько тем: семья московских друзей поэта Нащокиных, дружба с П.В. Нащокиным, создание в миниатюре домика со всеми находящимися в нем предметами, история бытования «Домика».

Нащокинский домик — бесценная реликвия пушкинской поры. Поэт видел домик и восхищался им, упоминал в письмах из Москвы к жене.

Глядя на интерьеры, пытаемся с посетителями представить обстановку, в которой «чуть ли не ежедневно собиралось разнообразное общество... иногда являлись заезжие петербургские друзья, в том числе и Пушкин»¹.

Посетители узнают об уникальности уменьшенных копий внутреннего убранства, о возможности пользоваться трубками, фортепьяно, пистолетами и т. д., выполненными в масштабе 1:5, о причастности известных мастеров того времени к изготовлению предметов убранства.

Из многообразия экспонатов экскурсовод по своему усмотрению делает акцент на отдельных предметах. Важно, рассказывая о вещах,

---

¹ Куликов Н.И. А.С. Пушкин и П.В. Нащокин // Русская старина. 1880. № 12. С. 992.

не превратить занятие в перечисление предметов, а вспомнить сюжеты, связанные с А.С. Пушкиным, его произведениями, с семьей Нащокиных, с московским окружением поэта 1830-х годов.

Занятие проходит в игровой интерактивной форме. Для вовлечения посетителей в процесс экскурсовод использует дополнительные объекты показа: портреты, иллюстрации к произведениям поэта, некоторые современные предметы в натуральную величину, аналогичные представленным в «Домике Нащокина».

Об этом занятии один из посетителей оставил отзыв: «Экскурсия замечательная... Дети не просто слушают, а рассуждают, делают выводы, что очень глубоко остается в памяти и формирует личность».

Завершается занятие в последнем зале экспозиции рассказом «об исключительном личном благородстве» поэта, которое выражалось «в его способности к верной и бескорыстной дружбе»². Среди тех, для кого память о Пушкине была священна, — П.В. Нащокин, по его заказу скульптор И.П. Витали выполнил бюст поэта, представленный в последнем зале. Нащокин — один из тех, кто хранил память о поэте, оставил о нем воспоминания. Благодаря П.В. Нащокину появилась удивительная записка, которая «дорога нам как почти живое свидетельство той обстановки... и в то же время внимательной и истинной дружбы — словом, той среды, в которой попросту и так охотно жил Пушкин»³.

Успех любого музейного проекта зависит от мастерства экскурсоводов, сотрудников, специалистов, которые, виртуозно владея словом, создают эффект полного погружения в атмосферу пушкинской эпохи. Они доносят сложные литературные образы до слушателей простым и понятным языком. Каждая произнесенная в залах музея цитата из произведений, писем поэта, воспоминаний его современников звучит ярко и эмоционально. Такой подход к проведению музейных занятий и экскурсий позволяет не просто знакомиться с экспонатами, а дает возможность почувствовать дух времени и творческий настрой поэта. А «сочетание исторических фактов с литературными образами делает рассказ не только познавательным, но и эмоционально насыщенным», и слушатели хотят еще раз «посетить музей, где можно ходить часами»⁴.

---

² Булгаков С.Н. Жребий Пушкина // Новый град. 1937. № 12. С. 24.

³ Куприн А.И. Фараоново племя // А.И. Куприн. Полное собрание сочинений. В 9 т. СПб., 1912–1915. Т. 7. С. 16.

⁴ Из отзывов посетителей.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ А.С. ПУШКИНА С МАТЕРЬЮ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА

В истории академической пушкинистики утвердилось представление о А.С. Пушкине как о нелюбимом ребенке в семье. Первый биограф поэта П.В. Анненков в «Материалах к биографии Пушкина» писал: мать Надежда Осиповна «не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну»¹. В XX веке эта биографическая деталь закрепляется у Ю.М. Лотмана: «Нелюбимый ребенок в родной семье, равно и неравномерно развивающийся, Пушкин-юноша, видимо, был глубоко неуверен в себе»². В комментаторской практике даже появляется тенденция к поправке биографических сведений, в которых, по мнению исследователей, сознательно замалчивается настоящее отношение родителей к сыну. Так, в комментировании воспоминаний сестры поэта Ольги Сергеевны, в замужестве Павлицевой, Я.Л. Левкович отмечает: «Воспоминания О.С. Павлицевой были записаны по просьбе П.В. Анненкова с ее слов Н.И. Павлицевым в 1851 году. В них несколько сглажены семейные отношения в доме Пушкиных, не упоминается, что поэт рос нелюбимым ребенком, и тем не менее это самое значительное, что мы имеем о его детстве»³.

Закрепленные в биографической пушкинистике сведения часто транслировались и на дальнейшие отношения между поэтом и родителями, в том числе акцентировалось внимание на сложности общения Пушкина с матерью Надеждой Осиповной. Например, в комментаторском своде, который появился в результате работы пушкинистов над шеститомным Полным собранием сочинений писателя, — «Путеводителе по Пушкину» — помещена сухая справка, соотносимая с утвердившейся линией сложных отношений близких людей: «ПУШКИНА Надежда Осип. (1775–1836), р. Ганнибал — мать Пушкина. Едва ли не единственными фактами их отношений были не давшие результатов обращения ее

¹ Анненков П.В. Материалы для биографии Пушкина. М., 1984. С. 40.

² Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарии. СПб., 2003. С. 36.

³ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И., Иезуитова Р.В., Левкович Я.Л. Комментарии // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. В 2 т. Т. 1. С. 444.

к Александру I в 1825 году и Николаю I в 1826 году о помиловании поэта, бывшего в ссылке в с. Михайловском. После смерти матери П[ушкин] отвез ее тело для погребения в Святогорский монастырь»⁴. Между тем, даже в столь сухих сведениях можно увидеть важные акценты взаимоотношения родных людей. Во время ссылки сына в Михайловском мать не остается безучастной к его судьбе и дважды пишет прошение за него: сначала императору Александру I, а позже, после смерти императора, взошедшему на престол Николаю I.

Отдельно стоит упомянуть энциклопедический свод о современниках Пушкина Л.А. Черейского, где история взаимоотношений поэта с матерью представлена не столь однозначно: «Отношение ее к старшему сыну с детских лет было довольно холодным. По словам О.С. Павлицевой, Н.О. П[ушкина] не скрывала предпочтения, которое она оказывала сперва дочери, а потом младшему сыну — Льву. Позднее, судя по письмам к дочери (1828–1835), отношения ее с Пушкиным значительно улучшились»⁵.

Материнское участие в судьбе детей может стать отдельной темой, которая, как представляется, должным образом еще не осмыслена в пушкинистике. Так, показательным является пример реакции на своевольное решение дочери Пушкиных Ольги выйти замуж за Н.И. Павлицева вопреки воле родителей. В этой непростой ситуации, по воспоминаниям А.П. Керн, ей и старшему сыну Александру Надежда Осиповна поручает «принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлицева и сестру Пушкина Ольгу»⁶. В сложившихся обстоятельствах сестру поддерживает брат Александр. Мать, конечно, переживает и хоть вынужденно отстраненно, но принимает деятельное участие в подготовке к венчанию: дает свою карету А.П. Керн и просит ее благословить новобрачных: «Мать Пушкина, Надежда Осиповна, вручая мне икону и хлеб, сказала: «Remplacez moi, chère amie, avec cette image, que je vous confie pour béni ma fille!» (франц. «Заместите меня, дорогой друг; вот я доверяю вам эту икону — благословить дочь мою от моего имени»). Я с гордостью приняла это поручение и с умилением его исполнила»⁷.

⁴ Путеводитель по Пушкину. М. ; Л., 1931. С. 301.

⁵ Черейский Л.А. Пушкина Н.О. // Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение / отв. ред. В.Э. Вацуру. 2-е изд. Л., 1989. С. 353.

⁶ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. I. М., 1985. С. 429.

⁷ Там же.

В данной публикации предлагается пересмотреть утвердившиеся биографические аксиомы и обратить внимание на те факты, которые позволят представить историю взаимоотношений А.С. Пушкина с матерью с учетом разных, часто непростых, жизненных обстоятельств.

Брак родителей поэта Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных продлился почти 40 лет. В этом браке родилось восемь детей. Старшие Ольга (1797 года рождения) и Александр (1799) — погодки с разницей в полтора года — были очень дружны, особенно в детстве. В 1801 году у Пушкиных родился сын Николай⁸, а через четыре года в 1805 — Лев⁹. Из восьми детей только трое — Ольга, Александр и Лев — составили основу продолжения рода Пушкиных.

Николай прожил всего шесть лет¹⁰. Его смерть станет первой семейной трагедией в череде последующих испытаний. В младенческом возрасте умирают София (по одной версии родилась в 1808¹¹ или 1809 году¹², по другой в 1818 (?) (1820? году)¹³), Павел (1810—...)¹⁴, Михаил (1811—...)¹⁵, Платон (1817—1819)¹⁶.

Возможно, запомнившееся близким людям долгое молчание Надежды Осиповны («рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год»¹⁷) было не только и не столько наказание, сколько острое переживание сложных жизненных обстоятельств: к моменту поступления Александра Пушкина в Лицей семья будущего поэта переживала одну трагедию за другой. Всё это выпадает на период детства Ольги, Александра и Льва. В «Программе автобиографии», составленной, очевидно, в 1830 году, Пушкин

---

⁸ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Л., 1991. С. 21.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 32, 34.

¹² Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 354.

¹³ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 173.

¹⁴ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 34, 35; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 351.

¹⁵ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 43; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 351.

¹⁶ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 150; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. С. 351.

¹⁷ Вересаев В. Пушкин в жизни. В 2 т. М., 1992. С. 29.

отмечает важные эпизоды, связанные с родительской семьей: рождение сестры Ольги, рождение брата Льва, смерть брата Николая (XII, 307–308; 471).

А.С. Пушкин, составляя план автобиографии, мыслит теми же категориями, которые были сформированы внутрисемейными отношениями. Из дошедших до нас источников можно увидеть следующего рода закономерность: Надежда Осиповна стремилась объединить семью и собрать вместе всех детей. После поступления Александра в Лицей родные, по мере возможности, приезжали к юному лицеисту в Царское Село. Знаковыми являются отметки о посещении закрытого учебного заведения. Отец поэта Сергей Львович мог приезжать в Лицей и с семьей, и один. А мать стремилась воссоединить детей во время кратких приездов. Симптоматичны записи о ее посещении сына в «Летописи жизни и творчества Пушкина», основным источником для которых стали «Ведомости Лицея». В большинстве случаев Надежда Осиповна приезжает к Александру «с фамилией», привозит с собой дочь Ольгу и сына Льва. Приведем некоторые из этих записей: 21 января 1812 года Пушкина навещают родственники — «действительная статская советница Пушкина с детьми»¹⁸, 12 апреля 1814 года «Пушкина навещают мать и брат с сестрой»¹⁹, 26 апреля этого года в Лицей Надежда Осиповна приезжает с дочерью Ольгой, 7 и 21 июня — с Ольгой и Львом, 28 июня, 19 июля, 13 и 14 сентября мать навещает Александра с дочерью, 4 октября «Пушкина навещает мать «с фамилиею»²⁰. Примеры можно продолжить, они только укрепляют понимание того, как формировались семейные связи Пушкиных.

Важным фактом в творческой биографии поэта является его интерес к собственной родословной, для которой материнская линия, связанная с историей А.П. Ганнибала, играла ключевую роль. Девичью фамилию матери 15-летний Пушкин использует в качестве подписи под стихотворным подарком лицейскому другу И.И. Пуцину, когда в мае 1814 года дарит ему стихотворение «Козак (Подражание малороссийскому)» с надписью: «Любезному Ивану Ивановичу Пуцину от автора»²¹. Под стихотворением следует подпись — «А..... Аннибал-Пушкин»²².

---

¹⁸ Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Там же. С. 73, 76, 77, 80, 82.

²¹ Там же. С. 74.

²² Там же.

Публикуя в 1825 году первую главу романа «Евгений Онегин», автор сопровождает обширным биографическим комментарием одиннадцатый стих L строфы («Под небом Африки моей»): «Автор, со стороны матери, происхождения Африканского»²³. История рода Ганнибалов неизменно входит в сознание Пушкина через образ матери. Работая над своей биографией, он акцентирует внимание на материнской линии: «Родословная матери моей еще любопытнее» (XII, 311; 472). В этом контексте стоит обратить внимание на реакцию Пушкина на оскорбительную статью литературного оппонента Ф. Булгарина в «Северной пчеле» за 1830 год. В булгаринском «Втором письме из Карлова» содержится не только выпад против предка Пушкина Ганнибала²⁴, но и весьма болезненный намек на мать поэта: «Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата, или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц»²⁵. Введя в большой литературный контекст африканскую историю своего рода, Пушкин привлек внимание и к образу матери, чем воспользовался Булгарин в язвительной статье 1830 года. Парируя булгаринскую публикацию стихотворением «Моя родословная», в котором присутствуют только мужские генеалогические линии²⁶, Пушкин высвечивает подлость поступка литературного оппонента, оскорбившего не только поэта, но и его мать.

Важнейшим свидетельством взаимоотношений Пушкина с родителями и, в частности, с матерью, является переписка Н.О. и С.Л. Пушкиных с О.С. Павлищевой. Родители в письмах к дочери делаются переживаниями по поводу отсутствия вестей от сыновей, особенно это касается 1829 года, когда А.С. Пушкин отправился в действующую армию на Кавказ (творческим результатом этой поездки станет «Путешествие в Арзрум»), а Л.С. Пушкин участвовал в Рус-

---

²³ Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург: типография Департамента народного просвещения, 1825. С. 57.

²⁴ *Гиппиус В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 годах // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 241.

²⁵ *Гукасова А.Г.* Болдинский период в творчестве А.С. Пушкина. М., 1973. С. 40–41.

²⁶ *Афанасьева Э.М.* Генеалогические мотивы и онтология родового имени в стихотворении А.С. Пушкина «Моя родословная» // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 113–122.

ско-турецкой войне²⁷. 16 июля 1829 года Надежда Осиповна делится с дочерью: «Возле же Леона я вижу одни лишь опасности, тогда как он, быть может, благодушствует. Что до Александра, то не знаю, где его и искать, так что мысли мои уже более не розового цвета, как во время оно»²⁸. 12 августа этого же года она с тревогой сообщает О.С. Павлицевой: «Известие Дельвига об Александре и взятие Эрзерума сперва наполнили меня радостью, однако, момент спустя, эти розовые мысли уступили место другим. У меня совсем нет писем, я не знаю, где мои сыновья, одна лишь надежда на Провидение меня поддерживает, Небо их до сих пор хранило, смею надеяться, что увижу их живыми и здоровыми, может, этой зимой они приедут утереть мои слезы. Сейчас я нахожусь между надеждой и опасением»²⁹. В письме от 20 августа вновь ощутима материнская тревога: «Победы Паскевича нимало меня не успокаивают, я вздохну тогда лишь, когда буду иметь вести о твоих братьях; они так далеко, быть может, не могут писать, оно не утешительно. В немецкой газете говорят о мире, это счастье, на которое не смею надеяться. Весьма возможно, что гвардия вернется; раз она ничего там не делает, лучше ей оставаться в Петербурге»³⁰. Только вместе с получением писем от сыновей Надежда Осиповна успокаивается, и в этот момент отмечается важная деталь диалога с близкими: Н.О. Пушкина неоднократно делает списки писем сыновей и отправляет их дочери. Эта деталь эпистолярной культуры семьи поэта отмечена в письме от 22 августа 1829 года: «Наконец-то кончились мои тревоги о твоих братьях, мой добрый друг; мы только что получили письмо от Александра, список с коего тебе посылаю; я не могу расстаться с оригиналом — слишком счастлива его иметь. Если бы Господь возвратил тебе здоровье, кажется, больше мне нечего было бы желать. Это барон Дельвиг переслал нам его письмо — оно преисполнило нас восторгом. Можешь вообразить, каково было наше счастье, когда мы его читали»³¹. Письмо Н.О. Пушкиной от 1 октября 1829 года характеризует отмеченную ранее цельность семейного

---

²⁷ Мир Пушкина: Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольги Сергеевне Павлицевой. 1828–1835 (Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов). СПб., 2015. С. 27.

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ Там же. С. 65–66.

³⁰ Там же. С. 77–78.

³¹ Там же. С. 80.

мышления матери Пушкина — она стремится увидеть всех своих детей вместе: «Тороплюсь, мой добрый друг, послать тебе список еще с одного письма Александра, которое мы получили вчера. Как мне не терпится уехать отсюда, я думаю, твои братья скоро будут в Петербурге. Я так буду счастлива обнять вас всех троих за раз, дорогие мои дети!»³²

Еще один важный эпизод в истории взаимоотношений Пушкина с родителями (и Надеждой Осиповной, в частности) — лето — начало осени 1831 года. Это время, когда А.С. Пушкин с женой живет в Царском Селе в доме А.К. Китаевой³³, а Н.О. и С.Л. Пушкины, спасаясь от разбушевавшейся в Петербурге холеры, поселяются на даче Флейшмана в Павловске³⁴. Переезд старших членов семьи приходится на канун дня рождения Надежды Осиповны. В связи с тем, что родители поэта еще не успели обустроиться в Павловске, день рождения Н.О. Пушкиной (21 июня) они празднуют у сына с невесткой³⁵ в Царском Селе. Очевидно, это один из самых теплых периодов общения Пушкина с родителями. Старшие члены семьи навещают молодоженов, а А.С. Пушкин совершает продолжительные прогулки до Павловска, чтобы повидаться с родными людьми. Тревоги в семейную идиллию вносит переживание за О.С. Павлицеву, которая осталась в холерном Петербурге.

Особенно трогательно раскрывается история взаимоотношений родных людей в сложнейший период болезни Н.О. Пушкиной. С 1834 года состояние Надежды Осиповны начинает ухудшаться. В следующем, 1835 году, в письмах О.С. Павлицевой неоднократно говорится о том, что мать больна и находится при смерти³⁶. В марте 1836 года для родных приходит осознание неизбежного исхода. В письме к мужу от 11 марта 1836 года Ольга Сергеевна признается: «Матери очень пло-

---

³² Мир Пушкина: Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольги Сергеевне Павлицевой. 1828–1835 (Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов). С. 105.

³³ Гордин А.М. Музей-дача А.С. Пушкина в доме Китаевой (г. Пушкин). Л., 1959.

³⁴ Мир Пушкина: Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольги Сергеевне Павлицевой. С. 122.

³⁵ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 4 т. / сост. Н.А. Тархова; науч. ред. Я.Л. Левкович; худож. В.В. Медведев. Т. 3. М., 1999. С. 350.

³⁶ Мир Пушкина: Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольги Сергеевне Павлицевой. С. 395.

хо, может быть, жить ей всего несколько дней», и здесь же сообщает, что «Александр является только изредка», но следом за этой подробностью с облегчением признается: «Счастье, что Александр не уехал, как собирався»³⁷. А.П. Керн вспоминает, как встретила Пушкина с женой у родителей, «незадолго до смерти матери и когда она уже не вставала с постели... они сидели рядом на маленьком диване у стены, и Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью, а Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как будто тем выражая ласку к жене и ласку к матери. Он при этом ничего не говорил»³⁸. Приятельница Пушкина баронесса Е.Н. Вревская, дочь соседки по Тригорскому П.А. Осиповой, отмечала чрезвычайную привязанность поэта к матери, но уточняла, что Надежда Осиповна предпочитала старшему сыну младшего. Е.Н. Вревская оставила свидетельства о последних месяцах жизни матери Пушкина: «...последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить»³⁹. Надежда Осиповна скончалась на Пасху 29 марта (по старому стилю) 1836 года в возрасте 60 лет. А.С. Пушкин — единственный из детей — сопроводил тело матери до кладбища Святогорского монастыря, где Надежда Осиповна нашла последний приют.

В заключение следует отметить, что утвердившееся в академической пушкинистике представление о Пушкине как о нелюбимом ребенке в семье существенным образом корректируется на основе биографических фактов, эго-документов и творчества писателя. Н.О. Пушкина прививала детям основы дворянского воспитания, светского этикета, но самое главное — она постоянно стремилась объединить семью. Это особенно заметно в период обучения Александра в Лицее, когда Надежда Осиповна неоднократно приезжает в Царское Село к сыну с дочерью Ольгой и младшим сыном Львом.

Возможно, дошедшие до нас сведения о строгом характере Н.О. Пушкиной и ее склонности к т. н. «наказанию» детей молчанием обусловлены цепью семейных трагедий, которые выпали на период детства А.С. Пушкина.

³⁷ *Вересаев В.* Пушкин в жизни. В 2 т. М., 1992. С. 175.

³⁸ Там же. С. 176.

³⁹ Там же. С. 178.

Обратив внимание хотя бы на немногие эпизоды семейной жизни Пушкиных, можно увидеть совершенно новый облик «прекрасной креолки», как называли Надежду Осиповну в светском обществе. Ее письма проникнуты тревогой за судьбы Александра и Леона в тот момент, когда никто из родных не получает от них вестей. И в то же время ее мечта «обнять всех своих детей» создает представление о семейной гармонии. Мать хлопочет за Пушкина и перед Александром I, и перед Николаем I, чтобы вызволить старшего сына из михайловского заточения. И даже в тот момент, когда дочь решается выйти замуж без родительского согласия, Надежда Осиповна находится рядом — препоручая А.С. Пушкину и А.П. Керн важнейшую миссию благословения молодоженов перед иконой.

Периодом наибольшей гармонии отношений поэта с родителями стал 1831 год, когда А.С. и Н.Н. Пушкины находились в постоянном диалоге со старшими членами семьи, встречаясь с ними то в Царском Селе, то в Павловске.

Биографическая проза и поэзия А.С. Пушкина во многом транслируют тот уклад, который был сформирован внутри семьи — большей частью благодаря Надежде Осиповне. Поэт мыслил себя не только в контексте масштабных генеалогических переплетений Пушкиных и Ганнибалов, но и в тесной связи с самыми близкими родственниками, в том числе с родителями, сестрой и братом.

ОБРАЗ ПУШКИНА В МУЗЕЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Имя Пушкина для зарубежной России стало символом утверждения ее национальной идентичности и вместе с тем — символом объединения русского рассеяния. Именно в Пушкине русские изгнанники видели противовес инерции энтропии и распыления и одновременно альтернативу «слишком не пушкинскому времени», как определил литературный критик Юлий Айхенвальд эпоху кризиса гуманизма¹, который охватил Европу и Советскую Россию в 1930-е годы. Писатели, мыслители, художники, общественные деятели первой пореволюционной волны русской эмиграции навсегда увековечили образ поэта глубокими и точными определениями. «Образ совершенства», как назовет Пушкина выдающийся историк и филолог Петр Бицилли («Образ совершенства»); «великий гуманист, в каком-то смысле, может быть, даже единственный», как заметит Георгий Федотов («О гуманизме Пушкина»); «солнечный центр нашей истории», как метафорически определит поэта Иван Ильин («О России. Три речи»); «основа той отнесенности русской литературы... к высокому и святому, которое навсегда осталось... ее подлинной мерой, ее внутренним судом», как потом скажет о явлении Пушкина выдающийся богослов протоиерей Александр Шмеман («Основы русской культуры»); или «воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса», — образ Пушкина по формуле Ивана Бунина («Думая о Пушкине»).

Пожалуй, самой значимой культурной акцией русского зарубежья стал легендарный День русской культуры, символически приуроченный ко дню рождения Пушкина. Замысел празднования Пушкинских дней, впоследствии получивших особое значение в русском зарубежье, возник еще в конце 1920 года у членов петроградского «Дома литераторов», и именно с этих событий вел свою летопись, на что указывал, в частности, Владислав Ходасевич, один из членов организационного комитета². В оргкомитет также вошли Александр Блок, Анна Ахматова, Николай Гумилев, Михаил Кузмин. Именно тогда в Доме литераторов

---

¹ Айхенвальд Ю.И. Великой памяти (К 125-летию рождения Пушкина) // Сегодня. 1924. № 129 (8 июня). С. 4.

² Ходасевич В.Ф. К истории «Дней русской культуры» // Возрождение. 1927. № 736 (8 июня).

на пушкинском вечере 11 февраля 1921 года был сделан знаковый доклад Блока «О назначении Поэта», а 14 февраля Ходасевич в речи «Колеблемый треножник» произнес слова, ставшие для русского зарубежья пророческими: «...Наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования отчасти, мне думается, подсказано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке»³. В 1922 году «Дом литераторов» был закрыт. В том же году скончался Александр Блок, был расстрелян Николай Гумилев, а Владислав Ходасевич оказался в изгнании.

Идея празднования Пушкинских дней получила свое продолжение на чужбине, и этому празднику было суждено стать одной из самых масштабных культурных акций зарубежной России. Идея широко отмечать Пушкинский день возникла в Эстонии в 1924 году. Здесь 26 мая по старому стилю, в день рождения Пушкина, впервые был устроен День русского просвещения. Начинание поддержали другие страны, и в октябре того же года на совещании, устроенном Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей в Праге, было принято решение о ежегодном праздновании Дня русской культуры. Проект внес бывший участник Пушкинского семинария Семена Венгерова при Петербургском университете, автор исследований о Пушкине Альфред Людвигович Бем, именно он и предложил закрепить за праздником историческое название «День русской культуры», сделать его ежегодным и приурочить ко дню рождения Пушкина по новому стилю.

А уже в 1925 году, в Праге был учрежден специальный «Комитет Дней русской культуры», который возглавила графиня Софья Панина⁴.

---

³ Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник // В.Ф. Ходасевич. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 85.

⁴ См.: День русской культуры: Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 году / сост. Н.А. Цуриков. Прага, 1926. См. об этом: Кузина Г.А. Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 46–57; Магидова М. Традиция Дня русской культуры // Зарубежная Россия. [Кн.1.] СПб., 2000. С. 289–295; Петрушева Л.И. А.Л. Бем и День русской культуры // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост. и науч. ред. М.А. Васильева. М., 2008. С. 270–281; Миклуленок А.А. День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924–1939 годах // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 77–82; Серапионова Е.П. Софья Владимировна Панина: Чехословацкий период жизни (1924–1938) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. В 2 ч. Ч. 2. М.; Калининград, 2019. С. 207–210.

В том же году День русской культуры отмечался в 13 странах русского рассеяния (Болгарии, Королевстве СХС, Латвии, Польше, США, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии и других странах). А вскоре традицию поддержало всё русское зарубежье. В 1926 году праздник охватил более 70 городов на четырех континентах (в Европе, Азии, Африке и Америке).

Однодневная газета «День русской культуры», вышедшая в Париже 8 июня 1926 года, была полностью посвящена Пушкину, а ее авторами стали выдающиеся эмигрантские писатели: Борис Зайцев, Дмитрий Мережковский, Владислав Ходасевич и другие. «Этот новый сотворенный праздник создан в наших гражданских святцах стихийно с общего согласия разбросанных по всему миру русских», — говорилось на страницах издания.

«Единственное торжество, объединяющее всё рассеяние, всю Зарубежную Россию и олицетворяющее его культурное единство» — так скажет о Дне русской культуры Петр Евграфович Ковалевский⁵. Как заметил Никита Струве в статье «Русская эмиграция и Пушкин»: «Эмиграции... необходим был символ, потребность ощутить нечто высшее, что могло бы над партиями соединить эмигрантов между собой и всех их в совокупности с потерянной родиной. «День русской культуры» был задуман и как оружие [борьбы] с денационализацией, грозившей не только эмигрантским детям, но и всему русскому народу»⁶.

В апреле 1927 года в Париже — главной эмигрантской столице — был создан Центральный комитет Дня русской культуры, председателем которого стал выдающийся российский адвокат и политический деятель Василий Алексеевич Маклаков, бывший министр внутренних дел, член Государственной думы II, III и IV созывов, общественный деятель, имевший большой вес в общественной жизни зарубежной России. Вот слова из его речи: «Днем, который ни в ком не может вызвать ни сомнения, ни разногласия, днем радостным, торжественным, полным исторического смысла эмиграция выбрала день рождения того мирового гиганта, которого мы счастливы иметь право назвать национальным поэтом — день рождения Пушкина»⁷.

---

⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 118.

⁶ *Струве Н.А.* Русская эмиграция и Пушкин // Н.А. Струве. Православие и культура. М., 1992. С. 207.

⁷ Пушкин. 1837–1937. [Однодневная газета.] Париж. 8.02.1937.

Апогеем грандиозного эмигрантского «пушкинского проекта» стал 1937 год — 100-летие со дня гибели поэта. По меткому замечанию Никиты Алексеевича Струве, «ежегодные и повсеместные «дни русской культуры» подготовили эмиграцию к достойному чествованию 1937 года»⁸.

Пушкинский год действительно готовился заранее. Как вспоминал член Пушкинского комитета, известный танцор и хореограф Серж Лифарь в книге «Моя зарубежная пушкиниана», «в середине тридцатых годов было положено начало тому, что получило впоследствии название «Пушкинского комитета», деятельность которого, несомненно, оставила крупный след в пушкиноведении»⁹. Центральный Пушкинский комитет был создан 26 февраля 1935 года в Париже, возглавил его также В.А. Маклаков, в президиум Комитета вошли Иван Бунин, Павел Милюков, Михаил Федоров (товарищи председателя) и Григорий Лозинский. Международный состав Комитета был представлен такими именами, как Луи Бертран, Жорж Леконт, Франсуа Мориак, Поль Валери — Лифарь называет 38 имен.

Из протокола № 9 заседания Пушкинского комитета от 14 октября 1937 года следует, что Комитет ставил цель «обеспечить характер всемирности чествования величайшего не только русского, но и мирового поэта»¹⁰. Согласно данным Пушкинского комитета, Пушкинский год отмечался во всех пяти частях света — всего в 42 государствах и в 231 городе. Участие в торжествах приняли не только комитеты, созданные по инициативе Центрального Пушкинского комитета в Париже, число которых по данным Лифаря достигло 166, но и различные русские и иностранные организации. Однако по прилагаемому к протоколу списку Пушкинских комитетов и организаций, чествовавших Пушкина в 100-летнюю годовщину со дня его смерти, таких комитетов было больше (по документам ЦПК, отложившимся в Римском архиве Вяч. Иванова, около 250¹¹). В Югославии — 15, в Чехословакии — 18, во Франции — 23, в США — 28, в Польше — 38.

⁸ Струве Н.А. Русская эмиграция и Пушкин. С. 208.

⁹ Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. Париж, 1966. С. 32.

¹⁰ См.: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). Т. I. М., 2000. С. 60–61.

¹¹ Об этом: Шишкин А.Б. Введение к пушкинским юбилеям // Международный научный симпозиум «Первая волна русской эмиграции: культ и повседневность» (симпозиум № 2). Будапешт, Научно-исследовательский и методический центр русистики Университета имени Лоранда Этвеша (1–2 апреля 2021 года) [Электронный ресурс: <https://russtudies.elte.hu/en/content/2.t.18950>].

Особенно торжественно пушкинские празднества развернулись во Франции. По мнению М.Д. Филина — составителя двухтомного издания «Центральный Пушкинский комитет в Париже» (М., 2000), «эмигрантский праздник Пушкина и задумывался, и осуществлялся не только как грандиозное культурное мероприятие, но и как политическая акция — самая крупная политическая акция за всю историю зарубежной России», между тем «надлежащий идеологический сценарий был выработан, однако этим всё и ограничилось...»¹², а наиболее значимым, по мнению исследователя, и, пожалуй, единственным историческим событием в деятельности комитета стала выставка «Пушкин и его эпоха». Критическая оценка Филина сегодня может быть подвергнута если не пересмотру, то частичному переосмыслению с учетом архивных разысканий, посвященных Пушкинским дням 1937 года (в т. ч. по материалам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ))¹³. Многие из этих материалов свидетельствуют не только о внушительной работе Центрального Пушкинского комитета в Париже и Франции, но также о работе с многочисленными пушкинскими комитетами на местах. В то же время критическое суждение составителя для нас важно как подтверждение особого места и значения выставки «Пушкин и его эпоха» в контексте знаменательной пушкинской даты.

Выставка прошла с марта по апрель 1937 года в Париже в фойе зала Плейель. Ее основу составили предметы из личной коллекции Сержа Лифаря — члена Центрального Пушкинского комитета, идейного вдохновителя и организатора выставки и автора книги «Моя зарубежная пушкиниана», которую можно назвать, пожалуй, самой полной хроникой

---

¹² *Филин М.Д.* От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). Т. I. С. 24, 28.

¹³ См., напр.: *Солдатова Л.М.* Пушкинский юбилей 1937 года за рубежом: (Литература и политика) // Россия в контексте мировой культуры. СПб., 2000. С. 256–271. (Труды; Т. 152); *Солдатова Л.М.* Пушкинский юбилей 1937 года за границей. Литература и политика (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Русская литература. 2007. № 3. С. 201–214; *Муромцева Л.П.* Праздники и памятные даты в жизни российской эмиграции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 6. С. 92–115; *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 119–138; Чествование памяти Пушкина // От Сталина до Путина: 60 лет российской истории на страницах «Русской мысли». Париж; М., 2008.

деятельности Центрального Пушкинского комитета. Выставка вызвала многочисленные восторженные отзывы в парижской и мировой печати.

В журнале «Vogue» была напечатана статья, в которой говорилось: «Трудно представить себе ансамбль более разнообразный, более пленительный и более воскрешающий эпоху, который был предложен восхищенному любопытству многочисленных посетителей»¹⁴.

Этот интерес, по словам Сергея Лифаря, дал ему право и даже отчасти обязывал систематизировать для истории всё то, что было сделано для всемирного прославления Пушкина.

«Мне удалось собрать множество экспонатов исключительного значения и интереса, и уже теперь можно говорить, что наша скромная выставка будет достойным имени Пушкина чествованием его памяти, — писал в обращении к эмигрантской общественности Сергей Лифарь. — От русских людей, находящихся в заграничном рассеянии, зависит, чтобы эта выставка была бы еще более значительной манифестацией русской культуры за границей, и поэтому я обращаюсь с горячим призывом ко всем без исключения русским людям, владеющим какими-либо реликвиями, касающимися Пушкина и его эпохи, поспешить с доставкой сведений о них по адресу администрации выставки. Прошу все русские периодические издания перепечатать настоящее обращение и, в частности, помочь также в собирании юбилейной пушкинской литературы, появившейся в разных странах за последнее время»¹⁵.

Многие экспонаты уникальной выставки потом были переданы в Россию. Часть документов и реликвий, связанных с этими памятными событиями, непосредственно с выставкой «Пушкин и его эпоха» и подготовкой издания «Моя зарубежная пушкиниана», сегодня хранятся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, представлены в его музейном пространстве и составляют основу пушкинского контента постоянной экспозиции. В Дом русского зарубежья они были переданы в 2014 году невесткой выдающегося балетмейстера Марией Ивановной Лифарь.

Это брошюра с программой гала-концерта к столетию со дня смерти А.С. Пушкина; пригласительный билет на торжественное собрание памяти Пушкина в зале Иена, организованное Центральным Пушкинским комитетом 21 февраля 1937 года, на котором выступали Василий Макла-

---

¹⁴ Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 51.

ков, Иван Шмелев, Дмитрий Мережковский, Михаил Федоров и другие; портрет Пушкина работы Ю.П. Анненкова (картон, перо, тушь), который украсил книгу Лифаря «Моя зарубежная пушкиниана» (Франция, 1937). Однако помимо экспонатов, напрямую связанных с 1937 годом, в Дом русского зарубежья были переданы артефакты из личных коллекций; их владельцы — наши соотечественники, к которым и обращался в своем воззвании Лифарь с просьбой пополнить выставку «какими-либо реликвиями, касающимися Пушкина и его эпохи». Их уникальность — в многосложной истории сбережения и прихотливой навигации по миру. Здесь не только коллекционные предметы, но порой — растиражированные юбилейные «сувениры», с практической точки зрения лишь обременявшие скромную поклажу беженца в дни Русского Исхода. И вместе с тем — это бесценные реликвии, впитавшие память о России. Среди них: созданный на фабрике Товарищества Даниловской мануфактуры памятный платок к 100-летию юбилею А.С. Пушкина (Российская империя, 1899); чайная чашка из кузнецовского сервиза «В память 100-летнего юбилея дня рождения А.С. Пушкина» (Российская империя, 1899), которая послужила тематическим центром раздела «Литературная гостиная»; различные юбилейные издания. Дополняют собрание Лифаря предметы из других коллекций: памятная медаль к 100-летию юбилею со дня рождения А.С. Пушкина (Российская империя, гравёр и резчик М. Скуднов, 1899, передано РИО в Австралии); памятные жетоны выпускников Императорского Александровского лицея (Российская империя, 1890-е, передано ФНРЗ); настольный гипсовый бюст А.С. Пушкина (Латвия, 1930-е, дар Н.А. Рубцовой) и другие предметы.

Артефакты отсылают нас к истокам пушкинских дней в русском зарубежье, к идее общего национального праздника — Дня русской культуры, к особому значению для русского рассеяния имени Пушкина, которым «перекликались» наши соотечественники на чужбине. Для Музея русского зарубежья эти предметы стали не только наглядным примером сохраненной на чужой земле пушкинианы, но и остоном целых экспозиционных разделов, ключевым решением концепции и архитектуры музейного пространства и связующей нитью экспозиции. В сущности, тем символом, который смог «соединить эмигрантов между собой и всех их в совокупности с потерянной родиной» (Н.А. Струве).

*Ю.П. Анненков. Портрет А.С. Пушкина. [Франция, 1937 год].
Картон тонкий; перо, тушь. 25,2 × 17,3 см.
Передано в Дом русского зарубежья М.И. Лифарь*

SALLE PLEYEL, 252, RUE DU FAUBOURG SAINT-HONORÉ (VIIIe)

Dimanche 13 Février 1938, à 21 h. (OUVERTURE DES PORTES à 20 h. 45)

CÉLÉBRATION FINALE DU CENTENAIRE

POUCHKINE

SOIRÉE MUSICALE ET CHORÉGRAPHIQUE

ORGANISÉE PAR LE COMITÉ D'AIDE TEMPORAIRE AUX RUSSES

CRÉATIONS RUSSES INSPIRÉES PAR LE GÉNIE DU POÈTE

ROUSSALKA Opéra de DARGOMIJSKY

AVEC LE GRACIEUX CONCOURS DE

Mesdames N. KOREL, MARIE MARCOVITCH, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg, et T. OSSIPOVA
MM. J. JAROFF, de l'Opéra Russe à Paris, et G. POZIEMKOVSKY, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg

Grands Chœurs de l'Opéra Russe à Paris sous la direction de M. A. LABINSKY

Dances réglées par M. SERGE LIFAR, Maître de Ballet, Premier Danseur de l'Opéra, et exécutées
par les élèves des Studios de Dances de Mmes KSCHESSINSKA, Préobrajenskaya, Tréfilova et Egorova

*****
SERGE LIFAR et Mlle LORCIA dans L'OISEAU BLEU

*****
COQ D'OR, opéra de RIMSKY-KORSAKOFF

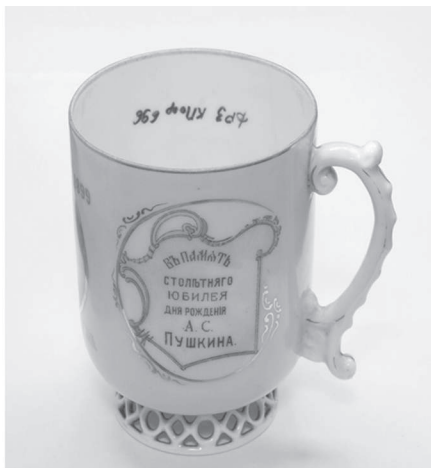
Airs chantés par Mme Z. LISSITCHKINA, de l'opéra Russe à Paris et du Grand Théâtre de Moscou

Dances de l'opéra « Coq d'Or »

Au piano : Mme Irène ENERY et M. A. LABINSKY

Billets de 5 à 50 frs à la Salle Pleyel, chez Durand (4, Place de la Madeleine), chez Max Eschig (48, rue de Rome, VIIIe)
et au Comité Pouchkine (91, rue Lecourbe, XVe) Tél. : SUF 16-01.

*Афиша финала празднования столетия со дня смерти Пушкина.
Франция, 1938 год. Из собрания С. Лифаря.
Передано в Дом русского зарубежья М.И. Лифарь*

Чашка «В память 100-летнего юбилея дня рождения А.С. Пушкина». Российская империя, 1899 год. Фарфор; роспись полихромная надглазурная, позолота. Передано в Дом русского зарубежья М.И. Лифарь

*Памятный жетон выпускника 52-го курса Императорского Александровского лицея в Санкт-Петербурге барона Эрнста Оттоновича Шиллинга, преподнесенный 53-м курсом. Санкт-Петербург (Российская империя), 1896 год.
На аверсе: Государственный герб Российской империи;
на реверсе: черная гравированная надпись с именем выпускника, номерами курсов и датой: «Бар. Э.О. Шиллинг. LIII-LII. 15.III.1896». Передано в Дом русского зарубежья Фондом наследия русского зарубежья*

*Памятная чашка к 100-летию А.С. Пушкина в «Литературной гостиной»
раздела «Свободные искусства» в постоянной экспозиции
Музея русского зарубежья*

Посетители Музея в разделе «Свободные искусства»

*Бюст А.С. Пушкина (Латвия, 1930-е годы,
передано в Дом русского зарубежья Н.А. Рубцовой)
в экспозиции Музея русского зарубежья*

**ПУШКИНСКОЕ МИХАЙЛОВСКОЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
ФОТОХУДОЖНИКА В.С. МОЛЧАНОВА**

Виктор Сергеевич Молчанов (1910–2003) — сын священнослужителя, фотограф, участник Великой Отечественной войны. 16 марта 1946 года, после увольнения в запас, В.С. Молчанов поступил на работу фотографом в Государственный Литературный музей.

В.С. Молчанов слышал выступления С.А. Есенина, В.В. Маяковского, М. Горького. Был знаком с поэтессой и переводчицей Н.А. Павлович, издателем и редактором С.М. Алянским, фотографом М.С. Напельбаумом, художником И.С. Глазуновым, писателями М.М. Пришвиным, К.И. Чуковским, В.А. Солоухиным, поэтами С.М. Городецким, Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенским. Встречался с А.А. Фадеевым, К.Г. Паустовским, М.А. Шолоховым, М.В. Исаковским, А.Т. Твардовским. С некоторыми из вышеназванных представителей культуры и искусства В.С. Молчанов был не только знаком, но и дружен. Виктор Сергеевич написал обширные и очень интересные воспоминания о своей жизни и событиях в стране, поездках в усадьбы и культурные гнезда, встречах и беседах, литературных вечерах, художественных выставках, музеях, о знакомстве, сотрудничестве и дружбе с поэтами, писателями, художниками, издателями, музейными работниками.

Сильное впечатление на четырнадцатилетнего подростка произвело выступление Сергея Есенина у памятника А.С. Пушкину 6 июня 1924 года. Первой пушкинской усадьбой для Молчанова стало Болдино, куда он приехал для съемок в июле 1948 года. В воспоминаниях Виктор Сергеевич напишет: «Интенсивные съемки пушкинских мест», ноябрь — декабрь — «Работа над первым фоторассказом «В пушкинском Болдине». В мае 1949 года фотохудожник работает в пушкинском Захарове, в воспоминаниях отмечает: «Съемки для юбилейной выставки к 150-летию со дня рождения». В 1950 году — съемки интерьеров Пушкинской выставки.

В марте 1957 года состоялась первая поездка В.С. Молчанова в Михайловское. В воспоминаниях читаем: «2–10 марта. Первая моя самостоятельная командировка в пушкинское «Михайловское». Обширные и очень удачные мои фотоснимки».

В.С. Молчанов. 9 марта 1972 года

Впечатления от посещения Пушкинских Гор, Святогорского монастыря, Михайловского и Тригорского, съемках, а также разговор с Семёном Степановичем Гейченко сохранились в письме Виктора Сергеевича к жене Александре Борисовне Молчановой (Бураго), которое он назвал «Первые впечатления (письмо к Асе)».

«Несмотря на то, что сейчас зима, а может быть, именно поэтому, впечатление от этих мест очень сильное, неожиданное, и вместе с тем встречают эти места, как что-то родное, близкое, хорошо знакомое. Добраться сюда было очень трудно. Как назло, установились морозы, и мы, отвыкшие за теплую зиму от холодов, трудно переносим их. Особенно холодно было ехать в автобусе. Невыносимо мерзли ноги... Дорога заняла у меня два дня, было холодно и утомительно. 20 км шел пешком. Но зато, если бы ты выдержала дорогу, то была бы вознаграждена за всё!

Пушкинские Горы — большое село, почти город. Остановился я в прекрасной гостинице Пушкинского Заповедника. Чистые, светлые комнаты, тепло. В каждой комнате — портрет А.С. Пушкина. Экскурсантов сейчас мало. В гостинице много свободных мест, чисто и уютно. Расположена она в б[ывшем] монастырском здании Святогорского монастыря. День моего приезда выдался свободный и солнечный. Я сразу же отправился в монастырь на могилу Пушкина. У алтаря храма возвышается белый, мраморный, хорошо знакомый по фотографиям и картинам обелиск.

На граните под обелиском скромнейшая подпись: Александр Сергеевич Пушкин род[ился] в Москве 1799 г. мая 26. Сконч[ался] в С[анкт]-Петербурге 1837 января 29-го.

Да! Действительно, после того, что написано Пушкиным, писать что-нибудь больше на его могиле невозможно... От могилы Пушкина почти повсюду открываются широкие виды на окружающие окрестности. Местность кругом холмистая, гористая, поросшая сосновым лесом и кустарником. Собор, у стен которого похоронен Пушкин, стоит на высоком холме, а сам монастырь расположен внизу у основания холма. Пушкин, бывая в монастыре, очень любил сидеть у края холма у алтарной стены и завещал похоронить себя здесь.

Место действительно необычное. Здесь очень красиво и поэтично. Отсюда не хочется уходить. Близость священных стен древнего русского собора, высокий холм, старинные липы и дубы вокруг, нескончаемые холмистые дали в просветах между избами, тишина и ощущение торже-

ственного безмолвия смерти, и вместе с тем чувство радости и наслаждения красотой окружающей жизни, зовущей в эти холмистые дали...

Святогорский монастырь очень красив отовсюду. Он весь воспринимается как место погребения Пушкина, и весь его ансамбль — как бы прекрасное надгробие на могиле поэта. Виден монастырь очень издалека, он стоит очень высоко, и его колокольня с длинным шпилем господствует над местностью на многие километры.

На другой день с утра отправился в Михайловское. Потеплело, пошел снег, поднялась метель. От Михайловского до монастыря четыре километра. Дорога сначала идет невысоким сосновым лесом, потом полем, усеянным огромными глыбами гранита — валунами. Мимо небольшой деревни Бугрово подошел наконец к опушке высокого, соснового леса — это уже парк Михайловского. У входа в парк арка с портретом Пушкина и его словами «...здравствуй, племя младое, незнакомое...» Парк замечателен. Огромные двухсотлетние сосны и ели, холмы... Дорога приводит к Еловой аллее к Дому Пушкина на обрыве над рекою Соротью и ее широкой долиной. Вокруг удивительно хорошо! Несмотря на метель, затянутую туманом падающего снега, чувствуешь замечательный пейзаж.

Сразу становятся как-то понятными переживания Пушкина в первые дни михайловской ссылки, страдавшего от отсутствия друзей, скучавшего, тосковавшего в одиночестве, но потом не устоявшего перед очарованием природы Михайловского, прекрасной русской природы, вернувшей ему вдохновение и радость творчества.

В Доме поэта особенно хорош его кабинет. Он восстановлен полностью, и когдаходишь в него, поражаешься: до чего же здесь всё знакомо! Слово видишь ожившую картину Н. Ге, только нет ни Пушкина, ни Пущина, ни няни; всё остальное осталось...

И хоть это и вновь созданная обстановка, но она создана на том же самом месте, где многое сохранилось, из окон этого вновь созданного дома видны те же луга и леса, те же снега, которые видел Пушкин... и это волнует до слез...

Фасад дома в Михайловском выходит к самому обрыву, к реке Сороти. Он украшен фронтоном с четырьмя деревянными колоннами — эти колонны от обрыва отделяет лишь узкая дорожка да ряд кустов сирени.

Рядом с домом, влево от него — знаменитый «Домик няни», внешне ничем не примечательный, но внутри очень интересный, обставленный в русском деревенском духе: стол со свечой и глиняной миской, образ с лампадой в углу, широкие лавки у окон, светец со свечкой, комод

с ларцами, русская печь с лежанкой в глубине живо рисуют картину далекой пушкинской Руси...

Сегодня с утра замечательный туман, и я, не заходя в чайную, поев на скорую руку что у меня было, почти бегом отправился в Михайловское. Туман сегодня такой же, как был на 43 км 10 февраля — живописный и необычный для зимы. Успел снять кое-что по дороге, но когда пришел в Михайловское, туман почти рассеялся, я не успел захватить пушкинские домики в тумане. Было так обидно, так досадно, что настроение совершенно испортилось. Я переживаю эту неудачу очень болезненно... Хотя туман и расселся, но солнце не показалось.

С горя проболтал часа полтора с научными сотрудниками музея. Затем пошел в Тригорское в самом мрачном настроении. Погода безнадежно пасмурная. Ни дорога в Тригорское, ни само Тригорское не произвело на меня почти никакого впечатления. Клен над «Скамьей Онегина» уже настолько старый, что его подперли в самом красивом месте огромной подпоркой; снимать это место уже нельзя. Самой скамьи нет, да и серый зимний пейзаж вокруг очень скучен. Летом же здесь, конечно, чудесно! Летом же здесь каждая аллея, каждый холм и поворот реки будут вызывать самые романтические образы, будут возбуждать воображение и фантазию, настолько здесь всё связано с Пушкиным...

Рядом городище Воронич, здесь рожден «Борис Годунов», — это высокий холм, почему-то лишенный снега и странно чернеющий на зимнем пейзаже...

Без всякого вдохновения, мистики я сделал несколько снимков и отправился к домой к себе в Святогорский монастырь. Наверное, больше в Тригорское уже не успею придти. Если будет солнце, то буду еще снимать в Михайловском.

Без солнца же зимой тоскливо и грустно.

7.III — безнадежно пасмурно, даже не стал вставать и пролежал до девяти. Думал, что день пропадет. Но в десятом часу показались просветы, день разгулялся ясным, с легким туманом. Зашел на почту, отправил тебе письмо и телеграмму. После завтрака отправился снимать. А снимать было что! С северной стороны сосны были все как серебряные, легкий морозец покрыл их инеем. Снег блестит на солнце. Леса и деревни голубеют вдали. В лесу светло и солнечно, по-весеннему ярко зеленеет хвоя сосен и елей. Тепло...

Пушкинские домики в Михайловском тоже как-то повеселели, выглядят по-весеннему. Даже на кустах сирени появился желто-зеленый

оттенок — это во множестве набухли почки. Скоро весна! Да пожалуй, она уже и началась...

Сегодня заканчиваю свою работу и завтра еду в Москву!

Перед отъездом разговорился с Семеном Степановичем Гейченко о Пушкине. Записываю наиболее интересные мысли: Пушкин — феноменальный. Явление ярчайшее, ни с чем не сравнимое. Лучше всех сказал о нем Гоголь: «Пушкин лучший человек в наивысшем своем развитии», т. е. когда-нибудь при коммунизме русские люди поднимутся до Пушкина, развернут во всю силу лучшие качества своей русской души... Пушкин не безгрешен, есть у него и плохие черты, но это не пороки, главное в Пушкине — что он был прежде всего добр и хорошо относился к людям, не был злопамятен и был доверчив, хотя за эту доверчивость и заплатил жизнью. Не будучи добрыми и не доверяя друг другу, люди никогда не сделают ничего хорошего и не построят коммунизма. Пушкин был атеистом, но разве он был таким атеистом, как наши современники, которые ни во что не верят, в том числе в [Пушкина], ни перед чем не преклоняются, даже перед памятью священной? Истинно интеллигентные люди, став атеистами, заменяют себе религию верой в торжество человеческой культуры и разума и относятся к памяти великих людей с священным чувством, применяя слово «священный» в религиозно-высоком смысле... как высшую степень уважения и преклонения. У нас же обращаются с Пушкиным фривольно, подчиняясь моде, излишне треплют его имя, совсем не проникаясь его глубоким значением.

8. III — рано утром на автобусе уехал из Пушкинских Гор...»

В последующие годы своей долгой творческой жизни Виктор Сергеевич Молчанов неоднократно обращался к имени А.С. Пушкина и событиям литературной жизни, связанным с поэтом. Он создал и показывал на встречах и литературных вечерах слайдфильмы о А.С. Пушкине, сопровождал группы музейных сотрудников в их поездках по местам, связанным с жизнью и творчеством поэта, присутствовал на вечере памяти С.С. Гейченко.

А.С. Пушкин и А.А. Блок — два любимых поэта фотохудожника Виктора Сергеевича Молчанова. В конце жизни он читал их стихи своим гостям, рассказывал о своих впечатлениях от посещения удивительных мест, послуживших вдохновению великих поэтов России.

Будем благодарны фотохудожнику за сохраненную в великолепных фотографиях память и постараемся подхватить священное чувство благодарности «солнцу русской поэзии» Александру Сергеевичу Пушкину.

МУЗЕЙ В СОЛИГАЛИЧЕ: ЧЕМ ДЕРЖИМ ОБОРОНУ?

Музей в Солигаличе, официально — Солигаличский филиал имени Г.И. Невельского Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, — один из маленьких провинциальных музеев. Сохранять и развивать их необходимо — как для развития туристической отрасли, так и для воспитания в подрастающем поколении патриотизма и любви к культуре и обычаям родного края и нашей многонациональной Родины. Такие музеи — настоящие центры для изучения и популяризации российской истории. И провинциальные музеи, и сами провинциальные города — это история. Они показывают людям, какое место в истории государства занимала и занимает их малая родина.

* * *

Для начала я должна признаться в любви. В огромной, захватывающей дух любви к моему родному краю, его истории, культуре, людям. Она заставляет меня буквально замирать и часами любоваться многими уже забытыми фактами и деталями, обычаями, традициями и предметами, в каждом из которых — бездны скрытой красоты и потаенного смысла. Поэтому заранее прошу простить меня, если я буду пристрастна.

Итак, древняя Солигаличская земля и наш, возможно, скромный, но очень уютный краеведческий музей. Мы всегда начинаем свой рассказ из глубины веков — с того момента, когда галичский князь Феодор, согласно летописному преданию, увидел «свет велик сияющ на западной стороне, аки заря». Отправившись в путь по небесному знаменю, князь нашел первое из сокровищ здешней земли — соляные источники, которые дали местным жителям доход и возможность развивать и благоукрашать свою родину. Соль — огромная драгоценность для средневековой Руси, добывалась из воды в глубоких колодцах, выпаривалась в круглосуточно дымящих и чадящих варницах. В вечном движении, труде и поту — так родился Солигалич. Город с непростой судьбой, не раз становившийся полем битв и мишенью набегов, многократно уничтожаемый пожарами, но возрождающийся, как птица Феникс из пепла, раз за

разом, молитвами и трудами горожан. Десять каменных церквей, украсивших город в начале XX века, указывали на духовную силу и богатство земли этой. И причина тому — второе сокровище местной земли: люди.

*Крепости духа
и крепости силы:
а) церковь Петра и Павла,
построенная на средства
купцов Петра Дунаева
и Андрея Миронова в 1833 году.
Фото автора;*

*б) собор Рождества Пресвятой Богородицы.
Строительство началось на пожертвования Марии Ильиничны Милославской
в 1660-х годах. Достроен по инициативе Ф.И. Нащокина, Н.И. Метлина
и на пожертвования прихожан в 1792–1794 годах. Фото автора*

*Вера и труд —
богатство земли Солигалицкой:*

а) икона

*«Авраамий Чухломский
и Городецкий» с клеймами
жития. XVII век.*

*Под иконой — макет
солеварен 1954 года,
сделанный по рисунку
из альбома Э. Пальквиста
1674 года;*

*б) дом краснодеревщика
П.Н. Попова (Солигалич,
ул. Коммунистическая, 42),
построенный в 1920-х годах.*

Фото автора

*Люди земли Солигаличской —
главное богатство и слава ее:*

*а) фото семьи промышленника-
отходника питейщика
Ивана Королькова, сделанное
в 1916 году. На заднем плане жена
Ивана Анна Ивановна и дочь Мария.
На переднем плане сын Александр,
дочь Полина и сын Николай.
Фото предоставили потомки
Ивана Королькова;*

*б) фото из рекламного проспекта
«Скульптор Яков Серяков»
(СПб., 1992).*

*Я.П. Серяков — уроженец
Солигаличского уезда, деревни Холопово*

Если бы я могла, говорила бы об этих людях часами. Во-первых, это труженики. В холодных лесах, на красивых холмах вдоль реки Костромы не так просто обеспечить себя куском хлеба. Как говорили в старину, «вертеться надо сентябрем». Вырвать с боем из бедных суглинистых почв, на которых хорошо растет разве что крапива, долгожданный урожай. Не позволить возвратным заморозкам, дождям и засухам погубить его. Сохранить до следующего короткого лета. Но и этого недостаточно. Надо быть мастером, ремесленником, отходником, который, уйдя на работы в далекие крупные города, заработает столько, чтобы семья не просто сводила концы с концами, а получила достаток и вместе с ним — уважение и почет. Так эта земля стала родиной сильных, умелых мужчин и гордых самостоятельных женщин. Пока муж трудится на сезонных работах плотником, обойщиком, каменщиком, слесарем, кузнецом, жена остается «сама большая». Руководит хозяйством, тянет все, в том числе тяжелые, работы. При помощи детей и стариков — а как иначе? — но тащит груз, который многим женщинам той эпохи казался неподъемным. Это формирует особый характер. Она — та самая, которая, без преувеличений, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет. Ведь так и было. До нас дошла легенда Солигаличской земли, былль, которой еще совсем недавно были живые свидетели, подтверждающие: нет, не сказка и не преувеличение, а настоящая история о Солигаличской славнухе. Вот какой она дошла до наших времен. Рассказывает музейный смотритель Лариса Васильевна Варгасова:

«В один из погожих летних деньков, где-то в начале восьмидесятых годов, собрались мы с подругой по ягоды. Решили пойти в одно хорошее, ягодное место, где всегда было много черники. Место это было недалеко от бывшей деревеньки Лузгалово, что в Гнездниковской стороне, близ Солигалича. В то время в Лузгалове еще стояла пара жилых домов. С нами оттуда за ягодами пошла одна знакомая женщина, уже не молодая. Дорогой, которая тянулась через поле, она нам, молодежи, рассказала одну легенду, которая как раз была связана и с этим полем, и с ее родной деревней. Все главные события, по ее словам, как раз-то в этом поле и случились. Летом, в такой же жаркий погожий денек, из Солигалича в деревеньку Лузгалово выехал на лихом коне красивый и богатый князь. Направлялся тот князь в Лузгалово, да и не просто так ехал, а по важному делу. Сосватан он был с одной лузгаловской славнухой и спешил посмотреть невесту. В то же времечко, из деревни Лузгалово, по своим делам, кто говорил — в город, а кто говорил — на покос, вышла

одна девушка. И вот, маленько не доезжая той деревни, в том самом поле, по которому проходила дорога, конь чёй-то напугался, да и понес седока. Всадник тож напугался. Не испугалась только девушка, которая шла по своим делам. Остановила она взбесившегося конягу и спасла князя. Князь глянул на свою спасительницу, влюбился в нее без памяти, на смотрины не попал. А вскоре женился на той смелой девушке, что спасла его жизнь, и увез ее в Петербург».

Это легенда, но мы все знаем: сказка ложь, да в ней намек. Сия «сказка» ложью не оказалась. Летом, в июне 2025 года к нам в музей пришла одна пожилая пара, профессора из Петербурга. Начали они нас допытывать, знаем ли мы такую легенду. И тогда-то Лариса Васильевна рассказала, что слышала ее от жительницы той самой деревни. А наша гостья, Татьяна Борисовна, поведала нам, что она является правнучкой этой легенды, и произошли эти события в том самом лузгаловском поле в 1887 году. И да, не князь был главный герой того повествования, но красивый, богатый крестьянин, промысловик-отходник.

Таким женщинам и мужчины обязаны были быть под стать. Их, работающих на отхожих промыслах, звали на родине питерщиками. Еще с 12–14 лет будущие мастера отправлялись на учебу к ремесленникам в столицу. Кто — к родне, а кто и «в чужие люди». В обиду своих детей никто давать не хотел, и с мастером-учителем заключали письменные «условия»: за провинности драть за уши, таскать за вихры, учить уму-разуму, кормить, лечить (но не больше месяца, ясно, что в хозяйстве работники надобны, а не обуза), а по окончании учебы выдать за труды деньги родителям и самому мальчику. Кроме того, купить пальто и «пинжак», или, как писали в «условиях», «окопировку». Обычно учеба длилась три-четыре года, и после нее становился солигаличский мальчишка уже настоящим питерщиком. А ежели настоящий — то будь добр, соответствуй. Надо жениться (лучше на своей, солигаличской, чтобы «с пониманием» была и готова сама управлять хозяйством с весны до лета, пока муж в столицах трудится), а потом — подкатывать на родину так, чтобы каждый видел — не лентяй и не пьяница домой вернулся, работник. А для того надо было нанять тройку с бубенцами, выйти из нее в костюме и шубе, и чтобы свертков с подарками для родных — видимо-невидимо. Не то чтобы не случилось иначе — конечно, случилось, особенно по молодости лет, и приходилось идти на всякие ухищрения, родителей просить, чтобы пособили сыну нерадивому, дали из накоплений на тройку с бубенцами... Но то редкость. Марку

Герои Солигалича:

*а) Василий Васильевич Корольков —
ветеран трех войн,
награжден орденом Красной Звезды
за взятие Харькова. Фото 1987 года;*

*б) Андрей Павлович Корольков
(3.12.1986–13.05.2024),
правнук В.В. Королькова.
Погиб, защищая Родину,
под Харьковом,
населенный пункт Пыльное.
Посмертно награжден орденом
Мужества. Фото 2023 года;*

*в) детское фото А.П. Королькова.
Фото 1987 года.
Фото предоставлено
родственниками героев*

*Солигалич — город морских
офицеров-героев:*

а) М.А. Салмов.

*Портрет Г.И. Невельского.
2004 год;*

*б) семья Невельских, вверху —
Геннадий Иванович,
второй ряд — дочери Ольга и Мария,
нижний ряд — сын Николай,
жена Екатерина Ивановна,
дочь Александра.
Фото автора*

солигаличские мужчины держать умели, в грязь лицом ударять не любили. Вот и ходили их жены — простые крестьянки — летом с дождевыми зонтиками да в модных нарядах, да и сами они щеголяли в жилетках, манжетах, пиджаках, кожаных ботинках и галошах.

Давала наша земля во все времена России-матушке не только пахарей и мастеров, но и защитников, воинов. Со времен татарских нашествий, да и до наших дней мужчины Соли Галицкой хранили свою землю от лютого врага.

Архитектуру называют застывшей историей. И это абсолютная правда. Пройдясь по узким извилистым улочкам Солигалича, вы увидите следы того быта, что унаследовал Солигалич от далеких предков, и еще одно забытое на большой земле сокровище. Многочисленные храмы, каменные, когда-то бесконечно красивые и ухоженные, а сейчас, увы, в большинстве своем разрушенные. Среди местных купцов и дворян построить храм считалось делом не только богоугодным, но и престижным. Могу себе позволить, заработал — будто говорили они, гордо подкручивая усы или довольно усмехаясь в бороду. Так и выросли в маленьком провинциальном Солигаличе к середине девятнадцатого столетия целых десять каменных храмов. Самый выдающийся из них, конечно же, Рождественский собор.

Дома здесь было принято строить высокие и просторные. Идеально — с мезонином, чтобы красивые, в мозаичной деревянной оплетке стекла радостно сияли на солнце. Двор закрывать глухим, выше человеческого роста, деревянным забором. Северный характер не терпит чрезмерной открытости. Всему миру надо демонстрировать идеальный, вычищенный до блеска, аккуратно отремонтированный в случае нужды фасад, и не более того. Чистота и порядок — показатель достоинства хозяев. И не дай бог кто подумает, что ты лентяй или пьяница! С таким делом не имеют, девку замуж не отдадут и даже селиться постараются подальше. Но делать это всё будут церемонно-вежливо, без грубости и излишней прямоты — по столичным традициям. Даже говор у местных — особый, акающий, чем-то похожий на московский и питерский. Оно не мудрено — веками ходили в обе столицы на заработки, вот и речь изменилась. Не до конца, конечно, это свой, особый говор и колорит. Акающий остров, как называют этот феномен филологи. Ведь кругом окающее море костромских, вологодских и ярославских уроженцев.

К слову, про море... Вы удивитесь, но Солигалич, пожалуй, самый морской город в Центральной части России. Эта еще одна местная

традиция и особенность. Вокруг Солигалича россыпью расположились старинные дворянские усадьбы. Может, и не самые богатые и знатные, но гордые рода людей, привыкших от скудости местных почв искать кусок хлеба в первую очередь не в подневольном труде крестьян, а в службе Отечеству: это военные, служащие, и конечно — моряки. Именно здесь родился легендарный адмирал Геннадий Иванович Невельской — человек, вся жизнь которого вызов судьбе, борьба и служение Родине. Будучи с детства не особо здоровым, невысокого роста, родом из небогатой дворянской семьи, он буквально вырвал у судьбы право стать моряком. Подделал свидетельство о рождении при поступлении в Морской корпус, чтобы затем окончить его в числе лучших. Бредил географическими открытиями и, на свой страх и риск, будучи командиром судна «Байкал», в 1848 году сумел пройти в устье Амура, что ранее считалось невозможным, и доказал: Сахалин — остров. Едва не лишился звания, ибо высокое начальство самоуправство не одобрило. Впрочем, повисшая было на волоске карьера нисколько не поколебала воли отважного моряка. Имея твердые указания «не касаться устья Амура», он, заботясь об интересах государства, основал Петровский пост, подняв там российский флаг и объявив о суверенитете России над этими землями. На этот раз ему грозил уже не крах карьеры, а суд за самоуправство. Но тут в судьбу Геннадия Ивановича вмешался лично император Николай I, который назвал поступок Невельского «молодецким, благородным и патриотическим», и наградил его орденом св. Владимира IV степени. Это стало лишь началом истории о том, как скромный моряк родом из Солигаличского уезда присоединил к России огромные территории, размер которых европейцам трудно себе даже представить, — это семь миллионов квадратных километров. И где-то там, за этими масштабными и судьбоносными событиями прячется еще одна история — огромной, светлой и трепетной любви Геннадия Ивановича и его супруги, Екатерины Ивановны. История, которую невозможно поведать в двух словах и о которой, я надеюсь, рано или поздно снимут фильм.

Сведения о жизни Геннадия Ивановича Невельского, о его достижениях для нашего музея — это буквально бриллиант среди прочих сокровищ Солигаличской земли. Но он не затмевает, а лишь оттеняет иные наши драгоценности. Если бы вы знали, сколько прекрасных семей здесь жило, сколько выдающихся, пусть и не широко известных, личностей они подарили России! Это и Иван Антонович Купреянов, и Дмитрий Петрович Черевин, и Василий Александрович Кокорев, и Яков

Картины солигаличского художника Григория Островского и их герои — дворяне Червины и Лермонтовы:

а) портрет Анны Сергеевны Лермонтовой, родственницы Михаила Юрьевича Лермонтова, в возрасте пяти лет. 1776 год;

б) портрет Натальи Степановны — супруги Ивана Григорьевича Червина, лейтенанта флота его величества Петра I. 1741 год. Фото автора

Памфилович Серяков, и Иван Дмитриевич Сытин. Каждое имя, каждая судьба — это клад, которым можно любоваться часами.

От них наш музей получил и иное наследие — прекрасные картины XVIII–XIX веков, иконы, выставленные в нашем музее. Конечно же, если вспоминать о живописи, то непременно нужно упомянуть о «солигаличской находке» — портретах господ Червиных из усадьбы Нероново, принадлежащих кисти солигаличского живописца Григория Островского и написанных в XVIII веке.

Может, наша экспозиция невелика, но она по-своему уникальна, и каждый любитель старины непременно найдет то, что тронет его сердце. И мы с радостью встретим каждого, кто захочет прикоснуться к нашим скромным, но от этого не менее важным сокровищам земли Солигаличской. Для этого мы стараемся делать что-то новое,

стараемся открыть наш город и наших земляков для всех, к нам пришедших. Мы считаем наш музей настоящей крепостью, отражающей удары лихих времен забвения истории и традиций, на которых держится Россия!

Музей работает с людьми — воспитывая патриотизм, гордость за историю великой страны, свято чтя традиции предков:

а) интерактив для школьников «Встречаем Рождество Христово и Новый год». Вспоминаем историю праздников и традиции празднования;

б) документально-художественный вечер «С Амуром в сердце», посвященный Геннадию Ивановичу Невельскому и его супруге Екатерине Ивановне. Фото автора

МУЗЕЙ-УСАДЬБА П.И. ЧАЙКОВСКОГО. ОПЫТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ЩЕЛКУНЧИК»

Весной 2022 года в рамках проекта «Open door» по инициативе администрации музея-усадьбы П.И. Чайковского сотрудниками Удмуртского государственного университета был проведен социологический опрос о досуговых предпочтениях жителей города.

Социологический опрос преследовал следующие задачи:

- выявить наиболее желательные формы досуга среди жителей города Воткинска;
- выявить отношение горожан к музею-усадьбе П.И. Чайковского;
- выявить предпочтения горожан относительно проведения досуга в музее-усадьбе П.И. Чайковского;
- определить уровень возможных затрат на музейный и концертный досуг среди жителей Воткинска.

В целом было опрошено 330 человек из разных районов города (численность жителей Воткинска — 97 500 человек).

Вот некоторые результаты опроса¹.

Особенности желаемых форм досуга:

- респонденты 26–30 лет демонстрируют наиболее низкую общую заинтересованность;
- респонденты в возрасте 31–40 лет хотели бы чаще посещать музеи (37%), концертные залы (29%), фестивали/праздники (27%), театры (25%);
- респонденты в возрасте 51–60 лет заинтересованы в большей степени в концертных залах (28%), театрах (26%), художественных выставках (26%), кинотеатрах (24%), музеях и кафе (по 22%);
- респонденты старше 60 лет наиболее заинтересованы в художественных кружках и клубах по интересам (31%), концертных залах (28%), театрах и музеях (по 26%).

Уровень посещения Музея Чайковского:

- женщины в два раза чаще мужчин сообщают, что они посещали музей за последний год (19% среди мужчин и 38% среди женщин);

---

¹ Центр социологических исследований Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (ИИиС УдГУ), 2022.

- мужчины чаще сообщают, что они не были в музее никогда (7%) или были более 10 лет назад (26%);

- существует U-образная зависимость истории посещения музея и возраста респондента: наиболее часто о посещении музея сообщают молодые люди и пенсионеры, в то время как средние возраста чаще сообщают о том, что они посещали музей относительно давно. Наиболее низкий процент недавних посещений среди молодых людей в возрасте 26–30 лет;

- среди старших возрастов выше доля поляризации в ответах респондентов: доминируют группы, которые были в музее давно или совсем недавно;

- в целом наличие детей от 7 до 18 лет увеличивает шанс встретить у респондента варианты ответа «был год назад и менее» или «был 2–3 года назад».

Особенности предпочтений экскурсий:

- в целом профили мужчин и женщин демонстрируют схожесть заинтересованности следующими типами экскурсий: экскурсии, которые ведут необычные люди, театрализованные экскурсии, экскурсии-детективы;

- среди молодых людей до 20 лет выше интерес к гастрономическим экскурсиям, экскурсиям в ранее недоступные места музея, экскурсиям в необычное время, водным экскурсиям;

- для молодых людей в возрасте 21–25 лет наиболее интересны экскурсии-детективы, экскурсии в ранее недоступные места музея;

- для молодых людей в возрасте 26–30 лет наиболее интересными являются экскурсии в необычное время, гастрономические экскурсии и водные экскурсии;

- для респондентов в возрасте 31–40 лет наиболее востребованы детские экскурсии, гастрономические экскурсии, экскурсии-детективы;

- для респондентов старше 41 года профиль совпадает с общим профилем востребованных экскурсий. При более высоком уровне интереса к водным экскурсиям для 41–50-летних респондентов, экскурсиям о личности П.И. Чайковского для респондентов в возрасте 51–60 лет, экскурсии, которые ведут необычные люди, больше всего интересны респондентам старше 60 лет.

Таким образом были сделаны выводы о самых частых посетителях музея среди горожан: люди в возрасте 31–40 лет и от 7 до 18 лет, кото-

рые отдают предпочтение экскурсиям-квестам и экскурсиям в необычные места.

Опираясь на данные исследований, в 2023 году творческая группа музея в лице заместителя директора Юлии Конаревой и заведующей информационным отделом Юлии Шешкауски создали мультисенсорный музей для детей «Щелкунчик» — проект-погружение в сказку Эрнста Теодора Амадея Гофмана и балет Петра Ильича Чайковского «Щелкунчик». Это проект на стыке музыки, литературы, театра и музея, который сочетает в себе форматы путешествия, квеста, игры, иммерсивного театра.

Для реализации идеи заместитель директора посетила наиболее значимые детские музеи России: «Золотой ключик, или Приключения Буратино» в музее-усадьбе А.Н. Толстого, музей для детей «Зеленка» (Самара), интерактивную выставку «Знакомьтесь, Финдус» (Самара), выставку детского центра «Арка Марка» (Москва), детский музей в Царицыне (Москва). При посещении этих центров Юлия Конарева провела интервью с кураторами проектов об особенностях организации детских выставок.

В 2023 году была подана заявка на грант Благотворительного фонда Владимира Потанина в конкурсе «Музей 4.0». Заявка успешно прошла конкурсный отбор, на создание мультисенсорной выставки-погружения в музыку балета «Щелкунчик» фондом был выделен грант на сумму 2 979 093 рубля.

Самым долгим и сложным этапом в реализации музея стало проектирование выставки. Команда проектировщиков изучала историю написания и постановки балета «Щелкунчик», читала письма Чайковского, смотрела все постановки балета — от классики до ультрасовременных; изучала музейный фонд России на предмет наличия документов и предметов, связанных со «Щелкунчиком»; читала биографию Гофмана, десять раз перечитала «Щелкунчика» в переводе Татариновой; изучала методику преподавания музыки для дошкольников, анализировала сценарии музыкальных уроков в детском саду; изучала особенности сенсорного восприятия у дошкольников и младших школьников; задавала много музыкальных вопросов Георгию Ковалевскому, Ольге Наумовой. «Мы придумывали, удаляли, придумывали, переписывали... и написали концепцию, сценарий, тематическую структуру выставки, тематико-экспозиционный план и задание для художника», — рассказывает Юлия Юрьевна.

В команду проекта помимо сотрудников музея вошли: Петр Старбровский (Пермь) — художник, дизайнер, педагог; Александр Кошелев (Пермь) — художник, иллюстратор, графический дизайнер; Георгий Ковалевский (Санкт-Петербург) — музыкальный консультант; Борис Алексеев (Санкт-Петербург) — звукорежиссер.

Команда художников детально проработала проект, прорисовав каждую комнату, наполнив каждую предметами, историей, техническими средствами, светом. Оформление комнат было разработано по описанию из книги Гофмана. Например, гостиная дома Штальбаумов: в центре комнаты огромная рождественская елка, украшенная золотыми яблоками, орехами и конфетами. Рядом — разноцветные коробки с подарками, где лежат куклы и игрушечная посуда, деревянные лошадки и гусары.

В реализацию проекта были вложены не только грантовые средства, но и в равной степени средства самого музея и спонсоров.

Для музея «Щелкунчик» на территории усадьбы было выделено одно из зданий музейного комплекса, занимаемая музеем площадь составляет 150 м². Остальную площадь занимает детская Арт-лаборатория.

Во время ремонта была сделана минимальная перепланировка комнат, проведены электромонтажные работы, покраска стен, дверей, потолков, размещение звуковой аппаратуры, монтаж готовых конструкций и декорирование.

Музей наполнился различными предметами индивидуального изготовления от пермской мастерской, предметами от сотрудников музея и участников социальных сетей — жителей города, предметами и копиями из фондов музея Чайковского, копиями изображений из фондов других музеев.

Всего в проекте заложено восемь точек со звуком, которые необходимо найти, прослушать и описать характер музыки.

Свет играет немаловажную роль в музее, создает атмосферу, настраивает на характер экспозиции и экскурсии.

Торжественное открытие музея для детей состоялось 4 ноября 2024 года для узкого круга приглашенных гостей. Помимо этого, для привлечения посетителей был проведен ряд мероприятий, посвященных Щелкунчику: театрализованная игра «Бой с мышами», встреча с кураторами и художниками проекта, лекция от музыкального консультанта Григория Ковалевского.

Целевая аудитория проекта — дети от 3 до 10 лет. Именно в этот возрастной промежуток происходит первая встреча детей с музеем и знакомство с классической музыкой. В мемориальной экспозиции музея-усадьбы П.И. Чайковского (несмотря на большое количество форм работы) детям этого возраста приходится следовать строгим правилам: идти только за экскурсоводом, не прикасаться к заинтересовавшим их экспонатам, сдерживать свою энергию, контролировать свои эмоции, что формирует отрицательный опыт нахождения в музее, который может храниться в памяти долгие годы. Данный проект дает детям возможность испытать эмоциональное, зрительное, звуковое, тактильное и обонятельное удовольствие от общения с классической музыкой. Музыка перестает быть для них просто рассказом экскурсовода, звуком из колонки или картинкой на театральной сцене, она становится их сказочной вселенной, где они могут путешествовать, изучать новые миры, ощущать музыку всеми органами чувств, впустить ее в свое сердце, сделать частью счастливых воспоминаний.

Путешествуя по сказочным мирам, дети учатся понимать музыку, представлять ее цвета, фактуры, ароматы...

Наибольшей популярностью среди взрослых посетителей стала кураторская экскурсия по музею для детей «Щелкунчик», когда сами создатели музея рассказывали об идеях, заложенных в каждой комнате, о проблемах, с которыми столкнулись во время реализации проекта, и многое другое.

За 2025 год музей «Щелкунчик» посетило более 2 500 человек: школьники, дошкольники, взрослые и пенсионеры, в том числе дети-инвалиды.

Создание мультисенсорного музея для детей «Щелкунчик» сейчас позволяет нам создавать положительный опыт общения детей с классической, создавать эмоциональный якорь, формировать потребность в общении с классической музыкой в будущем.

Входная группа в музей для детей «Щелкунчик». Ноябрь 2024 года.
Музей-усадьба П.И. Чайковского

Гардероб в музее для детей «Щелкунчик». 2024 год

Комната Конфетинбург в музее для детей «Щелкунчик». Декабрь 2024 года

Комната Мари и Фрица в музее для детей «Щелкунчик». Декабрь 2024 года

Мечтаскоп в музее для детей «Щелкунчик». 2024 год

Мышиное царство в музее для детей «Щелкунчик». Ноябрь 2024 года

*Портреты семьи Штальбаумов в музее для детей «Шелкунчик».
Ноябрь 2024 года*

Экскурсия в музее для детей «Шелкунчик». 2024 год

СОРОК СОРОКОВ. РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ «ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА В ДЕРЕВНЕ БУГРОВО»

Прости, Тригорское...

Год 1985-й. Октябрь уж наступил. В парке Тригорского, как обычно, бесстыдно обнажились вековые липы, и сквозь них отчетливо стали проступать контуры вертлявой Сороти: то она повернет направо, то налево. Как местная барышня, подмигивающая то одному, то другому. Внутреннее чутье и местная топография нашептывали, что неторопливый и устоявшийся ритм усадебного бытия скоро будет нарушен, и меня ждет новый и неожиданный зигзаг — то ли удачи, то ли крушения.

Зигзаг материализовался в облике Владимира Семеновича Бозырева. Он бодро протиснулся в комнату Зизи, где я, как обычно, воспевал нетленные ценности дома Лариных, и заговорщически шепнул в ухо: «Поторапливайся, есть разговор».

Я поторопился и, минуя говорящую птичку, шкатулку и кубок, мигнул через пять стоял на крыльце. «Всё, прощайся с барышнями, едем в Бугрово». Что такое Бугрово, я тогда осознавал плохо, так как этот населенный пункт всегда оставался в стороне от моего традиционного велосипедного маршрута Петровское — Михайловское — Три сосны — Тригорское и обратно. С барышнями попрощался тепло и быстро, а Кларисса даже помахала мне вслед платочком.

Пока мы ехали берегом Маленца, тучи изобразили скорбную мину и распылили над мемориальным озером влажную взвесь. Агитационный «Москвич» Владимира Семеновича вспотел, увязая в изрытых ручьями колдобинах. Пока водитель думал о том, как бы ему поскорее успеть к намеченной цели хотя бы до весеннего паводка, мои мысли носили сугубо прагматический характер: интересно, я иду на повышение или наоборот? Три полноценных горы всё-таки приличней нескольких бугорков. Кроме того, слегка беспокоил социальный статус будущих насельников. Дворяне всё-таки поначитанней. Вон, Кларисса с французского за так переводит, когда простывает. Шекспира цитирует в оригинале и веером машет. Крестьяне, напротив, поют и пляшут, пляшут и поют. А когда надоест, жгут барские усадьбы.

Учась в Псковском педагогическом институте имени товарища Кирова, от наших замечательных преподавателей я узнал об удивительном псковском наречии: цокающем и шипящем. Тогда на этом птичьем языке говорила добрая треть рядовых сотрудников Заповедника. Особенно блистали старики. На бугровском кордоне жил Леонид, заслуженный фронтовик и суровый созерцатель всего того, что происходило в непосредственной близости от его дома. Однажды он выдал удивительный лингвистический пассаж.

— Как дела, Леонид? — бросил я дежурную фразу.

— Дела — как сажа бела. А по жизни — бурляю поманеньку.

Его жена Тамара, хоть и была родом из Тулы, тоже иногда выдавала истинные перлы местной словесности. Увы, учености плоды сделали свое дело: на место лоснящегося фонетикой леса псковского наречия пришел имплантированный нарождавшимся тогда интернетом суржик.

...За стеклом мелькнула каменная стела, справа на валуне успел прочитав «Здравствуй, племя...», слева приветливо булькнул овальный мельничный пруд. Машина уткнулась в большие тесовые ворота. Вокруг никого не было, дождь закончился, солнце, присев на заборе, стало стремительно пикировать в сторону запада. Окрестности очаровывали безлюдьем и первозданностью. Мы вышли из транспортного средства и, присев на лавку, одновременно задумались. Он — о прошлом, я — о будущем. В конце концов, оба пришли к одному и тому же выводу: «Сидим тут и глядим, как два барана, на новые ворота».

В этот момент вдоль пруда, как на майской демонстрации, чинно прошествовало местное стадо, возвращавшееся с Рысцевского поля. Пастух лениво помахивал хворостиной и издавал те самые звуки, которым нас учили в институте.

Не фразеологические, а вполне натуральные бараны и овцы перманентно шарахались из стороны в сторону. При этом они постоянно бляели. Проблывшись, обратили внимание на нас, на ворота, «Москвич» и дружно направились именно туда, куда столетиями их посылала посливица. Пастух оживился и каким-то заковыристым местным словечком обругал тупых носителей руна. Те, как это ни странно, всё поняли без перевода и вернулись в колонну.

Впоследствии мое первое знакомство с животным миром Псковской области нашло отражение в написанном Семеном Степановичем «Плане работ в музее «Бугровская мельница» на 1986 год», где первым

Дом мельника и сад. 1986 год.

Фото В.В. Ахломова. Из фондов Пушкинского Заповедника

пунктом стояло: «Отремонтировать ограду». Поскольку в приказе не пояснялось, от кого нам следует отгородиться, от себя уточнил:

Прибить прожилины к столбам,
Отремонтировать ограду.
А то ж вселенский стыд и срам:
Бараны бегают по саду.

Бозырев передал мне внушительную связку ключей и с ноткой досады произнес: «Странно, кандидатур было много, многие хотели... Но Семен почему-то тебя выбрал. А ты еще даже не в штате». Потом добавил: «Нормальных ставок нет, будешь пока инженером». «Инженером, так инженером, главное, что я теперь сотрудник Заповедника, а это звучит гордо!»

В отличие от Владимира Семеновича я, кажется, догадывался, почему выбор пал на меня. В 1977 году мы с моим отцом гостили у Бориса Михайловича и Любови Владимировны в Петровском. Те три благословенных дня взорвали мозги. Я в одночасье поставил крест на ядерной физике и Ленинградском политехе. Бог с ними, молекулами! Сдам выпускные экзамены и сюда, только сюда. Поэтому через год поступил на

филфак в Псков. Сезон отработал в деревенской школе. Потом — армия и два письма: к нему и от него.

В своих письмах Гейченко рекомендовал мне в Заповедник не спешить, так как «платят здесь мало», и лучше устроиться в экскурсионное бюро, где «платят больше». Но в бюро я не хотел, а отсутствие денег не тяготило. Поэтому приехал, стал работать по договору, ну и... стал инженером. Сейчас-то я уже хорошо понимаю, что Гейченко тогда проверял меня: добыюсь или сдамся. В общей сложности стаж моих домогательств и желаний попасть именно сюда к 1985 году составил восемь лет. Какое там бюро!

...Поднялся на крыльцо и почувствовал себя той самой ключницей. Скрипнула, как в сказке, дверь. Внутри — простор: печь, кровать и окна. Неплохо для начала. Больше в экспозиции ничего не было. Взял забытый кем-то молоток, лежавший на лавке, и стал приколачивать что-то к чему-то, чтобы из этого «чего-то» не дуло. Потом снова вышел во двор и осмотрел владения. Самое сильное впечатление произвели растущие вдоль дороги массивные тополя. За ними, как высказался в одном из своих стихотворений мой друг Гена Кононов, «как дым струились ввысь березы». Не парк, конечно, но красиво. Березы вели себя смирно, а тополи весной буйствовали. Они обильно посыпали дорогу аллергическим пухом. Выглядело это завораживающе. Но красота — страшная сила. И так уже отравленные городским смогом посетители попадали в душисто-пушистый тоннель, кашляли и проклинали всё на свете: нас, чистый деревенский воздух, флору и даже Пушкина.

Внизу у ручья расположилась мельница с водяным колесом. В памяти возникла картина Ф.А. Васильева «Заброшенная мельница», и стал складываться художественный образ будущего музея: «Вот мельница, она уж...» На фронте красовался кокетливый балкончик. Воображение тотчас перенесло в эпоху Возрождения:

Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

Как потом выяснилось, балкончик имел не английское, а кавказское происхождение. Позднее мы обнаружили в архивных папках

*Вид с крыльца на мельницу с балконом.
1986 год.*

Фото В.В. Ахломова.

Из фондов Пушкинского Заповедника

Семена Степановича фотокопию акварели М.Ю. Лермонтова «Пейзаж с мельницей и скачущей тройкой»¹. Так незаметно расширился ассоциативный ряд имен, событий и воспоминаний.

По поводу нашей мельницы я услышал такую байку. Якобы срубили ее два брата-латыша огненно-рыжей наружности. Привезли в фургоне из Резекне в разобранном виде и направились в дом Гейченко. Вошли, поздоровались:

— А мы вам, Семен Степанович, от всего нашего латышского народа хотим подарок сделать.

— Ну, так выкладывайте подарки на стол, почаевичаем.

— На столе не поместится.

— Тогда пошли во двор. Ну, где подарок?

— Не поместится. Пойдемте на поляну.

— Так где же ваш подарок?

Подошли к фургону, а

там — разобранная мельница. Вся так и лоснится от смолы, янтарем переливается.

Бугровские русалки

Дождь закончился почти одновременно с окончанием рабочего дня. Неожиданно возникла мысль захватить в Тригорское и окончательно рас-

---

¹ Козмин В.Ю. «Наука и жизнь» в литературном музее // Михайловская пушкиниана. Вып. 71. Сельцо Михайловское, 2019. С. 49–58.

прощаться с дорогими Татьянами, Ольгами и Евпраксиями, но бугровский омут затягивал. Вдруг я отчетливо понял, что на смену милым прототипам пришли русалки, грозная красота которых подавляла своей inferнальной сущностью. Они чудились мне повсюду: в мельничном пруду, под водяным колесом и на ветвях развесистого дуба, который был не менее могучим, нежели тот, что рос в Тригорском. Единственное, на чем тогда замкнуло мое воображение: как же они, бедные, на этот дуб забирались без лестницы, да без ног?

Русальные напевы прямо-таки витали в воздухе. Оказалось, что они не давали покоя не только мне, но и Семену Степановичу. В 2004 году Пушкинским Заповедником был издан сборник газетных статей С.С. Гейченко, написанных им в период с 1945 по 1993 год. Книжка получилась добротной и большой — 528 страниц. Последняя публикация, то ли эссе, то ли новелла, под названием «Ундина» датируется 12 февраля 1993 года².

Алиса, неизменная подруга всех современных пользователей интернета, так разъясняет природу этого существа: «Ундина (от лат. unda — «волна») — мифологическое человекоподобное существо женского пола, связанное с водоемами, нивами и полями». А вот что пишет Пушкин в первом отрывке будущей драмы «Русалка», написанном в Михайловском осенью 1826 года:

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!

«Полей» и «нив золотых» в Заповеднике предостаточно, водоемов — тоже, а волны Сороти способны порой уносить в неведомые дали, сопричастные и к тварному миру, и к миру высоких фантазий и миражей. Сюжет небольшого художественного произведения балансирует на грани между явью и мистикой, что позволяет читателю, имеющему хотя бы чуточку воображения, взглянуть на мир совершенно иначе. Это «иначе» связано в рассказе не с какими-то лешими и домовыми, которые в избытке встречались на заповедных тропинках в смутные 1990-е. Напротив, рассказчик, прожив яркую, наполненную высокой поэзией жизнь, постарался совместить добрую, еще советскую обыденность

---

² Гейченко С.С. Ундина // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко (1945–1993). Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 526–527.

с чудесными откровениями, которые зачастую проявляются в облаках, рисующих то контур гусиного пера, то профиль поэта. Место подобных озарений легко узнаваемо — это Пушкинский Заповедник, как и имя рассказчика, которого знала вся страна.

Как мы украшали печь

...На следующий день приехал Сам:

— Освоился? Вон там, видишь, щель? Заколоти.

— Вчера еще заколотил.

— Гм... хорошо, делаешь успехи! Будем украшать печь.

В моем тогдашнем понимании слово «украшать» означало вешать под Новый год игрушки на елку. Кроме того, украшать можно было жизнь, если конечно, в мошне звенели червонцы. Но ни червонцев, ни просто денег тогда не было, поэтому вся наша савкинская братия, когда начинала праздновать день рождения Пушкина, из всех музыкальных направлений предпочитала романсы. Но украшать печь?

По опыту жизни в Савкине я понял только то, что главным украшением печи были дрова, особенно сухие, к тому же сосновые. Смолянистые сосновые дрова были абсолютным изыском. Их поверхность была испещрена сочными прожилками, сулящими взрыв тепла, оптимистичное потрескивание и гарантии того, что из искры возгорится пламя. Печь от избытка чувств и смолы периодически «украшала» потолок витиеватыми кудряшками, подытоживающими издержки безалаберности. В гейченковском выражении «украшать печь» присутствовало что-то новое, таинственное и пока еще не доступное моему воображению. Правды ради, печь и без украшений была хороша! Она была аутентичной и ослепительно белой, как первый снег или лист бумаги, на который еще не капнули чернила грядущего вдохновения.

Еще по лету замечательный художник Володя Самородский оросил нашу печь водоземлемulsionной краской, что-то подмазал, растер и, наконец, слил в единое целое растекшиеся по одутловатым бокам потоки. Безупречная белизна печи подавляла собой всё окружающее пространство, точнее, еще не подвергнутый преобразованиям скупой интерьер будущего музея.

Пока мы с Семеном Степановичем наслаждались безукоризненной правдивостью выражения «плясать от печки», подбехал Алексей Федорович, заместитель С.С. Гейченко по хозяйству. Он, кряхтя

М.Л. Жукова. Печной угол в «Доме мельника». Лето 1986 года

и выражаясь, внес в избу продолговатую доску и домотканое, мягкое как лебяжий пух, полотенце. Полотенце было белым, с красной вышивкой по краям. Безымянная крестьянка где-то когда-то вышила на льняной ткани не только узор, но и красных птичек с выпуклыми грудками, похожих на снегирей, что, несомненно, сулило скорую зиму и счастливое будущее музею, в котором круглогодично «...Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь...»

Доска оказалась гладильной и тоже белой. Во времена твердых ГОСТов, стандартов и стабильного однообразия у многих советских граждан были такие. Ширококостные, модные, с раздвинутыми деревянными ножками. Ножки по требованию Семена Степановича я тотчас оторвал и поставил их в еще не омузеенный угол в соседней комнате — на черный день. На гвоздик повесил полотенце, рядом еще два, вспомнив из «Капитанской дочки»: «Полотенце на гвозде — рукой на ве-

ревочке». Рядом — доску, литературных аналогов которой в творчестве А.С. Пушкина я, увы, не отыскал.

Тут-то я и понял, что означало выражение «украшать печь». Всяк сюда входящий ожидал от музея смрадной атмосферы и темных подтеков в духе Радищева. Но когда реальные крестьяне начинали строить дом и воздвигать печь, всё было чистенько и ухожено. Потом уже быт съедал веселые цветовые гаммы. Поэтому внешний и внутренний вид музея соответствовал грядущей дате — дню открытия музея в Бугрове.

Угол получил должное оформление, Семен Степанович уехал, а я долго еще наслаждался тремя полотенцами, неожиданно-негаданно получившими прописку в печном углу. Казалось, что все эти, как говорят на Псковщине, «ляные» галатеи вмиг сдружились, но, будучи существами женского рода, завели свой привычный спор: «Кто на свете всех белее...»

Выпал снег. Тогда он еще был таким же белым, как печь, доска и полотенца. Избыточная белизна зимнего ландшафта невольно девальвировала ослепительно чистый и непорочный облик находившихся внутри экспонатов. Но к январю в музее появилось множество новых «постояльцев»: стол, лавки из мореного дуба, лампада стеклянная, чайник заварочный, обитый железными полосами деревянный сундук и домотканый льняной коврик на лавке. С появлением этих представителей «племени младого» печь, полотенце и доска поневоле перешли в статус старожилков. Так постепенно в «Доме мельника» сложилась «веселая семья» экспонатов. Каждый новый на первых порах получал название «влазень». Так на Псковщине испокон веков называли бесцеремонных нахлебников.

Патина

В те годы семейные отношения были для меня полной загадкой, так как в свои двадцать пять я ориентировался, разумеется, на Пушкина. А тот, как известно, женился в тридцать два. Но что касается вещей... Станным образом они, попав в музей, начинали жить своей жизнью: кто-то старел, кто-то молоделся, кто-то был одет щеголем, ходил гогедем.

Казалось, что происходящие в экспозиции метаморфозы почувствовал и сам создатель. Приехал, вошел. Мимоходом посмотрел на печь, искоса на полотенце и задержал свой взгляд на доске. «Снимай, будем

*Вещи в экспозиции
«Дома мельника». 1986 год.
Фото В.В. Ахломова.
Из фондов Пушкинского Заповедника*

старить и доводить до ума». Я снял доску со стены и осторожно положил на пол. Вдруг Гейченко занес свою ногу над экспонатом, как топор над плахой, опустил ботинок и слегка шаркнул по поверхности. Потом еще раз проделал то же самое.

Надо сказать, что зрителем музея в то время была Лариса — невероятная чистюля. Полы после ее уборки просто блестели. Точно так же белоснежная поверхность доски хранила и блюла свою девственную первозданность. Но это был тот случай, когда Семен решил покарать не за чистоту во вверенном мне объекте культурного наследия, а за отсутствие грязи. «Давай, и ты попробуй». Я знал, что небольшая горсть грязи еще сохранилась в недоступном для Ларисы углу, том самом, где нашли приют «ноги», которые когда-то принадлежали доске. Опустил подошвы кроссовок в драгоценный прах повседневности, качнулся пару раз, наподобие чернильного пресс-папье, и бережно перенес содержимое угла к печи. Далее, по приказу Семена, тоже оставил на доске свой автограф. Доска чуть-чуть состарилась и слегка посерела... «Патина!» — торжественно произнес создатель и распорядился вернуть «старушку» на отведенное ей место.

Почтенная «старинная» доска еще долго радовала глаз посетителей. Но что примечательно: никто из них не поинтересовался годом ее рождения. Никто, кроме меня. На следующий день, почувствовав себя настоящим музейщиком, я составил полное, как мне тогда казалось, описание предмета: «Доска гладильная, древняя. Леноблтоппром. 1984 г.»

История про «патину» имела свое продолжение. Выкрашенная Самородским печь стала вдруг тускнеть. Она стояла у самого входа в музей и первой принимала на себя губительные воздействия внешней среды: сырости, облаков пыли, исходивших от проезжавших мимо машин, посетителей. Поэтому решено было печь обновить, то есть покрасить заново. Директор распорядился выдать Самородскому еще одну банку с краской. Тот пришел в музей. Правда, шел он довольно долго по причине какого-то очередного советского праздника. Кажется, это было Восьмое марта. Как потом выяснилось, добирался он до музея с 23 февраля. Две бесконечных недели гендерных ликований всегда накладывали неизгладимый отпечаток на работу и лица сотрудников Заповедника, поэтому художник пришел изрядно помятым, но с розой в петлице. Дойдя до крыльца, он тяжело вздохнул и выронил банку из рук. Та живенько покатилась к пруду, и, уткнувшись в ствол старой яблони, замерла в ожидании продолжения банкета.

Владимир умоляюще посмотрел на меня и, сбив от нетерпения пару розовых лепестков, произнес: «Хорошо тебе, жены нет. А мне еще...» Бросил ненавидящий взгляд на печь женского рода, достал из кармана кисточку и сказал: «Покрась сам, только банка одна, на всю поверхность может не хватить — экономай». Избавившись от окончательно общипанной розы и груза ответственности, художник ласково посмотрел на высеченную им надпись на огромном валуне «Здесь при Пушкине...» и отправился навстречу новым приключениям в Пушкинские Горы, а точнее, в монастырь, который хотя и значился музеем, но сохранял в своих стенах дух мужской дружбы и коллективизма.

Поскольку лавры Тома Сойера давно не давали мне покоя — согласился. Вспомнив, что я всё-таки инженер, обломком оставшейся от былых хозяев косы вскрыл банку и вспомнил Мандельштама:

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст как струпья положил.

Он понял масла густоту...

Это самое масло меня и подвело... Нет, на нем никто не поскользнулся, но последствия оказались катастрофическими. Дело в том, что в те времена информация о цвете и свойствах краски располагалась не на самой банке, а на бумажной этикетке. По-видимому, хлипкая аннотация слегка поистерлась в дороге. Единственное, что уцелело — маленький клочок, на котором черным по белому было написано: «Белая». Содержимое банки тоже было белым. Кажется, всё сходилось. Кисточка бойко порхала по поверхности печи, озаряя помещение белизной и необыкновенной лучезарностью. Печь словно обрела вторую молодость, сбросив десяток годков. Выглядела она как невеста на свадьбе: юная, посвежевшая, нарядная. «Ну вот, кстати, и подарок всем женщинам к Восьмому марта», — подумал я. Однако неведомые мне доселе кошки скреблись в подсознании — что-то не так, слишком нарядно.

Как и предупреждал художник, краски не хватило. Ниже устья печи, где крестьяне обыкновенно складывали хворост и дрова, осталось сероватое пятно, которое я прикрыл тем же, чем его 200 лет тому назад прикрывали крестьяне, — дровами и хворостом.

*Русская печь перед покраской. 1986 год.
Фото В.В. Ахломова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

Праздник, придуманный Кларой и Розой, закончился, цветы тоже, женщины снова встали у плиты, а наши девушки-экскурсоводы пригорюнились. Наступили серые, как то самое не докрашенное мною пятно, будни. С печью стало твориться нечто странное. Она по-прежнему блестящая, но местами стала потрескивать. Нет, речь вовсе не идет о веселом потрескивании дров в печи. Музей всё-таки! Поверхность печи стала покрываться многочисленными трещинами и морщинами с серыми прожилками.

Наконец-то вернулся художник, споткнулся о пустую банку, выматерился и присел от неожиданности. «А чего это она так соскрябилась?» Володя был родом из Торопца, поэтому иногда употреблял лихие торопецкие словечки. Разнервничался, вышел на улицу и в очередной раз пнул банку. Да так, что та улетела в пруд, прорубив видовое окно в густых зарослях местного камыша.

Крайним в этой истории оказался заведующий складом: доскаты, недосмотрел и этикетку с полным описанием изделия сорвал в процессе подготовки к праздничным мероприятиям. Краска оказалась не водно-эмульсионной, а масляной. Этих нюансов я тогда еще не знал. Впоследствии выяснилось, что масло и эмульсия — две вещи несовместные.

Масло с маслом уживаются друг с другом хорошо, эмульсия с эмульсией — еще лучше. Но «дружбы нет и той меж ими». В результате печь стала напоминать гору Машук, покрытую седым снегом и изрезанную глубокими ущельями.

Гейченко доложили о странных явлениях, происходивших в Бугрове, и он решил самолично поставить неутешительный диагноз всем участникам случившегося безобразия. Директорская «Волга» прибыла к обеду. Вошел, увидел и отшатнулся. Потом обошел печь, глубоко вздохнул, о чем-то задумался и присел на лавку. Гром и молнии почему-то задерживались. Встал, погладил шершавую поверхность лицевой части и тихо произнес: «Старость — не радость». Далее, почти дословно, процитировал из письма Пушкина Плетневу: «...мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята, [а] мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать». Взглянул на серенькую доску, потускневшее полотенце и состарившуюся, по недоразумению, печь и подвел неутешительный итог: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день». И действительно, через какое-то время была разобрана печь, а гладильная доска исключена из «списка живых», так как не соответствовала критериям музейной типологии. «Иных уж нет, а те далече». Что же касается легких на подъем полотенец, особенно того, со «снегирыми» — они сейчас находятся в музейных запасниках. Наверное, вспоминают свою молодость и грустят.

...Спустился по ступенькам, пошел к машине. Разнос, кажется, отменялся. Но решения не было. Успел лишь спросить: «Так что же делать?» Он тихо, голосом, запрятанным глубоко внутрь, ответил: «Жить». Машина поехала в Михайловское, но двигалась она как-то странно и очень тихо. По-видимому, водитель почувствовал настроение директора. Впрочем, может быть, мне так показалось. Четверть века я вкушал беспечные радости холостого существования, поэтому и застрял где-то между детьми и хрычами. Тогда мысли о старости меня не слишком беспокоили. Сказал жить — будем жить. Главное, что пронесло, и «буря, кажется, успокоилась».

Олицетворения

Можно переводить с русского языка на английский, с английского на русский, но Гейченко в совершенстве владел искусством перевода

*«Дом мельника». Вид с дороги. 1986 год.
Фото М.И. Семенова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

с негомо на живой. В литературоведении это явление зовется «олицетворением», например: «Уж небо осенью дышало... Стоял ноябрь уж у двора». Небо — «дышало», а ноябрь, как это ни покажется странным, «стоял», так как экскурсионный сезон закончился. Окрестности обезлесили, обезлюдели и осиротели.

В цеху поэтов этот литературный прием используется давно и повсеместно, начиная с Пигмалиона: «...Уста прижимает / Он, наконец, к неподдельным устам, — и чует лобзанья». Поэты одушевляют всё и вся — даже то, что иногда лучше не трогать и обойти стороной. Правда, подобные метаморфозы происходят в головах мастеров художественного слова и книжках, истерзанных пальцами ревностных почитателей. Однако термин «музейное олицетворение», кажется, до сих пор не получил прописку в научном мире. В учебниках подобного определения нет, а в жизни оно присутствует повсеместно. Во всяком случае, в жизни того места, которое называется «Пушкинский Заповедник» и которое в свое время было оживлено по мановению волшебной палочки кудесника.

Однажды уроженец плывущего в Средиземном море женского сапога папа Карло вытесал из неодушевленного полена человечка, который

*Иду закапывать бочку. 1986 год.
Фото В.В. Ахломова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

заговорил, запрыгал и даже ухитрился влюбиться. Так и все вещи, попадая в руки или в поле зрения Семена, начинали оживать, весело болтать и рассказывать владельцу свои затейливые истории. Хозяин, в свой черед, делился с ними насущными проблемами и видами на будущее. В первую очередь это касалось музейных предметов, а также музейной территории, и дело тут не ограничивалось расстановкой указателей и усердной заботой о газонах и дорожках. Пространство оживало, пульсировало и охотно рифмовалось с окружающей действительностью, даже если эта действительность была весьма прозаичной. Как, например, во втором и четвертом пунктах упомянутого выше «Плана работ»:

Приедут к вам машины три.
Струзи песок, камень, гравий.
Засыпь все ямки, подмети,
И жди дальнейших указаний.
У щита пожарного —
Бочку закопать,
От огня коварного
Будем дом спасать.

Веселая семья...

Постепенно наш крестьянский «уголок земли» стал превращаться в говорящую на языке Пушкина рукопись, базовым текстом которой становилось одушевленное пространство, которое до этого было «просто двором» и «просто домом». Однако текст писался вовсе не «с чистого листа». Некоторые детали подворья, до этого принадлежавшие «просто жителям», были использованы Гейченко при создании пушкинского театра в Бугрове.

Так, например, напротив ворот доживала свой век старая высохшая яблоня, изображенная на многочисленных приглашениях и «памятках» того времени. Казалось бы, по всем законам музейной науки мертвое дерево должно было быть спилено, чтобы не заслонять собой унылую и бессознательную красоту новоделов. Сам Семен в своей памятке к открытию музея констатировал: «На усадьбе убраны мертвые деревья, поставлена ограда». Но эту яблоню ни он, ни кто-либо другой даже пальцем не тронул — вплоть до самого ее обрушения в 1988 году.

Откуда возникло такое почитание «старушки», сам Гейченко рассказать не успел. Но со временем всё встало на свои места и прояснилось.

Старая яблоня. 1986 год.

Фото М.И. Семенова. Из фондов Пушкинского Заповедника

Дом, в котором находилась экспозиция, назывался «Домом мельника», в пушкинской драме «Русалка» также говорится о некоей хижинке, в которой жили мельник и его дочь. Неподалеку от «хижинки» находился старый запущенный «садик»:

Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит;
Тут садик был с забором, неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?

Литературная экспозиция естественным образом сливалась с природной. Старая садовая яблоня «рифмовалась» с запущенным садом в драме и общей атмосферой упадка, увядания, старости с ярко выраженным трагедийным эффектом. Для воссоздания общей картины автор вносил дополнительные мазки: забор, дуб. Дуб был свой, бугровский, здравствующий и поныне, забор поставили два замечательных плотника: Коля и Толя. Яблоню, застывшую в своей величественной скорби, не тронули совсем, так как она оказалась в нужном месте в нужное время.

Дуб, осознав, что он теперь не просто дуб, а всеми уважаемый член труппы музейного театра, затребовал соответствующих привилегий. В 1985-м дорога в горку, ведущая к дому Орловых, находилась ниже теперешней, поэтому забор панибратски прижимался чуть ли не к стволу могучего патриарха.

Ранней весной 1986 года, когда

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга,

поступило распоряжение перенести дорогу на два метра выше и устлать «шоссе» ковром из дерна. Дерн в больших количествах стали привозить из еще неокультуренных полей Пушкиногорья. Потом вместе с пожарными мы безостановочно лили на землю из брендспойтов. Благо, в этом нам помог «весенний дождь на злак полей». Вскоре вокруг дуба зазеленела долгожданная травушка-муравушка. Оказалось, что весь этот сырбор был затеян только для того, чтобы «дуб», назначенный Семеном на роль «дуба заветного», чувствовал себя вольготно.

Именно с этой историей связан пункт № 3: «Закреть дорогу и усадьбу Орлова (камни), если ему сделают другую». В рифму это звучало так:

К Орлову перекрой дорогу,
Большуший камень положи,
Но больше ничего не трогай:
Положишь — тотчас позвони.

Камни должны были напоминать водителю, что ехать надо не «по привычке», а с пониманием, и не по музейному дерну, а по свежей гравийке.

Декорации будущего музейного театра автор выстраивал тщательно и кропотливо, придерживаясь золотой середины и балансируя между недобором и перебором. То, что не укладывалось в «природно-ландшафтные» нормативы, прекрасно согласовывалось с концепцией, которую претворял в жизнь С.С. Гейченко. Яблоня находилась рядом с «дубом заветным», который в музейном спектакле получил имя, соответствующее названию в пушкинской драме.

Могучий дуб продолжал жить своей естественной жизнью, весной на его ветвях появлялись листья, осенью они осыпались. Но литературные намеки позволяли прочесть то, что ускользало из поля зрения обычного посетителя. Но как музейными средствами показать те стремительные, не зависящие от смены времени года, литературные намеки? А так — пушкинский князь говорит:

Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?..

(Идет к деревьям, листья сыплются.)

Что это значит? листья
Поблекнув вдруг свернулись и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и черен,
Как дерево проклятое.

*Слева — мельница, справа — «дуб заветный».
В.В. Лысюк. 1980-е годы*

Дуб и старая яблоня на два голоса «раскладывали» оперную партию пушкинской «Русалки». Первая становилась прелюдией музейной пьесы, вторая — ее эпилогом. Разумеется, никаких пояснительных текстов ни под дубом, ни под яблоней тогда не было. Но любой, кто приходил в музей уже настроенным на пушкинский текст, кажется, прекрасно понимал смысл подобного соседства. О том, какие сейчас оперные или опереточные партии исполняют березовые чурки, примостившиеся на ветвях дуба, я, право, не знаю...

Пафос художественного преобразования «целинных» земель деревни Бугрово и желание превратить быль в сказку доминировали в пространстве. В многократно цитируемой поколениями экскурсоводов элегии «...Вновь я посетил»

...три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему всё пусто.

У сосен дети есть, а у нашего дуба нет — непорядок. Почему и у нашего дуба не может быть «детей», тем более, что вечность существует только в продолжении рода и племени, в том числе растительного? Методика преобразования действительности позволяла переноситься в иные измерения, а плоскостное видение мира стало расцветаться новыми гранями. Одиночество дуба вызывало сострадание. Поэтому неподалеку от нашего «холостяка» я посадил его молодого отпрыска. Спустя год, то ли случайно, то ли по наитию, посадил свой саженец Валентин Иванович Орлов. Шло время, мой дубок почему-то раздвоился, его — стройной свечой устремился ввысь. Погодки мирно сосуществовали под кровом патриарха и со временем вступили в пору молодости, как правило, расцветенной бурными и неясными порывами.

Правда, они не могли говорить по-нашему. Но однажды, как в фильме Тарковского, от них прошелестело: «Я могу говорить...» Вслушался и услышал: «Отъехать в поле к двум дубкам...» Так, в продолжение методики Семена Степановича, рядом с мельницей «пророс» еще один пушкинский сюжет:

Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
Лепажу стволы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам.

Когда Гейченко создавал музей в Бугрове, он целиком был поглощен идеей музейной «экранизации» драмы «Русалка». Дуэльные строфы шестой главы «Евгения Онегина» проросли позднее, когда автор уже покинул бранный мир. Какие-то намеки на возможную причастность бугровской мельницы к пушкинскому описанию дуэли я отыскал в архивных документах Пушкинского Заповедника конца 1950-х годов. Но доказательства носили косвенный характер и не дотягивали даже до статуса гипотезы³. Однако природа брала свое: дубки подрастали, а потом, в начале 2000-х была установлена плотина, на которую «должен» был опираться Ленский. Да и наша лужайка «за мельницей» вмещала в себя столько же шагов, сколько прошли навстречу друг другу дуэлянты: четыре плюс пять умножаем на два — получаем восемнадцать:

...Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили...

Когда же в конце октября наступало время, когда мельничный пруд «уже застыл», а с противоположной стороны, ниже плотины, всё еще пробивался живой ручеек, возникали строки пушкинского стихотворения «Осень»:

Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...

Приданный музейному пространству «первотолчок», уже независимо от автора, способствовал насыщению окружающей среды рифмами, литературными аллюзиями и живительным кислородом пушкинской поэзии: «Имеющий уши да услышит, имеющий глаза — да увидит, имеющий разум — да осознает».

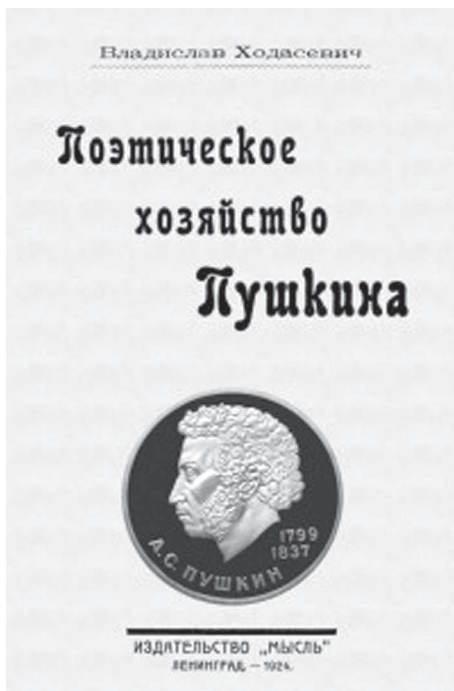
³ Козмин В.Ю. С.С. Гейченко — соавтор Б.Ш. Окуджавы // Михайловская пушкиниана. Вып. 60. Сельцо Михайловское, 2013. С. 127–147.

Гейченко и Ходасевич

Прологом удивительного преобразования мельничного места на речке Луговке, несомненно, стала драма «Русалка», о чем свидетельствует ряд публикаций С.С. Гейченко и его «Памятка паломнику», выпущенная к открытию музея⁴. В библиотеке Заповедника по сей день хранится зачитанная до дыр книжка В. Ходасевича, в самом названии которой слились воедино материальное и духовное — «Поэтическое хозяйство Пушкина». В этой книжке Владислав Фелицианович, будучи поэтом, изъясняется на вполне доступном для читателя языке. В отличие

от многих современных пушкинистов, он, как та самая русалочка, мог искренне признаться: «А что такое *перманентный атеистический экзистенциализм* — я не знаю». Поэтому, минуя глубокие и зачастую путанные литературоведческие изыски, автор, ничтоже сумняшеся, откровенно заявлял: «Скажу прямо: «Русалка», как весь Пушкин, — глубоко автобиографична. Она — отражение истории с той девушкой, которую поэт «неосторожно обрюхатил». Русалка это и есть та безымянная девушка, которую отослали рожать в Болдино, князь — сам Пушкин»⁵.

Судьба Ольги Калашниковой Ходасевичу представлялась глубоко трагичной: «Как ни тяжело это высказать, всё же я полагаю, что девушка погибла — либо еще до прибытия в Болдино, либо вскоре после того. Возможно, что она покончила с собой — может быть, именно традиционным способом обманутых девушек, столько раз нашедшим себе

⁴ Рождение музея // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 5–8.

⁵ Ходасевич В.Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. 1. Л., 1924. С. 119.

отражение и в народной песне, и в книжной литературе: она утопилась. Но какова бы ни была фактическая обстановка ее гибели, Пушкин должен был сознавать, что виновник этого — он, что его сравнение девушки с Эдой (в письме к Вяземскому) оказалось пророческим. Когда именно дошла до него печальная весть, в точности определить невозможно. Во всяком случае, к 23 ноября 1826 года, к моменту написания «Как счастлив я...», тема соблазненной и покинутой девушки, «тема русалки», стала для Пушкина автобиографической»⁶.

Поэт, как говорится, он и в Африке поэт. Тем более такой, как Пушкин. Если его обуюла некая идея, он, несмотря ни на что, таки вырывает к искомой цели и додумает то, чего никто еще даже не придумал. Наверное, если бы Ходасевич узнал о том, что крестьянка, оказавшись в Болдине, была жива-живехонька, вышла замуж за не ахти какого, но дворянина, получая при этом некое пособие от Пушкина, он бы, наверное, разочаровался. Потому что вместо высокой трагедии получался заурядный «хэппи-энд».

Семен Степанович, в отличие от Владислава Фелициановича, к этому времени хорошо знал о том, что дочь оборотистого приказчика вовсе не утопилась и оказалась весьма ловкой и рассудительной. Тем не менее, Гейченко солидаризировался с Ходасевичем в том, что «этот горестный роман жил в сердце и на уме Пушкина до последних дней его жизни»⁷. Очевидно, по мнению Гейченко, всё самое трагическое произошло в Михайловском. И с этим нельзя не согласиться, потому что возникшая в годы ссылки любовь к крепостной девушке стимулировала творческие порывы автора, плавно перетекавшие в рабочие тетради и рукописи.

Биографический подход Ходасевича к трактовке пушкинской «Русалки» в полной мере соответствовал идее музейной мемориализации пространства — «восстановлению обстановки и облика исторического места, где проживала известная личность». Главными «личностями» в Михайловском были поэт Пушкин, его няня, а также герой, точнее, героиня его романа — крепостная Ольга Калашникова. Умудренный музейщик, сам обладавший незаурядным поэтическим слухом, убивал двух зайцев сразу: восстанавливал историко-биографическую среду и параллельно насыщал материю поэтическими образами. В этом, на

---

⁶ Ходасевич В.Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. 1. Л., 1924. С. 119.

⁷ Рождение музея // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. С. 8.

*С.С. Гейченко открывает музей «Водяная мельница в деревне Бугрово».
31 мая 1986 года*

наш взгляд, суть той уникальной методики хозяйственно-поэтического обустройства места, которой в совершенстве владел С.С. Гейченко. Причем не только владел и созидал, но зачастую сам становился актером и драматургом.

Жаль, что в то время еще не было записывающих устройств. Во время открытия музея Семен так сыграл одну из ролей, написанных им самим же, что плотно обступившие его писатели и прочие мастера художественного слова слушали, затаив дыхание, не проронив ни слова. В этот момент они прекрасно понимали, что вначале было Слово, его слово...

ТЬМЫ НИЗКИХ ИСТИН...

Торжество торжеством, но в истории открытия музея в Бугрове были свои подводные камни не только в мельничном пруду, но и в широко разлившемся океане советского пушкиноведения. В 1966 году маститый ученый Т.Г. Цявловская в серьезном академическом издании «Временник Пушкинской комиссии» опубликовала статью «Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта». Автор

ознакомила читателей с наследием некоего тверского учителя Раменского, ухитрившегося подружиться с Болотовым, Радищевым, Карамзиным, Жуковским и, разумеется, Пушкиным. Всем бы таких учителей!

В запасники Пушкинского Дома попал роман Вальтера Скотта, на листах которого Пушкин якобы изобразил повешенных декабристов, вписал отрывок «Как счастлив я, когда могу покинуть...» и начертил маршрут своего путешествия: «Санкт-Петербург — Новгород — Торжок — Тверь — Москва. От Торжка показана дорога на северо-запад от почтового тракта и отмечен пункт: Грузины»⁸. Дарителем «экзота» стал правнук самого коммуникабельного в России учителя — советский пенсионер Антонин Аркадьевич Раменский. Он-то и занес в 1963 году дары тверских данайцев в Пушкинский Дом.

Дальше — больше. Положительная рецензия мэтра побудила калининское начальство к решительным действиям в сфере фронтальной «пушкинизации» богом забытых русских селений. Преобразования начали с берновского омута, ранее увековеченного на известной картине художника Левитана. Потом к омуту приплели Пушкина. Весьма оперативно местные старожилы вспомнили, что именно в этом омуте жила та самая русалка. Исходя из корневого русского обычая «хотели как лучше, а получилось как всегда», в начале 1970-х годов у омута возвели плотину и мельницу. Рядом поставили табличку: «Вот мельница, она уж развалилась...». Через год пожелание неизвестного автора экспликации исполнилось — под напором реки под названием Тьма свежие новоделы действительно развалились.

В 1990 году я отправился в свою первую командировку — конечно же, в Берново. Соперничество сразу двух музеев, нашего и берновского, за сердце прекрасной дамы по имени «Русалка» тогда для меня носило принципиальный характер. Приехав в Тверь, сел в первый же автобус, который отправлялся в Грузины с остановкой, как то было написано на табличке, в Берново. Водитель доброжелательно уточнил: «На повороте сойдете, а там рукой подать». «Рукой подать» — это, как потом выяснилось, было 24 километра по шоссе. Столько же было на термометре лобового стекла водителя. В общем, «мороз и солнце, день чудесный».

Лихо миновал Малинники, точнее то, что от них осталось, а от них не осталось ничего, кроме вмерзшего в снег плана бывшей усадьбы.

---

⁸ Цявловская Т.Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л., 1966. С. 10.

*Останки мельницы на реке Тьме в Бернове.
1990 год. Фото автора*

Пройдя еще пару километров, обнаружил дважды знаменитый омут, на льду которого местный «пушкинист» таскал из лунки ершей, очень напоминавших маленьких русалок. Я удостоверился в том, что рядом с лунками не было ни плотины, ни мельницы. Только у берега лежало несколько взлохмаченных весенним паводком бетонных плит. Я пожелал рыбаку ни хвоста, ни чешуи и с чувством глубокого удовлетворения отметил, что от распиаренной мельницы-соперницы остались только рожки да ножки.

Добросердечные сотрудники музея в Бернове уверили меня в том, что никаких мельниц и плотин у омута они больше строить не будут. Дескать, Тьма не принимает. На ночлег отвели в маленькую избушку, состоявшую из двух комнатушек. В первой находилась благообразная кастелянша лет этак под восемьдесят, во второй поселился я. Поселился и тотчас уснул. Проснулся, прошел в прихожую, а там... Бабушка оказалась сказочной золотошвейкой из сказки. На столе блистал бисер всех цветов и размеров. Зрелище было потрясающее. «Зачем им Пушкин и мельница, — подумал я, — хватит с них Левитана, омута да этой чудесной бабушки».

*Кафе «Русалка» в Бернове.
1990 год. Фото автора*

Зашел в кафе «Русалка», отведал ершовой ухи и на рейсовом автобусе отправился из Бернова в Грузины. Водитель был другой, но очень похожий на первого. Тормознув у остановки «Грузины», он сочувственно произнес: «В дурку или проведать кого?» Потом уже выяснилось, что дворец Полторацких, в котором бывал Пушкин, в советское время был перепрофилирован в психоневрологический диспансер. «Не дай мне бог сойти с ума!» — решил я и не сошел с автобуса. Тот устремился в Торжок, где в течение суток я любовался облезлыми церквями и прочими памятниками архитектуры. Возвращался из Твери поздно. Подъезжая к Новгородке, отметил начитанность наших и тверских крестьян. На нашей развилке стоял «Руслан», в Бернове — типовое учреждение общественного питания под названием «Русалка». Приехав, сразу отчитался: «Всё прекрасно, мельница развалилась, но вообще-то это не командировка, а дурдом какой-то». Владимир Семенович согласно кивнул.

Во время былых праздников на Праздничной поляне собиралось несметное количество посетителей. Особый восторг рядовые граждане испытывали от общения с музыкантами, писателями и поэтами. Те, в свою

очередь, отработав свою смену, устремлялись в «Березку». Оттуда доносились сладкозвучные строфы и постепенно угасающий разговор в стиле «riano», что было вполне естественно: «Сделал дело — гуляй смело». То же слово характеризовало ту высшую стадию чувственного восторга, когда от обилия впечатлений мужчин начинало клонить ко сну. Там же, в «Березке», я познакомился с писателем, журналистом и просто хорошим человеком Алексеем Степановичем Пьяновым.

Он был нашим главным оппонентом в том, что было связано с Пушкиным и русалками. Будучи глубоко доверчивым человеком, он искренне поверил Цявловской и в течение долгого времени занимался популяризацией рода Раменских. В том числе он опирался на псевдопушкинский текст, начертанный в книге «Айвенго». В 1974 году вышла в свет его книга «Берег, милый для меня», в начале 1980-х — несколько изданий книги «Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае» и, наконец, в год создания музея в Бугрове, в 1986 году, — документальная повесть «Под голубыми небесами». В своей последней книжке автор по-прежнему утверждал: «В «Русалке» реально ощутимы берновские впечатления Пушкина, местные легенды и предания, настроение». Но, в отличие от прежних книг, берновская история была изложена им очень скупно. И вот почему.

В 1985 году в журнале «Новый мир» был опубликован подробный «Акт» из фейкового архива Раменских⁹. Историки сопоставили факты и заподозрили масштабный подлог. Престарелый внук скончался в том

⁹ «Обратить в пользу для потомков...» / публ., предисл., примеч. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212; № 9. С. 218–236.

же году, унеся в могилу секреты своего «производства». Лишь в 1990-х сотрудница Пушкинского Дома Татьяна Краснобородько доказала, что автографы на «Айвенго» — работа умелого мошенника.

Потом Пьянов часто приезжал в Пушкинские Горы, заходил и в наш музей. Последний раз мы беседовали с ним очень долго, но, в конце концов, он горестно махнул рукой и произнес: «Столько лет, столько лет, и всё коту под хвост». К этому времени мельница на реке Тъме уже почил в бозе, а музей «Водяная мельница в деревне Бугрово» только-только распахнул свои двери и разваливаться не собирался. Думаю, что именно тогда у создателя нашего музея слегка отлегло от сердца: пушкинская «Русалка» теперь принадлежала только нам. После этого Гейченко написал своим, слегка заблудившимся в дремучем лесу преданий, мифов и фальсификаций, коллегам добродушное письмо, которое в своей последней книжке опубликовал наш тверской коллега:

«В берновском музее хранится письмо, присланное из Михайловского. Хранитель пушкинского Лукоморья С.С. Гейченко писал участникам и гостям поэтического праздника на берегах речки Тъмы:

«За горами, за долами Псковщины есть сказочная страна Михайловское Святогорье, где живет и всегда будет жить волшебник русского слова Пушкин, а с ним его бессмертные герои. Теперь сказочная страна материализовалась в другом любимом месте Пушкина — Бернове. Сегодня, в день торжественного праздника поэзии и поэтов, в синем небе все видят замечательную радугу, соединяющую эти удивительные места...»¹⁰

Русалками в послании и не пахло... В честь такого знаменательного события сподобился написать песенку:

Сказка в озере таилась,
Там русалочка родилась.
Над поверхностью рябой
Появлялась с зарей.
Покажись, зеленоглазка,
Не пугайся, не пугай.
Расскажи свои мне сказки,
Полюби и приласкай.

---

¹⁰ Пьянов А.С. Под голубыми небесами: документальная повесть. М., 1986. С. 156.

Не боюсь твоих я взглядов,
Их опасную игру.
Быть бы рядом, быть бы рядом —
Остальное в трин-траву.

На земле такая скука —
Забери меня с собой.
Ночью звездною без звука
Мы проснемся под водой.

...До лампочки

Музей строили всем миром, а миром правил Семен. Сохранилось его письмо директору псковского завода АТС Л.Л. Панчева от 26 ноября 1985 года:

«Уважаемый Леонид Лукич!

Дирекция музея-заповедника А.С. Пушкина обращается к Вам и Вашему заводу — шефу нашего Заповедника с очередной просьбой. В Михайловском, на окраине деревни Бугрово, недавно восстановлено еще одно памятное место, где часто бывал Пушкин и под впечатлением которого создал свою гениальную трагедию «Русалка». В восстановлении этого памятника многие советские люди безвозмездно приняли участие. Так, московские архитекторы разработали проект возрождения мельницы. Рабочие Латвии (г. Резекне) построили мельницу и поставили ее на место. Дети-школьники Пскова привели в порядок усадьбу и сад мельницы. Шефы-воины г. Острова восстановили баньку мельника. Все эти работы были исполнены безвозмездно, как память любви и уважения к великому народному поэту А.С. Пушкину. Теперь осталось только одно — на мельнице и в доме мельника провести электричество. Вот мы и решили просить Вас об этом. Сделайте доброе патриотическое дело! Дирекция, хранители и научные сотрудники музея-заповедника и все паломники будут Вам и Вашим заводским работникам безмерно благодарны. С глубоким уважением директор Гос. музея-заповедника А.С. Пушкина С.С. Гейченко». Ниже под текстом на треть листа простерлась размашистая подпись, подчеркивающая значимость документа и передававшая взволнованное настроение автора.

Через несколько дней в Михайловское приехал Панчева, а еще через неделю — его «заводские работники». Работали до ночи, но управились

за день. Электропроводка была изумительная: все провода в металлических трубках, коробки чуть ли не из космического титана. В общем, в музее наконец-то зажглась долгожданная лампочка Степаныча. С этим эпизодом связан пятый пункт:

Разровняй земли поверхность,
Где лежали кабели.
Не собаки — «кАбели»!
И о том поставь в известность.

Прошла еще неделя, и свет в музее исчез, лампочки потухли. Сквозь оконный переплет я увидел, как какой-то неопознанный электрик шустро сползал с бетонного столба. Его сотоварищ укладывал инструменты в деревянный чемоданчик.

— Что вы делаете?

— Отключаем ваш домик от сети, — сухо ответил тот, что стоял внизу.

— Да что же вы такое творите, ироды, здесь же музей! Для всех строился, все помогали во имя Пушкина, — решил я использовать ту, безотказно срабатывавшую манеру убеждения людей, каковой владел Семен Степанович.

— А нам до лампочки! Договор не заключили, электричеством пользуетесь за так. Потому и обрезали.

Ни о каком договоре я знать не знал. Попросил Ларису отвлечь электрика какой-нибудь яркой историей из ее личной жизни, а сам побежал к Орловым. У них был телефон. Позвонил директору:

— Беда! Обрезают!

— Так что же всё-таки, беда или обрезают? — с иронией спросил он.

— И то и другое...

— Позови старшего.

Расслабленной плясовой походкой к телефону подкатил старший, поднес трубку к уху и, приняв небрежную позу, выслушал эмоциональную лекцию о роли электричества в русской классической литературе. Лицо старшего перекошилось. Он слегка обмяк и стал вслух повторять красноречивые афоризмы, доносившиеся из аппарата:

— Как Пушкин? Как директор? Да, конечно, и мы Панчеху знаем...

Телефон заглох, электрик выпрямился в струнку и даже зачем-то

приставил руку к виску, как на параде.

— Ваня, лезь на столб. Будем обратно подключать.

Ваня ругнулся, что-то там скрутил, и лампочки вновь зажглись, как засиявшие раньше срока вифлеемские звезды.

Уже потом я пригласил Ивана Петровича и Николая Мефодьевича в «Дом мельника». Те долго рассматривали экспозицию, даже обещали пополнить нашу коллекцию старинными орудиями труда, доставшимися им от трудолюбивых предков. Уходя, Николай обернулся и, переходя на шепот, спросил:

— А как звать этого, ну типа генерала, с которым я говорил?

— Гейченко...

— А-а-а!

— Ну и дурак же ты, Николай, — наконец-то заговорил Иван, — в следующий раз ты на столб полезешь.

А еще через неделю все документы по энергообеспечению объекта были оформлены, лампочки работали исправно, а когда пришла весна, молодые аисты стали вить на столбе гнездо.

Иду разравнивать... 1986 год.

Фото В.В. Ахломова.

Из фондов Пушкинского Заповедника

Первые посетители

К началу 1986 года музей был практически готов, но никаких билетов еще не продавалось. Потенциальные посетители проходили мимо, даже не подозревая, что горящая внутри лампочка сигнализировала

о том, что внутри дома теплится жизнь. Морозы в том феврале были трескучими и затяжными. Черные трамвайные печки жарили неимоверно, но всё равно температура внутри колебалась в районе нуля, к вечеру сползая к приличным минусам. Единственное, что меня тогда согревало и успокаивало, — мысль о том, что я родился в Норильске, где было еще холоднее. Однажды на огонек всё-таки подтянулась шумная компания, во главе которой шествовала Ира Парчевская. С ней были питерские поэты. Зашли, чтобы погреться. Увы, этим порадовать их я не мог.

Тем не менее, экспозицию осмотрели и оставили на первой странице «Книги впечатлений» коллективный автограф: «Это замечательный музей, в стенах которого не покидает ощущение подлинности. Уходим отсюда с великим сожалением, что мы не мельник и мельничиха:

Поэты, не мелите чепуху
В стихах и прозе.
Мелите лучше здесь муку,
Ловите щук — варить уху.
Жить на морозе...

...Где стынут чернила».

Последняя строка появилась тогда, когда иссякло не вдохновение, а чернила, превратившиеся в сосульку.

Недавно я набрел на небольшую статью Ирины, о существовании которой не знал. Каюсь: «Мы ленивы и не любопытны...» Она, оказывается, тоже хорошо запомнила то первое посещение музея, а потом внесла в свою публикацию некоторые дополнительные штрихи: «Второй на моей памяти приезд случился в февральскую пушкинскую годовщину 1986 года. Тогда я сопровождала ее, Олега Тарутину, Асю Векслер, Ирину Чистову в прогулке по Михайловскому. Путь наш лежал через д[еревню] Бугрово, где только-только открылся новый музей — последнее детище С.С. Гейченко. Точнее, официальное его открытие состоялось позже, 31 мая, но в те дни в музее уже дежурил хранитель. Для посетителей была приготовлена «Книга записи впечатлений», и первый автограф оставили в ней, сменяя друг друга, Олег Тарутин и Татьяна Галушко... Что касается музея, то Татьяна, долго и зорко всматриваясь в обстановку жилой половины «Дома мельника», задумчиво, с явным одобрением и оттенком творческой зависти к С.С. Гейченко, произнес-

1
Но улетят живые мушкетеры, в беге которых не
идеальна мушкетерская полнота. Увидим абстра
с великим собою, что это не мелочливый,
и мелочливый.

То это, не мимолетную
в сферах и прозе.
Мимолетные здесь мушкетеры,
Мимолетные шутки - варианты шутки,
Мимолетные на дороге,

где стонут чернила

С. Тимурович
Т. Замуцко

Первая запись в «Книге впечатлений»
музея «Водяная мельница в деревне Бугрово»

ла: «Как он всё-таки умеет делать интерьер!» И это была оценка профессионального экспозиционера»¹¹.

Через пару дней подтянулись еще гости во главе с незабвенным В. Звонцовым. На этот раз компания собралась большая и шумная: художники, актеры, музыканты. Они веселой вереницей двигались от дома Семена, шумно расточая любезности окружающим красотам. Когда весь цвет русской культуры заполнил музейное пространство, сразу потеплело: температура тотчас скакнула до пятнадцати с плюсом. Чернила от избытка чувств и уважения к творческим персонам вмиг растаяли. Так была заполнена вторая страница «Книги». В итоге зимняя преледия грядущего рождения музея оказалась торжественной и во всех смыслах звонкой.

¹¹ Парчевская И.Ю. Дар бесценный // Пушкинский уголок. № 1 (20). С. 4.

Один из первых посетителей Бюро
 созданной при русском языке. Сидит!
 Да еще по несколько минут
 и по вечерам много и там Михайловым,
 но и все это еще нет

2

Нар. Кудряков	В. Звонков	Шингал
Аристов	З. Канев	Восток
Муромов	Е. Павлов	Косов
Кудряков	Л. Фрик	
Муромов	А. Фрик	
Богданов	Н. Фрик	К. Левин
Аристов	Уман	Косов
Кудряков	В. Канев	Восток

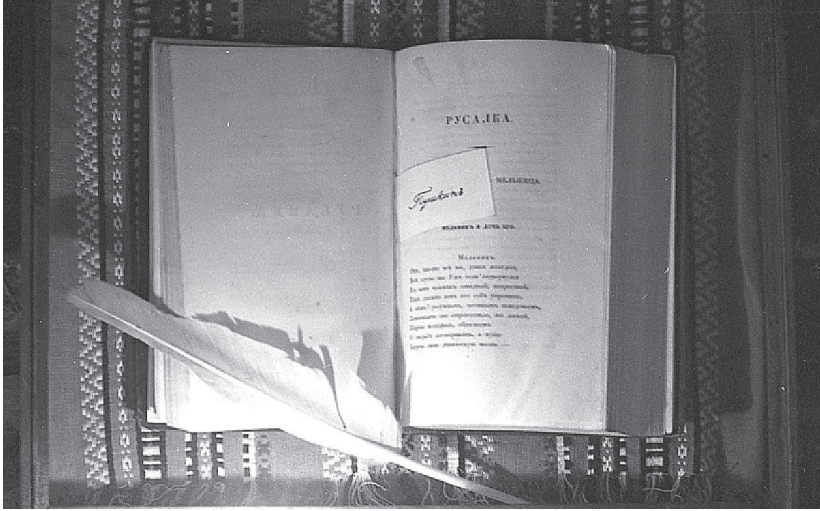
14-П-86.

Запись в «Книге впечатлений»
 музея «Водяная мельница в деревне Бугрово»

Визитка

В первой комнате во втором простенке находилась небольшая витрина, подложкой для которой стала «Салфетка с красно-черно-белым узором» (№ 44). Поверх нее автор положил книгу: «А.С. Пушкин. Собр. соч. Т. 9. СПб., 1841 г.» (№ 45). Утром я всегда здоровался с почтенным экспонатом, вечером — прощался. Тогда еще не копииные, а самые что ни на есть настоящие сокровища имели право на полноценную жизнь в «Доме мельника».

Ожидаемо девятый том был открыт на развороте — там, где Пушкин сделал ремарку к драме «Русалка»: «Берег Днепра. Мельница». Поверх Гейченко положил копию, а может быть, и оригинал визитки Пушкина. Та, как бы случайно, легла поверх «Днепра». О том, что на самом деле события в драме происходят не в окрестностях Киева, а

*Визитка Пушкина, драма «Русалка», перо в витрине. 1986 год.
Фото В.В. Ахломова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

в Бугрове, у речки Луговки, подозревал не только я и даже не Семен Степанович, а В.В. Тимофеева (Починковская). Она написала поразительные по своему эмоциональному воздействию мемуары «Шесть лет в Михайловском», сравнимые разве что с бунинскими «Окаянными днями»: «Вон — влево — речка с мельницей... «Вот мельница — она уж развалилась»... Не на Днепре, а здесь, я чувствую, бродил пушкинский «князь», вспоминая покинутую им Наташу». С ее мемуарами я тогда еще не был знаком, но в том, что визитка лежит на самом что ни на есть подходящем месте, не сомневался.

Однажды, сняв оба замка, я, как всегда, поздоровался с книгой. Вдруг заметил, что визитка слегка сползла вниз, обнажив ненавистный «Берег Днепра». Непорядок. Методом легкого потряхивания вернул беглянку на место. Через пару дней та снова опустилась...

Так продолжалось несколько лет: Днепр — визитка, визитка — Днепр. Однажды приехала Ира и сказала, что негоже раритету отсыреть у всех на глазах. Дескать, директор распорядился книгу из висячего положения вернуть в стоячее, то есть вернуть в библиотеку и поставить на полку. Библиографическая редкость под рукоплескания окружающих

деревьев покинула нашу мирную обитель. Но осталась салфетка, верх которой важно возлегла визитка. Страсти по «Русалке» и «Днепру» слегка поутихли.

Всё внимание посетителей теперь было перенесено на нее. Туристы слушали экскурсию, внимательно осматривали интерьер. Иные вздыхали и резюмировали:

— Вот еще один домик, где часто бывал, а иногда и жил Пушкин.

— А с чего вы взяли, что Пушкин здесь часто бывал? — вопрошал я.

— Ну как же? Раз свою визитку оставил, значит, бывал...

Валенки

Среди прочих предметов крестьянского быта в «Топографической описи вещей музея «Водяная мельница в деревне Бугрово» указаны валенки. Когда они поступили в музей, я долго их рассматривал: «Узкое голенище, маленькая стопа... Явно женские. Наверное, в них бегала к ручью несчастная дочь несчастного мельника». Гейченко самолично принес их в музей и разместил под кроватью. В мужских высоких пришел он сам.

Наступил декабрь 1986-го. Однажды в музей наконец-то пришла Любовь Джалаловна со своей то ли подружкой, то ли родственницей. На ногах жены директора были новенькие, внешне весьма симпатичные кожаные сапожки на рыбьем меху. Окинув взглядом экспозицию, она сказала своей подружке: «Всё сюда перенес из дома: подушки, накидки, посуду. Да ладно, всё для дела, пусть здесь живут». Потом ее цепкий взгляд опустился к полу, на котором красовались валяные музейные экспонаты. «Ой, — воскликнула она, — так вот же они, мои любимые! А я-то думала, куда они запропастились! Слава, верните мне валенки, а то в этих подделках ноги мерзнут, а в валенках тепло и уютно. Мне без них никак!»

В описи валенки числились — «б. н.», что означало «без номера». Но даже без номера они, тем не менее, числились в описи и находились в экспозиции. «Придет директор, — думал я, — обнаружит пропажу — получу люлей по полной». В сердце защемило, но я был бессердечен. «Извините, Любовь Джалаловна, с удовольствием верну, но только по акту передачи». Та пригорюнилась, но закон есть закон. А законы в Заповеднике устанавливал Гейченко.

*Интерьер избы. 1986 год.
Фото В.В. Ахломова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

Хиромантия

Периодически Семен Степанович пополнял музей новыми артефактами. Однажды он принес очень живописную, заключенную в рамку, присягу мельника. Ее мы повесили на кованый гвоздь в первой комнате. О гвозде и о «присяге» я ранее уже писал¹². Второй замечательный документ создавали совместно, как мастер и подмастерье, Ильф и Петров, Ободовская и Дементьев.

— Будем рисовать план деревни, — сказал Семен.

— Наконец-то, — с радостью согласился я, предчувствуя грядущее расширение своих компетенций.

На стол возлег листок серой, шершавой на ощупь бумаги с водяными знаками. Долгие годы она бездарно пролежала в хранилищах, но

---

¹² Козмин В.Ю. Про лося, кованый гвоздь и дом с видом на горку // Пушкинский уголок. № 3 (14). С. 9; Козмин В.Ю. К истории мельничного места в деревне Бугрово // «Хлебом царствуем!»: материалы проекта Пушкинского Заповедника «Хлебное место». Сельцо Михайловское, 2020. С. 43–89.

на старости лет решила начать всё с чистого листа. К нам раритет поступил из Великолукского архива, в котором в эти годы происходили глобальные пертурбации: то ли потоп, то ли пожар, то ли то и другое вместе. Хранить документы было негде. Поэтому было решено в знак великого уважения к Заповеднику отправить в Михайловское несколько стопок бумаги, так и не реализовавшей себя в той жизни. Вдохнуть новую жизнь должны были мы, следуя известному пушкинскому признанию:

...Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят.

— Вот здесь, согласно старинной карте, изобрази Луговское озерцо, дорогу и несколько домиков справа и слева. А я поверх названия нанесу, — распорядился Гейченко.

— А старинная карта где?

— В старинном архиве, но туда пока что не добраться. Вот тебе карандаш — рисуй.

Я нарисовал дорогу, озерцо и домики, размышляя о том, что же в итоге получится: то, что было раньше, или то, что будет к весне 1986-го. Съёмку местности «произвел» с нашей горы, сидя на пне рядом с домом Орловых. Тогда-то я и познакомился с местной бабушкой, которая сначала приняла меня за геодезиста, а потом рассказала местную байку о некоем «барине», приказавшем выпороть местного мельника за нерадивость. Правда, имен участников той экзекуции она, к сожалению, вспомнить не смогла: «Давно то случилось — я тогда еще сядуньей была, ходить еще не научилась».

Пока я затачивал карандаш, облака скомпоновались в летучий профиль того, благодаря которому местные жители стали пушкиногорцами. Это был знак свыше.

— А может быть, барина Пушкиным величали?

— А моге и так, — согласилась носительница местного говора.

Таким образом, из слов, воспоминаний и весточек от небесной академии всякого рода художеств сложилась вполне сносная легенда.

Окрестности лежали *как на ладони*, внизу разбегались дорожки и ручейки. Тут-то я и понял истинный смысл этого выражения. По версии всякого рода хиромантов, на ладони расположены линии судьбы, кото-

рые то сходятся, то расходятся. Линии, похожие на те самые дороги, которые мне предстояло изобразить на плане.

Взял в руки карандаш и изобразил изгиб дороги, ведущей в Святые Горы... Вдруг облака стремительно повзрослели и превратились в матерые тучи. Над головой разверзлись хляби небесные. Это были еще не те хляби, которые обрушились на Заповедник в 1987 году, но и в этих предвестниках будущих потрясений воды было в избытке.

Добежал до музея, который вмиг стал дорогим и любимым. Присел на дубовую лавку и, глядя на ладонь, дорисовал еще несколько дорог, озерцо, дома и возвышенность. Когда дождь закончился, скача по вновь образовавшимся лужам, я направился в Михайловское.

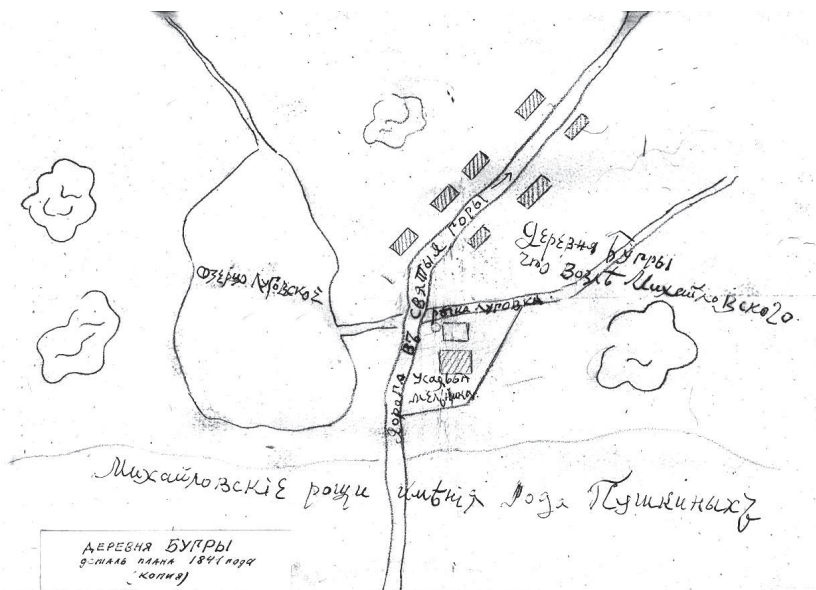
Гейченко меня ждал. Он ждал, несмотря даже на то, что мне можно было позвонить от Орловых и спокойно справиться о последствиях бури. Мысли о том, что я должен «тотчас» и «несмотря ни на что» явиться с докладом, и понимание того, что меня ждет важный акт инициации-посвящения в музейщики, ясно высвечивались в моем сознании. Дело в том, что к этому времени меня из инженеров перевели в хранители. Поэтому я должен был написать заявление о приеме на работу. Заявление я писал под диктовку директора:

«Я, такой-то и такой-то, прошу принять меня на должность хранителя нового замечательного музея в деревне Бугрово. Обязуюсь неустанно заботиться о нем, холить и лелеять, соблюдать чистоту и порядок. Читать, читать и читать книги о Пушкине и Михайловском. Несмотря на выходные дни и непогоду, в случае необходимости, являться в музей и ко мне для решения насущных проблем».

Кроме того, я хорошо знал содержание пятого пункта «Плана»:

Повторяю вновь и вновь:
«Сучья не убрал с дороги».
Накажу без лишних слов
Выговором строгим.

...Пришел на усадьбу — сразу к нему с завернутым в постиранный полиэтиленовый пакет планом. Свое обещание «являться несмотря ни на что» я таки выполнил, Гейченко был доволен. Он посмотрел на «План Бугрова», я — на ладонь. «Да, именно так, похоже», — произнес он. Потом взял в руки то ли перо, то ли обыкновенную советскую чернильную

План деревни Бугры 1841 года.
 Авторы С.С. Гейченко, В.Ю. Козмин

ручку и стал наносить на пока еще безымянную поверхность названия: «Озеро Луговское», «Речка Луговка», «Дорога в Святые Горы», «Михайловские рощи», и, наконец, «Деревня Бугры, что возле Михайловского». Последний топоним явно эквилибрировал между картографией и художественной литературой, но абсолютно верно указывал на то, что вы находитесь там, где когда-то прохаживался Поэт. В нижней части «Плана» Семен Степанович поместил пояснительный текст: «Деревня Бугры. Деталь плана 1841 года (копия)».

Ободовская и Дементьев

В конце апреля 1986 года рванул Чернобыль, но, кажется, никто этого не заметил. Зато подготовка к открытию музея была заметна всем окружающим. Мы всем миром в спешном порядке обустроивали нашу маленькую вселенную: косили, месили, сажали и ждали. Рядом с музеем наконец-то поставили «Кассу», намекавшую на то, что «вход в

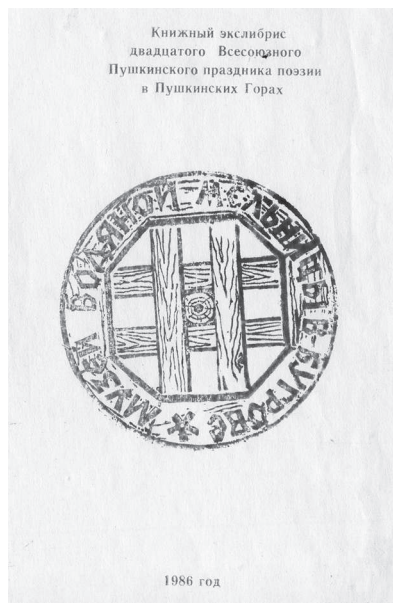
музей — по билетам». Кроме билетов, в кассе продавалась свежая литература, которую нам привозили из книжного магазина. Накануне Праздника поэзии в наш киоск завезли последние новинки пушкиноведения. Открою тайну — в те времена, как это ни покажется странным, книги считались лучшим подарком.

Я беспрестанно водил экскурсии. Как правило, посетительницы женского пола, выходя из музея, грациозно подбирались к берегу нашего «озерца» и, прислонившись к тополям, долго всматривались в зеркальное отражение рябой от пуха воды. Они томно откидывали назад волосы, нанося при этом непоправимый урон своим, специально подготовленным к празднику, прическам. Женщины мечтательно смотрели в воду и как будто бы кого ждали. Наверное — князя. Однако «князьем» местного разлива было не до лирики. Они торопили своих жен, указывая на поляну, где были сметки и прочие brutальные деликатесы.

В перерыве я подошел к киоску и узрел следующую картинку. Лариса, вся взъерошенная и донельзя уставшая, сидела внутри киоска и вздыхала: «Один за одним, да еще с книгами морока. Тут один подходил, в шляпе. Просил продать книги Ободовской и Дементьева о жене Пушкина. Ну, книгу Ободовской я ему продала, а Дементьева

Сарай, касса и баня. 1986 год. Фото автора

в наших пачках не нашла. Я его на поляну отправила, может быть, там отыщет».

Я отправился на очередную экскурсию. На поляне отгремели фанфары, слегка брызнул дождик, вечерело... Вдруг, как ежик из тумана, явился наш книголюб. Шляпа на голове была слегка сбита набекрень, а на лице лежал отпечаток героической борьбы за семейное счастье. «Всю поляну обошел, а Дементьева не нашел. Беда, жена не простит!» — причитал он.

В качестве компенсации за бесцельно потерянное на поляне время мы предложили нашему сталкеру поставить на форзаце купленной у нас книги только что вырезанную Володей Самородским печать — «Бугровская мельница». Он достал из сумки книгу, перья и букет незабудок. Передавая нам книгу, случайно взглянул на заглавие и радостно воскликнул: «Ура, два в одном, вот и Дементьев нашелся! А я-то в запарке на то, что они вдвоем писали, внимания не обратил», — получил печать, поправил шляпу и вприпрыжку поскакал к последнему автобусу, увозившему его и прочих поклонников Пушкина и его жены в дальние дали.

Архивны девушки

1986 год порадовал читателей выходом в свет очередного издания романа И.А. Новикова «Пушкин в Михайловском». Под тем же незамысловатым названием три года спустя на прилавках магазинов появилась научно-популярная монография А.М. Гордина, ставшая для читателей творчества Пушкина истинным бестселлером. Таковой она остается по сей день.

Завершалась книга главой «Михайловское после Пушкина». В ней содержалась критическая оценка тех деяний Гейченко, которые случились уже после отъезда Аркадия Моисеевича из Михайловского в Ленинград: «К сожалению, ряд возведенных строений не имеет убедительного документально-исторического обоснования и не способствует укреплению заповедной мемориальности, скорее нарушает ее: часовня, мельница, амбары в Михайловском; беседка в Петровском; часовня на Савкиной горке, усадьба мельника на опушке Михайловских рощ и некоторые другие. Когда речь идет о мемориальном музее-заповеднике, восстанавливать или воссоздавать позволительно лишь те объекты, факт существования которых, облик и местоположение документально подтверждены»¹³.

О том, посещал ли Аркадий Моисеевич наш музей после его открытия, мне, к сожалению, ничего неизвестно. В Бугрове мы с ним не общались, но в Ленинграде однажды встретились. Правда, очень коротко. Я должен был передать ему какую-то посылку от своих коллег. Нажал на звонок. Вышел почтенный ученый и, услышав мою фамилию, стал кучно забрасывать меня вопросами о Ганнибалах. Скоро я понял, что до «Мельницы» очередь не дойдет, раскланялся и ушел. Ушел, потому что спешил к О.В. Ломан, автору путеводителя «По пушкинским местам», который вышел в 1937 году. Это была удивительно красивая женщина с аристократической осанкой. Ольга Владимировна пустила меня дальше прихожей — в гостиную и говорила со мной дольше — часа полтора. Кроме того, она всё-таки поняла, что я не тот Козмин, а другой. На столе я изобразил наш пруд, дорогу, мельницу. Увы, она категорически отвергла факт наличия мельницы в том месте, где мы ее нарисовали.

В итоге тогдашних моих хождений за три моря выяснилось следующее. Местные жители, С.С. Гейченко, А.М. Гордин и О.В. Ломан знали и видели водяную мельницу, которая существовала на речке Луговке

---

¹³ Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 434.

в Бугрове вплоть до 1949 года¹⁴. Ее страдальческий остов сохранился до наших дней. Чтобы его лицезреть, надо от нашей музейной мельницы спуститься ниже по течению Луговки метров на 70–80. Эту, советского времени, мельницу помнили многие, а ту, мимо которой проходил Пушкин, по понятным причинам, не помнил никто. Так что прямых доказательств того, что наша, восстановленная «на пушкинское время» мельница, находится «не ниже», а там, где она находилась в первой половине XIX века, у нас тогда не было.

Упреки Гордина носили голословный характер, но с выходом книжки столь же сомнительными становились доводы Гейченко. На то время у нас на руках был доморощенный «План», до которого «пока что не добраться», и больше ничего. Принцип «принять на веру» после появления «Пушкина в Михайловском» уже не работал.

На фоне всеобщих оваций и ликований большущая ложка дегтя растворилась в медовой атмосфере мемориального пространства. Фракции сомнений осели в головах читателей гординской книжки, а вездесущий червь сомнения прогрыз нежную плоть юного создания, порожденного волею Семена. Откуда ни возьмись, появилась песенка неизвестного сочинителя, первый куплет которой звучал примерно так:

На месте, на пустом,
У тихоструйной речки
Поставлен новый дом,
Зарублен без осечки.
Старухам сей каприз
Не ясен, не понятен —
Дом вырос как сюрприз
К какой-то круглой дате...

К тому же еще до выхода в свет книги Гордина, во время открытия музея, после того, как схлынул прилив официальных гостей, пришли свои — и я услышал такую фразу: «Всё-то вы, Семен Степанович, придумываете». Как же ему тогда было тяжело и безотраднo!

Но одно дело — брошенное кем-то слово, другое — книга. В статью «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» Пушкин однажды написал: «Я заметил, что самое неосновательное суждение, глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам

---

¹⁴ Козмин В.Ю. К истории мельничного места в деревне Бугрово. С. 43–89.

всё еще печатный лист кажется святым. Мы всё думаем: как это может быть глупо и несправедливо? Ведь это напечатано!» Как бы то ни было, но с лета 1989 года С.С. Гейченко в созданный им музей не пришел ни разу. За всё теперь, в том числе и за то, что «кусадьба мельника стоит не на своем месте», отвечал хранитель.

Прошли годы, которые тогда тянулись чуть дольше, нежели сейчас. Настали девяностые. Однажды на одной из развилок, то ли лесных, то ли интеллектуальных, я встретился с Анатолием Ивановичем. Он, как всегда, был слегка отстранен от окружавшей его действительности и немногословен. Действительность как таковая его не интересовала, так как он был единственным в Заповеднике человеком, имевшим профессиональное архивное образование. Он жил не будущим, а тем прекрасным прошлым, которое хранилось в запасниках. Поэтому имел полное право относиться ко мне слегка снисходительно.

Слово, как всегда, тягуче тянулось за следующим словом. В одном из интервалов я дежурно посетовал на географическую неопределенность местоположения объекта моего служения. И вдруг мой собеседник необыкновенно оживился, стал перечислять «явки, адреса»... В конце концов, бодро произнес:

— Поезжайте в ЦГИАЛ.

— Куда-куда?

— В Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Я там недавно работал, и мне под руку попадались какие-то карты с указанием ваших Бугров. Тема не моя, но вдруг что-то отыщете полезное для себя.

Сказал, тотчас стих, ушел в себя и не вернулся. Но этого мимолетно виденья мне было достаточно для того, чтобы направить свои стопы в направлении того удивительного мира, в котором жил мой замечательный коллега. Карету мне, карету!

Ночной автобус, в котором в те бесшабашные годы пили, пели и любили на задних сиденьях, нес меня в город трех революций и, благодаря Шевчуку, сочетавший в себе три в одном: «Петербург — Петроград — Петроградище». Петроградище выглядел мрачно: ночь, улица, аптека... Тем не менее, над шпилями дворцов и соборов витал дух какой-то еще не осознанной свободы и вседозволенности, что, несомненно, сулило грядущие потрясения.

Людей на улицах было в разы меньше, нежели сейчас, поэтому казалось, что не прохожие, а фасады царственных построек наблюдали за

людьми. ЦГИАЛ размещался не где-то там на неведомых куличках, где он размещается в настоящее время, а в величественном здании Сената, построенном по проекту Карла Росси.

Возникло острое ощущение, что это то самое место, где можно тактильно соприкоснуться с живой историей и отыскать наконец-то в анналах ставшую притчей во языцех карту. Внутри было совсем не так, как снаружи, а как у нас тогда в Заповеднике. Пахло плесенью, из стен прорастали пыльные одинокие лампочки, под ногами исподтишка то ли поскрипывали, то ли похрустывали то ли мраморные, то ли деревянные «карлороссиевские» половицы. Как потом выяснилось, в здании намечался ремонт. Но в связи с всеобщим ожиданием глобальных перемен он перманентно отодвигался на неопределенный срок.

Пройдя досмотр, направился в отдел картографии. Открыл дверь и чуть не задохнулся от пыли и невероятной красоты окружающего интерьера. Всё пространство было заполнено коврами, расшитыми узорами, переливистыми линиями и вкраплениями. На этом фоне архивная пыль казалась упойтельным эликсиром, вобравшим в себя весенние запахи и чудесный аромат «осени первоначальной». Однако это были не ковры, а карты.

Из-за ремонта им, картам, пришлось покинуть свои привычные лежанки и смириться с тем, что жить им какое-то время придется в тесноте, да не в обиде. Карты висели по вертикали и лежали по горизонтали, т. е. на большом столе. Взор скользнул по изумрудным полям, споткнулся о заштрихованное сельцо, забрался на кресты церквей и утонул в извилистых линиях ручьев и речек. Периодически попадались водяные мельницы, точнее, их обозначения — «круглое колесо с лопастями». Но при хорошем освещении они больше походили на солнце с исходящими от него лучами. Мельниц на картах было много, но толку от всего этого мало. Всё не те и всё не там. Вечерело...

Увидев мой страдальческий анфас на фоне угасающего светила, одна из возрастных муз русской топографии подошла ко мне и участливо спросила:

— Вхолостую?

— Да, — ответил я, — вокруг да около.

— А в чем загвоздка?

Я сбивчиво поведал о беспокоившей нас проблеме, не позволявшей спокойно хозяйничать на мемориальной территории, о С.С. Гейченко

*Карта деревни Бугры. Съёмка 1846 года.
Центральный государственный исторический архив (ЦГИА).
Ф. 380. Оп. 23. Д. 446. Л. 44*

о новом музее в Бугрове. Показал свою копию копии «Плана 1841 года» и копию «приговора» Гордина.

Спасло то, что она тоже любила Пушкина и знала Гейченко. Или наоборот... Сейчас уже в точности не помню. «Приходите завтра, а я поищу в дальних шкафах, может быть, найдем что-нибудь» — сказала муза.

Утром солнце светило ярче, чем обычно, что я воспринял как хороший знак. В архиве меня ждали. На столе поверх большого «поля» были разложены маленькие живописные «лужайки». Одна, вторая... Самой яркой оказалась третья — «Карта Воронежской волости Опочецкого уезда Псковской губернии, составленная в 1846 году». Смотрю на нее и читаю: «Бугры». Вижу приятную округлость пруда, три дома вдоль дороги, плотину и сооружение на левом берегу Луговки. Так это же наша мельница! Эврика!

Расцеловал муз и сделал заявки на копирование. Но материалы, наверное, в связи с ускорившимся ремонтом архива, пришли только через год. К сожалению, Семену Степановичу увидеть эту «правильную» карту уже не привелось. Архивная находка спровоцировала на археологические раскопки, которые, правда, ограничились визуальным осмотром бревна, из-под которого пробивался родник. В конце минувшего века сотрудники Псковского института «Спецпроектреставрация» археолог Ю.Б. Бирюков и искусствовед О.В. Емелина подтвердили тот факт, что изъеденное временем бревно — это не просто бревно, а сохранившийся фрагмент основания старинной мельницы пушкинского времени. Вскоре поверх него была сооружена новая музейная мельница. Что же касается, старой, гейченковской, то ее судьба сложилась не так уж плохо. Она дожила до наших дней и в настоящее время является единственной постройкой в Пушкинском Заповеднике, сохранившейся в нетронutom виде с 1985 года.

В этой истории меня до сих пор мучит мысль о том, что где-то в самых что ни на есть дальних ящиках лежит оригинал нашего плана деревни Бугры на 1841 год. Сама дата до сих пор остается для меня загадкой, сочетающей в себе «признание объективной реальности вещи в себе, с категорическим отрицанием ее познаваемости». Тем не менее, верится в то, что найдется исследователь, который в глубине архивных руд отыщет оригинал того самого «Плана» «и, пыль веков от хартий отряхнув, / Правдивые сказанья перепишет». Бог в помощь — *Viam supervadet vaden*.

Из тех же давних времен — «Застольная», написанная моим другом Геннадием Коновым в 1987 году на крыльце «Дома мельника»:

Вновь цветенье розы в грязь дождями смыто —
Осень нам не портит сна и аппетита.
Золушки сменили туфли на сапожки.
Всё здесь понарошку, выпьем на дорожку.
Наперед у печки душу не согреешь.
Промокает обувь, промокают крылья.
Как же поделиться тем, что ты имеешь,
С тем, кто нищ от века? Тщетные усилья.
В октябре русалки засыпают скопом.
Жни, чего не сеял, странствуй авгостопом...

Как молоды мы были...

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ВЕЛИКОЛУКСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ИСТОРИЯ. ПРОБЛЕМЫ

Музей — сложная социальная структура. Существует немало определений понятия «музей», и пожалуй, каждое из них так или иначе отмечает, что музею необходимы коллекции музейных предметов. Например, сетевая энциклопедия Рувика дает такое определение: «Музей (от др.-греч. μουσεῖο — дом муз) — учреждение, занимающееся сбором, изучением, хранением и экспонированием предметов — памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью»¹. Международный совет музеев (ИСОМ/ИКОМ) в 2022 году утвердил новую формулировку определения понятия «Музей»: «Музей — это некоммерческая, постоянно действующая организация на службе обществу, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие»². И так далее. Каждое определение акцентирует внимание на необходимости комплектования, сбора музейных предметов. Эти предметы, попадая в музей, проходят путь от простого хранения к глубокому изучению. Музейный предмет превращается в элемент особого языка, на котором музей общается со своими посетителями.

Каждый музей ведет свое особое повествование, и ему нужны свои особые предметы. В каждом музее складывается своя история комплектования фондов, зачастую весьма непростая. Это же можно сказать и об истории формирования фондов в краеведческом музее города Великие Луки. Его коллекции отражают жизнь самого музея. На предыдущих Февральских чтениях у нас была возможность кратко остановиться на истории возрождения музея после окончания Великой Отечественной войны и познакомиться с характерными для этого непростого периода

---

¹ Музей // Рувика: Интернет-энциклопедия [Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Музей>].

² Сеймур Т. Принято новое определение понятия «музей» // Новости искусства: сайт [Электронный ресурс: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/>].

проблемами, которые пришлось решать сотрудникам³. Сегодня мы делаем акцент на формировании коллекции, ее своеобразии, некоторых проблемах и т. д.

Итак, в 1950 году музей в Великих Луках начал создаваться заново как Великолуцкий областной краеведческий музей. На первом этапе существования музея главная особенность комплектования новой коллекции заключалась в следующем: сотрудники работали над различными тематическими выставками и в это же время вели целенаправленный сбор экспонатов для каждой из них. Эти выставки становились шагами на пути к главной цели — созданию полноценной исторической экспозиции. Экспозиция предполагала построение трех разделов: дореволюционное прошлое края, советский период и отдел природы. Соответственно работа по комплектованию велась по этим трем направлениям. Времени «на разбег» не было: сотрудники вели активную переписку, выезжали в разные районы области, встречались с участниками событий, отправляли запросы в архивы и библиотеки страны, заказывали фотографии, изготавливали копии документов и т. д. Будущие экспонаты поступали из государственных архивов и музеев, личных коллекций, от предприятий области, от жителей края, передавались археологами, которые вели исследования на территории области...

Коллекция росла, впрочем, темпы роста нашего музея не всегда удовлетворяли Министерство культуры Российской Федерации. Но даже первоначально не столь обширную коллекцию сотрудникам негде было разместить. Музею катастрофически не хватало помещений ни для экспонирования, ни для хранения. Эта проблема, которая возникла в первые месяцы существования музея, не разрешилась и до сегодняшнего дня. А в 1950-е годы музей постоянно переводили из одного помещения в другое, столь же небольшое по площади и неудобное⁴. До начала 1990-х годов музей располагался в здании, где не было водопровода и канализации, а также централизованного отопления. Предметы

---

³ См., в частности: *Ткачева С.* Создавая заново. Таисия Михайловна Парыгина (Дмитриева, Жаркова) — первый директор Великолуцкого областного краеведческого музея // Михайловская пушкиниана. Вып. 101. Сельцо Михайловское, 2024. С. 208–217.

⁴ *Жаркова Т.М.* Областной краеведческий: воспоминания директора Великолуцкого краеведческого музея с 1950 по 1960 год // Краеведческий музей. Страницы истории. Великие Луки, 2014. С. 41–42.

хранились в тесноте, в полуподвальных помещениях, температурно-влажностный режим не соблюдался десятилетиями.

Несмотря на трудности, музей жил, работал. В 1956 году была создана первая историческая экспозиция, которая вызывала огромный интерес у посетителей. Впоследствии экспозиция пополнялась, корректировалась, но принципиальных изменений в нее внесено не было. Основная концепция музея оставалась прежней до конца 1980-х годов. Фондовые коллекции пополнялись по традиционным направлениям.

Краеведческий музей после ликвидации Великолукской области несколько раз был реорганизован. С 1979 по 2005 год он был одним из филиалов Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, и, как следствие, всё собрание Великолукского краеведческого было включено в фонды Псковского музея единой коллекцией. В этот период (около 25 лет) краеведческий музей продолжал вести собственное комплектование, но при едином учете в Пскове. Следует обратить внимание на то, что именно после вхождения в состав Псковского музея-заповедника в нашем музее началось систематическое научное изучение предметов коллекции. У сотрудников музея далеко не всегда имелась возможность достаточно глубоко исследовать предмет, было сделано немало ошибок, но работа по научной инвентаризации предметов по второй ступени учета была выполнена. Для последующей экспозиционно-выставочной, исследовательской и просветительской деятельности музея это сыграло важную роль. После того как краеведческий музей стал муниципальным, акценты в его работе заметно сместились, и, например, сегодня сотрудники не успевают проводить вовремя научные экспертизы вновь поступающих предметов.

На протяжении существования нашего музея его коллекция численно изменялась: то росла, то сокращалась. Так, в 1960-е годы ряд предметов, главным образом документов, из Великолукского краеведческого музея был переведен в музеи Опочки Псковской области (1964, 1983 годы) и Осташкова Тверской (Калининской) области (1966 год). В 1983 году фотографии из Великих Лук поступили в Нелидовский музей Тверской (Калининской) области.

Важным моментом в истории музея стали решения о создании в 1980-е годы музеев Софьи Васильевны Ковалевской и академика Ивана Матвеевича Виноградова. Материалы, рассказывающие

о жизни математиков, начали поступать в Великие Луки еще в 1950-е, и пополнение коллекций краеведческого музея в этом направлении продолжалось вплоть до 1980-х годов. После организации новых учреждений культуры предметы из краеведческого музея передаются в Мемориальный дом-музей академика И.М. Виноградова (в 1986 году) и в Мемориальный музей С.В. Ковалевской. В Полибино документы, фотографии, личные вещи, мебель, оружие и другие музейные предметы поступают в 1982, 1985, 1991 и 1996 годах.

Начало 1990-х годов для нашего музея ознаменовалось существенным пополнением фондов по теме «История комсомольской организации Псковской области». Это произошло после того, как прекратил свое существование ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи и был ликвидирован Музей боевой комсомольской славы имени А. Матросова. Тогда в собрание краеведческого музея одной коллекцией была включена значительная часть фондов ликвидированного музея. В это же время краеведческий музей получает и новую экспозиционную площадку — он переехал в освободившееся здание Музея боевой комсомольской славы. Перед сотрудниками встала задача построения экспозиции в кратчайшие сроки. Переезд в новое здание начался в середине декабря 1992 года, а через месяц, 17 января 1993 года, в пятидесятую годовщину освобождения города от немецко-фашистских захватчиков, была открыта новая экспозиция. К сожалению, мы почти не могли использовать предметы из вновь поступающей коллекции: она не только не была изучена, но и не была еще передана краеведческому музею. Процесс передачи фондов шел одновременно с работой по созданию новой экспозиции. После официального включения предметов в краеведческий музей одной из важных задач, которую следовало решить сотрудникам, стало научное изучение единовременно поступившей коллекции, состоявшей из 3 574 единиц хранения.

В 1990-е годы отчетливо проявилась тенденция, согласно которой тема Великой Отечественной войны и защиты Отечества заняла одно из центральных мест при формировании музейных коллекций. Эта тенденция послужила и основой для концепции экспозиции, разработанной в 2005 году. В рамках ее подготовки был апробирован коллекционный метод, позволивший музею продемонстрировать, как о героической истории города воинской славы рассказывают предметы коллекций оружия, наград, обмундирования и т. д.

2005 год стал важным этапом в истории музея: Великолукский краеведческий музей был выведен из состава Псковского музея-заповедника. В Великих Луках вновь был создан самостоятельный муниципальный музей с собственным учетом. В это время была начата процедура отделения фондов Великолукского музея от Псковского музея-заповедника, не завершенная до сих пор. Дом-музей академика И.М. Виноградова стал структурным подразделением нашего музея.

Сегодня коллекция краеведческого музея города Великие Луки неоднородна, имеет сложную структуру. Она включает в себя собрания двух музеев: собственное, ведущее историю с 2005 года (4 379 единиц хранения основного фонда и 1 326 единиц хранения научно-вспомогательного), и часть коллекции Псковского музея-заповедника (27 660 единиц хранения основного фонда и 11 916 единиц хранения научно-вспомогательного). То есть это та коллекция, которая формировалась в Великих Луках с 1951 по 2004 год, но юридически принадлежит Псковскому музею. Коллекция хранится и экспонируется в краеведческом музее по договору временного безвозмездного пользования. Кроме того, следует выделить отдельно коллекцию Музея боевой комсомольской славы имени А. Матросова (1971–1992 годов формирования) и фонд академика И.М. Виноградова, который хранится и экспонируется в отдельном здании. Из вышеизложенного вытекают все плюсы и минусы, проблемы в деятельности музея.

В своей работе музей активно использует предметы всех вышеуказанных коллекций. Но когда появляется необходимость представления предметов, поступавших в музей до 2005 года, для их экспонирования в других городах страны или для публикации в различных изданиях, возникают юридические вопросы, требующие отдельного решения. Немалой части музейных предметов необходима реставрация, что невозможно осуществить при нынешнем положении дел. Список проблем можно продолжить.

Несколько слов о содержании нашей коллекции. География ее комплектования всегда определялась границами Великолукской области и Великолукского уезда/района. Хронологические рамки собранных материалов — от неолита до сегодняшнего дня. Разумеется, есть временные и тематические пробелы; имеется количественный и качественный перекосяк в сторону отдельных тем.

Самыми многочисленными являются коллекции «Документы» и «Фотографии». Особый интерес представляют предметы из

коллекций археологии, нумизматики, оружия, живописи, этнографии и т. д.

Музей продолжает свою деятельность, его фонды пополняются. Их содержание формируется в соответствии с целями и задачами учреждения. В ближайшей перспективе приоритетными направлениями для нас станут капитальный ремонт здания и создание новой исторической экспозиции.

Источники и литература

Акт передачи музейных предметов из музея имени А. Матросова в фонд Великолукского краеведческого музея от 27 апреля 1993 года // Краеведческий музей города Великие Луки. Архив документов по учету музейных предметов.

Алексеев О.В., Гольшев А.И. Псковское музейное объединение. Л., 1990.

Великолукское отделение Государственного архива Псковской области (ВЛО ГАПО). Ф. В-2349. Оп. 1.

Жаркова Т.М. Областной краеведческий: воспоминания директора Великолукского краеведческого музея с 1950 по 1960 год // Краеведческий музей. Страницы истории. Великие Луки, 2014. С. 36–45.

Книга записей экспонатов основного фонда. Т. 1–10 // Краеведческий музей города Великие Луки. Архив документов по учету музейных предметов.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ФОТОАЛЬБОМА

Большая история великой страны складывается из маленьких, личных историй ее граждан. Изучение частной истории предполагает особое внимание и отношение к человеческим судьбам, к людям, которые жили на местных территориях и стали частью локальной истории.

Лужский историко-краеведческий музей является бережным хранителем исторической памяти Полужья, расположен в Луге и входит в состав Музейного агентства Ленинградской области. Музей был открыт 3 августа 1977 года к 200-летию основания города и расположен в деревянном особняке конца XIX — начала XX века постройки. В настоящее время здание является выявленным объектом культурного наследия регионального значения. Фонд Лужского историко-краеведческого музея составляет более 13 000 предметов и включает в себя собрания фотодокументов, нумизматики, историко-бытовых предметов, редкой книги, живописи. Большая часть экспозиции музея посвящена Великой Отечественной войне: легендарному Лужскому рубежу, партизанскому движению и освобождению Полужья от фашистских захватчиков.

С 2024 года здание музея закрыто на реставрацию, и немногочисленные сотрудники работают «на чемоданах». Чтобы музей не выпал из общественной жизни, мы запустили проект «Музей на чемоданах»: проводим выездные форматы экскурсий и программ в учреждениях Луги и Лужского района — от образовательных до Дома милосердия, работаем над концепцией музейной экспозиции, ведем музейную группу в социальной сети «ВКонтакте» и решаем одну из важнейших задач музейной работы — пополнение фондов. Значительную часть этих пополнений составляют принесенные в дар предметы.

В 2022 году Татьяна Савченко из города Реутова Московской области передала в музей фотоальбом лужанина Евгения Романовского (1921–1942). Этот фотоальбом всю жизнь хранила тетя Татьяны — Валентина Варсонофьевна Буркова, которая познакомилась с молодым лейтенантом Романовским в 1940 году. Уникальное сочетание частного и общественного, выраженное в старых любительских фотографиях, привлекло наше внимание. Так в Лужском историко-краеведческом музее начался проект «История одного фотоальбома».

*Евгений Федорович Романовский
(22.06.1921–6.12.1942).
«В память о юности — в феврале
1939 года сфотографировался.
г. Луга, Ленобласть,
Б. Заречная ул. д. 62»
(орфография и пунктуация автора
сохранены)*

Евгений Романовский родился 22 июня 1921 года в Луге. Про семью Романовских практически ничего не известно. Мама — Зинаида Ивановна Романовская, проживала в Луге на улице Большая Заречная, дом 62. Дом, к сожалению, не сохранился.

Евгений учился в школе, занимался в литературном кружке. В.И. Хрисанфов, доктор исторических наук, профессор, автор научных публикаций, в книге «Лужский край в 1920–1930-е годы: на архивном материале» обращает внимание на внешкольную работу в предвоенной Луге: «Из отчета Лужского РОНО по итогам 1937/38 учебного года видны масштабы внешкольной работы учащихся. Она проводилась, главным образом, через детский Дом культуры. В литературных кружках занималось 576 школьников»¹.

О работе литературного кружка Евгений пишет в газете «Ленинские искры» № 17 от 21 февраля 1937 года в заметке «В гости [к] подшефникам»: «В следующий раз к шефам поедет наш литературный кружок, чтобы рассказать колхозникам о Пушкине, прочитать ряд его стихотворений и свои собственные стихи. Деткор Евгений Романовский, город Луга, образцовая школа»².

¹ См.: Хрисанфов В.И. Лужский край в 1920–1930-е годы: на архивном материале. Луга, 2015.

² Романовский Е. В гости [к] подшефникам // Ленинские искры. 21.02.1937 (№ 17) / Национальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011156046].

Газета «Ленинские искры» — первая и старейшая газета для детей и подростков, издававшаяся в СССР и распространявшаяся по всей территории Советского Союза, стала для нас источником фактов о школе-нике и детском корреспонденте Евгении Романовском. Статье детским корреспондентом мог любой желающий школьник. Публикации деткора Романовского встречаются в газетах «Ленинские искры» 1936 и 1937 годов выпуска. В них — рассказы о школьных буднях, занятиях после уроков, о времяпрепровождении. Есть заметки, состоящие всего лишь из нескольких предложений, есть объемные статьи.

«Мне обидно»

«Я с двумя товарищами был премирован билетами в кинотеатр и пошел туда. В это время в кинотеатре кто-то разбил стекло. А директор подумал, что это я и отправил меня в милицию. В милиции меня конечно сразу выпустили. Но мне обидно и я не могу забыть грубый поступок директора. Евгений Романовский. Средняя школа г. Луга»³.

«Путешествие вокруг света» (в сокращении)

«На улице мороз. Люди идут вприпрыжку, держатся за отмороженный нос, уши. А у нас в школе тепло. Мы сидим в небольшой комнате нашего радиозула. У нас четырехламповый радиоприемник, динамик, распределительный щит, патефон и другие приборы... Мы сидим и ловим радиоволны. В эфире спокойно. Вдруг свист. Лови. 10... 20 — нет. 30... «Широка страна моя родная...» Это районная радиостанция. Давай дальше. 40 — 50. Пусто. Свист около волны длиной в 80 метров. Врываются голоса непонятная речь. Передача из Эстонии. Сквозь свист мы разбираем слово — Мадрид, Мадрид! Ловим 90. Поймали Лондон. Концерт. Ребята слушают музыку... Мы очень рады, что у нас, в 1-ой образцовой лужской школе есть свой маленький радиозузел. Деткор Евгений Романовский»⁴.

---

³ Романовский Е. Мне обидно // Ленинские искры. 17.02.1936 (№ 160) / Национальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011156044].

⁴ Романовский Е. Путешествие вокруг света // Ленинские искры. 5.02.1937 (№ 12) / Национальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011162545].

*Валентина Варсонофьевна Буркова
(25.05.1925–04.05.2022)*

В 1939 году после окончания школы Евгений поступает в Тамбовское артиллерийско-оружейное техническое училище.

Из письма Татьяны Савченко: «Летом 1940 года в городе Городце Горьковской области в дом моей тетушки Валентины Варсонофьевны Бурковой, в котором она проживала с родителями, заселился молодой лейтенант Женя Романовский. Самой Вале было 15 лет, и нахождение в доме молодого красивого лейтенанта стало для нее незабываемым впечатлением. Возможно, она просто влюбилась в молодого офицера».

Летом 1940 года в Горьком и его окрестностях была сосредоточена мощная группировка войск, входящих в состав Приволжского военного округа. На тот момент Горький являлся промышленным и транспортным центром, его прикрытие имело стратегическое значение. Вероятно, лейтенант Романовский был приписан к одной из стрелковых дивизий, части которых были размещены в пригородах города. Также не исключен вариант размещения Романовского в Приволжском военном округе для прохождения «подготовки личного состава» от военного учреждения.

Известно, что на войне шансы погибнуть или остаться живым — равны.

Из письма Татьяны Савченко: «Во время войны лейтенант Романовский продолжал общение с семьей, у которой жил какое-то время. По рассказам тетушки — она ездила к нему в госпиталь, когда он получил ранение».

Молодой лейтенант Евгений Романовский, командир взвода 783-го стрелкового полка 229-й стрелковой дивизии, был ранен

в августе 1942 года и выбыл в госпиталь Приволжского военного округа⁵.

В начале сентября 1942 года Евгений Романовский вернулся на фронт. Погиб 6 декабря 1942 года в Сталинградской (ныне Волгоградская) области. Место находится в 15 км северо-западнее Сталинграда, в зоне ожесточенных боев во время контрнаступления Красной армии (операция «Уран»). Там и захоронен.

Из письма Татьяны Савченко: «До самой своей смерти Валентина Варсонофьевна хранила альбом Евгения и не разрешала его никому трогать. Когда ее не стало, мне захотелось продлить ее память и отправить альбом в родной город Евгения Романовского в Лугу Ленинградской области. Возможно, на фотографиях кто-то узнает своих родных или знакомых людей...»

Сама Валентина Варсонофьевна Буркова прожила долгую жизнь в Городце Горьковской области, где они познакомились с Евгением. Когда началась Великая Отечественная война — в 15 лет пошла работать. После войны закончила бухгалтерские курсы в Горьком, работала на фабрике «Городецкая роспись» бухгалтером, позже заместителем главного бухгалтера. Личная жизнь не сложилась. Муж уехал на заработки, к ней не вернулся. Сын умер рано. В 1980 году у нее диагностировали рак груди, грудь пришлось удалить, и болезнь отступила. Валентина Варсонофьевна — ветеран труда, награждена медалями «За трудовую доблесть». Умерла на 97-м году жизни, в своем доме.

---

⁵ См.: Романовский Евгений Федорович // Память народа: сайт [Электронный ресурс: [183](https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107157585/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DRomanovskiy%20%26first_name%3DEvgeniy%20%26middle_name%3DFedorovich%20%26date_birth_from%3D22.06.1921%26static_hash%3D0ad0d7d481f743a9b74fa0c835cafb6bb3573f3600edbc1aa8742bd494516397v3%26place_birth_ids%3D%26division_id_s%3D%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneny%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1&].</p></div><div data-bbox=)

Интересен тот факт, что мама Евгения, скорее всего, знала об отношениях сына и Валентины. В альбоме есть фотография мамы 1944 года с надписью: «Дорогой Валечке и маме шлю карточку на память о Жене Романовском. Г. Луга, 44 г.»

В личном фотоальбоме Евгения Романовского 52 фотографии с 1934 по 1944 год. На многих фото на обратной стороне присутствует авторский комментарий. Важно отметить, что у Евгения понятный и читаемый почерк, практически отсутствуют орфографические и пунктуационные ошибки, прекрасный слог. Он много цитирует, например, Александра Сергеевича Пушкина, который, вероятнее всего, был его любимым поэтом. На фото присутствуют короткие четверостишия собственного сочинения: «Борис на лошади гарцует, а кнут у кучера танцует» — подписана одна из фотографий довоенной Луги 1935 года. Альбом носит дневниковый характер и содержит рассказ о важных событиях в жизни его владельца.

Фотографии альбома распределены по жанрам на следующие группы⁶: событийная (фотохроника текущих событий) съемка; портрет (одиночный, парный, групповой); видовая (пейзажная) съемка; городской; бытовой жанр (снимки повседневной жизни).

Шесть фотографий фотоальбома посвящены областной поездке отличников учебы и активных членов школьных литературных кружков в 1937 году в Пушкинские Горы. Это фотохроника событий трех дней — с 6 по 8 января 1937 года. Практически через 90 лет у нас появилась возможность перенестись в Пушкинские Горы 1937 года и говорить словами вечно молодого, ушедшего в вечность, лейтенанта Евгения Романовского...

Вот групповая фотография «Областная экскурсия отличников учебы и активных членов литературных кружков в Пушкинские горы. 8 января 1937 год». Организаторами поездки выступили Ленинградский областной отдел народного образования и обком ВЛКСМ.

«Ребята ушли осматривать пруды в парке, через пруды при Пушкине были перекинuty легкие мостики, в пруду разводились рыбы. Пушкин очень любил свой парк.

---

⁶ См.: Атрибуция фотоисточников в музее. Методические рекомендации / сост. М.Е. Кучеренко. М., 2022 // Музей современной истории России: сайт [Электронный ресурс: https://sovrhistory.ru/learning/publishing/1796_fotoistochniki.pdf].

Участники экскурсии отличников учебы и активных членов литкружков в Пушкинские Горы, организованной Ленинградским областным отделом народного образования и обкомом ВЛКСМ. 8 января 1937 года. Фотобумага. Печать черно-белая. 11,5 × 18,0 см. ЛКМ ВХ-580/22

Областная экскурсия в Пушкинские Горы, парк. 6 января 1937 года. Фотобумага. Печать черно-белая. 8,6 × 11,7 см. ЛКМ ВХ-580/27

З.З. Дебаша ушим осматривать пруда в
 карке, через пруда при Пушкине баш
 перекинутя легкие мостышки, в пруду разводи-
 мсь рыба. Пушкин любил очень свой парк.
 "Люби мой малой сад и берег сонного Волг";
 вспомни его слова, а также "Дубрава, где
 в тиши свобода, сии мне счастьем
 каждой дни". Парк

Областной экскурсия в Пушкинские
 горы.

6/I-1937г.

Васильев Керн. Старк с. Михайловский.

III . . . . . - В. Романовский.

II . . . . . - О. Турецкая

I. (слова) - З. Меркулова

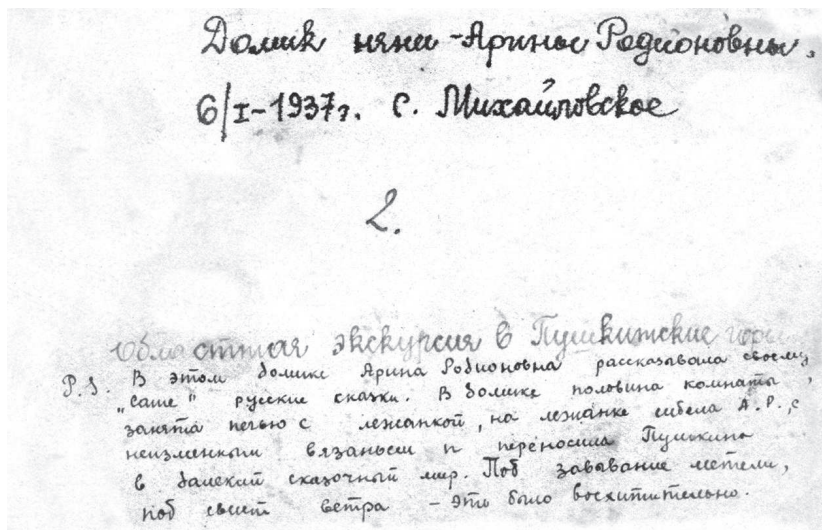
Завражен, по преимуществу,
 дубами и сиками,
 встречаются липы и
 березы. Они так
 разрослись, что образуют
 сплошную зеленую
 матер. Дуб можно
 обхватить с энергич-
 ными усилием
 нескольких человек.

Романовский

Областная экскурсия в Пушкинские Горы, парк. 6 января 1937 года.
 Фотобумага. Печать черно-белая. 8,6 × 11,7 см. ЛКМ ВХ-580/27.
 Обратная сторона

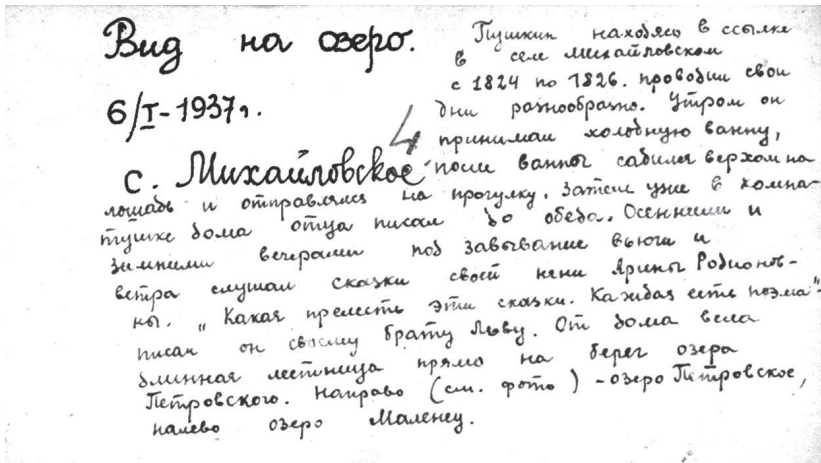
Домик няни Арины Родионовны, село Михайловское. Пушкинские Горы.
6 января 1937 года. Фотобумага. Печать черно-белая. 8,9 × 11,8 см.
ЛКМ ВХ-580/23

Домик няни Арины Родионовны, село Михайловское. Пушкинские Горы.
6 января 1937 года. Фотобумага. Печать черно-белая. 8,9 × 11,8 см.
Оборотная сторона

Вид на озеро, село Михайловское.
 Направо — озеро Петровское, налево — озеро Маленец.
 Пушкинские Горы. 6 января 1937 года.
 Фотобумага. Печать черно-белая. 6,4 × 11,0 см. ЛКМ ВХ-580/24

Вид на озеро, село Михайловское.
 Направо — озеро Петровское, налево — озеро Маленец.
 Пушкинские Горы. 6 января 1937 года.
 Фотобумага. Печать черно-белая. 6,4 × 11,0 см. ЛКМ ВХ-580/24.
 Обратная сторона

«Люби мой малый сад и берег сонных волн», — вспомним его слова, а также «Дубравы, где в тиши свобода, сиял мне счастьем каждый день». Парк засажен, по преимуществу, дубами и елями, встречаются липы и березы. Ели так разрослись, что образуют сплошной зеленый шатер. Дуб можно обхватить с энергичными усилиями нескольких человек».

Любопытен факт отсутствия снега и практически незимняя обувь у ребят на фотографии. Новый 1937 год был один из самых теплых. Например, в Ленинграде в новогоднюю ночь 1937 года было +2,9°C, днем 1 января +3,5°C, моросил дождь⁷.

«...В этом домике Арина Родионовна рассказывала своему «Саше» русские сказки. В домике половина комнаты занята печью с лежанкой, на лежанке сидела А.Р., с неизменным вязанием и переносила Пушкина в далекий сказочный мир. Под завывание метели, под свист ветра — это было восхитительно».

«Пушкин находясь в ссылке в селе Михайловское с 1824 по 1829 проводил свои дни разнообразно. Утром он принимал холодную ванну, после ванны садился верхом на лошадь и отправлялся на прогулку. Затем уже в комнатухе дома отца писал до обеда. Осенними и зимними

*Дорога в Тригорское. Пушкинские Горы.
7 января 1937 года.*

*Фотобумага. Печать черно-белая.
11,7 × 8,5 см. ЛКМ ВХ-580/25*

⁷ Погодные аномалии Петербурга: историческая справка // Редактор из Москвы: канал в Дзен. Публ. 10.12.2020 [Электронный ресурс: https://dzen.ru/a/X9Cqc_2QWFhkkTJw].

Дорога в Тригорское

7/1-1937г.

3. О. Э. О. Ч. В

Пушкинские горы
Д.З. Дорога из с. Михайловское в тригорское проходит через живописную местность. Прямо идет дорога в тригорское, расположенное на возвышенности среди огромной равнины. Направо (см. фото), идет небольшая тропинка в деревню. Сразу же, плещутся волны озера Маленец, вдали «холм лесистый», домики деревни, «мельницы крылатые». По дороге встречаем «три сосны»: Тригорское, расположено на трех горах, отсюда и пошло название. Внизу протекает небольшая, но быстрая речка Сороть, которая извивается, как змейка.

Дорога в Тригорское. Пушкинские Горы. 7 января 1937 года.
Фотобумага. Печать черно-белая. 11,7 × 8,5 см. ЛКМ ВХ-580/25.
Оборотная сторона

вечерами слушал сказки своей няни Арины Родионовны. «Какая прелесть эти сказки. Каждая есть поэма» — писал он своему брату Льву. От дома вела длинная лестница прямо на берег озера Петровского. Направо (см. фото) — озеро Петровское, налево озеро Маленец».

«...Дорога из с. Михайловское в Тригорское проходит через живописную местность. Прямо идет дорога в Тригорское, расположенное на возвышенности среди огромной равнины. Направо (см. фото), идет небольшая тропинка в деревню. Сразу же, плещутся волны озера Маленец, вдали «холм лесистый», домики деревни, «мельницы крылатые». По дороге встречаем «Три сосны»: Тригорское, расположено на трех горах, отсюда и пошло название. Внизу протекает небольшая, но быстрая речка Сороть, которая извивается, как змейка».

«Внизу, как змея, бежит речка, Сороть. Поднявшись на холм, придем в Тригорский парк. Здесь стоял дом помещицы Осиповой. Дом Осиповых всегда был полон молодежи, Пушкин здесь принимался за

Тригорский парк. Пушкинские горы. 7 января 1937 года.
 Фотобумага. Печать черно-белая. 7,2 × 11,6 см. ЛКМ ВХ-580/26

Тригорский парк. Внизу, как змея, бежит река Сорочка. Поднявшись на холм, пришел в Тригорский парк. Здесь стоял дом помещицы Осиповой. Доца Осипова была ба-полон молодежи, Пушкин здесь принимался за чашечного востра. В парке устроившаяся на площадке, на площадке обращенной просянкам, будаши, работаша крепостные девушки, шибшим ягода. Не обобщае, как и жизнь девушек. Ступившись к реке, привел к "сказке Онегина", здесь на площадке окруженной будаши и минаши, где были летом в солнечный день робко пробирался сквозь зеленую шибтву муш, Пушкин на. Здесь сидеть саши, здесь от встретилась с дочерью Осиповой - Вульф. "Онегина" - Пушкина прозвали в шибтву в доме Осиповой. Здесь ниже была небо-шная баня. Здесь любил сидивать летним ногам Осипова - Вульф. Пушкин, Вульф.

7/I-1937.

Тригорский парк. Пушкинские горы. 7 января 1937 года.
 Фотобумага. Печать черно-белая. 7,2 × 11,6 см. ЛКМ ВХ-580/26.
 Обратная сторона

почетного гостя. В парке устраивали танцы, на площадке обрамленной огромными дубами, работали крепостные девушки, чистили ягоды. Не обходилось без песен. Песни всегда были грустные. Такие же, как и жизнь девушек. Спустившись к реке, придем к «скамье Онегина», здесь на площадке окруженной дубами и липами, где даже в солнечный день робко пробирался луч, Пушкин мог здесь сидеть часами, здесь он встречался с дочерью Осиповой-Вульф. «Онегиным» — Пушкина прозвали в шутку в доме Осиповой. Еще ниже была небольшая баня. Здесь любили сиживать летними ночами Осиповы-Вульф, Пушкин, Языков».

К сожалению, пока никаких родственников семьи Романовских найти не удалось. Нас ждет долгая кропотливая работа в различных архивах. Несомненно, фотографии Жени Романовского еще много расскажут о нем, его друзьях и том времени, в котором он жил, мечтал, любил, ведь фотография — один из лучших способов сохранения исторической памяти. И особенно ценны любительские снимки. Они хранят важную и порой неожиданную информацию, по аналогии с дневниками, письмами и другими документами личного происхождения.

Большая история великой страны складывается из маленьких, личных историй ее граждан. И в этом единстве — наша сила, наша связь с прошлым и опора для будущего.

БУГРОВСКИЕ МЕЛЬНИКИ ОЛЬХИНЫ

В 2026 году «Музею-мельнице в деревне Бугрово» исполняется 40 лет. В этот юбилей хочется пролить свет на неизвестные страницы его истории. Пробелы в летописи этого места встречаются как в событиях XIX века, так и в более близкой нам, но не менее загадочной эпохе двадцатого столетия.

Одной из самых ярких и изученных фигур мельников на данный момент является Николай Николаевич Ольхин, который был мельником на бугровской мельнице с 1913 по 1917 год. Сведения о нем, воспоминания современников и родственников подробно изложены Вячеславом Юрьевичем Козминым в статье «Герой своего времени: мельник Ольхин»¹.

В 2019 году в рамках архивной работы проекта «Хлебное место» появились новые архивные данные о другом мельнике в Бугрове — Александре Николаевиче Ольхине. Они относятся

ко времени, когда знакомый нам мельник Николай Николаевич Ольхин еще не появился в Бугрове. Вячеслав Юрьевич сделал предположение, что это его брат и, как показали новые исследования, не ошибся.

В 2025 году была проведена работа в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), обнаружено еще несколько любопытных документов, которые дополняют сведения о Николае Николаевиче Ольхине и позволяют утверждать, что в Бугрове в разные годы начала XX века было два мельника Ольхина.

Ольхин. Работа Ю.К. Арцыбушева

---

¹ *Козмин В.Ю.* Герой своего времени: мельник Ольхин // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, 2012. С. 36–71.

Село Неznаниха на карте Ф.Ф. Шуберта Псковской губернии 1888 года

Николай Николаевич Ольхин родился в 1878 году, в селе Неznаниха Новоржеvского уезда Псковской губернии. Из крестьян. Окончил земскую школу. Мельник. Поднадзорный с 1903 года, эсер. Одиннадцать раз подвергался обыскам. В 1917 году левый эсер. Святые Горы (Опочецкий уезд). Начальник уездной милиции, председатель волостного Совета КД. Член бюро фракции левых эсеров Учредительного собрания, участник заседания 5 января. Член ВЦИК². Такие сведения об Н.Н. Ольхине даются в книге Л.Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи».

Более подробную информацию о Неznанихе и Ольхиных было решено искать в архивных документах Новоржеvского уезда — метрических книгах, журналах проверки производственных предприятий.

В настоящее время села Неznаниха не существует. Но в XIX — начале XX века она находилась на дороге Новоржеv — Дубровы — Жадрицы. До 1824 года жители Неznанихи были прихожанами церкви погоста Столбушино. В ГАПО обнаружился любопытный документ

² Использованы материалы: Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008 [Электронный ресурс: https://hrono.ru/biograf/bio_o/olhin_nn.php].

за 1824 год — прошение «новоржевского уезда прихода погоста Столбушино помещика сельца Незнаниха Василия Яковлева сына Бухвостова» его высокопреосвященству Евгению, архиепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому, «об отделении сказанного сельца и деревень Тишково и Холодного Бору от приходского погоста Столбушина и неудобствах в проходе к оному от тех сельца и деревень его, просит оныя сельцо Незнаниху и деревни Тишково и Холодный бор перечислить к приходу села Дубровы, к коему оныя состоят гораздо ближе и в проезде не имеется препятствий»³. По указу его императорского величества самодержца всероссийского Незнаниха была приписана к приходу села Дубровы, а жители деревень Тишково и Холодный Бор оставлены в приходах столбушинской церкви.

Именно этот документ показал, где искать сведения о семье Николая Николаевича Ольхина. К сожалению, сохранились не все метрические книги, но их диапазон оказался информативным для данного исследования — это 1890–1893 годы, 1910–1914 годы.

Родители Николая Николаевича Ольхина — новоржевский мещанин деревни Пришвино Николай Александрович Ольхин и жена его Надежда Иоановна, оба состояли в первом браке, исповедания православного. Сведения о них есть в записи о рождении 16 мая 1890 года их сына Владимира. Восприемниками от купели значится родной брат отца Н.Н. Ольхина — Владимир Александрович Ольхин, безземельный крестьянин села Кошкина Опочецкого уезда⁴. К сожалению, мальчик прожил чуть больше года и умер 16 июня 1891 года «от поноса», о чем в метрической книге тоже есть запись⁵. Николаю Николаевичу Ольхину в это время было только 12 лет.

О роде занятий дяди нашего мельника, Владимира Александровича, есть точные сведения. Он тоже был мельником! В Журнале о проверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий по Жадрицкой волости за 1909 год⁶ В.А. Ольхин значится

---

³ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 2962. О перечислении с. Незнаниха и д. Тишково и Холодный Бор к приходу д. Дубров от приходского погоста Столбушина ноября 14 дня 1824 года.

⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 22. Д. 361. Новоржевский уезд. Метрическая книга о рождении, браке, смерти с. Дубровы. 1 января 1890 — 26 декабря 1893.

⁵ Там же.

⁶ ГАПО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 2153. Журналы генеральной проверки торговли и промыслов за 1909 год по Новоржевскому уезду. Л. 165–166.

*Церковь Троицы Живоначальной.
Псковская область, Новоржевский район, Дубровы.
Год постройки 1731. Фото 1950-х годов. Новгородский музей-заповедник.
До настоящего времени церковь не сохранилась⁷*

---

⁷ Электронный ресурс: <https://sobory.ru/article/?object=47100>.

арендатором водяных мукомольных мельниц в деревне Гришино и соседнем селе Савлово, о чем ему Новоржевской городской управой 4 февраля 1909 года были выданы промысловые свидетельства за № 275 и № 276 на промышленные предприятия 7-го разряда. За обе мельницы выплачивалось 500 рублей в год арендной платы (200 и 300 рублей соответственно). Мельницы имели одинаковые характеристики — в два постава, жернова 42 дюйма в поперечнике. Мельницами Владимир Александрович заведовал сам. Однако на мельницах был приказчик и малолетний (до 17 лет) рабочий, которым в год была положена плата в 36 рублей на каждой мельнице. Мельницы давали 200 рублей дохода в год.

С семьей своего дяди Владимира Александровича и семьей его сына, Николая Владимировича и его жены Лидии Николаевны, у Николая Николаевича Ольхина была тесная родственная связь. В 1912 году, будучи уже взрослым человеком, он становится крестным отцом их сыну Анатолию, крещенному в Троицкой церкви в деревне Дубровы⁸.

Чем занимался отец Николая Николаевича, установить не удалось. Жил он в деревне Пришвино, что на берегу реки Вержи, противоположном от сельца Незнаниха. Николай Николаевич Ольхин называл местом своего рождения не Пришвино, а именно Незнаниху, где была расположена дворянская усадьба Бухвостовых. В Незнанихе была и водяная мукомольная мельница. Возможно, отец нашего бугровского мельника был ее хозяином, потому как в 1909 году она принадлежала его сыну, брату Николая Николаевича Ольхина — Александру Николаевичу. В Журнале о проверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий по Жадрицкой волости за 1909 год он значится хозяином водяной мукомольной мельницы в селе Незнаниха, расположенной в собственном помещении. 2 февраля 1909 года Новоржевской городской управой было выдано промысловое свидетельство на промышленное предприятие за № 226⁹. Мельница была в два постава с жерновами в поперечнике 42 дюйма. Дохода давала 100 рублей в год.

Именно Александр Николаевич в этом же 1909 году значится и хозяином бугровской мельницы. В Журнале проверки торгово-промышлен-

---

⁸ ГАПО. Ф. 39. Оп. 22. Д. 1563. Новоржевский уезд. Метрическая книга о рождении, браке, смерти с. Дубровы, о рождении, о браке, о смерти. 1 января 1910 — 30 декабря 1912.

⁹ ГАПО. Ф. 58. Оп. 2. Д. 2153. Журналы генеральной проверки торговли и промыслов за 1909 год по Новоржевскому уезду. Л. 172–173.

ных предприятий значится: «Деревня Бугрово. Мукомольная мельница об одном поставе. Колесо деревянное, жернова каменные 20 дюймов в диаметре. Хозяин — новоржевский мещанин Александр Николаевич Ольхин. Заведует сам. Промысловое свидетельство на промышленное предприятие 8-го разряда от 4 марта 1909 года за № 14. Доход 300 рублей в год». Мельница вдвое меньше трех новоржевских мельниц Ольхиных, а доход давала как эти три мельницы.

Ольхины заботились о техническом состоянии своих мельниц. Так, в проспекте турбиностроительного завода братьев Тиме среди списка заказчиков турбин значится мельница в Гришине Владимира Александровича Ольхина. И по сведениям 1911–1912 годов на бугровской мельнице тоже были установлены две турбины в 10 лошадиных сил, а также при мельнице появилась шерсточесалка.

В период с 1909 по 1912 год в семье Ольхиных произошли какие-то неприятности — возможно, болезнь, смерть, арест или какие-то другие события, которые помешали Александру Николаевичу самому руководить работой бугровской мельницы. Скорее всего, мельница в Бугрове была сдана в аренду. В мельничных документах за 1911–1912 годы в сведениях о хозяине значится: «Федора Жарковского».

В 1913 году хозяином мельницы становится Николай Николаевич Ольхин. Несомненно, он был потомственным мельником, а мельничное дело было известно ему не понаслышке. Когда он женился, ему необходимы были средства для содержания семьи. Именно поэтому он появляется в Бугрове и становится мельником на семейной мельнице. Однако совсем не мельничное дело волновало Ольхина — революционные события закрутили его в своем водовороте. И когда в 1917 году он продает мельницу Павлу Кошелеву, тот находит ее в плачевном состоянии. Но это уже совсем другая история.

РАРИТЕТ В МУЗЕЕ: К ВОПРОСУ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ ПРЕДМЕТА В КОНТЕКСТЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ В 1970-Х ГОДАХ МУЗЕЙНОГО ФОНДА

Вопрос личной истории предмета мы рассматриваем относительно «предмета музейного значения», так как исследуемые в нашей работе экспонаты обладают научной, художественной и исторической ценностью, являясь уникальными образцами декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX веков. Одновременно каждый предмет — носитель информации о происхождении, культуре, бытовании, владельцах этих вещей. И в то же время всё это включено в контекст формирования музейного фонда, связанного с восстановлением в 1970-х годах Дома-музея в Петровском и созданием экспозиции «Почтенный замок» Ганнибалов».

Ранее мы уже отмечали¹, что приобретенные в тот период вещи составляют ядро в музейных экспозициях. К опорным экспонатам относятся и экспонируемый с того времени стол XVIII века (ПЗ-КП-2751; М-266): первоначально в тематическом разделе «Кабинет А.П. Ганнибала» экспозиции Музея Ганнибалов (1977–1999); с 2001 года в тематическом разделе «Кухня (Столовая)» экспозиции «В деревне, где Петра питомец...» Музея А.П. Ганнибала.

Согласно Акту № 4 от 23 сентября 1976 года, этот музейный предмет был приобретен от Ирины Васильевны Варзар, проживавшей по адресу: Ленинград, Кронверкская, 29/37, кв. 5. В музейное собрание предмет поступил через Закупочную комиссию (Протокол № 28 от 25 августа 1974 года). К сожалению, других свидетельств, в частности письменной легенды от владельцев, не имеется. В ходе изучения источников, связанных с экспонатом, была выявлена не только личная история предмета, но и круг людей, помогавших С.С. Гейченко в его целенаправленных поисках.

Одним из них был Федор Федорович Беренштам (Бернштам, 1905–1986), архитектор, график, художник-постановщик кино, педагог,

---

¹ См.: *Козмина Л.В.* Дары незаурядного дарителя: из истории комплектования музейных раритетов // Михайловская пушкиниана. Вып. 106. Сельцо Михайловское, 2025. С. 4–31.

с которым Гейченко был дружен еще с юности. Отец Беренштама — Федор Густавович Беренштам (Berenstamm, 1862–1937) — художник-архитектор, историк, библиограф, был первым хранителем Петергофских дворцов-музеев (с 1917 по 1924 год). В эти тяжелые годы ему удалось спасти и сохранить дворцы и павильоны; восстановить и пустить в ход фонтаны; зарегистрировать и описать редчайшие рукописи из собрания Марии Медичи. С именем Ф.Г. Беренштама связано и создание Музея А.С. Пушкина на Мойке, 12; в Пушкинском обществе² он возглавлял специальную комиссию, занимавшуюся этой работой³.

В 1938 году С.С. Гейченко, будучи научным сотрудником Русского музея, вместе с Ф.Ф. Беренштамом, по инициативе заведующего Отделом скульптуры Г.М. Пресновым (1890–1973), участвовал в реконструкции модели «Триумфального столпа» в честь побед России в Северной войне, приуроченной к выставке произведений Бартоломео Карло Растрелли (1675–1744) (в 1941 году был передан в Эрмитаж,⁴ где по рисунку Николя Пино (1684–1754)⁵ был создан новый пьедестал). К тому же Беренштам после возвращения из эвакуации⁶ работал над оформлением экспозиции Домика Петра I на Петроградской стороне, который в 1930 году стал музеем, а в 1938 был присоединен

---

² Пушкинское общество было организовано в Ленинграде на базе Общества друзей Пушкинского Заповедника в самом конце 1931 года по инициативе президента Академии наук СССР академика А.П. Карпинского и А.М. Горького, Б.В. Томашевского, Н.В. Измайлова и ряда других ученых и писателей.

³ Назарова Л.Н. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х годов. Памяти В.А. Мануйлова // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27. С. 215–216.

⁴ Монумент представлен в экспозиции Галереи Петра Великого Государственного Эрмитажа «Ротонда» (зал № 156). См.: Кривдина О.А. Основателю Петербурга посвящается // События и размышления. 2017. № 3 (78). С. 15–19.

⁵ Николя Пино — французский скульптор, рисовальщик, декоратор интерьера и резчик по дереву. Петр I, будучи в 1716 году в Париже и увидев работы Пино, пригласил его вместе с Ж.-Б. Александром Леблоном в Россию для отделки Монплезира и Дубового кабинета в Большом дворце Петергофа (1717–1720).

⁶ Ф.Ф. Беренштам был эвакуирован вместе с киностудией «Ленфильм» в Алма-Ату. В его фильмографии — 12 кинокартин (1929–1942). Перед войной на «Ленфильме» были поставлены по эскизам Беренштама фильм «Доктор Калужный» (1939) и кинокартина «Фронтовые подруги» (1941), героиня которой в агитновелле «Подруги, на фронт!», медсестра Леля Федорина (актриса Зоя Федорова), призывала женщин отправляться сестрами милосердия.

к филиалу Историко-бытового отдела Русского музея «Летний дворец Петра I».

Безусловно, Беренштам был единомышленником Гейченко в его созидательных деяниях, посему компетентное мнение Федора Федоровича для него было ожидаемо и необходимо. Беренштам приехал к нему в начале июня 1976 года вместе с сыном, фотографом Ленфильма — Федором Федоровичем (1939–1991) и невесткой, художником-прикладником Г.М. Линьковой (1938–2004). В Петровском в эти дни активно шла работа по облагораживанию усадьбы силами военнослужащих 40-й ракетной дивизии (город Остров): перед возведенным домом организовывался партер, на аллеях парка шла трамбовка песка. В преддверии официального открытия музея Гейченко предпринял, выражаясь музыкально, увертюрный ход. Б.М. Козмин в дневнике хранителя зафиксировал: «5 июня 1976. В 12 часов дня торжественное открытие парадной залы Дома-музея Ганнибалов. Люба подала ножницы Андроникову, и он разрезал ленточку. Перед этим Гейченко впечатляюще произнес слово об арапе Петра Великого». Но 20 июня вещи возвратились в музейные фонды, и строительные работы по реконструкции здания и благоустройству усадьбы возобновились.

Так вот, Ф.Ф. Беренштам относительно предназначавшегося для экспозиции «Кабинета А.П. Ганнибала» стола утвердительно говорил о подлинности его происхождения, относя этот предмет быта к петровскому барокко, в ответ на реплику Б.М. Козмина о том, что увлечение «историческими» стилями во второй половине XIX столетия породило немало подражаний и даже буквального копирования мебели Петровской эпохи. Гейченко, стоит сказать, этой дискуссией был доволен, обратив в свою очередь внимание на то, что стол таких больших размеров, да с раздвижной столешницей, — большая редкость.

Резоны хотя и убедительны, но атрибуция музейного предмета не будет полной, если мы не обратимся к истории вопроса. Известно, что первый период производства мебели в Петербурге относится к 1703–1712 годам. Так как доставленной из Европы мебели не хватало, Петр I решил наладить собственное производство, используя плотников, работающих на верфях, и приехавших в Петербург иностранных столяров. Неслучайно «из завоеванных нарвчан» Ягану Шмиту, умелому мастеру, Петр поручил написать специальное «мнение» о столярном мастерстве. И действительно, русские столяры научились не только копировать западноевропейские образцы, но и создавать собственные

предметы мебели. Искусство мебели охватило широкий круг материалов и техник. После 1730-х годов в России популярность приобрело красное магонское дерево (русифицированное название красного дерева, от английского mahogany), вытеснив основные материалы: дуб, орех, сосну, березу. С этого времени петербургские мастера начали овладевать техникой фанеровки⁷.

Трудность в изучении предмета нашего внимания — раритета мебели XVIII века состоит в следующем: несмотря на наличие некоторых документов, свидетельствующих о работах русских мебельщиков этого времени, связать их деятельность с изготовлением такого вида раздвижных столов не представляется возможным. При том, что раздвижные столы голландского типа получили распространение именно со времени Петра I — с полукрышками «на косых ходах», что позволяло увеличить столешницу на два дополнительных места, и столы по английскому образцу «со спущенными полами».

Музейный стол (1,30 × 1,90) создан из массива мореного дуба, с внутренним каркасом (царгой), к которому крепится раздвижной механизм и опора прямоугольной по форме столешницы, состоящей из двух соразмерных частей (65 × 95), закрепленных металлическими защелками. Такой механизм использовался при изготовлении поверхности без декоративных свесов по краям. Раздвигаясь вместе с частями, опора разделяется надвое, увеличивая столешницу по горизонтали на значительную длину. К сожалению, недостает вкладной доски, которая укладывается на телескопически раздвинутую конструкцию подстоля. Доски либо хранились отдельно, либо выдвигались автоматически при раздвижении. Каких-либо дополнительных соединений поверхность стола не имеет: ни шпонки, ни резьбы, ни росписи. Конструкция элементов — витые спиралью ножки, которые соединены фигурной рамой-проножкой, завершающиеся шарообразным основанием; декор в виде шара на резном пьедестале характерен для стиля голландского барокко, что позволяет определить этот редкий предмет мебели первой четвертью XVIII века.

Ф.Ф. Беренштам был знаком с супружеской четой именитых художников — Герасимом Григорьевичем Эфросом (1902–1979) и Ириной Васильевной Варзар (1904–1995), которые, как и он, в одно и то же время

---

⁷ См.: Эрмитаж. Русская культура VI–XVIII веков. Очерк-путеводитель. Л., 1983. С. 102–103.

учились в Высшем художественно-техническом институте (ВХУТЕИН) (бывшей Императорской Академии художеств). Беренштам и Эфрос учились на архитектурном факультете, а И.В. Варзар на графическом у мастеров, являвшихся продолжателями графических традиций «Мира искусства», — В.М. Конашевича, Д.И. Митрохина, В.Н. Левитского. В те же годы на архитектурном училась сестра Ирины Васильевны — Людмила Васильевна Варзар (1906–1995).

В семействе Варзаров, главой которого был юрист Василий Васильевич Варзар (1871–1960), сын известного экономиста, профессора Московского университета, одного из основоположников промышленной статистики Василия Егоровича Варзара (1851–1940), ценили знания и культурные традиции. Его жена Софья Михайловна Варзар (1878–1957), ученый-астроном, заведовала Отделом малых планет Института теоретической астрономии АН СССР; ее прадедом по материнской линии был Иоганн-Август Тишнер (1774–1852), владелец одной из первых фортепианных фабрик в Петербурге. В семье хранились адресованные ему письма М.И. Глинки, заметившего в своих биографических «Записках», что Тишнер «был лучшим мастером в Петербурге, и механизм его роялей допускал возможность играть чрезвычайно отчетливо»⁸. Музыкальным сочинительством занималась бабушка Софьи Михайловны — Александра Григорьевна Варзар (Рашевская), последовательница Л.Н. Толстого, а ее сестра, Анна Панкратовна Рашевская, — автор музыки популярных песен: «Есть на Волге утес...» на стихи А.А. Навроцкого и «Дорога железная» на стихи Н.А. Некрасова.

Дочери Варзаров тоже увлекались музыкой, но не более того. Ирина Васильевна, как было уже сказано, художник; по праву заняв ведущее место среди мастеров станковой живописи и книжной графики 1930–1970-х годов, была членом Союза художников СССР. Нина Васильевна Варзар (1909–1954) по образованию, как и мать, астрофизик, но, став в 1932 году женой Д.Д. Шостаковича, от научной карьеры отказалась, посвятив себя семье и миру музыки композитора. И она, и Шостакович не однажды становились моделями Ирины Варзар⁹.

---

⁸ *Глинка М.И.* Записки / под ред. А.Н. Римского-Корсакова. М., 2019. С. 22.

⁹ См.: Ирина Васильевна Варзар. Книжная графика. Каталог выставки / вступ. ст. М. Эткинда. Л., 1973.

Л.В. Варзар — архитектор московского градостроительства, известные работы которой, такие как высотное здание МИДа (1948–1952), застройка Смоленской площади (1957–1959), были созданы в сотворчестве со знаменитым архитектором Михаилом Адольфовичем Минкусом (1905–1963). О творческом пути супруга-творца Л.В. Варзар в соавторстве с ученым-архитектором Ю.С. Яраловым издала в 1982 году книгу «М.А. Минкус»¹⁰. Вторым ее мужем стал писатель Юрий Германович Вебер¹¹.

Вот от них, по словам хранителя музея-усадьбы Б.М. Козмина (с 1974 по 2007 год), из их квартиры пятиэтажного дома старой постройки в стиле модерн в конце лета 1976 года был доставлен в музейные фонды стол. Согласно справочнику А.Т. Александрова «Москва и москвичи. Улицы»¹², супружеская чета проживала в Красносельском районе, в Уланском переулке, в доме под номером 5. Это здание, построенное в 1902 году по проекту архитекторов Л.Н. Кекутова и В.В. Шауба, некогда было доходным домом купчихи Адели Федоровны Франк, жены петербургского купца М.Л. Франка, совладельца Саблинского стекольного завода.

В Акте поступления фигурирует не Л.В. Варзар, а ее сестра. Ситуация, прямо скажем, не «рязановская» — дома разные: на Кронверкской, 29/37, в Петербурге, в котором проживала И.В. Варзар, — здание в стиле неоклассицизма, построено в 1914 по проекту трех братьев-архитекторов — Л.Н. Бенуа, Ю.Ю. Бенуа и А.Н. Бенуа. Скорее всего, это дела семейные, сестринская договоренность.

---

¹⁰ *Варзар Л.В., Яралов Ю.С.* М.А. Минкус. М., 1982.

¹¹ Юрий Германович Вебер (1905–1989) — член Союза писателей СССР. Автор исторических очерков «Очерки мировой войны. 1914–1918 годы» (совм. с Е. Болтиным, 1940), «Брусиловский прорыв» (1941) и др.; исторических повестей: «Поход адмирала Шпее» (1940), «Суворов» (1943), «Гренадер Леонтий Коренной» (1945); книга для детей о научных изобретениях и открытиях: «Профиль невидимки» (1957), «Вторник, 7 мая. История одного изобретения» (1968) и др. Похоронен вместе с женой Л.В. Варзар на Новом Донском кладбище в одной нише.

¹² См.: Произведение «Москва и москвичи Александра Тимофеевича (Александрова). Часть II. Список людей, вошедших в проект (А-Й)» (с. 77 из 189) // *Fabulae.ru*: литературный сайт [Электронный ресурс: https://fabulae.ru/prose_b.php?id=130726&page=77]; Произведение «Москва и москвичи Александра Тимофеевича (Александрова). Часть I. Москва. Улицы на букву «У...Я» (с. 17 из 179) // *Fabulae.ru*: литературный сайт [Электронный ресурс: https://fabulae.ru/prose_b.php?id=125146].

И.В. Варзар, видимо, была во многом опорой для своих близких. Благодаря ей сохранена часть мебели Шостаковичей, когда те в 1941-м уезжали в Куйбышев (Самара) в эвакуацию (из того же дома на Кронверкской). Теперь эти мемориальные вещи, среди которых — самовар с выгравированной дарственной надписью «Дорогим Нине Васильевне и Дмитрию Дмитриевичу Шостакович в день их бракосочетания 15/V Ашкенази»¹³, — в Музее-квартире Д.Д. Шостаковича в Петербурге, на улице Марата, где композитор жил с 1914 по 1933 год. Их передала дочь Ирины Васильевны — Алла Герасимовна Варзар¹⁴ по просьбе М.Л. Ростроповича, создавшего с Г.П. Вишневецкой этот музей, открытие которого состоялось в ноябре 2006 года.

Как собиратель и знаток вещей, И.В. Варзар содействовала Пушкинскому Заповеднику в обретении не только стола XVIII века, но и рояля фирмы «Stürzwage» (ПЗ-КП-2809; проч-100). В музейные фонды, согласно Акту № 38 от 3 августа 1977 года, рояль поступил от Янины Готфридовны Клопотовой, проживавшей в Петроградском районе, на улице Толстого, дом 1/3, кв. 68; инструмент стал главной доминантой в убранстве Гостиной Музея Ганнибалов.

Гейченко говорил, что он долго искал для Вениамина Петровича фисгармонию, что нашел, приехал, но хозяин отказал; знакомство с владелицей солидного инструмента увенчалось успехом. Я.Г. Клопотова (1906–?), сотрудник Ботанического института имени В.Л. Комарова АН СССР, служившая машинисткой-делопроизводителем, была женой ученого-ботаника, кандидата биологических наук Б.Н. Клопотова (1882–1942), члена многих естествоведческих обществ, коллекционера, библиофила и экслибрисиста. Во время блокады, находясь в осажденном Ленинграде, Борис Николаевич организовал работу по сбору сфагнового мха¹⁵ (как антисептика) для нужд госпиталей; отдав все силы работе, умер 27 января 1942 года. Супруга пережила блокаду; в числе

---

¹³ *Чиркова Л.И.* Ростропович и Вишневецкая — создатели музеев Мусоргского и Шостаковича в Санкт-Петербурге (1997–2006) // Музыкальное наследие Петербурга. Проекты по сохранению и популяризации. СПб., 2021. С. 205.

¹⁴ А.Г. Варзар (1938–2004) — художник, архитектор, автор второго генерального плана Биробиджана.

¹⁵ Род мхов, обычный обитатель верховых и переходных болот. Название произошло от древнегреческого слова, означающего «губка». Верхние части сфагнома содержат фенольное соединение сфагнол, обладающее антибактериальными, дезинфицирующими и противогрибковыми свойствами.

трудящихся Петроградского района Я.Г. Клопотова была награждена медалью «За оборону Ленинграда»¹⁶.

На сайте Ботанического института имени В.Л. Комарова РАН сказано, что Б.Н. Клопотов был широко эрудированным человеком, что он собрал прекрасные коллекции музыкальных инструментов, амулетов, детских игрушек, предметов быта живших в Сибири остяков-самоедов и передал их в Этнографический отдел Русского музея, за что ему была объявлена благодарность и вручена серебряная медаль. Его коллекция экслибрисов и издательских знаков хранится в Российской национальной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Клопотов являлся признанным знатоком творчества русского художника П.А. Федотова, отыскал ряд его неизвестных картин и написал о нем подробное исследование, изданное уже посмертно.

Являясь вместе с Ф.Г. Беренштамом членом бюро секции библиофилов и экслибрисистов Ленинградского общества коллекционеров, он в 1934 году провел ряд заседаний¹⁷, посвященных сатирическим журналам как до 1918 года, так и тем, в которых сотрудничал Герасим Григорьевич Эфрос, много работавший с середины 1920-х годов в области плаката и журнальной сатирической графики («Бегемот», «Бузотер», «Ревизор», «Крокодил») и во многих других журналах тех лет.

Весьма интересна история самого рояля, который носит имя его создателя Леопольда-Фердинанда Штюцваге (1814–1887)¹⁸, уроженца финского города Вильманstrand (ныне Лаппеэнранта), обосновавшегося в середине 30-х годов XIX столетия в Москве. В изданном в 1867 году справочнике «Табель домов г. Москвы с поименованием улиц» сообщается, что по Большой Дмитровке домовладением № 16 владеет Леопольд Штюцваге, производивший рояли одноименной марки¹⁹.

---

¹⁶ Они пережили Блокаду. Ленинград: Книга памяти. Т. 6. СПб., 2005 [Электронный ресурс: <https://vizz.nlr.ru/blockade/show/1699661>].

¹⁷ См. об этом: *Глейзер М.М.* Секция библиофилов и экслибрисистов СЗО ВОФ и ЛОК // Невский библиофил: альманах. СПб., 2006. Вып. 11. С. 31, 39, 41, 42, 48, 49, 53, 54, 57.

¹⁸ Введенское кладбище в Москве. Надгробный памятник над могилой Леопольда-Фердинанда Штюцваге (18.01.1814–24.05.1887) и его жены Клары Маргариты Штюцваге (22.12.1817–4.06.1897) // Приходи на меня посмотреть: сообщество в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс: https://vk.com/wall-71290705_11868].

¹⁹ Табель домов города Москвы с поименованием улиц. С.-Петербург, изда-

6 декабря 1836 года Николай I утвердил Положение о компаниях на акциях. Документ устанавливал, какие сведения обязательно должны включаться в устав компании, в частности: цели создания, наименование, величина капитала, предполагаемая эффективность предприятия, количество, цена акций и прочее. В 1842 году, по определению Петра Николаевича Зимина²⁰, была учреждена фабрика «L. Stürzwege. Moskau» по производству клавишных музыкальных инструментов, в основном прямострунных роялей венского образца, обслуживавшая нужды московских женских институтов и других учебных заведений.

Специалисты отмечают, что мебельный фабрикант Штюрцваге много экспериментировал с формой и конструкцией рояля. К примеру, П.Н. Зимин (1890–1972) в работе «История фортепиано и его предшественников» пишет: «Будучи предприимчивым и изобретательным мастером, Штюрцваге пытался улучшить свои инструменты введением различных усовершенствований в механизм, полагая создать эффект двойной репетиции иными способами, чем это делал Эрар²¹; кроме того он вводил различные резонансные приспособления, октавные копулы и т. п. Однако это не улучшило качество его инструментов настолько, чтобы они могли конкурировать с изделиями других фирм» (например, Беккера и Шредера). По этой причине, по мнению Зимина, «дело Штюрцваге не получило развития», и «ликвидация его фирмы в начале XX века прошла безболезненно для русской музыкальной культуры»²².

И тем не менее, музыкальные инструменты этой фирмы пользовались популярностью, и не только в учебных заведениях,

---

ние Гоппе и Корнфельда, 1867. С. 40 [Электронный ресурс: <https://ua.files.fm/f/f7w24nrk/>]. В первой половине XIX века это домовладение на Большой Дмитровке принадлежало князьям Мещерским, а в середине 40-х годов здесь жил молодой поэт Яков Полонский. Штюрцваге владели этим домом до 1901 года. См.: *Сорокин В.В.* Памятные места Большой Дмитровской слободы // Наука и жизнь. 1998. № 11. С. 130–131.

²⁰ *Зимин П.* История фортепиано и его предшественников. М., 1968. С. 194.

²¹ Себастьян Эрар (фр. Sébastien Érard, при рождении Erhard; 1752–1831) — французский (немецкого происхождения) мастер по изготовлению музыкальных инструментов, основатель одноименной фирмы. Специализировался на производстве фортепиано и арф.

²² *Зимин П.* История фортепиано и его предшественников. С. 194.

но и у аристократов, купцов, музыкантов и просвещенных любителей. В частности, роялем «L. Stürzwage.» владел композитор А.П. Бородин (1833–1887); он работал на нем в 1880 году над партитурой оперы «Князь Игорь»²³. Композитор Н.К. Метнер (1879–1951), сочинивший в 1919 году на инструменте «L. Stürzwage.» «Сонату-воспоминание» и цикл «Забытые мотивы», называл его «мой милый коричневый Штюрсваге»²⁴. Также рояли «L. Stürzwage.» были в рабочем кабинете и на даче у Станиславского; один из этих инструментов экспонируется в Доме-музее Константина Сергеевича в Леонтьевском переулке в Москве.

Эти инструменты второй половины XIX века были выпущены уже вторым владельцем фабрики — Леопольдом Эдвардом Штюрсваге (1856–1909)²⁵, который, как и отец, был чрезвычайно амбициозным. Однако поиски новых идей и конструкций привели его к сильным издержкам. В 1901 году он вынужден был продать домовладение на Большой Дмитровке, переехав на Малую Дмитровку в дом М.В. Катковой²⁶, а затем и закрыть фабрику, оставив мастерскую музыкальных инструментов на Дмитровке, где осуществлялись «прокат и починка роялей и пианино»²⁷.

К тому же сын его, Леопольд-Фридерик Леопольдович Штюрсваге (1879–1968), не стал продолжателем дела семьи; желание быть художником оказалось в приоритете. Приобретенное мастерство настройки-

---

²³ Дианин С.А. Бородин: жизнеописание, материалы и документы. М., 1960. С. 273.

²⁴ Трояновская А.И. Жизнь Н.К. Метнера в Буграх. История одного рояля фабрики Штюрсваге // Н.К. Метнер. Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1981. С. 134–141.

²⁵ Леопольд-Эдвард (Леонтий Леонтиевич) Штюрсваге, купец, фабрикант, инструменталист, настройщик, был женат первым браком на датчанке Эмме-Марии-Каролине Эгхольм (?–1886). 12 августа 1879 года в московском доме на Большой Дмитровке, 16, у супругов родился сын Леопольд-Фридерик, который впоследствии стал художником-живописцем, графиком, сценографом; скончался в Париже 3 июня 1968 года.

²⁶ Мария Владимировна Каткова — урожденная княжна Щербатова, внучка московского генерал-губернатора А.А. Щербатова, племянница А.А. Столыпина, товарищ председателя комитета «Христианская помощь» Российского общества Красного Креста, наследница знаменитого имения Тарханы в Пензенской губернии, в котором прошло детство М.Ю. Лермонтова.

²⁷ Вся Москва: адресная и справочная книга на 1902 год. М., 1902. С. 509.

ка²⁸ давало ему возможность параллельно учиться в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у Леонида Пастернака и Константина Коровина. В 1908 году по рекомендации С.И. Щукина он с супругой Еленой Владимировной Монюшко отправился к Анри Матиссу, приняв решение обосноваться в Париже, где вошел в круг художников «парижской школы». Поначалу трудился настройщиком роялей в концертном зале Pleyel (Плейель), по вечерам занимался живописью, посещал академии Анри Матисса и Филиппо Коларосси. В 1910 году принял участие в московской выставке «Бубновый валет», участниками которой являлись Василий Кандинский, Петр Кончаловский, Аристарх Лентулов, Казимир Малевич и другие художники; с 1917 года делил студию с Амедео Модильяни. Тогда же при поддержке поэта Гийома Аполлинера состоялась его первая персональная выставка под псевдонимом Сюрваж (фр. Léopold Survage), ставшим его фамилией, под которой он прославился как выдающийся французский художник²⁹.

Музейный рояль был датирован 1839 годом (под вопросом) на основании осмотра, проведенного компетентным музыкантом А.М. Аминтаевой (1920–1997), концертмейстером М.Л. Ростроповича, педагогом Московской консерватории имени П.И. Чайковского. Датировка аргументирована тем, что пюпитр, расположенный на крышке инструмента, украшен не резным растительным орнаментом, что характерно для роялей этой фирмы 40–90-х годов, а двумя горизонтальными планками в раме — элементами, присущими стилю «ампир». По определению А.М. Аминтаевой, это редко встречающийся образец роялей данной фирмы, так называемый «первичный рояль», то есть произведенный до получения патента и учреждения фортепианной фабрики.

Во-вторых, корпус с середины 1860-х имел позолоченную накладку с изображением двуглавого орла с короной, скипетром и державой. Чтобы добиться права изображать «орла» на своих изделиях, фабрикант того времени должен был получить высшую награду на очередной Всероссийской промышленной и художественной выставке, где специальные комиссии экспертов (от имени Его Императорского Величества) определяли победителей. Династия купцов Штюрцваге — отец

---

²⁸ *Сергеев М.* Профессия фортепианного мастера в России. Цеховой ремесленник как классический тип настройщика фортепиано // *Opera musicologica*. 2016. № 2. С. 82.

²⁹ *Русский Париж. 1910–1960* // ГРМ: альманах. Вып. 35. СПб., 2003. С. 320–321.

Леопольд-Фердинанд и его сын Леопольд-Эдвард (Леонтий Леонтиевич) завоевали в 1865, 1882, 1896 годах трех «орлов». К тому же московские фабриканты роялей и пианино «L. Stürzwage, Moskau» были награждены в царствование Александра II золотой медалью «За полезное»³⁰.

Накладки с «орлом» у музейного предмета не имеется. Вытянутый его корпус, стоящий на трех массивных фигурных ногах с колесиками, представляет сложную форму: левая сторона прямая, с прямоугольными углами, правая — изогнутая, с одним закругленным углом. Рояль крыловидный коричневого цвета с темно-красным оттенком из шпона палисандрового дерева, который в 30–40-е годы XIX века входил в список материалов, применяемых для создания русской мебели. Расположенный под клавиатурной рамой педальный механизм состоит из двух ножных педалей, помещенных в деревянный ящик в виде античной лиры, соединяющий механизм с корпусом инструмента. На фасаде между пюпитром и клавиром в позолоченной виньете выгравировано имя создателя рояля «Stürzwage.». Заметим, что инструменты середины XIX века имели обозначение в столбик — Patent; Stürzwage. — без орнаментальной рамки, начиная с 1865 года с добавлением полученного «орла»; после 1882 года — с надписью соответственно названию фабрики «L. Stürzwage, Moskau» и полученными двумя «орлами».

Определить с точностью год выпуска инструмента проблематично, так как дата на корпусе рояля не указывалась; его идентифицируют по номеру изготовления, но каталогов нет, они утрачены в результате разграбления архивов фабрик по производству фортепиано, в том числе мастерских Штюрцваге, в 1918 году. Таким образом, предположительную датировку — 1839 год, установленную С.С. Гейченко, следует считать оптимальной, принимая во внимание и аргументы А.М. Аминтаевой, и исследованные нами источники, подтверждающие более раннее начало производства роялей. Например, Петр Эдуардович Айду, композитор, пианист, преподаватель Московской консерватории, собиратель исторических роялей, считает 1835 год «основанием фирмы «Штюрцваге», ставшей самой крупной фортепьянной фабрикой в первопрестольной»³¹.

---

³⁰ Наградной медалью «За полезное», учрежденной Александром I в декабре 1801 года, награждались купцы за различные услуги, оказанные правительству, а также за крупные пожертвования. См.: Русские наградные медали царствования Александра II. 1855–1881 годы // Антиквариат, предмет искусства и коллекционирования. 2009. № 70 (октябрь). С. 95.

³¹ *Бирюков С.* Король со свалки. Отчего в России теперь нет своих роя-

При этом следует подчеркнуть, что источник, документирующий этот год, не назван; собственно дата оглашена в 2017 году на представлении раритетов в созданном Петром Айду «Приюте роялей» — организации по сохранению исчезающих видов фортепиано и других клавишных инструментов. Как и нет ссылки на дату основания фабрики Штюрцаге — 1842-й — в книге кандидата искусствоведения П.Н. Зими́на, защитившего в 1944 году диссертацию «Фортепиано в его прошлом и настоящем», а между тем его труд является первоисточником о русском фортепианном производстве. Однако профессиональные знания и опыт именитых музыковедов и инструментоведов убеждают в том, что личная история раритетного рояля не дает основание датировать музейный предмет на более поздний период его происхождения, а именно на 60–80-е годы.

Находясь в музейной среде, рассмотренные в нашей работе предметы — стол и рояль — оказывают неповторимое эстетическое воздействие в контексте интерпретации сюжетных линий в тематических экспозициях мемориальной усадьбы Пушкинского Заповедника. У Ганнибалов есть своя музыкальная история: она словно «вписана» в интерьеры и парковое пространство. В Гостиной на пюпитре рояля лежат ноты на слова Пушкина «Старый муж, грозный муж» — пример сочинительства композитора-дилетанта, коим считался Вениамин Петрович Ганнибал, написавший, по свидетельству С.Л. Пушкина, музыку к песне Земфиры из поэмы «Цыганы», которая «выходит» у него «очень хорошо»³². Званые вечера, домашние концерты, усадебные балы, собственный крепостной оркестр составляли многообразие форм музицирования «под сенью липовых аллей» первой половины XIX века.

Автор выражает искреннюю признательность главному хранителю музейного фонда Пушкинского Заповедника Д.С. Плотниковой за непосредственное участие в подготовке материала и своевременное предоставление необходимых архивных документов и фотоснимков за 1976 год; научным сотрудникам отдела «Музей-усадьба Ганнибалов» Н.А. Аксеновой и А.Б. Козмину за фотосъемку музейных предметов и подготовку репродукций.

лей // Труд. № 5076 (июль 2017 года) [Электронный ресурс: https://www.trud.ru/article/07-07-2017/1352046_korol_so_svalki.html].

³² Павлицев Л.Н. Воспоминания об А.С. Пушкине. Из семейной хроники. М., 2017. С. 129.

*В центре — С.С. Гейченко и Ф.Ф. Беренитам
в кругу военнослужащих 40-й ракетной дивизии (город Остров).*

За ними в третьем ряду — Ф.Ф. Беренитам-младший.

*Справа — Г.М. Линькова. Слева — Л.В. и Б.М. Козмины,
хранители музея-усадьбы, и их сыны в детском возрасте —
Александр и Лев. 2 июня 1976 года.*

Архив Пушкинского Заповедника

*Стол мореного дуба в стиле голландского барокко. 1,30 × 1,90.
Первая четверть XVIII века. ПЗ-КП-2751; М-266*

*Художник Нина Васильевна Варзар.
Иллюстрация: Каталог выставки.
1973 год*

Ученый-ботаник
Борис Николаевич Клопотов.
Иллюстрация: сайт Ботанического
института имени В.Л. Комарова
РАН

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА
представляемого к вручению медали „За оборону Ленинграда“

1. Фамилия Клопотова
2. Имя и отчество Янина Готфридовна
3. Пол женский 4. Год рождения 1906
5. Партийность Чп 6. Национальность полька
7. Место работы и занимаемая должность Ботанический
ин-т Машинского -двигателестроения
8. Домашний адрес Л. Толстого 1 кв 68.

“ _____ Медалей вручена “ _____ ” _____ 194 г.
№ удостоверения к медали _____
лт з.н.а.

Личная карточка Я.Г. Клопотовой вручения медали «За оборону Ленинграда».
16 октября 1943 года.

Иллюстрация: Сайт Архивного комитета Санкт-Петербурга. 2026 год

*Рояль с надписью в виньетке «Stürzwage».
1839 (?) год. ПЗ-КП-2809; Проч-100*

Фрагмент рояля с надписью на корпусе «Stürzwage». 1839 (?) год

Фрагмент рояля с надписью на корпусе «L. Stürzwage. Moskau» 1880-х годов с двумя орлами — 1865 и 1882 годов и золотой медалью «За полезное». Иллюстрация: сайт «Старинные русские ноты золотого века фортепиано»

Надгробный памятник над могилой основателя фортепианной фабрики Леопольда-Фердинанда Штюрьваге (18.01.1814–24.05.1887) и его жены Клары Маргариты Штюрьваге (1817–1897) с эпитафией: «Здесь покоится с Богом». Москва, Введенское кладбище. Иллюстрация: «Приходи на меня посмотреть»: сообщество в социальной сети ВКонтакте

*Леопольд-Фридерик Леопольдович Штюрцваге (L. Survage),
внук Леопольда-Фердинанда Штюрцваге. Около 1906 года.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)*

**«ДО РАДОСТНОГО УТРА».
ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ОБНАРУЖЕНИЯ НАДГРОБНОЙ
ПЛИТЫ МЛАДЕНЦА ПЛАТОНА ПУШКИНА
В СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ.
1926–1928 ГОДЫ**

В 2023 году, в ходе ремонтно-реставрационных работ внутри алтарной части Успенского собора Свято-Успенского Святогорского монастыря, в жертвеннике, при разборе старых напольных плит, была в третий раз обнаружена надгробная плита с могилы Платона Пушкина.

4 апреля 2025 года на XV Круглом столе памяти М.Е. Васильева «Краеведение, история и археология Пушкиногорья» Андрей Михайлович Васильев, хранитель Некрополя Ганнибалов — Пушкиных выступил с подробнейшим докладом-исследованием «Покойся милый прах до радостного утра». К истории могилы Платона Пушкина¹. Не повторяясь, приведу лишь те факты, которые важны для данного исследования.

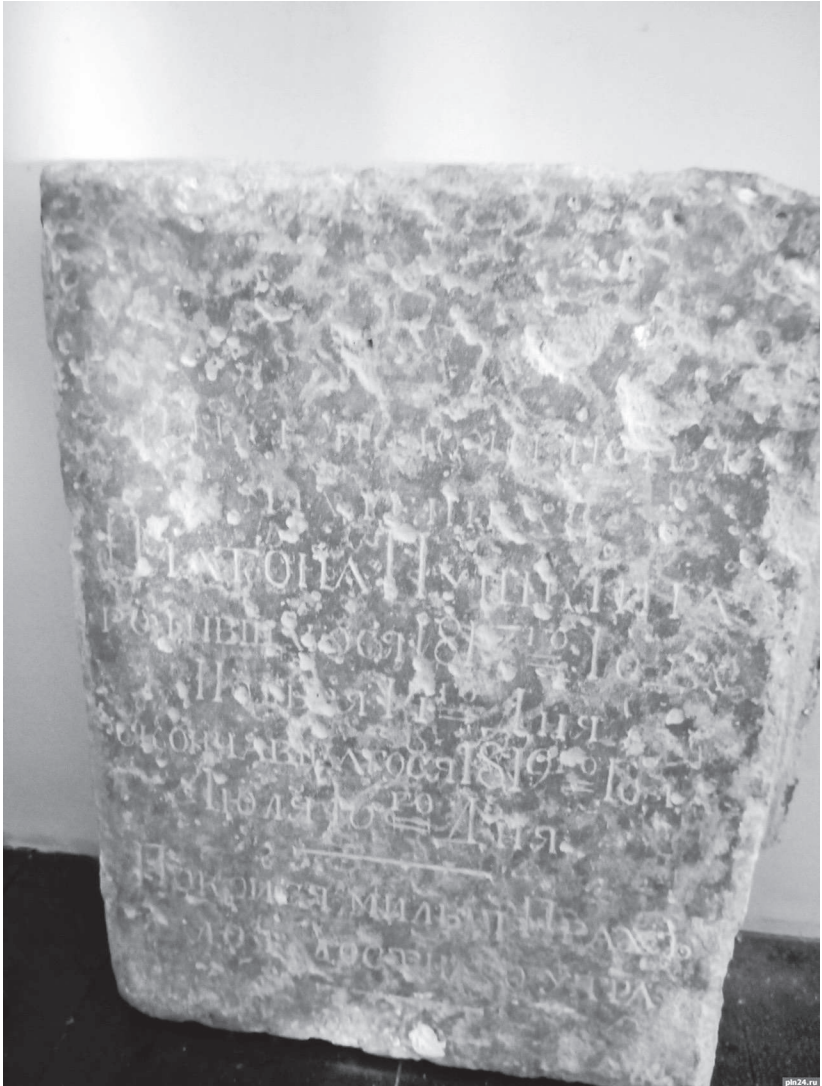
В статье «Усыпальница Ганнибалов — Пушкиных» в Пушкинской энциклопедии «Михайловское» сообщается: «Место погребения младшего брата поэта Платона точно не известно. После Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в левой части алтаря обнаружена плита с надписью: «Здесь положено тело младенца Платона Пушкина, родившегося 1817 ноября 14 дня. Скончавшегося июля 16 дня 1819. Покойся, милый прах, до радостного утра». «В настоящее время плита находится в алтарной части собора»². Прямых упоминаний о могиле Платона на площадке семейного кладбища нет ни в пояснениях к известным изображениям 1830–1840-х годов, ни в мемуарной литературе XIX века, не сказано и о захоронении младенца внутри собора, нет упоминаний об этом и в первых путеводителях.

В документах фонда Пушкинского Дома Российской Академии наук за 1926–1928 годы удалось найти сведения о более раннем обнаружении

---

¹ *Васильев А.М.* «Покойся милый прах до радостного утра». К истории могилы Платона Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 108. Сельцо Михайловское, 2025. С. 8–23.

² Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Сельцо Михайловское ; М., 2003. Т. 1. С. 328.

Надгробие Платона Пушкина. Лицевая сторона. 2024 год

надгробной плиты в 1928 году. Для того, чтобы понять, как и при каких обстоятельствах это произошло, нужно объяснить обстановку, в которой находились музей и Святогорский монастырь в те годы.

Постановлением Совета народных комиссаров от 17 марта 1922 года села Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина в Святогорском монастыре были объявлены заповедными. Первоначальное название — «Государственный заповедник «Пушкинский уголок»». Создание нового музея, да не просто музея, а музея-заповедника, одного из первых подобных музеев в России, дело очень непростое. А в условиях становления молодого советского государства, когда еще находятся в стадии формирования все государственные и общественные институты власти, это становится архисложным делом.

Ежедневная ленинградская «Красная газета»³ в вечернем выпуске за 3 марта 1926 года в № 54 опубликовала статью под названием «Пушкинский уголок в опасности». Пушкинский район в это время входил в Ленинградскую область.

«Пушкинскому государственному заповеднику грозит опасность остаться без хозяина. Правда, «Пушкинский уголок» — Св. Горы, Михайловское и Тригорское, в административном отношении подчинен музейному отделу Главнауки, а в научном — Пушкинскому Дому при Академии наук, и формально дело обстоит как будто благополучно. Фактически же Пушкинский Заповедник с ноября 1924 года остался без ответственного руководителя на месте. После ухода заведующего Заповедником В.М. Никифоровского наступил период безвластия. Уездные власти систематически отводили кандидатуры, выдвинутые Главнаукой и Академией наук, а Главнаука не утверждала уездного кандидата «за неподготовленностью». Главнаука пыталась разрешить кризис путем прекращения отпуска средств, но на упорных уездных администраторов это не произвело впечатления. Тогда возник проект о передаче Пушкинского Заповедника Академии наук, но и здесь не повезло «Пушкинскому уголку». Академия наук согласна взять на себя

---

³ «Красная газета» — ежедневная газета СССР, основана в Петрограде В. Володарским. Первый номер вышел 25 января 1918 года. Издавалась партийной и государственной властью: в разное время являлась органом центрального, губернского, городского комитетов ВКП(б) и Петросовета (Ленсовета). В газете описывались важные политические события, происходившие в Петрограде — Ленинграде, в стране и за ее пределами. Немалое внимание уделялось повседневной жизни города.

охрану только могилы поэта. Кто же будет охранять Михайловское и Тригорское?

Бывший заведующий Заповедником Василий Митрофанович Никифоровский вот уже в течение полутора лет не может сдать дела своему преемнику, т. к. такового нет. Он обращался по этому поводу в Академию наук и в Главнауку, но без результата.

— Такая беспомощность центра, — пишет он в своем последнем заявлении в Центральное бюро краеведения, — низводит «Пушкинский уголок», как государственный заповедник, на степень учреждения уездного значения. Положение в Заповеднике недопустимое. Оно может быть охарактеризовано следующими признаками: 1) незаконный захват Заповедника уездом; 2) нет преемственности в теперешней работе с прежними планами; 3) сведена на нет музейно-экскурсионная работа; 4) свободное обращение с заповедным лесом; 5) могила без охраны и т. д.

Летом 1924 года во время юбилейных пушкинских торжеств «уголку» был передан богатый музейный книжный инвентарь. До сих пор он остается в ящиках не распакованным... Часть музейного материала, хранившегося в Св. Горах в библиотеке, по распоряжению уездных властей была оставлена в приделе Святогорского храма и подверглась разгрому. Случайным осмотром была обнаружена брешь в стене, окна оказались выбитыми, вещи разбросанными на полу. Были похищены ценные экспонаты быта пушкинской эпохи. Неблагополучно на кладбище. У могилы Пушкина сняли чугунную калитку. На площадке могильного холма появились подозрительные трещины»⁴.

В 1920-е годы под охраной Госзаповедника находилась только могила А.С. Пушкина. В 1922 (а по некоторым сведениям в 1924, 1925) году монастырь, фактически не работавший с 1916 года, был закрыт. Это были сложные времена гонения на церковь и изъятия церковного имущества. Территория Святогорского монастыря, монастырские строения принадлежали местной власти и в разное время занимались иногда совершенно далекими от культуры и образования организациями, которые мало интересовались вопросами сохранности памятника истории и культуры. Некоторые строения находились в плачевном состоянии.

---

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 150. Оп. 1 (1925). Д. 13. Вырезки из газет заметок о Пушкинском Заповеднике.

5 июня 1927 года часть внутренней монастырской стены обрушилась. «Обвал стены и оползень произошли на протяжении 10 саженей с северной стороны холма», — сообщала газета «Псковский набат». — Причиной оползней является, по-видимому, просачивание дождевой воды, т. к. стена рухнула после страшного ливня в семь часов вечера 5 июня. Обнаруживаются признаки дальнейшего оседания почвы, что грозит разрушением храма — ныне музея, который от края обрыва отстоит всего на расстоянии семь аршин»⁵.

Это не могло не беспокоить руководство «Пушкинского уголка», Главнауки, Пушкинского Дома, Общество друзей «Пушкинского уголка» и просто людей, для которых эта земля была священным местом. Эта обеспокоенность прослеживается и в документах 1920-х годов.

Официальными письмами от 7 и 11 апреля 1927 года заведующий Заповедником Федор Павлович Павлов обратился к Пушкинскому Дому с просьбами «о принятии ряда мер к организации музея в с. Михайловском, поправке могильного холма Пушкина и т. д.»

6 июня 1927 Главнаука сообщила об отпуске 1 500 рублей Пушкинскому Дому на организацию выставки, ремонт дома и устройство экскурсионной станции в Государственном Заповеднике «Пушкинский уголок».

Все означенные бумаги были внесены Пушкинским Домом на рассмотрение Президиума Академии наук, причем последний указал, что Пушкинский Дом может лишь идейно руководить работой в Заповеднике.

2 июля 1927 года на заседании Президиума Академии наук СССР рассматривалась обращенная к Пушкинскому Дому просьба Управления музеями-усадебными и музеями-монастырями Главнауки НКП⁶ об «оказании содействия реставрации стены бывшего Святогорского монастыря в Госзаповеднике Пушкинского уголка, на каковой ремонт отпущено Государственными реставрационными мастерскими 1 000 рублей. ПОЛОЖЕНО признать, что Академия наук затрудняется принять участие в таких мероприятиях, имеющих при этом совершенно технический характер»⁷.

---

⁵ Псковский набат. 17.06.1927. Цит. по: *Филимонов А.В.* Положение улучшается (Парадоксы «Пушкинского уголка» в конце 20-х годов) // Псков. 1998. № 9. С. 211.

⁶ Наркомпрос РСФСР — Народный комиссариат просвещения РСФСР.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18. Отчет о деятельности Пушкин-

23 июля 1927 года директор Пушкинского Дома Сергей Федорович Платонов обратился в Президиум Академии наук:

«Указанные выше обстоятельства создают у Пушкинского Дома представление о том, что среди учреждений и организаций, заинтересованных в охране и организации Заповедника, существует не вполне правильное представление о взаимном соотношении и разграничении сфер деятельности Пушкинского Дома, Особого Совещания при ЦБК⁸ по научно-художественной охране Заповедника и Общества друзей Пушкинского Заповедника, что и ведет к попыткам возложить на Пушкинский Дом обязательства, которые он не имеет возможности выполнить впредь до того момента, когда Заповедник будет состоять в ведении Академии наук СССР.

Доводя изложенные свои предположения до сведения Президиума, Пушкинский Дом просит последний преподать ему надлежащие указания»⁹.

Сложная система руководства «Пушкинским уголком» выглядела так. Пушкинский Заповедник подчинялся музейному отделу Главнауки, которая в свою очередь находилась в подчинении Наркомпроса. В Главнауке было создано Особое совещание при Центральном бюро краеведения по научно-художественной охране Заповедника. Научное руководство было предоставлено Пушкинскому Дому, находящемуся в ведении Академии наук.

Эта ситуация многовластия или, скорее, безвластия, продолжалась еще долгое время. При этом состояние строений Святогорского монастыря только ухудшалось. Прилагаемых усилий и работ, производившихся на средства Главнауки и стараниями Общества друзей «Пушкинского уголка», явно было недостаточно.

Производственной сметой Госзаповедника «Пушкинский уголок» на 1927–1928 годы были предусмотрены следующие работы в монастыре:

«п. 22. Приспособление бывшей кельи под сторожку у Пушкинских ворот — 250 рублей;

ского Заповедника за 1926–1927 годы; Отчет за 1928 год. Записки, переписка о состоянии, охране и устройстве Заповедника.

⁸ Центральное бюро краеведения.

⁹ СПБФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18. Отчет о деятельности Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы; Отчет за 1928 год. Записки, переписка о состоянии, охране и устройстве Заповедника.

п. 23. Ремонт нижней ограды у холма на протяжении 125 аршин длины, 2 аршин ширины, покрыт железом с окраской — 275 рублей;

п. 24. Устройство чехлов деревянных окрашенных для покрытия балюстрады у памятника — 75 рублей»¹⁰.

В годовом отчете за предыдущие 1926–1927 годы директор «Пушкинского уголка» Ф.П. Павлов писал: «Производились работы по укреплению холма, частично площадки у памятника, самих памятников, а также частично отремонтирована алтарная стенка и крыша древнего храма быв. Святогорского монастыря времен Иоанна Грозного, у алтаря которого покоится прах поэта А.С. Пушкина на том холме»¹¹. Т. е. ремонтные работы касались только самого некрополя и алтарной части собора XVI века. Эти работы производились на средства и стараниями Общества друзей Пушкинского Заповедника.

2 января 1928 года на общем собрании Общества друзей Пушкинского Заповедника под председательством Бориса Львовича Модзалевского¹², где присутствовало 102 действительных члена Общества, заслушивалось сообщение Виктора Александровича Таубера¹³ «О ремонтных работах на могильном холме бывшего Святогорского монастыря, произведенных осенью 1927 года».

Во время сообщения членам Общества был предложен для ознакомления план обмера указанных ремонтных работ¹⁴.

В июле 1927 года заведующий Заповедником Ф.П. Павлов поставил вопрос о передаче построек Святогорского монастыря Заповеднику. Только через полгода районный исполком заслушал этот вопрос и

---

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18. Отчет о деятельности Пушкинского Заповедника за 1926–1927 годы; Отчет за 1928 год. Записки, переписка о состоянии, охране и устройстве Заповедника..

¹¹ Там же..

¹² Борис Львович Модзалевский — русский генеалог, библиограф, редактор, литературовед-пушкинист, историк русской литературы, публикатор и комментатор сочинений А.С. Пушкина. Статский советник (1914). Член-корреспондент РАН (1918) и АН СССР (1925). Один из создателей Пушкинского Дома.

¹³ Виктор Александрович Таубер — архитектор, который был одним из организаторов Музея отживающего культа в Петрограде (1923–1927). Таубер занимал должность ответственного хранителя музея, который был создан обществом «Старый Петербург» для принятия на хранение художественных ценностей из закрывавшихся храмов.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18.

25 декабря вынес следующее решение: «Ввиду того, что древний храм расположенный наверху холма, имеет историческое значение, поэтому против передачи его в распоряжение Госзаповедника не возражать»¹⁵.

Одновременно с рассмотрением вопроса о передаче РИКом собора в ведение Заповедника в декабре 1928 года решался и вопрос о «странностях» директора Заповедника Ф.П. Павлова, которые в первую очередь были связаны с его «воцерковленностью». Была учреждена местная комиссия по проверке деятельности Заповедника, в которую среди прочих представителей входил и местный врач. Ф.П. Павлов был объявлен душевнобольным и отправлен на излечение в Ленинград.

Еще через полгода, к маю 1928 года, Пушкинский РИК изменил свое отношение к Успенскому собору и стал ходатайствовать об его сносе, объясняя такую просьбу малой исторической ценностью, аварийностью и большими затратами на восстановление.

В ответ Главнаука Наркомпроса 16 августа 1928 года ответила: «Ленинградская государственная реставрационная мастерская Главнауки считает необходимым отметить, что ходатайство Пушкинского РИКа на разрешение сноса церкви на Пушкинском холме совершенно необоснованно, и изложенные им соображения могут лишь ввести в заблуждение лиц неосведомленных с действительным положением дел...»

В письме дается оценка исторической, культурной, архитектурной ценности церкви, указывается на неразрывную ее связь с жизнью и творчеством А.С. Пушкина и отмечается, что разрушение ее «встретило самые резкие возражения всего культурного мира»¹⁶, и окончательная разборка собора нежелательна, т. к. это нарушит общий вид холма и могилы А.С. Пушкина и уничтожит ценный архитектурный памятник XVI века. Наркомпросу удалось отстоять церковь, но эти попытки снести памятник и само состояние его не могли не заботить заинтересованную общественность и руководство.

Новый заведующий Госзаповедником «Пушкинский уголок» Петр Михайлович Волков писал в Пушкинский райком ВКП(б) о состоянии Заповедника в 1928 году:

---

¹⁵ Цит. по: Яковлев С. «Пред солнцем бессмертным ума...» Пушкинский государственный заповедник на Псковской земле: исторический очерк. Ч. 1. Пушкинские Горы, 1994. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 83.

«В отношении бывш. собора Святогорского монастыря должен сообщить, что последний до настоящего времени фактически находится в ведении РИКа (по музейному же отделу Главнауки этот архитектурный памятник XVI века лишь стоит на учете), и следовательно, за состояние его несет ответственность РИК, последний также допустил ошибку, допустив вскрыть железное покрытие шпиля колокольни для установки антенны, что создало возможность проникновения воды внутрь колокольни, тем самым способствуя ее разрушению.

Вместе с тем, меры со стороны администрации Госзаповедника как местного представителя интересов Главнауки по выяснению вопроса уже приняты. В ближайшее время в Пушкинские Горы приедет представитель Ленинградских реставрационных мастерских для принятия окончательного решения в отношении разборки или сохранения здания б. собора»¹⁷.

В 1928 году в Пушкинский Заповедник по заданию Главнауки приехал архитектор, профессор Иосиф Болеславович Михаловский¹⁸, для осмотра собора, определения необходимого ремонта и составления сметы. Скорее всего, он пробыл в Пушкинских Горах довольно долго или приезжал несколько раз, потому как есть свидетельства его пребывания как минимум в июле и октябре.

14 августа 1928 года Центральное бюро краеведения Наркомпроса обращается в Пушкинский Дом:

«В ответ на обращение Пушкинского Дома, сделанное через посредство члена ЦБК Н.П. Анциферова¹⁹ относительно состояния храма в Святых Горах и положения вопроса о его передаче в ведение Заповед-

---

¹⁷ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИ-ПО). Ф. 821. Оп. 1. Д. 6. Л. 143–145.

¹⁸ Иосиф Болеславович Михаловский — русский и советский архитектор, реставратор, историк и теоретик архитектуры. Автор ряда исследований по истории архитектуры, среди которых наиболее известна неоднократно переизданная книга «Теория классических архитектурных форм».

¹⁹ Николай Павлович Анциферов — советский культуролог, историк, краевед и краевед. Основоположник комплексного метода изучения городской среды как целостного историко-культурного организма. Придавал важное значение исследованию взаимовлияния исторической среды и культурной жизни города, отмечал значимость топонимики как языка города. Положил начало изучению образа города (прежде всего Петербурга) в русской литературе.

ника ЦБК, снесясь с Реставрационной мастерской Главнауки, получило следующие сведения:

Проф. И.Б. Михаловский нашел, что древнему храму не угрожает никакой опасности от обвалов. В плохом состоянии находятся лишь позднейшие пристройки, которые предполагается разобрать в интересах реставрации древнего храма.

Если данные пристройки имеют бытового интерес, Реставрационные мастерские готовы их поддержать. В этом отношении интересно узнать мнение Пушкинского Дома.

К реставрации приступят немедленно. По окончании работ Реставрационные мастерские, в ведение которых временно переходит храм, передадут его Заповеднику.

В ближайшие дни в Пушкинские Горы выезжает Александр Петрович Удаленков²⁰, который выразил пожелание согласовать свою поездку с поездкой хранителя Музея Пушкинского Дома М.Д. Беляева.

При сём прилагается информационное письмо о состоянии Пушкинского Заповедника Николая Васильевича Измайлова^{21»}²².

В обращении указывается на плохое состояние поздних пристроек. По всей видимости, имеются в виду южный придел во имя Покрова Божией Матери 1776 года строительства, придел в честь иконы Одигитрии 1770 года, колокольня.

Письмо Н.В. Измайлова, на которое ссылаются в обращении, адресовано Михаилу Дмитриевичу Беляеву, историку литературы, пушкинисту, видному теоретику музейного дела, одному из создателей первого музея А.С. Пушкина в доме на Мойке, 12. Оно содержит полное и очень эмоциональное описание Пушкинского уголка. Здесь же приводится только его часть касательно Святогорского монастыря.

---

²⁰ Александр Петрович Удаленков — русский советский архитектор, реставратор, исследователь архитектуры. С середины 1920-х годов — руководитель Ленинградского отделения Центральных научно-реставрационных мастерских (ЦНРПМ). По словам И.Э. Грабаря, «почти все памятники классицизма в Ленинграде реставрировались под непосредственным руководством А.П. Удаленкова».

²¹ Николай Васильевич Измайлов — советский литературовед, текстолог, пушкинист, доктор филологических наук (1963). С 1921 года был ученым хранителем рукописей, с 1924 года — заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома при Российской Академии наук.

²² СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18.

«Хуже всего — состояние могилы и собора. Могила Пушкина приведена во внешний порядок. Кругом чисто, песок, ограда памятника, деревянные перила и скамейки окрашены, везде надписи и ящики для окурков — но всё это имеет казенный, не живой и холодный вид. Особенно портит сделанный у стен собора откос, замощенный камнем: он доходит почти до ограды могилы и суживает площадку так, что меняет ее характер; это результат прошлогодней работы Таубера, вообще, говорят, плохо выполненной и нуждающейся в коренной переделке. Когда собор будет отремонтирован, наваленный к его стене откос придется, конечно, убрать. В таком же печальном положении собор; он и снаружи сильно пострадал — выпали и выщерблены кирпичи колокольни (старинная кладка самого нефа и купола, насколько я заметил, попорчены меньше), выбиты стекла, отбита штукатурка, поцарапаны и стерты лики у образов (новых), написанных на внешних стенах... и на алтарной апсиде. Внутри я не входил, но посмотрел в замочную скважину закрытой двери — вид ужасный, полный погром, грязь, беспорядок и запустение; пачкали и пачкают птицы, залетающие в разбитые окна, и люди, заходившие, когда он был открыт. Собор разрушается и скоро погибнет, если не принимать мер в срочном порядке. А ведь могила имеет значение и сохраняет свой характер лишь вместе с собором (хотя бы и бездействующим), а запустелый собор и загаженные подступы, дорожки и дворы монастыря делают еще более нелепой и антихудожественной казенную чистоту вокруг памятников. Дело о передаче собора в ведение Заповедника находится на рассмотрении Главнауки. Местные власти, по словам Волкова, ничего не имеют против передачи собора Заповеднику, настаивая лишь на ремонте... Недавно, за несколько дней до нас, был здесь архитектор проф. Михаловский (член Старого Петербурга?), посланный Главнаукой, и осмотрел собор для определения нужного ремонта и составления сметы. Переговорите с ним, переговорите с Реставрационными мастерскими, обратитесь через непр. секретаря в Главнауку — наш долг ускорить дело, спасти собор и присоединить его к Заповеднику как его неопредельную, необходимую часть. Общество друзей тут ни при чем и ничего не может, но ПД должен поддерживать хоть в этом Заповедник... Сердечно приветствую Вас, Н. Измайлов»²³.

В письме Н.В. Измайлова упоминается июльская поездка И.Б. Михаловского. К сожалению, данных этого обследования и сме-

---

²³ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18.

ты на ремонт собора в Архиве РАН пока не обнаружено. По всей вероятности, была еще одна, осенняя поездка в октябре 1928 года. Именно в этой поездке и произошла интересующая нас находка. О ней свидетельствует письмо И.Б. Михаловского в Пушкинский Дом с небольшой запиской, описывающей его находку в Святогорском монастыре.

«При разборке каменной поздней пристройки с Зап. стороны Успенской церкви бывш. Святогорского монастыря, в Кирпичной кладке С-З угла на высоте ок. 1 ¼ м от поверхности земли 3 октября 1928 года оказалась каменная надгробная плита толщ. 6 ½–8 см следующих размеров: рисунок с размерами.

На плите углубленными линиями высечен мальтийский крест, а под ним надпись, очень стертая, но в главных частях читается уверенно, за исключением второго слова «положено» — (по...сно), мож. быть «погребено», но первое более вероятно.

Надпись см. на обороте».

77об

Для справки.

При разборке каменной поздней пристройки с Зап. стороны Успенской церкви бывш. Святогорского мон., в Кирпичной кладке С-З. угла на высоте ок. 1 ¼ м. от поверхности земли (3 окт. 1928 г.) обнаружена каменная надгробная плита толщ. 6 ½–8 см. следующих размеров: на плите углубленными линиями высечен мальтийский крест, а под ним надпись, очень стертая, но в главных частях читается уверенно, за исключением второго слова «положено» — (по...сно), мож. быть «погребено», но первое более вероятно. Надпись см. на обороте.

Письмо И.Б. Михаловского в Пушкинский Дом с небольшой запиской, описывающей его находку в Святогорском монастыре. Из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН)²⁴

²⁴ © СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18. Л. 77 об. Правообладателем

Оборотная сторона записки разделена на две части. В левой части зарисован мальтийский крест, выбитый на надгробии, и приведена надпись на плите:

«Здесь положено Тело
Младенца
Платона Пушкина
Родившагося 1817го года
Ноября 14го дня
Скончавшагося 1819го года
Июля 16го дня

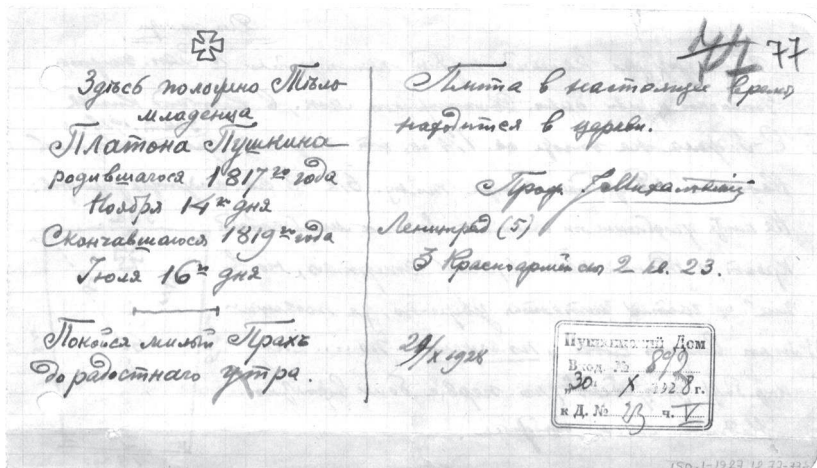
—
Покойся милый Прахъ
До радостного утра».

В правой части записки — данные о том, где расположили плиту и о нашедшем ее:

«Плита в настоящее время находится в церкви.
Проф. И. Михаловский
Ленинград (5)
3 Красноармейская 2 кв. 23
29/X 1928
Входящий штамп ПД
№ 892
30.10.1928
К Д. № 23 ч.V».

документа является Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Повторное использование документа возможно только с разрешения правообладателя.

Письмо И.Б. Михаловского в Пушкинский Дом
с небольшой запиской, описывающей его находку в Святогорском монастыре.
Из собрания СПбФ АРАН²⁵

Если сравнить надгробные памятники Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибалов с надгробной плитой младенца Платона, то можно прийти к выводу, что с большой долей вероятности сделаны они в одном стиле, одним мастером, а возможно — и в одно время (см. *Таблицу*).

²⁵ © СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1927). Д. 18. Л. 77. Правообладателем документа является Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Повторное использование документа возможно только с разрешения правообладателя.

Таблица

Осип Абрамович Ганнибал	Мария Алексеевна Ганнибал	Младенец Платон Пушкин
Мальтийский крест	Мальтийский крест	Мальтийский крест
Здесь Погребено Тело	Здесь Погребено Тело	Здесь погребено Тело
Иосифа Абрамовича Ганнибала	Марии Алексеевны Ганнибал урожденной Пушкиной	Младенца Платона Пушкина
родившагося 1744 ^{го} Года Декабря 20 ^{го} Дня скончавшагося 1806 ^{го} Года Октября 12 ^{го} Дня	родившейся 1745 ^{го} Года Генваря 20 ^{го} Дня скончавшейся 1818 ^{го} Года Июня 27 ^{го} Дня	родившагося 1817 ^{го} Года Ноября 14 ^{го} Дня скончавшагося 1819 ^{го} Года Июля 16 ^{го} Дня
Линия	Линия	Линия
		Покойся милый Прахъ До радостного утра

Все три плиты имеют большие сходства.

Во-первых, в верхней части всех трех плит расположен мальтийский крест.

Во-вторых, стилистика, последовательность сведений и употребленные прописных и строчных букв в надписи:

первая часть — «Здесь погребено Тело». Помним, что И.Б. Михаловский сомневался в этом слове — «положено» или «погребено». Слово «Тело» написано с прописной буквы;

далее идет указание Имени, Отчества, Фамилии. Отличие плиты младенца Платона — в отсутствии отчества, но указано «младенец», что в церковной традиции является наименованием ребенка до семи лет;

следующие строки содержат информацию, одинаково выстроенную структурно. Слово «родившегося» написано со строчной буквы. Цифровое обозначение года сопровождается буквенным наращением «го», имеющим двойное подчеркивание. Слово «Года» и названия месяцев написаны с прописной буквы;

все надписи выполнены в едином стиле, с одинаковой построчной разбивкой;

под надписью подведена черта. На надгробных плитах Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны под чертой эпитафий нет. У младенца Платона — «Покойся милый Прахъ / До радостного утра»²⁶.

²⁶ «Эпитафии (Небесная душа...)» — стихотворение Николая Карамзина,

Плиты имеют и существенные различия. Во-первых — по размеру. Плиты на могилах Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны больше. Во-вторых — они имеют правильную форму прямоугольника. Надгробная же плита младенца Платона имеет форму трапеции, т. е. расширена кверху, немного напоминает стелу — вертикальную плиту, а не лежащую на земле. Однако расхождение сторон почти незаметно.

На мысль об одном времени изготовления плит наводит факт о близости дат смерти бабушки и младенца. Осип Абрамович Ганнибал умер в 1806 году, Мария Алексеевна в 1818 году, менее чем через год умер младенец Платон. Возможно, Надежда Осиповна решила заказать сразу три плиты и оформить родовое кладбище у стен Успенского собора.

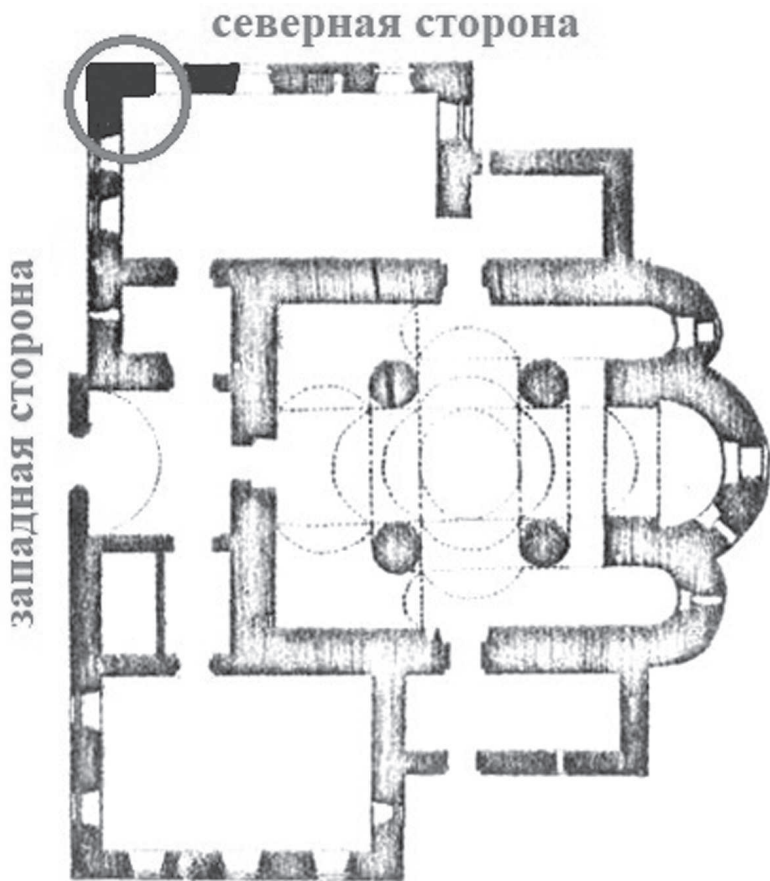
Небольшая записка И.Б. Михаловского о находке 1928 года дает ответ на многие вопросы. И в первую очередь — на вопрос, почему в ранних источниках, на изображениях Святогорского монастыря нет этой надгробной плиты.

Как следует из записки, надгробная плита была найдена в каменной поздней пристройке с западной стороны Успенской церкви, в кирпичной кладке северо-западного угла на высоте около 1 ¼ м от поверхности земли, что должно быть выше уровня фундамента, но ниже уровня пола, т. к. в самом соборе надгробных плит не значилось. Несомненно, это придел во имя Покрова Пресвятой Божией Матери. Покровский придел называли северным, но он имеет и западную стену. Получается, что угол, на который ссылается академик И.Б. Михаловский, находится в противоположной стороне престолу придела, где находится вход в усыпальницу Карамышева.

Это косвенно подтверждают и документы. Именно со стороны Покровского придела разрушилась стена и обвалился грунт почти до собора в 1927 году. Профессор И.Б. Михаловский указывал на плохое состояние поздних пристроек к собору. А двумя годами ранее «Красная газета» писала об обнаруженной в стене поздней пристройки брешу, через которую грабители проникли в подвальное помещение (которое есть только у Покровского придела). Так что действительно, в приделе

написанное в 1792 году. Н. Карамзин: «Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулетней дочери ее. Я предложил ей на выбор следующие пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе». Последнюю эпитафию выбрали и родители Платона Пушкина для размещения на его памятнике.

были те самые повреждения, которые в 1928 году разбирались под руководством профессора И.Б. Михаловского.

Если всё же предположить, что имеется в виду северо-западный угол другой поздней пристройки — колокольни или придела в честь иконы Одигитрии, то это представляется маловероятным: северо-западные углы этих пристроек являются внутренними и потому менее подвержены обрушению. Уровень пола у них значительно ближе к земле. Плита же была обнаружена на высоте $1 \frac{1}{4}$ метра от земли. А это уже

будет выше уровня пола этих пристроек, внутри придела, но внутри самого собора могил не было.

В любом случае пока остается гадать, потому как указание И.Б. Михаловского «в кирпичной кладке С-3 угла» не дает нам полной информации о ее положении, ее вертикальном или горизонтальном расположении — лежала ли она на земле под кирпичной кладкой, или была за кирпичной кладкой на стене.

Пока самой логичной кажется версия об обнаружении плиты под приделом в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Там ли похоронен младенец Платон Пушкин, исходя из этих данных определить невозможно. С похорон в 1819 году до ее обнаружения в 1928 году прошло 109 лет. Как показали последующие события — за это время она могла быть перемещена, и не раз. Возможно, он похоронен рядом с Осипом Абрамовичем и Марией Алексеевной Ганнибалами, а при более позднем захоронении его матери Н.О. Пушкиной в 1836 году, А.С. Пушкина в 1837 году или установке памятника на могиле поэта в 1841 году временно перенесена и забыта под Покровским приделом. Нужны новые факты и документы.

Почему же она вновь была утеряна после 1928 года? Плита была обнаружена и помещена в собор И.Б. Михаловским в бытность директором Пушкинского Заповедника П.М. Волкова. Куда именно — не указывается, но вполне возможно — в ту часть собора, которая менее всего подверглась разрушению и в предшествующий находке 1927 год ремонтировалась: в алтарную часть собора XVI века. С 1928 по 1936 год, еще восемь лет после ее обнаружения, Успенский собор находился в ведении РИКа. В самом Пушкинском Заповеднике шла непрерывная смена директоров и даже владельцев. В этот период произошло еще одно неприятное событие — летом 1934 года обрушилась колокольня, о чем сообщала заведующая музеем Надежда Леонидовна Пацко в Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН СССР, Матвеею Матвеевичу Калаушину²⁷.

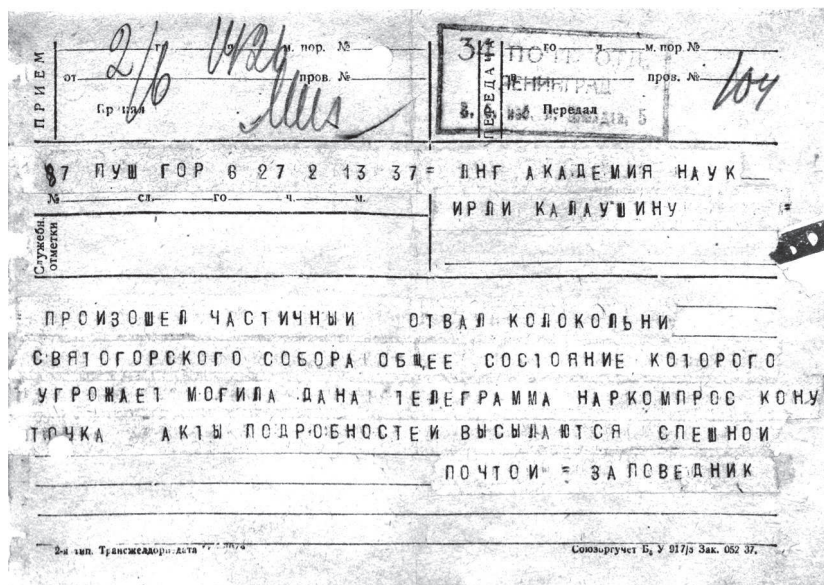
«ПРОИЗОШЕЛ ЧАСТИЧНЫЙ ОБВАЛ КОЛОКОЛЬНИ СВЯТОГОРСКОГО СОБОРА ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ КОТОРОГО УГРОЖАЕТ МОГИЛА ДАНА ТЕЛЕГРАММА НАРКОМПРОС КОНУ»²⁸

---

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1933). Д. 24. Л. 104.

²⁸ Кон Феликс Яковлевич — российский и польский революционер, член Польревкома, один из организаторов МОПРа, ученый-этнограф, редактор,

ТОЧКА АКТЫ ПОДРОБНОСТЕЙ ВЫСЫЛАЮТСЯ СПЕШНОЙ ПОЧТОЙ=ЗАПОВЕДНИК»

*Телеграмма в ИРЛИ РАН М.М. Калаушину об обрушении колокольни
Из собрания СПбФ АРАН²⁹*

Свод ее был поврежден еще в середине 1920-х годов для установки антенны для радиостанции. Образовавшееся повреждение привело к ее разрушению. Лишь в 1936 году собор перешел под охрану Заповедника, были выделены средства для его реставрации.

В этом круговороте людей и событий надгробный памятник младенца Платона Пушкина был забыт и утерян. И ждал своего часа на том месте, где его положили, в алтаре. На этом же месте его нашел С.С. Гейченко после Великой Отечественной войны.

публицист. Член Союза писателей СССР с 1934 года. С 1933 по 1937 год — заведующий музейным отделом Наркомпроса РСФСР.

²⁹ © СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1933). Д. 24. Л. 104. Правообладателем документа является Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Повторное использование документа возможно только с разрешения правообладателя.

*Успенский собор Святогорского монастыря.
Северо-западный угол придела в честь Покрова Пресвятой Богородицы*

Таким образом, история надгробной плиты Платона Пушкина отражает сложность судьбы культурного наследия в эпохи перемен и административных проблем.

Благодарю коллег — Андрея Михайловича Васильева, Эдуарда Александровича Узенева, Алену Евгеньевну Бойцову за помощь, консультации и обсуждение доклада.

**ПОСЛЕ Н.П. ВРЕВСКОЙ: СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КРУГУ СЕМЬИ ВРЕВСКИХ
СОТРУДНИКАМИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
В 1950–1998 ГОДАХ**

В Пушкинском музее-заповеднике и семье Вревских многие знают и помнят о вкладе Натальи Павловны Вревской в сохранение и восстановление истории, связанной с друзьями А.С. Пушкина. К ее дневникам-мемуарам обращались и еще будут обращаться не один раз. Именно она являлась связующим звеном времен до и после революции. Н.П. Врев-

*Н.П. Вревская и Б.М. Вревский. 1910 год.
Семейный архив*

ская сохранила в семье мемориальные вещи и нематериальную память о предках, одновременно став одной из первых в семье, кто начал передавать вещи в «пушкинские» учреждения.

К сожалению, революция стала не единственной преградой к сохранению семейной и культурной памяти. Преследования за дворянское происхождение и трагедия Великой Отечественной войны не обошли семью, внося трудности в сохранение крупиц былого. Известно, что в 1936–1946 годах Наталья Павловна отдала многие вещи на хранение в Пушкинский Дом. Это было время ее ссылки с сыновьями (Борисом Михайловичем и Сергеем Михайловичем)

в Казахстан (1935)¹ и Великой Отечественной войны. Передача меморий в Пушкинский Дом позволила им пережить непростые времена.

Помимо дореволюционных предметов в семье хранятся вещи, связанные с Пушкинским музеем-заповедником уже и XX века. С одной стороны, кажется, что это время было совсем недавно, и еще живы люди, которые помнят многие события и факты. С другой, это время уже транслирует целый новый пласт воспоминаний и историй, который также надо документировать, сохранять и популяризировать. Пока живы люди, помнящие этот период, необходимо всё записывать и архивировать.

Конечно же, в семье сохранились различные делопроизводственные документы за вторую половину XX века: акты приема-передачи предметов, дарственные и т. д. Однако за этими сухими документами стоят люди, которые налаживали связь друг с другом. Одни восстанавливали и создавали с нуля экспозиции, другие сохраняли и передавали историческую память потомкам. С обеих сторон есть механизмы преемственности, которые особенно хорошо видны в период 1950–1998 годов.

В семье хранятся фотографии, почтовые карточки, письма и т. д. 1960–1990-х годов, т. е. со смерти Натальи Павловны до последней поездки Софьи Алексеевны со старшей внучкой Екатериной в Тригорское. Главными действующими лицами, запечатленными в этих документах, выступают С.С. Гейченко, Г.Ф. Симакина, Б.М. и С.А. Вревские. Вся накопившаяся информация уже требует систематизации и анализа.

В 1950–1960-е годы начинается процесс передачи «эстафеты» следующему поколению Вревских — от Натальи Павловны к Борису Михайловичу с Софьей Алексеевной. Именно на век последних приходится активное взаимодействие с С.С. Гейченко и Г.Ф. Симакиной.

В 1956 году Борис Михайлович и Софья Алексеевна посетили пушкинские места, в т. ч. Тригорское. Об этом свидетельствует фотография Софьи на «Скамье Онегина». Скорее всего, именно в этот приезд состоялась встреча Б.М. Вревского и С.С. Гейченко, которая стала продолжением сотрудничества и дружбы семьи с сотрудниками Заповедника².

В подготовке к открытию экспозиции в Тригорском — огромная заслуга С.С. Гейченко. Он провел большую работу по формирова-

---

¹ Справка Н.П. Вревской о том, что она вместе с сыновьями отбывала срок ссылки в Карагандинской области в 1935 году.

² С.С. Гейченко — Б.М. Вревскому. Письмо от 8 апреля 1961 года. Семейный архив.

С.А. Вревская на «Скамье Онегина». 1956 год. Семейный архив

нию фонда мемориальных вещей³. В том числе он просил некоторые предметы на экспозицию и у нашей семьи.

За 1961 год сохранилось три письма от имени С.С. Гейченко. В первом, от 9 марта 1961 года, он приносит Борису Михайловичу соболезнования по поводу кончины Натальи Павловны⁴. В следующем письме, от 8 апреля⁵ того же года, Семен Степанович обращается к Б.М. Вревскому уже как к следующему хранителю семейных реликвий. Он просит, «памятуя мою беседу с вами в Михайловском по поводу вещей из Тригорского, находящихся в квартире Натальи Павловны», на временное пользование бюсты Платона и Вергилия, а также слепок с кисти Евпраксии Николаевны Вревской. Оговорим, что в итоге оригиналы предметов оказались на экспозиции спустя несколько десятилетий. Интересна

---

³ Васильева Н. Мемории в экспозиции дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском // Михайловская пушкиниана. Вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 41–43.

⁴ С.С. Гейченко — Б.М. Вревскому. Письмо от 9 марта 1961 года. Семейный архив.

⁵ С.С. Гейченко — Б.М. Вревскому. Письмо от 8 апреля 1961 года.

Помню мою беседу с Вами в Ленинградском
по поводу вещей из Музея истории казачества
в хвосте Каз. Кавказа, а особенно к
Вам с просьбой о предоставлении
этих вещей музеем Золотых во время
моего пребывания. Речь идет о трех предметах.
Бисерных Плоский и Деревянный, и Золотой
Кольцо руки Евг. Николаевича. Видео-Презентация.

С.С. Гейченко — Б.М. Вревскому.
Фрагмент письма от 8 апреля 1961 года. Семейный архив

Письмо от
Гейченко Семёна
Степановича
(главного бухгалтера
и восстановителя
Тригорского
восстановительного
подразделения
после войны)
с 1998 г.

Подпись С.А. Вревской на конверте
от письма С.С. Гейченко Б.М. Вревскому от 8 апреля 1961 года.
1998 год. Семейный архив

А.Б. и И.Б. Вревские на «Скамье Онегина»

приписка С.А. Вревской на конверте: «Письмо от Гейченко Семена Степановича (главного вдохновителя и восстановителя Тригорского в последующие годы после войны. С. Врев. 1998 г.»⁶ В письме же от 10 апреля⁷ упоминается оценка деревянного сундука из Тригорского.

В 1962–1964 годах продолжалась активная работа по сохранению исторической памяти. В 1962 году был открыт Дом-музей Осиповых и Вульфов⁸. В 1963 году Борис Михайлович Вревский повез своих детей,

---

⁶ Конверт от письма С.С. Гейченко Б.М. Вревскому от 8 апреля 1961 года. Семейный архив.

⁷ С.С. Гейченко — Б.М. Вревскому. Письмо от 10 апреля 1961 года. Семейный архив.

⁸ Музей-усадьба «Тригорское» // Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник) [Электронный ресурс: <https://www.pushkinland.ru/2018/reserve/res2.php>].

*Б.М. и А.Б. Вревские на фоне Дома-музея в Тригорском.
1963 год. Семейный архив*

Ирину и Александра, в пушкинские места. Сохранились фотографии детей на онегинской скамье⁹, на балконе дома в Тригорском, Александр и Борис Михайлович на фоне дома в Тригорском и другие. Для семьи было важно посмотреть новую экспозицию, а Б.М. Вревскому приобрести к делу сохранения памяти своих детей.

Поездка и экспозиция явно произвели впечатление на семью. В этом же году были отобраны предметы, которые были оценены, а в 1964 году переданы в музей¹⁰. Это серебряный кубок Вындомского, кожаное рабочее кресло¹¹, рабочий столик для рукоделия и ложка для жженки Е.Н. Вревской и т. д. Все они занимают важное место в экспозициях музея и по сей день.

Два последующих десятилетия (1970–1980-е годы) были больше про память в кругу семьи, воспоминания, сохранение и передачу их

⁹ Сложилось впечатление, что фотографирование на этой скамье стало традицией в семье.

¹⁰ *Старинкова Е., Зигерн-Корн Ю.* Английский источник сюжета для вышивки каминного экрана из Тригорского // Михайловская пушкиниана. Вып. 78. Сельцо Михайловское, 2020. С. 82–83.

¹¹ Ныне находится на экспозиции в Михайловском.

*Б.М. Вревский на месте, где была усадьба Александрово.
Фотография из альбома 1980 года. Семейный архив*

дальше. Примерно в 1973–1974 году Борис Михайлович с сыном Александром доехали на машине до Александрова, проехали до Тригорского и, не заходя внутрь, заночевали в машине около дуба. Это была быстрая поездка, но важная.

Бориса Михайловича тянуло в края предков. В августе 1980 года он, вместе с братом по матери Александром Андреевичем Рихтером, путешествовал по родным местам. На память об этой поездке в подарок Борису Михайловичу его братом был сделан альбом с фотографиями. Примечательно, что в семейном архиве есть фотокарточка маленького Б.М. Вревского в Александрове. Спустя несколько десятилетий он сфотографирован в том же месте, где не осталось ничего, кроме воспоминаний. Подпись под одной из фотографий: «Здесь было здание».

Следующий, можно сказать, этап связан уже с взаимодействием Бориса Михайловича и Софьи Алексеевны (которая активно вовлеклась

в процесс сохранения семейной памяти) с Галиной Федоровной Симакиной¹². Сохранилось несколько документов с ее сообщениями.

Около 1987 года Г.Ф. Симакина побывала в гостях у семьи Вревских¹³. На одной из почтовых открыток она благодарит за знакомство с «вами и вещами». Интересны и планы насчет реликвий. Галина Федоровна выражает надежду когда-нибудь снять отпечатки на пластилин с печаток. Также здесь видим продолжение истории — спустя 26 лет от первого упоминания о слепке кисти Е.Н. Вульф. С.С. Гейченко, со слов Г.Ф. Симакиной, хотел попросить М.К. Аникушина сделать копию¹⁴. Интересно, как на протяжении десятилетий менялись и реализовывались планы с конкретными реликвиями. В конечном итоге гипсовая копия с руки была снята через год¹⁵.

В этом же году была новая волна передачи предметов музею. В письме от 15 августа Борис Михайлович пишет трактовку надписи на кружке Вындомского¹⁶. 5 сентября в дар от Бориса Михайловича были получены два подсвечника¹⁷ для усиления экспозиции Дома-музея Осиповых и Вульфов в Тригорском.

В письме от 9 марта 1988 года становится ясно, что сотрудники музея-заповедника приезжали в квартиру Вревских в Ленинграде. Была произведена съемка вещей и фотографий¹⁸, что позволило расширить

---

¹² Симакина Галина Федоровна — сотрудник Пушкинского Заповедника с 1963 по 1995 год: в 1965–1989 — научный сотрудник, хранитель музея-усадьбы «Тригорское», в 1989–1995 — заместитель директора Пушкинского Заповедника.

¹³ Еще одна традиция, складывающаяся между сотрудниками Заповедника и семьей Вревских.

¹⁴ Г.Ф. Симакина — Б.М. и С.А. Вревским. Письмо [1987 года]. Семейный архив.

¹⁵ Директор Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко, заведующая фондами Пушкинского Заповедника Е.В. Шпинева, хранитель Тригорского Г.Ф. Симакина — Б.М. и С.А. Вревским. Письмо от 9 марта 1988 года. Семейный архив.

¹⁶ *Давыдов А., Симакина Г.* К истории фамильной реликвии // Михайловская пушкиниана. Вып. 92. Сельцо Михайловское, 2022. С. 89, 92.

¹⁷ Акт приема № 68 от 5 сентября 1987 года. Подписи директора музея-заповедника С.С. Гейченко, заведующей музейными фондами Е.В. Шпиневой, заведующей библиотекой И.Ю. Парчевской и лаборанта Л.Д. Сулеймановой. Семейный архив.

¹⁸ Дирекция Пушкинского Заповедника — С.А. и Б.А. Вревским. Письмо № 342 от 9 марта 1988 года. Семейный архив.

Дорогие Софья Александровна
и Борис Михайлович!
Спасибо большое за
возможность отдохнуть с
вами, за знакомство с
вашими прекрасными ве-
щами. Надеюсь когда-ни-
будь сделать отпечатки на
пластике с перабок, а
С.С. Дубов просит М.К. Ам-
мушина сделать слепок с
руки В.М., если вы оба по-
зволяете. Будьте здоровы
Ваша бабушка Гал. Фрей

«Планета», 1987. 7 стр. 8047. 500 тыс. 3 коп. 3, 276. МПО «1/4 Обр. тип.»

ОТПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ ТОЛЬКО В КОНВЕРТЕ

экспозицию и представление о дореволюционном устройстве усадеб, а также сохранить вещи в семье для передачи следующим поколениям.

Следующая открытка относится к периоду после сентября 1991 — октябрю 1992 года¹⁹. Г.Ф. Симакина пишет, что возвращает фотографии и текст Натальи Павловны. Видимо, уже к этому времени Б.М. и С.А. Вревские некоторые документы и вещи отдавали для копирования в музей вместо работы с ними в квартире семьи в Ленинграде. Также сообщалось и о печальных вестях: «Умерла Люб. Джалаловна, жена Гейченко, а он всё мучается»²⁰.

Последняя открытка датируется 15 октября 1992 года. Г.Ф. Симакина пишет «с наилучшими воспоминаниями о вашем доме»²¹. Скорее всего, она опять ездила в Ленинград и возвращала вышеперечисленные предметы. Об этом свидетельствует запись в записной книжке Бориса Михайловича: «15 окт. 91 вернули фото и «Друзей Пушкина»²². Что имелось в виду под «Друзьями Пушкина» — загадка. Возможно, он так называл тома дневника Н.П. Вревской, рассказывающие про Вревских и Вульфов, друзей А.С. Пушкина.

1994–1998 годы относятся ко времени подготовки выставки «Пушкинский край в жизни и творчестве»²³, а также празднования 200-летнего юбилея А.С. Пушкина. В этот же период происходит смена поколений Вревских и передача эстафеты сохранения памяти.

В мае 1994 года в последний раз на имя Бориса Михайловича поступает просьба от музея-заповедника предоставить для экспонирования на выставке бюсты Платона и Вергилия²⁴. Забирает и отвозит их Г.Ф. Симакина, которая к этому моменту перестала быть хранителем

---

¹⁹ Два последних послания, одно с датой отправки, другое без, выполнены на двух почтовых карточках из одной серии 1989 года. Скорее всего, Г.Ф. Симакина брала их из стопки и планомерно использовала для написания писем. Об этом свидетельствует и содержание писем, подкрепленное записью Б.М. Вревского.

²⁰ Г.Ф. Симакина — Б.М. и С.А. Вревским. Письмо [после 25 сентября 1991 года]. Семейный архив.

²¹ Г.Ф. Симакина — Б.М. и С.А. Вревским. Письмо от 15 октября 1992 года. Семейный архив.

²² Запись в записной книжке Б.А. Вревского. Семейный архив.

²³ Второй вариант названия выставки в переписке «Пушкин и Псковский край».

²⁴ Дирекция музея-заповедника А.С. Пушкина — Б.М. Вревскому. Письмо от 7 мая 1994 года. Семейный архив.

*С.А. и Е.А. Вревские и Д.А. Вульф на «Скамье Онегина».
1998 год. Семейный архив*

Дома-музея в Тригорском, а стала заместителем директора по научной работе²⁵.

Через год, в мае 1995 года, количество адресатов в письмах от музея семье сначала расширяется, а потом сокращается. Переписка идет с Софьей Алексеевной, Александром Борисовичем и Борисом Михайловичем²⁶. К сожалению, Б.М. Вревский ушел в 1995 году, потому фактическими адресатами остаются лишь С.А. и А.Б. Вревские. Произошел естественный переход, передача важного дела по сохранению памяти от отца к сыну.

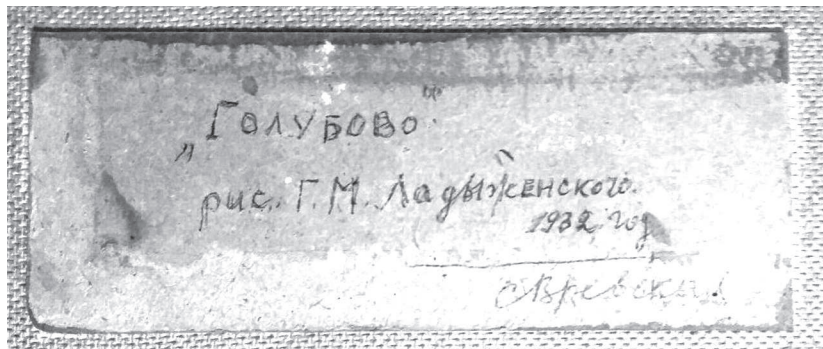
В 1996 году переписка идет уже лишь между С.А. и А.Б. Вревскими и директором музея-заповедника Г.Н. Василевичем по поводу продления экспонирования²⁷ и возврата двух бюстов в семью согласно послед-

---

²⁵ Расписка от 12 мая 1994 года Г.Ф. Симакиной во взятии на временное хранение двух бюстов — Платона и Вергилия. Семейный архив.

²⁶ Дирекция музея-заповедника А.С. Пушкина — С.А., Б.М. и А.Б. Вревским. Письмо № 212 от 17 мая 1995 года. Семейный архив.

²⁷ Там же.

*Оборот картины Г.М. Ладыженского «Голубово»
с оставленной на оригинальной фанере атрибуционной подписью
С.А. Вревской. Около 1996–1998 годов*

ней воле Б.М. Вревского²⁸. Георгий Николаевич выразил соболезнование по поводу кончины Б.М. Вревского²⁹, как когда-то выражал свои соболезнования С.С. Гейченко в связи с уходом Н.П. Вревской. Софья Алексеевна и Александр Борисович в свою очередь продолжили начатое предками, оставив возможность для экспонирования в будущем семейных реликвий и в рамках краткосрочной выдачи³⁰, и в рамках передачи предметов в фонд музея.

Последним значительным взаимодействием Софьи Алексеевны Вревской с музеем-заповедником стала ее поездка на отмечание 200-летия А.С. Пушкина в 1998 году. С этой поездки в семье хранится приглашение, кусок перерезанной ленты и фотографии. На празднике также присутствовали старшая внучка, Екатерина (уже следующее поколение Вревских), и Дмитрий Алексеевич Вульф.

На серии фотографий видны приглашенные и сотрудники музея, например, Г.Н. Василевич. К сожалению, другие запечатленные люди не подписаны, и остается лишь догадываться, кто это. Самая

²⁸ Дирекция Государственного музея-заповедника «Михайловское» — госпоже и господину Вревским. Письмо от 4 февраля 1996 года. Семейный архив.

²⁹ Там же.

³⁰ С.А. и А.Б. Вревские — директору Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» г. Василевичу Г.Н. Письмо от 25 января 1996 года. Семейный архив.

интересная фотография — это С.А. и Е.А. Вревские с Д.А. Вульфом, сидящие на «онегинской скамье». Фотографии на этой скамейке были сделаны в первое и последнее посещения Софьей Алексеевной Пушкинского музея-заповедника — в 1956 и 1998 годах. Если их сравнить, то видно, что у дерева спилена одна ветка. Самое интересное же — дизайн скамьи. В 1998 году она отличалась от того, что было в 1956 году, и того, как она выглядит сейчас. К сожалению, мной не была найдена информация о причине таких изменений.

Все фотографии с того дня подписаны рукой С.А. Вревской. В целом ближе к 1996–1998 годам она подписала практически все фотографии, связанные с семьей, а также некоторые вещи, например, картину Г.М. Ладыженского «Голубово». На оборотах многих фотографий есть записи трех людей — Натальи Павловны, Бориса Михайловича и Софьи Алексеевны. Благодаря этому сейчас можно восстановить историю семьи и передавать ее из поколения в поколение.

Это история о людях, которые понимали важность того, что они имеют, понимали, как важно это сохранить и передать следующим поколениям. При этом в семье понимали, что это и часть русской культурной истории, что необходимо помогать восстанавливать пушкинские места и заполнять лакуны событий прошлого, чтобы люди узнавали и чтити свою историю. Это история и об энтузиастах своего дела, которые не покладая рук стремились и стремятся восстановить по крупицам историю пушкинских мест и сделать ее доступной посетителям. За вторую половину XX века мы видим преемственность поколений в этом нелегком, но важном деле и в семье Вревских, и среди сотрудников музея-заповедника.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Музейный предмет — это прежде всего стоящая за ним личность. Может быть, именно она способна сообщить о человеке нечто важное, поскольку — слуга ли, избранница, спутница, соучастница или свидетельница — она, по выражению М. Цветаевой, оставленное в мире «тело бедной души». Вещи часто переживают своих хозяев и тогда становятся безмолвными свидетелями прожитой жизни или целой эпохи.

В 2014 году в Псковский музей поступили уникальные вещи, принадлежавшие великой княгине Елизавете Федоровне Романовой, которые хранились в семье историка Нины Михайловны Молевой (1929–2024), доктора исторических наук, кандидата искусствоведения, профессора, члена Союза писателей и Союза художников России, жены российского художника-авангардиста и теоретика искусства Элия Михайловича Белютина (1925–2012).

Нина Михайловна родилась в семье студентов Московского высшего технического училища. Отец Михаил Дмитриевич Молев — по происхождению кубанский казак из станицы Архангельской, впоследствии инженер-энергетик, доктор технических наук, преподаватель Московского института стали и сплавов. Мать Татьяна Ивановна Матвеева — единственная дочь последнего дежурного генерала Николая II по Западному фронту Ивана Гавриловича Матвеева и выпускницы математического факультета Сорбонны Софии Стефановны Лавровой, впоследствии инженер по электрооборудованию шахт глубокого заложения, доцент, преподаватель Всесоюзного угольного института и Московского горного института. От деда, а также от предков по линии мужа Нине Михайловне достались на хранение настоящие сокровища, в том числе личные вещи великой княгини Елизаветы Федоровны.

Дары Нины Михайловны ценны для историков и музейщиков как мемориальные святыни, документы, подлинные вещи эпохи, имеющие особый дух и силу убеждения. Эти реликвии были собраны в личных покаях Елизаветы Федоровны Романовой после разгрома Марфо-Мариинской обители в Москве, на Большой Ордынке. Таким образом в собрании Молевой оказались: перчатка, кольцо великой княгини, фрагмент бархатной обивки кареты великого князя Сергея Александровича, манжета Николая II, кости для игры в домино, тетрадь, найденная

в келье великой княгини, образцы рукоделия, нагрудная иконка с изображением святого Тихона Задонского в окладе, а также — карманные часы с неподвижными стрелками (с остановившимся ходом), заставляющие о многом задуматься. В отличие от человеческой жизни, время неостановимо, а рассчитанный на долгий срок часовой механизм невозмутимо холоден к переменам времен. *Cum tacent clamant*. Часы расстрелянных «кричат, когда молчат».

Сейчас эти предметы бережно сохраняются в собрании Псковского музея. Хотелось бы подробнее остановиться на некоторых из них.

Часы карманные Елизаветы Федоровны Романовой были изготовлены в Швейцарии, о чем говорит клеймо с изображением медведя, вставшего на задние лапы, и буква «А» в щитке, вырезанная в центре верхней крышки — пробирные клейма Швейцарии (1882–1917). Наружная сторона верхней и нижней крышек украшены мастерски выполненной глубокой резьбой по серебру: стилизованные крупные листья и цветы ложатся завитками, следующими ритму окружности; в промежутках — зигзагообразное, точечное заполнение, выполненное торцевым резцом.

Кольцо, верхушка которого выполнена в форме подковы со вставками из перламутра (?). С внешней стороны шинки городское клеймо Москвы 1880-х годов с пробой 56. Было подарено великой княгиней Елизаветой Федоровной Т.И. Матвеевой — матери Н.М. Молевой.

Вышивка Елизаветы Федоровны. Была подарена генерал-майору И.Г. Матвееву — деду Н.М. Молевой в благодарность за организацию санитарных поездов.

Тетрадь из комнаты Елизаветы Федоровны в Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке. В тетради нет записей...

Прочными нитями связана духовная жизнь великой княгини Елизаветы Федоровны с Псковской землей. Тем ценнее для нас предметы, к которым она прикасалась. Ведь самые обычные вещи неизбежно попадают в категорию избранных, потому что они тайно или явно вовлечены в пространство человека, в них сохранена частичка души владельца. Августейшие супруги совершили множество поездок в древние русские города, большие и малые, монастыри, уединенные пустыни и скиты. Во время паломнических поездок на короткие мгновения можно было оставить мирские заботы, молиться и предстать Богу.

«Паломничество традиционно на Руси называли благочестивым делом. Понимая православное благочестие, как истинную и святую веру, а самое главное — исполнение требований и правил христианской жизни,

ибо «вера без дел мертва» (Иак. 2:20), русские люди воспринимали паломничество, в отличие от западно-христианской традиции, как святое, божественное дело. О таком понимании благочестия очень точно сказал святитель Дмитрий Ростовский: благочестие означает благое, то есть доброе почитание Господа. Ибо слово благочестие слагается из двух слов: благое и честное»¹.

Время стерло с лица земли многое из того, что восхитило августейших путешественников, но свидетельства сохранились в исторических описаниях, эпистолярном наследии, фотографических портретах, воспоминаниях современников. «Размышляя над этими и другими вопросами, мы продвинемся в понимании ностальгии великой княгини по утрачиваемым в мире ценностям искусства, ощутим ее отношение к предметному миру культуры, проникнутому дыханием подлинной старины»².

В августе 1910 года «Псковские епархиальные ведомости»³ сообщали, что с 4 по 8 августа в Спасо-Елеазаровской пустыни проходило духовное торжество освящения монастырских храмов. Ко времени торжеств 3 августа в Псков прибыла великая княгиня Елисавета Федоровна и в тот же день на пароходе «Юрьев» отправилась в Елеазаровскую обитель.

«Стояла прекрасная погода, благоприятствовала путешествию Великой Паломницы. Воздух был прозрачен и озеро тихо, благодаря чему представлялась возможность любоваться с парохода панорамой. Ее Высочество интересовалась окружающей местностью и расспрашивала сопровождавших ее лиц о населении губернии, жителях островов и их промыслах. В 12 часов дня пароход вошел в устье Толбы, подошел к специально устроенной пристани, высокая гостья пересела в убранную цветами и зеленью ладью и отправилась вверх по реке. В деревне Гирино княгиня сошла на берег и на поданном экипаже двинулась в Елеазаровскую обитель. По прибытии княгиню встречала братия в небесно-голубых облачениях с серебряными оплечьями. Святые ворота обители были украшены зелеными гирляндами. В храме торжественное пение архиерейского и монастырского хоров произвели неотразимое впечатление на богомольцев, которых собралось более десяти тысяч человек.

---

¹ *Житнев С.Ю.* История возникновения и богословский смысл православного паломничества // Русский паломник. 2007. № 4. С. 43–44.

² *Кучмаева И.К.* Когда жизнь истинствует... М., 2008. С. 242.

³ Псковские епархиальные ведомости. 1910. № 16.

Затем Елизавета Федоровна уединилась для духовной беседы со схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым). Она хорошо знала прозорливого старца, ученика преподобного Амвросия Оптинского.

На следующий год августейшая паломница вновь посетила Псковскую землю. 7 июля 1911 года на богослужении в Троицком соборе Пскова слушала адресованную ей торжественную речь псковского владыки Алексия, посетила в Выбутах часовню княгини Ольги, где отслужили молебен. На следующий день Елизавета Федоровна посетила Иоанно-Предтеченский, Вознесенский и Снегогорский монастыри, молилась на литургии в домовых церквях Псковской епархиальной Ильинской общины сестер милосердия. Побывала княгиня и в церковно-археологическом музее, где заинтересовалась церковными книгами. 8 июля экстренный поезд доставил великую княгиню в Псково-Печерский монастырь, где она провела в молитвах два дня. Останавливалась Елизавета Федоровна в монастырской гостинице, ее свита заняла второй этаж небольшого здания. 9 июля, после молебна, настоятель монастыря архимандрит Никодим преподнес ей икону Спасителя и шкатулку меда с монастырской пасеки, после чего под колокольный звон поезд отбыл в Псков»⁴.

Особого внимания заслуживают отношения великой княгини с замечательным русским старцем — схиархимандритом Спасо-Елеазаровского монастыря Гавриилом (Зыряновым). В письме к брату Елисавета Феодоровна пишет: «Я немного отдыхаю в маленьком монастыре в лесу около Пскова, там, где проживает дорогой старец Гавриил... Какое это сокровище, как это прекрасно». Тесное духовное сближение произошло, когда он был переведен в 1908 году в Спасо-Елеазаровскую пустынь под Псковом. Елизавета Феодоровна всегда видела старца «кротким, любящим, чистым, как дитя, человеком, который не выносил грязных рассказов и намеков»⁵.

В начале XX века Спасо-Елеазаровская обитель переживала духовное обновление. Создавалась иконописная мастерская, был закончен ремонт придельного храма Рождества Богородицы, построен новый храм, домовая церковь возле кельи старца Гавриила. Иконостас для келейной церкви был пожертвован великой княгиней, и две иконы были написаны ею собственноручно. В литературе не раз упоминалось, что она

⁴ Псковские епархиальные ведомости. 1911.

⁵ Симеон (Холмогоров), архимандрит. Схиархимандрит Гавриил — старец Спасо-Елеазаровой пустыни. СПб., 1996. С. 122–123, 133.

в разные годы занималась рисованием и живописью. Наконец, ряд авторов с большей или меньшей степенью уверенности указывают на устные предания, согласно которым несколько икон считаются созданиями настоятельницы Марфо-Мариинской обители. Весьма вероятно, что последующее изучение даст возможность уточнить их круг. Но принципиально важен сам факт писания икон Елизаветой Феодоровной. Приведем наиболее достоверные и выразительные, на наш взгляд, свидетельства.

В 1911 году Ольга Константиновна, находясь в Афинах, сообщала в одном из писем: «Конечно, было бы прелестно, если б все, пишущие иконы, молились и постились бы; эти блаженные времена, боюсь, миновали давно, с редкими исключениями. вел. кн. Елисавета Феодоровна пишет иконы и слушает в это время доносящееся к ней церковное пение, или же ей во время ее работы читают псалтырь». Не менее весомо и воспоминание одного из очень осведомленных духовных лиц: «Любимым занятием великой княгини была иконопись. Прежде чем приступить к написанию той или иной иконы, она, как древние наши праведные иконописцы, уединялась надолго (до двух недель) в своей моленной и там строгим постом, молитвою и благочестивыми размышлениями подготавливала себя к работе. Написанные ею иконы отличались не только тщательностью отделки, но и особой духовностью, одухотворенностью»⁶.

В 1909 году в Москве на Большой Ордынке Елизавета Феодоровна купила участок, впоследствии там расположились два храма, лечебница, аптека с бесплатными лекарствами для бедных, детский приют и школа. Постепенно возводилась Марфо-Мариинская обитель. Во время Первой мировой войны великая княгиня активно поддерживала фронт: помогала формировать санитарные поезда, отправляла солдатам лекарства и походные церкви. Княгиня Мария Павловна, племянница Елизаветы Феодоровны, в своих мемуарах писала, что в Марфо-Мариинской обители она (Мария Павловна) окунулась в «дивную ауру», которая образовалась вокруг Елизаветы Феодоровны, и почувствовала, что, несмотря на самую деятельную жизнь, «в глубине души она лелеяла мысль о полном отдалении от мирской суеты», даже от управления своей любимой обителью. «Она же хотела вести жизнь отшельницы и тайне надеялась, что я займу ее место. Она никогда не пыталась открыто повлиять на меня, но внимательно следила за моим духовным развитием»⁷.

⁶ Максимова Л.[Б.] «Я принадлежу Москве...» // Московский журнал. 1991. № 2. С. 54.

⁷ Кызласова И. «Дело русского иконописания живет среди нас...»: О ве-

Последняя встреча тети и племянницы состоялась в тех же стенах в конце августа 1917 года уже после того, как Елизавета Феодоровна приняла судьбоносное решение не покидать Россию.

В апреле 1918 года, на третий день Пасхи, Марфо-Мариинскую обитель посетил всероссийский патриарх Тихон, отслуживший там литургию и молебен. Сразу после отъезда патриарха к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами. Елизавете Феодоровне приказали ехать с ними и дали полчаса на сборы. Настоятельница успела лишь собрать сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им последнее благословение. Елизавета Феодоровна благодарила плачущих сестер за самоотверженность и верность и просила настоятеля не оставлять обители и служить в ней до тех пор, пока это будет возможным. С великою княгиней поехали две сестры милосердия — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Узнав о случившемся, патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения Елизаветы Феодоровны. Но старания его оказались напрасными, ибо все члены императорской семьи были обречены. Великую княгиню и ее спутниц направили по железной дороге в Пермь. По пути в ссылку она написала письмо сестрам своей обители: «Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне становитесь каждую минуту дороже. Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные, всё, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте как одна душа, все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: Слава Богу за всё!»

Последние месяцы своей жизни Елизавета Феодоровна провела в заключении в городке Алапаевске вместе с великими князьями Сергеем Михайловичем, Иоанном, Константином и Игорем (сыновьями великого князя Константина Константиновича) и князем Владимиром Палеем, родственником Романовых. Сестер, сопровождавших настоятельницу, привезли в областной совет и предложили им идти на свободу, но обе умоляли вернуть их к Елизавете Феодоровне.

Варвара Яковлева сказала о готовности дать подписку, что желает разделить судьбу великой княгини. Так она сделала свой выбор и присоединилась к несчастным, ожидавшим решения своей участи. Глубокой

ликих княгинях Елизавете Феодоровне и Марии Павловне младшей // Русское искусство. 2013. № 3. С. 140–145.

ночью 18 июля Елизавету Федоровну вместе с другими узниками расстреляли и сбросили в шахту старого рудника.

В 1992 году великая княгиня была канонизирована православной церковью как новомученица и исповедница.

Вернемся к коллекции предметов, подаренных Псковскому музею Ниной Молевой.

На первый взгляд это обычная нагрудная иконка-медальон с изображением святителя Тихона Задонского, которая, как и другие предметы, была найдена в келье великой княгини в Марфо-Мариинской обители милосердия.

Известно, что Елизавета Федоровна встречалась с патриархом Тихоном несколько раз.

«1917 год. 21 ноября. Москва. Успенский собор. Настолование святейшего Патриарха Тихона. Кончается Божественная литургия. Из алтаря выходит диакон и от имени патриарха подносит большую просфору женщине в монашеском одеянии, скромно затерявшейся в толпе... Воскресившая образы древних русских княгинь, вдова мученически погибшего ревнителя православия великого князя Сергия Александровича великая княгиня Елисавета Феодоровна с князем Игорем Константиновичем присутствуют на богослужении, как бы представляя томящуюся в Тобольске царскую семью... Вручен митрополитом Киевским Владимиром новому патриарху при проникновенном слове деревянный, простой черный жезл святителя Петра, ответствует святейший Тихон, понимавший всю тяжесть возложенного на него креста. Крестный ход выходит из собора. Патриарх шествует окруженный народом. Великая княгиня с группой лиц стоит на площади. Шествие приближается. Вдруг княгиня бросается в толпу, на несколько минут исчезает и затем возвращается к испугавшимся за нее спутникам сияющая тихой радостью. «Удостоилась получить благословение святейшего», — говорит великая княгиня, которой уготовлено было через полгода быть замученной врагами Христа Спасителя»⁸.

Осталось письмо великой княгини Елисаветы Феодоровны, написанное ею Александре Олсуфьевой после божественной литургии, отслуженной святейшим патриархом Московским и всея Руси Тихоном, во время которой она получила его благословение. Она писала: «Святой Кремль с заметными следами этих печальных дней был мне дороже, чем

---

⁸ См.: Тальберг Н.Д. Святая Русь.

когда бы то ни было, и я почувствовала, до какой степени Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытывала такую глубокую жалость к России и к ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему. Вот что я чувствую каждый день. Святая Россия не может погибнуть. Но великой России, увы, больше нет. Но Бог в Библии показывает, как Он прощал Свой раскаявшийся народ и снова даровал ему благословенную силу. Будем надеяться, что молитвы, усиливающиеся с каждым днем, и увеличивающееся раскаяние умилюствят Приснодеву и Она будет молить за нас Своего Божественного Сына и что Господь нас простит».

В 1918 году в день празднования Иверской иконы Божией Матери, после молебна, отслуженного патриархом Тихоном в Марфо-Мариинской обители, у великой княгини с патриархом состоялся непродолжительный разговор. О чем он был? Возможно, о предстоящих страшных испытаниях, которые ждали княгиню? И вполне возможно, что этот медальон с изображением Тихона Задонского, который оказался в личных покаях Елизаветы Феодоровны, принадлежал святителю Тихону, и он, благословляя княгиню, передал ей медальон со своим духовным покровителем, дабы придать сил Елизавете Федоровне, и сам продолжил свое восхождение на Голгофу. Образ Тихона Задонского — персональный патрональный оберег владельца, как известно, Василий Беллавин был пострижен в монашество именно в честь этого святого. Благословение личной иконкой — жест интимный и особенный, но благословение иконой святого, чье имя носил патриарх, мог быть мощным знаком духовной преемственности и поддержки. Смысл этого жеста гениально глубок — принять путь милосердия и мученического подвига.

Скромная нагрудная икона овальной формы, с ушком. Изображение свт. Тихона Задонского покрыто сплошным окладом с лицевой и оборотной сторон и заключено в гладкую овальную рамку, Святитель изображен в митре, в левой руке держит посох с сулком⁹, панаягия поверх омофора, правая рука благословляет. Следует отметить, что большинство из известных ныне иконных изображений свт. Тихона писалось спустя

---

⁹ Сулок появился в России с XVII века. Назначение — оберегать руки священнослужителя от жестоких морозов. Нижний платок предохраняет руку от прикосновения к металлическому посоху на морозе, а верхняя часть сулка защищает от внешнего холода.

многие годы после его земной кончины. Слева клеймо: «84» с плохо читаемыми знаками, справа: «ХЛ» (?), ниже: «ТХ» в прямоугольном щитке. На обороте пробирное клеймо, на котором изображена женская головка в кокошнике в профиль, в клеймо включены инициалы управляющего пробирным учреждением: «ИЛ». Возможно, это инициалы Ивана Сергеевича Лебедкина, горного инженера, действительного статского советника. В 1883 году он окончил Горный институт, после чего был прикомандирован к Санкт-Петербургскому Монетному двору. С 1889 по 1914 год — управляющий Московским пробирным округом. Его инициалы «ИЛ» стоят на клеймах Московского окружного пробирного управления. По окружности медальона читаются слова сильнейшей молитвы из 26-го псалма: «Господь просвещение мое, кого убоюся». Эту молитвенную песнь ветхозаветного пророка Давида читают в минуты опасности, болезни, нападок врагов и недоброжелателей, перед принятием сложного решения.

Прекрасный образ великой княгини Елизаветы Федоровны, настоятельницы Марфо-Мариинской обители, запечатлел Иван Бунин в рассказе «Чистый понедельник»: «Только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер».

Часы карманные женские. ПМЗ КП 36549/11

*Тетрадь великой княгини
Елизаветы Федоровны
Романовой.
ПМЗ КП 36664*

Вышивка ручная. ПМЗ КП 36456/1

*Перчатка (с левой руки) великой княгини Елизаветы Федоровны.
ПМЗ КП 36570/1*

**ОТРАЖЕНИЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ
М.А. БУЛГАКОВА В МОСКВЕ СВЯЗИ ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЯ С НАСЛЕДИЕМ А.С. ПУШКИНА**

Для М.А. Булгакова среди русских поэтов и писателей, оказавших влияние на его творчество в целом и на роман «Мастер и Маргарита», который стал подведением итогов его жизни и творчества, особое место занимает А.С. Пушкин. Многие литературоведы-исследователи обращают внимание на пушкинские мотивы в романе, отмечая сходство идей.

Первые работы, в которых отмечалась связь творчества М.А. Булгакова с наследием А.С. Пушкина, публиковались еще в 1920-х годах. Но критиками того времени сама эта связь оценивалась как порочная. Возврат к этой теме в отечественном литературоведении произошел только в 1970-х годах¹.

Одним из примеров связи творчества А.С. Пушкина и М.А. Булгакова является сходство в композиции сюжета романа в стихах «Евгений Онегин» и романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», для которого характерна пушкинская «кинематографичность» с быстрой сменой картин. Кроме того, роман Мастера о Понтии Пилате остается незавершенным, как и роман А.С. Пушкина о Евгении Онегине. Связь между творчеством А.С. Пушкина и М.А. Булгакова состоит также в том, что в их произведениях авторы не судят героев человеческим судом. Общая судьба характерна для Понтия Пилата и Бориса Годунова — пролив невинную кровь, они оба отданы на суд собственной совести².

А.Б. Перзекке видит в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» интертекст поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»³. М.А. Булгаков,

---

¹ *Жданова В.А.* Наследие А.С. Пушкина в творчестве М.А. Булгакова: дисс.... канд. фил. наук // *Dissercat*: электронная библиотека диссертаций: сайт [Электронный ресурс: <https://www.dissercat.com/content/nasledie-pushkina-v-tvorchestve-ma-bulgakova>].

² Там же.

³ *Перзекке А.Б.* Пути развития интертекста А.С. Пушкина в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки.* 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 63.

как и А.С. Пушкин, видел события в истории России, изменившие ее судьбу⁴. А.Б. Перзекке отмечал: «Удивительным, если не сказать мистическим, образом сложилось так, что путь Пушкина до самого финала стал для самого Булгакова волей высших обстоятельств и сил повторяющимися во многих чертах руслом, по которому ему суждено было идти в напряженном духовном поиске и вдохновенных трудах до такого же неизбежного и горького ухода из жизни от рокового смертельного недуга, вобравшего в себя ситуацию неприятия земной властью со псарями его творческого существования. Писатель жил с Пушкиным в душе, поклонялся ему, постоянно изучал его и повторял извивы его судьбы вплоть до самого последнего, смертного узора. Булгаковское творчество, феноменально синтезируя в себе зарубежные и отечественные истоки, глубоко русское и пушкиноцентричное⁵. Как в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», так и в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» нашло отражение восприятие смены исторических эпох»⁶.

Между Мастером и Иешуа из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Евгением из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» можно провести параллели. Оба являются сиротами, не имеют дома (Мастер снимал подвал в одном из домов на Арбате)⁷, А.Б. Перзекке с Медным всадником ассоциирует любых вершителей судеб, не только тех, которые наделены государственной властью. Критик, написавший разгромную статью о посвященном Понтию Пилату романе Мастера, носит фамилию Латунский (латунь — это сплав, в состав которого входит медь, из которой отлит памятник Петру I работы скульптора Фальконе). Играет свою роль в событиях и стихия: пушкинский Евгений бросает вызов Медному всаднику после разрушительного наводнения, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» присутствует гроза — она разразилась над Ершалаимом после казни Иешуа, кроме того, гроза грохочет над Москвой накануне скандального сеанса в театре Варьете и после Великого бала у Сатаны, вслед за которым произошло четыре пожара.

---

⁴ Перзекке А.Б. Пути развития интертекста А.С. Пушкина в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69). С. 64.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Там же. С. 69.

Эпиграфом к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» служит цитата из драмы И.В. Гете «Фауст». Известно, что в 1825 году А.С. Пушкин собирался написать драму о Фаусте, попавшем в ад. Но пребывание Фауста в аду не является темой, близкой к замыслу Гете. Если праздник в аду мог бы иметь точки соприкосновения с Вальпургиевой ночью, изображение адских мук будет больше похоже на Дантов ад⁸.

В одном из эпизодов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» заметна параллель с анекдотом, переданным А.С. Пушкиным потомкам и связанным с его современниками. Речь идет о разговоре Амвросия и Фоки.

Этот диалог и связан с переданным А.С. Пушкиным анекдотом: «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат», — отвечал Рылеев. «Так что же, — сказал Дельвиг, — разве ты не можешь отобедать в ресторане потому только, что у тебя дома есть кухня?»

Имена, возникающие в пушкинском анекдоте, заставляют обратить внимание на булгаковских собеседников: Амвросия-поэта и несчастного аскета поневоле Фоку. Эта пара сопоставима с парой, упомянутой в рассказе А.С. Пушкина, — жизнелюбом Дельвигом и пуританином Рылеевым. Кроме того, «грекообразное» словосочетание «Амвросий-поэт» вызывает в памяти «звучные гекзаметры», некогда написанные совместно молодыми Дельвигом и Баратынским — в то время, когда жизнь отнюдь не баловала их материальным изобилием.

Бедные поэты «звучных гекзаметров» противостоят, однако, пышнощекому, умеющему пожить Амвросию-поэту. Что же до виртуознейших «судачков а ля натюрель», которые расхваливает Фоке Амвросий, то это всего-навсего уха, издавна известная на Руси и увековеченная в бессмертной песне «Вдоль по Питерской», а также в басне Крылова «Демьянова уха», повествующей о том, как некий усердный Демьян перекормил ухой «соседа Фоку»⁹.

М.А. Булгаков и А.С. Пушкина также сближает видение образа и роли Луны. Лунный свет в христианской традиции часто трактуется как обманчивый и иллюзорный. Луна привлекает к себе инфернальные силы, и они могут использовать ее притягательный и таинственный свет в своих интересах и целях. Такова у Пушкина картина метельного мира

⁸ См.: *Жданова В.А.* Наследие А.С. Пушкина в творчестве М.А. Булгакова.

⁹ См.: *Мошинская Р.П.* Пушкин в прозе Булгакова // *Фундаментальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp1/mp1-263-.htm>].*

в стихотворении «Бесы», в котором бесы водят и кружат заблудившихся людей¹⁰. Луна также сопутствует многим сценам из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Берлиоз, прежде чем его голова будет отрезана трамваем, видит позлащенную луну, которая начала разваливаться на куски, и затем стало темно. Луна также появляется при полете Маргариты, при появлении Мастера в квартире после бала, по лунной дороге во сне идет Понтий Пилат.

Многие исследователи отмечают, что М.А. Булгаков, прежде чем создать образ Воланда (Сатаны), изучил родословную дьявола. Образ Воланда перекликается с пушкинским Демоном, духом отрицания¹¹. Не случайно Воланд появился именно в момент спора редактора Михаила Берлиоза с поэтом Иваном Бездомным. В самой их встрече с Воландом прослеживается параллель с мистической историей, рассказанной А.С. Пушкиным одному из современников. Александр Сергеевич беседовал со своим приятелем графом Ланским.

Поэт говорил, что его мучил только один вопрос: был ли незванный гость посланцем от Бога — ангелом, несущим какую-то весть и направляющим на путь истинный, или же от демона. Уж очень скверное ощущение осталось от общения с ним — не радость и облегчение, как после молитвы, а ужас и страх¹².

А само «сочетание» в одном сюжете редактора и поэта (Михаил Берлиоз и Иван Бездомный) является основанием, чтобы провести параллель со стихами А.С. Пушкина «Тень Фонвизина» и «Разговор книгопродавца с поэтом». Сцена появления Левия Матвея на крыше дома Пашкова также перекликается со стихотворением «Тень Фонвизина». А описание полета Маргариты на шабаш ведьм перекликается со стихотворением А.С. Пушкина «Гусар»¹³.

По сюжету романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» многие герои сходят с ума. С одним из главных героев, с Мастером, впервые встреча происходит в психиатрической лечебнице, где первым оказался

---

¹⁰ См.: Сокурова О.Б. Мастер и Маргарита М.А. Булгакова: итоги духовного выбора // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX — начале XXI века. Т. 2 / ред.-сост. А.Л. Казин. СПб., 2017.

¹¹ См.: Антонюк А. Пушкиниана М. Булгакова и ее отражение в романе «Мастер и Маргарита» // Пушкиниана М. Булгакова. «Булгаковские мистерии». Очерки по мифопоэтике. Часть V.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Иван Бездомный. В связи с этим уместно вспомнить слова А.С. Пушкина: «Не дай мне бог сойти с ума». В сумасшедшем доме оказывается герой пушкинской «Пиковой дамы» Герман. Туда его привела не только страсть к картам, но и привычка выигрывать. Герман лишился разума после того, как проиграл, к чему не только не был готов, но не мог даже в мыслях допустить этого — он был уверен, что магические три карты не дадут проиграть. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» многие герои оказываются в сумасшедшем доме при обстоятельствах, которые по сути схожи. В первую очередь это касается Ивана Бездомного — спор с Воландом он проиграл, не осознавая этого. В квартире, где он искал Воланда и его свиту, он захватил иконку и свечу, что было сделано вопреки логике — если Бога нет, значит, в иконке и свече никакого смысла нет.

Эти и многие другие примеры являются доказательством, что истоки творчества М.А. Булгакова ведут к А.С. Пушкину. В 1920-е годы, когда творчество А.С. Пушкина подвергалось осуждению со стороны революционно настроенных литераторов, М.А. Булгаков выступил в его защиту. Летом 1920 года во Владикавказе состоялся диспут о творчестве А.С. Пушкина, который по сути дела был организован как суд над поэтом, символом которого должно быть уничтожение его портрета. М.А. Булгаков уничтожить портрет не дал¹⁴.

В 1930-х годах официальное отношение к А.С. Пушкину изменилось в сторону признания. В 1934–1935 годах М.А. Булгаков совместно с В.В. Вересаевым написал пьесу «Александр Пушкин». Она предназначалась для постановки в театре имени Е.Б. Вахтангова (который родился во Владикавказе, где, как упоминалось выше, в 1920 году состоялся диспут о Пушкине). Постановка была запланирована на 1937 год, но пьеса поставлена не была. Ее особенностью стало то, что сам А.С. Пушкин как герой в ней не действует. Иначе говоря, М.А. Булгаков написал пьесу о Пушкине без Пушкина. По его словам, в противном случае она выглядела бы вульгарно¹⁵. События, связанные с этой пьесой, нашли отражение и в романе «Мастер и Маргарита». Когда поэт Рюхин, сопроводив Ивана Бездомного в психиатрическую лечебницу, возвратился в Москву, к «дому Грибоедова», первое, что он ви-

¹⁴ См.: *Этингоф О.Е.* Иерусалим, Владикавказ и Москва в творчестве М.А. Булгакова. М., 2017.

¹⁵ *Омори М.* Творчество М.А. Булгакова в советском культурном контексте 1930-х годов // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 70–71.

дит после поворота с Тверской улицы, — памятник А.С. Пушкину. При этом его имя М.А. Булгаков не упоминает. В главе 6 «Шизофрения, как и было сказано» М.А. Булгаков описывает встречу двух поэтов — живого Рюхина и бронзового Пушкина (примечательно, что у Рюхина имя такое же, как и у Пушкина — Александр¹⁶. Рюхин, явно завидуя А.С. Пушкину, рассуждает о том, что этот памятник является примером настоящей удачливости, и что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу и всё обращалось к его славе. Далее Рюхин заключает: «...Стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие». Кого Рюхин называет белогвардейцем, понять нетрудно — речь шла о Дантесе. В отношении Дантеса булгаковский герой Рюхин ушел от истины недалеко: Дантес служил в Лейб-гвардии Кавалергардском полку.

Такое восприятие А.С. Пушкина было характерно для 1937 года, когда во всей стране проводились памятные мероприятия по случаю 100-летней годовщины гибели А.С. Пушкина на дуэли. Слова о бессмертии, которые Рюхин произносит о Дантесе, не случайны. Дантес изображен именно как проводник А.С. Пушкина в бессмертие. Именно в этой роли в романе «Мастер и Маргарита» выступает Воланд по отношению как к Мастеру, так и к Маргарите.

Пьеса, посвященная А.С. Пушкину, была написана в тот же период, когда создавался роман «Мастер и Маргарита».

М.А. Булгаков выражал обеспокоенность тем, как А.С. Пушкин будет восприниматься в обществе, даже после того, как, согласно официальной точке зрения, его творчество не будет считаться чуждым. Первое соприкосновение с творчеством А.С. Пушкина в романе отражено в конце главы 4 «Погоня»: «И на всём его (Ивана Бездомного) трудном пути невыразимо почему-то мучил вездесущий оркестр, под аккомпанемент которого тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне»¹⁷. Автор имеет в виду созданную П.И. Чайковским оперу «Евгений Онегин», передаваемую, вероятно, по радио. В то время радиоприемники были не во всех домах, и непременным атрибутом улиц Москвы, как и других городов, были репродукторы. Иван Бездомный, вероятно, слышал оперу «Евгений Онегин» в постановке Большого театра.

Оперный спектакль «Евгений Онегин» впервые был поставлен в начале 1922 года в Оперной студии, находившейся в Москве,

---

¹⁶ *Булгаков М.А.* Белая гвардия; Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 339.

¹⁷ Там же. С. 320.

в Леонтьевском переулке. С 1925 года этот спектакль ставился уже в Большом театре, а 6 февраля была произведена его пробная трансляция. Она была уже второй по счету — первой тремя днями ранее, 3 февраля, транслировалась опера А.П. Бородина «Князь Игорь»¹⁸. Партию Евгения Онегина в Большом театре в то время исполнял Пантелеймон Норцов¹⁹. Его бас Иван Бездомный и мог слышать во время погони за Воландом и его свитой.

Очередное соприкосновение с А.С. Пушкиным на страницах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» происходит в связи с появлением председателя жилтоварищества дома с «нехорошей квартирой» Никанора Ивановича Босого, чьи жадность и скаредность доведены до абсурда. Оказавшись в психиатрической лечебнице, он во сне слышит отрывки из драмы А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».

М.А. Булгаков сатирически изобразил, как на Никанора Ивановича Босого подействовало творчество А.С. Пушкина: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на кухне, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?»

Исследователи полагают, что подобные выражения появились в связи с открытием памятника А.С. Пушкину в Москве, когда стало модно признавать гениальность поэта. Во сне Никанора Ивановича отрывки из драмы «Скупой рыцарь» читал Савва Потапович Куролесов. По мнению Б.В. Соколова, его прототипом был В.И. Ленин, который рассматривался также как один из прототипов Воланда²⁰. В год, который является временем действия романа, в живых его уже не было, но смешение разных деталей, как соответствующих времени действия, так и не соответствующих, является одной из особенностей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Вводя на страницы романа А.С. Пушкина,

---

¹⁸ 3 февраля 1925 года — в СССР состоялась первая радиотрансляция // Маленькие истории: сайт [Электронный ресурс: <https://little-histories.org/2019/02/03/3-fevralja/>].

¹⁹ Пушкинские оперы на советской сцене. «Евгений Онегин». Ч. 3 // Билеты в Большой театр: сайт [Электронный ресурс: <https://www.bol-theatre.ru/recs/id11/>].

²⁰ Соколов Б.В. Образ В.И. Ленина в произведениях М.А. Булгакова // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 73.

М.А. Булгаков, очевидно, был озабочен тем, чтобы его наследие не было опошлено. Именно опошление наследия А.С. Пушкина и происходило в главе 15 «Сон Никанора Ивановича». Дrame «Скупой рыцарь» отводилась назидательная роль — призвать граждан сдать валюту. Глава о сне Никанора Ивановича — это гротескное изображение опошления творчества А.С. Пушкина. Опасения, вероятно, были продиктованы тем, что в первые годы советской власти А.С. Пушкин попал в опалу, как и многие русские классики XIX века.

Не случайно в стихотворении А.С. Пушкина есть строчки:

Обиды не страшась, не требуя венца
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Творчество М.А. Булгакова и история его формирования нашли отражение в музее М.А. Булгакова в Москве. Сегодня Музей М.А. Булгакова — это три разных по атмосфере пространства с постоянными экспозициями, временными выставками и просветительскими программами: легендарная «Нехорошая квартира» на Большой Садовой, 10, мемориальная квартира Булгакова на Большой Пироговской улице, 35-а, и Научно-просветительский центр в Большом Афанасьевском переулке, 35–37, с. 4²¹. Эти музеи отражают различные периоды биографии М.А. Булгакова.

Экспозиция в квартире 50 дома 10 на Садовой улице открылась 26 марта 2007 года. Ранее, с 1994 года, когда помещение было передано общественной организации «Фонд М.А. Булгакова», в нем существовал народный музей. Им руководила ученый-булгаковед, профессор М.О. Чудакова. В 1997 году была восстановлена планировка булгаковских времен и открыт доступ в комнату Михаила Булгакова (писатель занимал только одну комнату в большой коммуналке). В 2003 году проведен ремонт всей квартиры, и «Нехорошая квартира» стала доступна для осмотра широкому кругу посетителей. Тогда стали поступать в дар будущему музею разнообразные предметы, издания конца XIX — первой половины XX века. В 2010 году музей пополнился за счет мемориальных предметов из последней квартиры Михаила Булгакова

---

²¹ О музее // Музей Михаила Булгакова: сайт [Электронный ресурс: <https://bulgakovmuseum.ru/>].

в Нащокинском переулке, в которой он жил в 1934–1940 годах. Эти предметы были переданы от семьи Тарасевичей, близких друзей Елены Сергеевны Булгаковой. Кроме того, с 2012 года по настоящее время ведется работа с наследниками жильцов дома № 10 по Большой Садовой, а также с владельцами предметов из мастерской Петра Кончаловского, по передаче предметов в музейное собрание. В 2019–2024 годах собрание Музея пополнилось мемориальными предметами, фотографиями и автографами Михаила Булгакова и его близкого окружения, документами и предметами быта, связанными с историей дома Ильи Пигита, вещами второй жены писателя Любови Белозерской, а также печатными изданиями с первыми публикациями фельетонов и произведений писателя, письмами Любови Белозерской, Елены Булгаковой, Татьяны Кисельгоф (Лаппа) к разным исследователям, документами и фотографиями из собрания Николая Лямина и Натальи Ушаковой (близких друзей Михаила Булгакова), иллюстрациями к роману «Мастер и Маргарита», книгами и журналами из собрания Мариэтты Чудаковой²². В экспозицию музея вошли фотографии Страстной площади (на которой памятник А.С. Пушкину находится в настоящее время), а также виды Владикавказа. Этот город А.С. Пушкин посещал во время путешествия в Арзрум, и в нем же, как упомянуто выше, М.А. Булгаков выступал в защиту А.С. Пушкина. Образ общности А.С. Пушкина и М.А. Булгакова подчеркивает и план Военно-Грузинской дороги, по которой они путешествовали оба.

Если в доме на Большой Садовой экспозиция посвящена «Нехорошей квартире», экспозиция дома на Пироговской улице посвящена «хорошей квартире», которую писатель занимал целиком. Она открылась в 2015 году. Дом был построен в 1862 году и принадлежал купцу Ивану Решетникову. В 1924 году он был перестроен для сдачи в аренду, а в 1927-м М.А. Булгаков снял в нем квартиру. Постоянная экспозиция занимает коридор, кабинет и комнату. В коридоре звучат хроникальные записи — обрывки фраз из воспоминаний о Булгакове и его жизни на Большой Пироговской. В кабинете представлены пять специально сконструированных столов, приборов для чтения булгаковских текстов — пять тем, углов зрения. Там хранятся подлинные предметы, принадлежавшие писателю, его родным и ближайшим друзьям. Еще

---

²² О музее // Музей Михаила Булгакова: сайт [Электронный ресурс: <https://bulgakovmuseum.ru/>].

одно выставочное пространство — комната, где размещались столовая и спальня. Экспозиция строится вокруг письма Правительству СССР, которое Булгаков написал в этой квартире 28 марта 1930 года.

С 7 декабря 2022 года по 11 июня 2023 года в музее состоялась выставка «Театральный человек. К 400-летию Мольера». Знаменитый французский комедиант эпохи Просвещения оказал влияние на творчество как А.С. Пушкина, так и М.А. Булгакова. Точкой пересечения стала пьеса «Скупой» — по ее мотивам А.С. Пушкин написал «Скупого рыцаря». М.А. Булгаков перевел эту пьесу на русский язык.

Произведения А.С. Пушкина и М.А. Булгакова относятся к разным жанрам, но оба они затрагивают общие темы, из которых главные — любовь и борьба добра и зла.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ БУТИКОВ: ПОДВИЖНИК И НОВАТОР МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Музейное сообщество во все времена отличалось немалым числом истинных подвижников, бесконечно преданных своему делу.

Особым уважением пользуются те из них, кто прошел через тяготы войны и блокады: сражался на фронте, голодал и мерз в осажденном Ленинграде, но спасал, а после и возрождал к жизни музейные ценности и памятники культуры.

Это были яркие личности, чьи имена стали неотделимы от их «родных» музеев. Единым целым стали Семен Степанович Гейченко и Пушкинский Заповедник, Иосиф Абгарович Орбели и Эрмитаж, Василий Алексеевич Пушкарев и Русский музей, Анна Ивановна Зеленова и Павловск, Людмила Николаевна Белова и Музей истории Ленинграда. То же можно сказать о Георгии Петровиче Бутикове и Исаакиевском соборе.

21 апреля 2025 года отмечался его вековой юбилей. Г.П. Бутиков находился на должности директора Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» более трех десятков лет, с 1968 по 2002 год. Уже через год его пребывания на руководящем посту был восстановлен самостоятельный статус музея, бывшего с 1963 по 1969 год филиалом Музея истории Ленинграда.

Проходит еще год, и в 1970 году у Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» появился свой филиал — Храм Воскресения Христова (Спас на Крови). В 1972 году еще один — Ризница Храма. Музей расширялся и в дальнейшем: в 1984-м в его состав был включен Собор во имя преподобного Сампсония Странноприимца.

Таким образом, трудами Георгия Петровича был создан целый музейный комплекс, который успешно развивается по настоящее время. Огромное внимание всегда уделялось восстановлению и сохранению храмов-памятников: непрерывно шла их реставрация, во многом за счет самого музея, что стало возможным благодаря эффективной работе музея под руководством Г.П. Бутикова. Заложенные им принципы управления «музейным хозяйством» остаются актуальными и сегодня.

Приход Г.П. Бутикова на пост директора музея-памятника в 1968 году вряд ли можно считать случайностью. Здесь и неразрыв-

ная связь с родным городом, одним из символов которого стал именно Исаакиевский собор: родился в Ленинграде, жил и учился в центре города — на Фонтанке и канале Грибоедова, пережил страшную первую блокадную зиму, участвовал в Ленинградской битве, и прочнейшая жизненная закалка: подростком начал трудовой путь с рабочей специальностью, юношей ушел на войну и воевал до самой Победы, потом — многолетняя служба в Военно-морском флоте.

И на протяжении всей жизни — стремление к новым знаниям, к повышению образования, к деятельности на новом, пусть даже неизведанном, поприще. Качества, свойственные натурам творческим.

До прихода в музей Георгий Петрович пять лет — с 1963-го по 1968-й — работал в должности инструктора организационного отдела Октябрьского райкома КПСС. По тем временам должность перспективная. Наверняка в дальнейшем Г.П. Бутиков смог бы сделать блестящую партийную карьеру: его деловые качества и неумная энергия в полной мере это позволяли. Тем более коммунистом он стал по убеждениям, еще во время Великой Отечественной войны: в 1944 году был принят в кандидаты, в 1945-м — в члены ВКП(б). В комсомольской и партийной работе Георгий Петрович долгие годы находил приложение своим недюжинным силам и энергии, но этого было мало. Партийной рутине Бутиков предпочел абсолютно незнакомый пост директора сложнейшего в эксплуатации музея-памятника, где работы был непопчатый край.

Война и блокада

Георгий Петрович Бутиков родился 21 апреля 1925 года в Ленинграде.

Детство Георгия было непростым. Страна еще только отходила от Гражданской войны и жила бедно. К тому же в 1927 году ушел из жизни отец — Петр Ананьевич Бутиков, выходец из крестьян, ставший после Октябрьской революции командиром Красной армии. Растила Георгия мама — Клавдия Тимофеевна Бутикова. Неудивительно, что свой трудовой путь Георгий начал рано: сразу по окончании семи классов 22-й школы Октябрьского района в 1939 году.

С января 1940-го он учился по специальности «токарь» в Ремесленном училище № 81, которое окончил, когда уже шла война, — в июле 1941 года.

Одними из первых, кто заменил кадровых рабочих, ушедших на фронт, были подростки. Работая по 12 часов в смену, в холодных цехах, под обстрелами и бомбежками, голодные ребята перевыполняли «взрослые» нормы. Многие из них, включая Георгия Бутикова, были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

16-летний Георгий остался в училище мастером производственной практики и почти год жил и трудился в осажденном Ленинграде, изведав все тяготы голодной зимы 1941/42 годов¹.

Юноша стал свидетелем не только героического труда своих товарищей по училищу, но и очевидцем ужасной трагедии, их постигшей, особенно приезжих, оставшихся в городе без семей, без поддержки близких².

4 июля 1942 года Георгий был эвакуирован вместе с училищем в Куйбышев, где находилось множество оборонных предприятий и были крайне востребованы рабочие руки. (Мама Георгия, Клавдия Тимофеевна, эвакуировалась тогда же в Алтайский край.) Через полгода, в январе 1943 года, Георгий становится курсантом Куйбышевского пехотного училища — «предшественника» ныне знаменитого Рязанского воздушно-десантного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова³.

Георгий Бутиков окончил училище в апреле 1943 года и был направлен в действующую армию. Воевал на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах в составе 12-й отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады (позже — 100-я гвардейская стрелковая дивизия). Служил

---

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Р-25. Оп. 96. Д. 118. Л. 5.

² «Среди эвакуированного из Ленинграда населения особо слабыми являются учащиеся ремесленных и железнодорожных училищ», — писал заместитель председателя Совнаркома СССР А.Н. Косыгин руководителю города А.А. Жданову 10 февраля 1942 года // Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. СПб., 1995. С. 288.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 96. Д. 118. Л. 5. Военно-пехотное училище поменяло свой профиль на «парашютно-десантный» в сентябре 1941 года. В феврале 1942 года в училище состоялся первый выпуск, который целиком был направлен в десантные войска действующей армии. См.: *Козлов С.* Как пехотное училище стало знаменитым десантным // Взгляд: сайт [Электронный ресурс: <https://vz.ru/society/2018/11/13/950289.html>].

командиром отделения разведчиков. Был дважды ранен. На Карельском фронте участвовал в Выборгско-Петрозаводской операции, которая поставила в августе 1944 года победную точку в Ленинградской битве⁴.

Разведчик Бутиков принимал участие в освобождении Вены, где совершил свой главный воинский подвиг — героически действовал по уничтожению опорного пункта сопротивления противника, за что был удостоен боевого ордена Красной Звезды.

Он действовал в составе штурмовой группы. Такие легковооруженные группы создавались не только в силу своей эффективности в условиях городского боя, но и для сохранения от разрушений европейских столиц, к чему невольно оказался сопричастным гвардии старший сержант.

За этот подвиг Бутиков был награжден орденом Красной Звезды. Также за время войны он был помимо уже выше упомянутых наград удостоен медалей «За взятие Вены» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»⁵.

После войны

В мае 1946 года Г.П. Бутиков становится курсантом Рижского военно-политического училища, по окончании которого до 1959 года служил на кораблях КБФ, в том числе на прославленных линкорах «Петропавловск» и «Октябрьская революция», защищавших осажденный Ленинград; затем еще три года на кораблях Северного и Тихоокеанского флотов.

В сентябре 1962 года после 15 лет безупречной воинской службы Г.П. Бутиков был уволен в запас в звании капитана третьего ранга⁶.

Возможно, это было вызвано масштабным сокращением армии и флота, которое начал глава государства Н.С. Хрущев.

Бывшему офицеру флота надо было осваиваться «на гражданке». Опыт многолетней службы на кораблях в различных должностях, личные качества, желание и способность постигать новые знания позволяли найти себя в самых разных сферах.

---

⁴ Бутиков Георгий Петрович // Память народа: сайт [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero119637986/>].

⁵ Бутиков Георгий Петрович // Подвиг народа: сайт [Электронный ресурс: <https://podvignaroda.ru/?id=41198643&tab=navDetailManAward>].

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 96. Д. 118. Л. 4–5.

В марте 1963-го Г.П. Бутиков поступил на работу старшим инженером в ленинградскую проектно-конструкторскую контору (ПКК) «Главсантехмонтаж».

В июле того же года Г.П. Бутиков становится инструктором организационного отдела Октябрьского райкома КПСС⁷. Но перспектива партийной карьеры Георгия Петровича не сильно привлекала. Для получения высшего образования он выбрал не Высшую партийную школу, а Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена, который он в 1967 году окончил с красным дипломом по специальности «История и обществоведение»⁸.

Выбор пединститута был также не случаен. Ведь наставником Георгий Петрович стал уже в 16 лет — сразу по окончании ремесленного училища. Будучи флотским офицером, служил главным образом политработником, а политработа в Советских Вооруженных Силах предполагала, в первую очередь, воспитание личного состава — молодежи, призванной в ряды армии и флота. То же можно сказать и о комсомольской работе, которой он активно занимался в войсках; и не один год Г.П. Бутиков служил на учебных кораблях.

Выбор специальности говорит об интересе к истории, без которого немислимо отдавать все силы сохранению и приумножению историко-культурных ценностей, чему в дальнейшем посвятил себя Георгий Петрович Бутиков, став в этом деле истинным подвижником.

Директор музея

7 июня 1968 года на заседании бюро РК КПСС Г.П. Бутиков был освобожден от обязанностей инструктора орготдела в связи с переводом его на работу директором Музея-памятника «Исаакиевский собор», который на тот момент являлся филиалом Музея истории Ленинграда уже на протяжении почти пяти лет.

12 января 1963 года Ленгорисполком принял решение о сокращении административно-управленческих расходов на содержание музеев, подведомственных управлению культуры.

На основании этого решения, а также ходатайства директора Государственного музея истории Ленинграда (ГМИЛ) Л.Н. Беловой

---

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 96. Д. 118. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 10.

приказом управления культуры Ленгорсовета Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», открытый по проведению первичной реставрации еще 12 декабря 1948 года, был реорганизован в филиал ГМИЛ.

В 1963 году, после окончания реставрационных работ в куполе, были разобраны высотные металлические леса, простоявшие полвека в центральной части собора. Послевоенная реставрация была завершена. Перед посетителями во всей своей красе открылось возрожденное убранство интерьера.

Но реставрация — процесс перманентный. Теперь предстояло обследовать несущие конструкции, звонницы, состояние мраморной облицовки и декоративных модульонов.

В результате исследовательских работ, проведенных ведущими техническими организациями Ленинграда, состояние собора было признано безаварийным⁹.

Также была обновлена экспозиция музея, созданная еще в 1957 году.

При разработке новой экспозиции исходили из того, что основой экспозиции является сам памятник, а стенды с плоскостным материалом, модели и макеты служат дополнительным материалом к раскрытию основных тем экскурсии. Особое внимание было уделено истории создания музея в Исаакиевском соборе и подробному освещению произведенных реставрационных работ¹⁰.

Несмотря на поступательное в целом развитие Музея «Исаакиевский собор», целесообразность его положения как филиала вызывала вопросы. Слишком велик был масштаб — во всех отношениях, включая экономический аспект.

Вот характерные цифры. В 1965 году был разработан перспективный план восстановления и реставрации здания, рассчитанный на пять лет. По смете на это требовалось 400 000 рублей. Для сравнения: по всем объектам Петропавловской крепости, входившим в состав Государственного музея истории города с 1954 года, было выделено 165 000 рублей¹¹.

20 июня 1968 года полномочия директора филиала были переданы Георгию Петровичу Бутикову. В первую очередь им была проведена

---

⁹ Голованова А.В. История Исаакиевского собора как отражение культурной политики государства: дисс.... канд. культурологии. СПб., 2019. С. 169–170.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же. С. 171–172.

ревизия всей музейной работы филиала, показавшая возможность наладить независимую от ГМИИ деятельность в Исаакиевском соборе. Этому должен был способствовать и неуклонно возраставший интерес жителей города и туристов к выдающемуся памятнику архитектуры и искусства.

13 августа 1969 года приказом Ленгорисполкома Г.П. Бутиков был утвержден в должности директора Музея-памятника «Исаакиевский собор». По соображениям хозяйственной целесообразности музей был выделен в самостоятельную организацию¹².

Реставрация, создание и неуклонное расширение музейного комплекса, музеефикация соборов-памятников приобрели невиданные доселе масштабы и темпы.

Важным событием в этом деле стал переход музея в 1988 году на хозрасчет. Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Г.П. Бутиков стал одним из первых музейных руководителей в Ленинграде и СССР, внедривших новые формы хозяйствования.

Важным результатом подобной деятельности стала возможность проводить сложные, дорогостоящие работы по сохранению и реставрации объектов культурного наследия, входящих в музейный комплекс, без привлечения средств из городского бюджета.

К концу 1980-х годов произошел постепенный пересмотр государственной политики в отношении религии.

В 1990 году был принят закон «О свободе совести и религиозных организациях».

17 июня того же года в Исаакиевском соборе было проведено первое после 1928 года богослужение, совершенное патриархом Алексием III¹³.

6 ноября 1991-го с участием патриарха был отслужен благодарственный молебен по случаю переименования города.

29 апреля 1992 года в Исаакиевском соборе состоялось отпевание великого князя Владимира Кирилловича Романова, на протяжении полувека возглавлявшего Российский Императорский Дом. В богослужении участвовали патриарх Алексей II и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев).

---

¹² Голованова А.В. История Исаакиевского собора как отражение культурной политики государства. С. 173–174.

¹³ Там же. С. 183–184.

Таким образом, в 1990-х годах Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» начал сложный процесс выстраивания деловых отношений с Русской Православной Церковью.

В том же 1992 году в собор был определен настоятель — протоиерей Борис Михайлович Глебов, переназначенный в 1998-м настоятелем Петропавловского собора. С этого года настоятелем собора является митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. В 2000 году митрополит Владимир возглавил Пасхальное богослужение. Тогда же в главном алтаре был торжественно освящен постоянный престол¹⁴.

Сделав бесконечно много для возрождения религиозной жизни в Исаакиевском соборе, Г.П. Бутиков выступал за взвешенный подход в вопросе взаимоотношений музея с РПЦ. Еще в 1990 году он писал: «...раздаются голоса... о необходимости передать Государственный музей «Исаакиевский собор» и его филиалы Церкви. Полагаю, что сегодня это предложение недостаточно продумано... Собор построен... на средства государства. На протяжении всей своей истории он существовал с помощью государственной дотации... Ежегодно в Ленинград приезжают туристы... исповедующие другие религии... Они идут в музей, а вот в действующий православный собор пойдут далеко не все... Сегодня коллектив музея волнуется... как организовать реставрацию... не отвлекая из бюджета города средства... Музей в состоянии решить эту проблему — Церковь сегодня вряд ли... Государственный музей «Исаакиевский собор» первым среди музеев страны перешел на хозрасчет и полное самофинансирование, отказался от государственных дотаций не только на содержание... но и реставрацию...»¹⁵

Новатор и истинный подвижник Георгий Петрович Бутиков руководил музеем-памятником тридцать пять лет, до конца своей жизни. Он скончался в марте 2002 года. В Исаакиевском соборе состоялась торжественная панихида по усопшему, на которой присутствовали сотни людей, знавших его и искренне уважавших.

---

¹⁴ Голованова А.В. История Исаакиевского собора как отражение культурной политики государства. С. 185–186.

¹⁵ Бутиков Г.П. «Исаакиевский собор» — музей русского культового зодчества. Справка. 1990 // Государственный музей «Исаакиевский собор». Сектор научно-технической документации. Ф. 1. Оп. 1. П. 55. № 53.

Георгий Бутиков принадлежал к музейным руководителям особого склада. Это были фронтовики, прошедшие через ужасы войны, видевшие своими глазами разрушения и смерть. По-настоящему зная цену человеческой жизни, они нашли себя в сугубо мирной созидательной деятельности — в сохранении культурного наследия.

Отдавая себя целиком любимому делу, обладая недюжинными жизненным опытом, творческим началом, энергией и организаторскими способностями, они смогли вывести возглавляемые музеи на высочайший уровень.

Директора-фронтовики могли относиться к разным поколениям, как С.С. Гейченко и Г.П. Бутиков, у которых разница в возрасте составляла более двадцати лет¹⁶.

Но в их боевом пути немало сходства. Оба участвовали в битве за Ленинград: Бутиков на Карельском, Гейченко на Волховском фронте. Оба получили тяжелые ранения. Напоминание об этом побуждает воздать им должное не только как выдающимся музейным руководителям, но и как защитникам Отечества.

---

¹⁶ В гипотетическом диалоге двух директоров (а может, таковой когда-то и состоялся) Семен Степанович мог поведать много интересного для собеседника, прекрасно зная с юных лет, как выглядел ансамбль Исаакиевской площади «во главе» с собором. С начала 1920-х годов еще совсем молодой Семен часто посещал квартиру на заднем дворе дома 45 по улице Герцена (до 1920 и с 1993 года — Большая Морская) архитектора О. Монферрана, создателя Исаакия. Здесь жил сослуживец Гейченко по Петергофским дворцам-музеям Н.И. Архипов (будущий их директор), который познакомил его с поэтом Н.А. Клюевым. Тот жил в соседней квартире, где Семен Степанович видел Есенина. В день смерти последнего — 28 декабря 1925 года (год рождения Бутикова) — Гейченко был в гостях у Клюева, и оба, узнав печальную новость, побежали в «Англетер». См.: *Азадовский К.М.* Жизнь Николая Клюева: документальное повествование // Николай Клюев: сайт [Электронный ресурс: https://www.booksite.ru/klyuev/3_4_01.html?]; Письма С.С. Гейченко // Клюев Николай Алексеевич: сайт [Электронный ресурс: <https://klyuev.lit-info.ru/klyuev/vospominaniya/pisma-gejchenko-kurbatovu-i-subbotinu.htm?>].

*Г.П. Бутиков — директор
Государственного музея-памятника
«Исаакиевский собор». 1990-е годы.
Государственный музей
«Исаакиевский собор»*

*Исаакиевский собор. 2009 год.
Государственный музей «Исаакиевский собор»*

*Храм Воскресения Христова (Спас на Крови) и Ризница (Часовня-музей).
2023 год. Государственный музей «Исаакиевский собор»*

*Г.П. Бутиков во время
Великой Отечественной войны.
Иллюстрация: Бутиков Георгий
Петрович // Память народа: сайт
[Электронный ресурс: [https://
pamyat-naroda.ru/heroes/person-
hero119637986/](https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero119637986/)]*

ВЕС ГРАФЫ ЗАПОЛНИТЬ ПОЛНОСТЬЮ

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество Бутиков Георгий Петрович
2. Звание гвардии старший сержант. Должность, часть командир отделения
103 гвардейской отдельной разведроты 100 гвардейской Свободной
гвардейской дивизии
Представляется к награждению орденом "Красной звезды"
4. Год рождения 1925 5. Национальность русский 6. Партийность член ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) моя служба 1943 г. "Народный дружок"
с октября 1945 года в 103 Украинский дружок
8. Имел ли ранения и контузии в Отечественной войне имел ранение
9. С какого года в Красной Армии 1943 10. Каким РВК призван Числоиск-овский район Свердловской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награжден
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи _____

1. Принять, как фактов изложение личного боевого подвига или заслуг

В боях между Бунаем и Бунабским каналами на Северо-Восточной окраине парка города Вены действующая в составе группы безбоянно пробрался вперед боевого порядка наших гостей. Заметив огневую точку и снайпера в доме, уничтожил их из своего личного оружия. Этих соими тилом нашей пачоте, с наименьшими потерями продвигаться вперед. Боевую в составе группы довели в плен 18 солдат и уничтожили 23 истребителя солдат. Лично сам взял в плен 3 солдат и уничтожил безбоянно. Командир отделения гвардии старший сержант Бутиков Георгий Петрович достоин награждения "Красной Звезды".

Отпол 103 Командир 103 роты гвардии

отдельной разведроты гвардии лейтенант Иванов

Наградной лист на представление гвардии старшего сержанта Г.П. Бутикова к ордену Красной Звезды. Апрель 1945 года.
Иллюстрация: Бутиков Георгий Петрович // Память народа: сайт [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero119637986/>]

*Г.П. Бутиков. 1960-е годы.
Центральный Государственный архив
историко-политических документов
Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).
Р-25. Оп. 96. Д. 118. Л. 1*

*Открытие после реставрации храма Воскресения Христова («Спас на крови»)
19 августа 1997 года. Государственный музей «Исаакиевский собор»*

*Директор ГМП «Исаакиевский собор» Г.П. Бутиков
с губернатором Санкт-Петербурга В.А. Яковлевым
и дирижером Ю.Х. Темиркановым в Исаакиевском соборе. 1990-е годы.
Государственный музей «Исаакиевский собор»*

*Г.П. Бутиков — директор ГМП «Исаакиевский собор». 1990-е годы.
Государственный музей «Исаакиевский собор»*

Гости «Михайловской пушкинианы»

Андрей Кологривов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТОМКОВ ОДНОГО ЛИЦА (А.С. ПУШКИНА) ЗА 1832—2008 ГОДЫ

Представляет интерес исследовать с демографических позиций историю потомков какого-то одного лица на протяжении значительного временного периода. При этом сразу возникают трудности, связанные с наличием фактического материала. Действительно, такой материал имеется лишь для персон королевской крови и высшей аристократии, а это — очень специфическая выборка. Хотелось бы иметь такой материал для широкого круга лиц из самых разных социальных слоев. Неожиданным образом такой материал оказалось возможным получить на примере потомков А.С. Пушкина, поэта, высоко почитаемого в России. Благодаря исследованиям В.М. Русакова¹ мы имеем уникальные, тщательно выверенные данные по рождению и смертности потомков А.С. Пушкина за 1832—2008 годы. Среди этих потомков встречаются лица, принадлежащие ко всему спектру социальных слоев: от членов королевских семей и мультимиллиардеров до простых граждан. Потомство Пушкина широко распространено по всему миру: около половины проживает (или проживало ранее) в России, остальные — в Великобритании, Франции, Швейцарии, Бельгии, Германии, Швеции, Италии, США, Аргентине, Украине, Белоруссии, Польше, Литве, Грузии и Марокко.

Ниже приведена таблица, указывающая, сколько человек в каждом поколении родилось и умерло в данном году.

---

¹ См.: *Русаков В.М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Сельцо Михайловское; Псков, 2009; *Русаков В.М.* Избранные рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. Псков, 2010.

Таблица 1

Количество рождений и смертей за каждый год (1832–2008)

Годы	Поколения																		
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего		
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	
1832	1																	1	
1833	1																	1	
1834																			
1835	1																	1	
1836	1																	1	
1837																			
1838																			
1839																			
1840																			
1841																			
1842																			
1843																			
1844																			
1845																			
1846																			
1847																			
1848																			
1849																			
1850																			
1851																			
1852																			
1853																			
1854			1															1	
1855			1															1	
1856																			
1857																			
1858																			
1859			1															1	

Годы	Поколения																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего	
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум
1860			1														1	
1861			1	1													1	1
1862			1														1	
1863			1														1	
1864			1														1	
1865																		
1866			1														1	
1867																		
1868			2														2	
1869			1														1	
1870			1	1													1	1
1871			2														2	
1872			1														1	
1873																		
1874			1														1	
1875																		
1876																		
1877																		
1878																		
1879																		
1880																		
1881																		
1882					3	1											3	1
1883					3												3	
1884					2												2	
1885			1		2	1											3	1
1886																		
1887					1												1	
1888					2												2	
1889			1														1	
1890					2												2	
1891																		

Годы	Поколения																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего	
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум
1892					2												2	
1893																		
1894				1	2												2	1
1895					1												1	
1896					2												2	
1897					3	1											3	1
1898				1	2												2	1
1899					1												1	
1900																		
1901																		
1902					1												1	
1903						1												1
1904					1												1	
1905		1																1
1906																		
1907					2		1										3	
1908					1		3										4	
1909				1	1		1										2	1
1910																		
1911							2										2	
1912				1	1		2										3	1
1913		1			1		2										3	1
1914		1				1	2										2	2
1915				1		1	2										2	2
1916				1			1										1	1
1917						1	1										1	1
1918							2										2	
1919		1		1		1	3										3	3
1920						2												2
1921						1	1										1	1
1922							1										1	
1923					1												1	

Годы	Поколения																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего	
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум
1924							1										1	
1925							2										2	
1926				1			3		1								4	1
1927				1			1										1	1
1928							1										1	
1929							3		1								4	
1930																		
1931																		
1932						2			1	1							1	3
1933				1														1
1934							1		1								2	
1935						1			2								2	1
1936							2										2	
1937							1		2								3	
1938							1		3								4	
1939				1			1	1									1	2
1940				1			1										1	1
1941							1		2								3	
1942							1	2	2								3	2
1943				1					2								2	1
1944						1			1								1	1
1945						1			4								4	1
1946									2								2	
1947						1			3								3	1
1948				1					3	1							3	2
1949				1					4		1						5	1
1950				1					2	1							2	2
1951						1	1		1								2	1
1952									2								2	
1953									2								2	
1954									1								1	
1955						2			1								1	2

Годы	Поколения																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего	
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум
1956									2		1						3	
1957									2		2						4	
1958											2						2	
1959						1			2		3						5	1
1960									2		3						5	
1961									5								5	
1962									2		3						5	
1963						1			2		2						4	1
1964			1		1				1		3						4	2
1965					2				1		2						3	2
1966									1								1	
1967									1		1						2	
1968						1		1	1		2						3	2
1969						1		1			6						6	2
1970								1	2		2						4	1
1971											2						2	
1972									2		1						3	
1973								1			4						4	1
1974						1		1			5						5	2
1975											4						4	
1976						1		1	2		1						3	2
1977						1					7						7	1
1978									1		1						2	
1979						1					2		3				5	1
1980											2		1				3	
1981									2		3		2				7	
1982								1			3		2				5	1
1983						1					2						2	1
1984						2		1			6		2				8	3
1985											2		4				6	
1986						1		1		1	3		1				4	3
1987											2		1				3	

Годы	Поколения																	
	1		2		3		4		5		6		7		8		Всего	
	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум	Род	Ум
1988							2			2		1					3	2
1989										3		2					5	
1990							1			5							5	1
1991									1	6							6	1
1992							4		1	3		2					5	5
1993							3			1		3					4	3
1994							1			1							1	1
1995										1		2					3	
1996							1		1	1		2					3	2
1997												6					6	
1998										1		3					4	
1999							1		2			4					4	3
2000							1					1					1	1
2001											1	1					1	1
2002							2					1					1	2
2003														1				
2004												1		1			1	
2005																		
2006												1		1			1	
2007													1	1				1
2008							1		1			3					3	2

Исходя из этих данных, можно получить количество живых потомков в каждом поколении на каждый год.

Таблица 2

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1832	1								1
1833	2								2
1834	2								2

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1835	3								3
1836	4								4
1837	4								4
1838	4								4
1839	4								4
1840	4								4
1841	4								4
1842	4								4
1843	4								4
1844	4								4
1845	4								4
1846	4								4
1847	4								4
1848	4								4
1849	4								4
1850	4								4
1851	4								4
1852	4								4
1853	4								4
1854	4	1							5
1855	4	2							6
1856	4	2							6
1857	4	2							6
1858	4	2							6
1859	4	3							7
1860	4	4							8
1861	4	4							8
1862	4	5							9
1863	4	6							10
1864	4	7							11
1865	4	7							11
1866	4	8							12
1867	4	8							12

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1868	4	10							14
1869	4	11							15
1870	4	11							15
1871	4	13							17
1872	4	14							18
1873	4	14							18
1874	4	15							19
1875	4	15							19
1876	4	15							19
1877	4	15							19
1878	4	15							19
1879	4	15							19
1880	4	15							19
1881	4	15							19
1882	4	15	2						21
1883	4	15	5						24
1884	4	15	7						26
1885	4	16	8						28
1886	4	16	8						28
1887	4	16	9						29
1888	4	16	11						31
1889	4	17	11						32
1890	4	17	13						34
1891	4	17	13						34
1892	4	17	15						36
1893	4	17	15						36
1894	4	16	17						37
1895	4	16	18						38
1896	4	16	20						40
1897	4	16	22						42
1898	4	15	24						43
1899	4	15	25						44
1900	4	15	25						44

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1901	4	15	25						44
1902	4	15	26						45
1903	4	15	25						44
1904	4	15	26						45
1905	3	15	26						44
1906	3	15	26						44
1907	3	15	28	1					47
1908	3	15	29	4					51
1909	3	14	30	5					52
1910	3	14	30	5					52
1911	3	14	30	7					54
1912	3	13	31	9					56
1913	2	13	32	11					58
1914	1	13	31	13					58
1915	1	12	30	15					58
1916	1	11	30	16					58
1917	1	11	29	17					58
1918	1	11	29	19					60
1919		10	28	22					60
1920		10	26	22					58
1921		10	25	23					58
1922		10	25	24					59
1923		10	26	24					60
1924		10	26	25					61
1925		10	26	27					63
1926		9	26	30	1				66
1927		8	26	31	1				66
1928		8	26	32	1				67
1929		8	26	35	2				71
1930		8	26	35	2				71
1931		8	26	35	2				71
1932		8	24	35	2				69
1933		7	24	35	2				68

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
1934		7	24	36	3				70
1935		7	23	36	5				71
1936		7	23	38	5				73
1937		7	23	39	7				76
1938		7	23	40	10				80
1939		6	23	40	10				79
1940		5	23	41	10				79
1941		5	23	42	12				82
1942		5	23	41	14				83
1943		4	23	41	16				84
1944		4	22	41	17				84
1945		4	21	41	21				87
1946		4	21	41	23				89
1947		4	20	41	26				91
1948		3	20	41	28				92
1949		2	20	41	32	1			96
1950		1	20	41	33	1			96
1951		1	19	42	34	1			97
1952		1	19	42	36	1			99
1953		1	19	42	38	1			101
1954		1	19	42	39	1			102
1955		1	17	42	40	1			101
1956		1	17	42	42	2			104
1957		1	17	42	44	4			108
1958		1	17	42	44	6			110
1959		1	16	42	46	9			114
1960		1	16	42	48	12			119
1961		1	16	42	53	12			124
1962		1	16	42	55	15			129
1963		1	15	42	57	17			132
1964			14	42	58	20			134
1965			12	42	59	22			135
1966			12	42	60	22			136

Годы	Количество живых потомков в данном поколении								Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1967			12	42	61	23			138
1968			11	41	62	25			139
1969			10	40	62	31			143
1970			10	39	64	33			146
1971			10	39	64	35			148
1972			10	39	66	36			151
1973			10	38	66	40			154
1974			9	37	66	45			157
1975			9	37	66	49			161
1976			8	36	68	50			162
1977			7	36	68	57			168
1978			7	36	69	58			170
1979			6	36	69	60	3		174
1980			6	36	69	62	4		177
1981			6	36	71	65	6		184
1982			6	35	71	68	8		188
1983			5	35	71	70	8		189
1984			3	34	71	76	10		194
1985			3	34	71	78	14		200
1986			2	33	70	81	15		201
1987			2	33	70	83	16		204
1988			2	31	70	85	17		205
1989			2	31	70	88	19		210
1990			2	30	70	93	19		214
1991			2	30	69	99	19		219
1992			2	26	68	102	21		219
1993			2	23	68	103	24		220
1994			2	22	68	104	24		220
1995			2	22	68	105	26		223
1996			2	21	67	106	28		224
1997			2	21	67	106	34		230
1998			2	21	67	107	37		234
1999			2	20	65	107	41		235

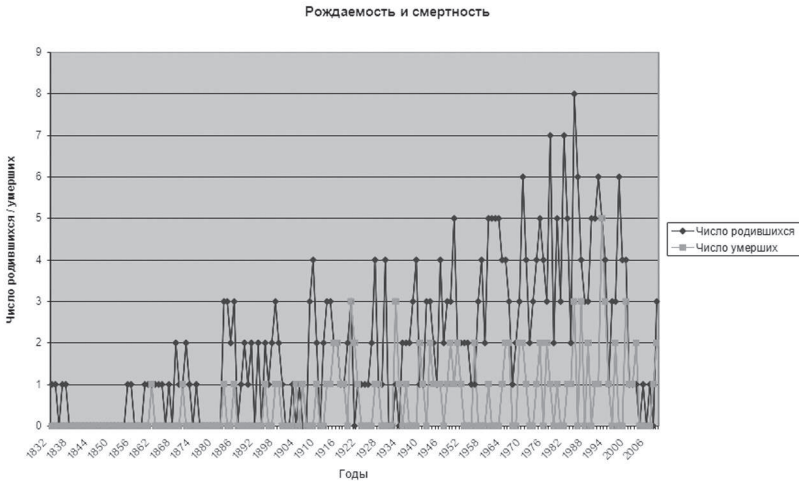
Годы	Количество живых потомков в данном поколении								
	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
2000			2	19	65	107	42		235
2001			2	19	65	106	43		235
2002			2	17	65	106	44		234
2003			2	17	65	106	44	1	235
2004			2	17	65	106	45	2	237
2005			2	17	65	106	45	2	237
2006			2	17	65	106	46	3	239
2007			2	17	65	106	45	4	239
2008			2	16	64	106	48	4	240

В наглядном представлении эти данные изображены на Рисунке 1.

Рисунок 1

Также представляют интерес данные по рождаемости и смертности за эти годы, которые наглядно представлены на Рисунке 2.

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы.

В первом поколении имеется четыре персоны, во втором — 19, в третьем — 37, в четвертом — 45, в пятом — 74, в шестом — 107, в седьмом, пока еще не полном, — 54 и в восьмом — пока всего лишь четыре.

Первое поколение рождалось в 1832–1836 годах (продолжительность четыре года) и жило в 1832–1918 годах (86 лет); второе поколение рождалось в 1854–1889 годах (продолжительность 35 лет) и жило в 1854–1963 годах (109 лет); третье поколение рождалось в 1882–1923 годах (продолжительность 41 год) и жило с 1882 года до более чем 2008 года (более 126 лет); четвертое рождалось в 1907–1951 годах (продолжительность 44 года) и пока еще не всё вымерло; пятое рождалось в 1926–1981 годах (продолжительность 55 лет); шестое рождалось в 1949–1998 годах (продолжительность 49 лет); седьмое рождается с 1979 года, и процесс еще не закончился; восьмое — с 2003 года.

Максимальное число живых в первом поколении (4) приходится на 1836–1904 годы; во втором (17) — на 1889–1893 годы; в третьем (32) — на 1913 год; в четвертом (42) — на 1951–1967 годы, в пятом (71) — на

1981–1985 годы, в шестом (107) — на 1997–2000 годы; в седьмом и, тем более, в восьмом эти показатели еще не достигнуты.

В годы 1832–1851 одновременно в числе живых были представители одного поколения, 1854–1881 — двух, 1882–1906 и 1919–1925 — трех, 1907–1918, 1926–1948 и 1964–1978 — четырех, 1949–1963 и 1979–2002 — пяти, с 2003 года — уже шести.

Пики рождаемости приходятся на годы: 1882–1883, 1897, 1908, 1926, 1929, 1938, 1945, 1949, 1959–1962, 1969, 1977, 1981, 1984.

Пики смертности — на годы: 1914–1915 (Первая мировая война), 1919 (Гражданская война), 1932 (раскулачивание), 1992 (развал СССР).

А.С. ПУШКИН И ПРАВОСЛАВИЕ.
ХУДОЖНИКИ-ИЛЛЮСТРАТОРЫ ТРАГЕДИИ
«БОРИС ГОДУНОВ»

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой, —
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И Богу душу передал...

А.С. Пушкин

Мы говорим не о церковной «святости»
нашего великого поэта, а о его пророческой силе
и о божественной окрыленности его творчества.

И.А. Ильин. Пророческое призвание Пушкина.
Торжественная речь, произнесенная в 1937 году

Художники обожают иллюстрировать А.С. Пушкина (1799–1837) — рядом с гением и ты как бы вырастаешь. К тому же мы привыкли, что и сам Александр Сергеевич любил что-нибудь почиркать на полях своих черновиков. Эти минутные зарисовки прибавляют легкости, полетности его стихам, и весь облик поэта становится парящим, играючи создающим свои творения. И мы, читая и перечитывая Пушкина в сотый раз, восхищаемся удивительной гармонией стиха, красотой и яркостью метафор... Но не теряем ли мы за этой блестящей формой глубину и смысл пушкинских откровений? Попробуем, отойдя от привычной легкости, взглянуть на главного русского гения с позиции православия.

2 ноября 2023 года состоялось заседание Патриаршего совета по культуре, посвященное теме «Роль А.С. Пушкина в формировании русской национальной идентичности». В своем выступлении святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в частности, сказал:

«...о великом нашем русском поэте написаны тысячи страниц, многочисленные статьи и монографии, посвященные исследованию его

жизни и творчества. Но, взирая на этот колоссальный объем пушкино-ведческой литературы, понимаешь, что трудно найти другого деятеля русской культуры, в котором бы сошлось столько парадоксов и противоречий. Для кого-то Пушкин был бунтарем, вольнодумцем, и, наверное, такое понимание Пушкина было очень распространено в значительной части русского общества его времени. Великое всегда видится со стороны, а потому увидеть величие Пушкина в то время было непросто, ведь он был тогда рядом с людьми, и те, конечно, видели его разным, и не только великим. Вот почему, чтобы осознать величие поэта, было действительно необходимо посмотреть на его личность с некоторой исторической дистанции. Еще раз отмечу: одни видели его бунтарем, вольнодумцем, другие — серьезным религиозным мыслителем и духовным писателем. Эта универсальная и всемирная отзывчивость Пушкина, отмеченная еще Достоевским, удивительным образом сочетается с ярким личностным началом его творчества и в то же время с глубокой укорененностью в русской традиции...

Три бурных ручья соединились в полноводную могучую реку русской культуры, питающейся от живительных истоков Православия, черпающей вдохновение в глубинах народной жизни и не отделяющей себя от европейского наследия. В гармоничном сочетании этих трех факторов, заложенных в нашей национальной идентичности, русский человек способен наиболее полно проявить свой созидательный творческий потенциал, дарованный ему Богом».

А теперь обратимся к трудам двух иерархов Русской Православной Церкви — митрополита Антония (Храповицкого) «Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 года», «Пушкин как нравственная личность и православный христианин» (1929) и митрополита Анастасия (Грибановского) «Пушкин в его отношении к религии и православной церкви» (1937). Написанные великолепным русским языком, не филологами, а мудрыми архипастырями, исследования дают блестящий анализ творчества поэта. Никогда еще открывался наш национальный гений такой теплой, такой радостной, такой родной частицей.

К сожалению, размышления о Пушкине двух иерархов Русской Церкви малоизвестны в современной России, хотя они являются подлинными бриллиантами обширной литературы о поэте. Уже само обращение митрополитов к личности и творчеству Пушкина говорит об их широчайшем кругозоре и энциклопедической образованности.

Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936) — выдающийся богослов, проповедник, историк и духовный писатель. Один из претендентов на Патриарший престол на Всероссийском Поместном Соборе (1917–1918). Вынужденно покинул Россию в 1920 году. Являлся главою Русской Православной Церкви за границей вплоть до окончания своего земного пути (1921–1936).

Митрополит Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский; 1873–1965) — блестящий богослов, православный писатель, автор произведений удивительной чистоты и духовной просветленности. Возглавлял комиссию по устройству торжества избрания и интронизации патриарха во время Собора (1917–1918). Покинув родину после революции, служил в Русской Православной Церкви за границей, которую возглавлял 28 лет после кончины митрополита Антония.

«Великий Достоевский, — пишет митрополит Антоний, — объясняет любовь русского народа к Пушкину тем, что он вмещал в себе в степени высшего совершенства ту широту русской души, из которой эта последняя может перевоплощаться в умы и сердца всех народностей, обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве нашего народного и христианского идеала...

Подобное влияние своей поэзии на читательские умы и сердца Пушкин, конечно, предвидел:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Но приостановимся, — продолжает митрополит Антоний, — в раскрытии нравственного значения Пушкина для русского человека: нам уже слышатся возражения — мог ли иметь такое влияние Пушкин, этот легкомысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдававший на служение беспутству? Ответим на этот вопрос беспристрастно, ибо тогда еще лучше поймем значение переживаемого события. Влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоконравственной личности, но воздействие его литературного гения. Не по своей воле, не вследствие нравственных усилий получил он исключительную способность совершенно перевоплощаться в настроение каждого человека и открывать в нем правду жизни читателю

и самому себе: всё это было свойством его природы, даром Божиим. Пушкин был великим поэтом, но великим человеком мы его назвали бы лишь в том случае, если бы он эту способность глубокого сострадания людям и эту мысль о царственном значении совести в душе нашей сумел бы воплотить не только в своей поэзии, но и во всех поступках своей жизни. Он этого не сделал и постоянно отступал от требований своей совести, воспитанный в ложных взглядах нашей высшей школы и нашего образованного общества и подверженный с детства влиянию людей развратных. Светлые идеи своей поэзии он почерпал в изучении жизни народной и в самом своем поэтическом вдохновении; ими он старался побороть свои греховные страсти и надеялся, что он достигнет возрождения души своей в той ее первоначальной чистоте и светлости, какими она была одарена от Творца»¹.

Говоря о Пушкине как о православном поэте, невозможно, разумеется, обойти его величайшее и ставшее хрестоматийным стихотворение «Пророк». Сам образ заимствован из Книги пророка Исаии. «Поэт, по мысли Пушкина, как и пророк, — замечает митрополит Анастасий, — получает свое помазание свыше и очищается и как бы посвящается на свое служение тем же небесным огнем. Столь же высоки и нравственные обязательства, возлагаемые на него его исключительным дарованием: он должен быть орудием воли Божией («исполнись волею Моей») и своим вдохновенным глаголом жечь сердца людей. На такую высоту религиозного созерцания вознес Пушкина его светлый гений»².

Но, к несчастью, «светлый гений» не всегда властвовал над поэтом. И тяжелые, мучительные сомнения нередко посещали Пушкина, разъедающая дивное совершенство его дарования. Так, в частности, в 1828 году появляются явно упаднические строки:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,

---

¹ *Антоний, митрополит (Храповицкий)*. О Пушкине. М., 1991. С. 4, 5, 6.

² *Анастасий, митрополит (Грибановский)*. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. Минск, 2007. С. 8.

Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум³.

По-видимому, люди, окружавшие Пушкина, не могли оказать ему духовной поддержки. И эту сложную миссию берет на себя митрополит Московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867). Святитель Филарет дает стихотворный ответ на этот, по его определению, «стон потерявшейся души»:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум⁴.

Великий поэт с благодарностью принял протянутую ему пастырскую руку:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

---

³ Антоний, митрополит (Храповицкий). О Пушкине. С. 25.

⁴ Там же.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт⁵.

«По требованию цензора, — уточняет митрополит Анастасий, — Пушкин должен был изменить редакцию последней строфы. Первоначальный ее текст был таков:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует:
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт»⁶.

«Здесь поистине, — пишет митрополит Анастасий, — достойно удивления всё: и возвышенность вдохновенной мысли, и величая торжественность и в то же время искренность, и благородство тона, и глубокое смирение сердца, не боящегося всенародной исповеди в своих заблуждениях и страстях, и, наконец, самая звучность и музыкальность стиха, полного изящной, временами нежной благоухающей гармонии.

⁵ Антоний, митрополит (Храповицкий). О Пушкине. С. 25, 26.

⁶ Анастасий, митрополит (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 53.

Для нас очень важно здесь признание поэта, на которое обратил внимание еще Гоголь в «Избранных местах переписки с друзьями», что он еще в ранней легкомысленной молодости привык внимать «благоуханным речам» митрополита Филарета, врачевавшего «раны» его совести: этим определяется степень влияния последнего на его нравственное развитие. Не менее трогательно его преклонение пред духовной высотой пастыря Церкви, пред его «кроткой и любовной силой», которой тот умирал в нем бурные порывы сердца...

Не забудем, что Пушкин писал «Стансы» в 1830 году, т. е. когда он был уже во вполне зрелом возрасте и находился в зените своей общепризнанной славы. Наша история не знает другого примера подобного литературного состязания между строгим по своим взглядам и мудрым русским архипастырем и свободолобивым гениальным поэтом, в котором последний не только не устыдился признать себя побежденным, но и, как смиренный ученик, с благодарностью лобзал руку своего духовного наставника»⁷.

Но как же блистательно одарен, мудр, образован был сам митрополит Филарет, посчитавший для себя возможным вступить в поэтический диалог с первым поэтом России. В этом эпизоде прослеживается весь сложный жизненный путь святителя, широта его взглядов, желание открыть истинную красоту православия каждому.

Жизнь митрополита Московского Филарета с внешней стороны представляется примером скорой и блестящей карьеры. Сын коломенского протоиерея, Филарет уже в 35-летнем возрасте был рукоположен в епископы, а через четыре года стал митрополитом Московским. Он пользовался уважением и доверием трех императоров — Александра I, Николая I и Александра II, был составителем Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Однако за видимой гладкостью его жизненного пути стоят трагедия непонимания со стороны современников и трудная, честная борьба за торжество правды, открывшейся ему и невидимой другими.

Во многом именно благодаря святителю Филарету появился перевод Священного Писания на русский язык. Святитель доказывал, что церковнославянский текст Библии труден для понимания даже самими церковнослужителями, не говоря уже о малообразованных мирянах.

---

⁷ Анастасий, митрополит (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 54.

В 1816 году, еще будучи архимандритом, ректором Санкт-Петербургской духовной академии, он возглавил работу по переводу Священного Писания на русский язык. Но в 1827 году эту работу было предписано прекратить. Некоторые влиятельные иерархи и государственные деятели усмотрели в самом факте перевода Писания на общепотребительный язык надругательство над святыней: только привычный церковнославянский текст воспринимался как единственно священный.

Усилия святителя наталкивались на стену враждебности и непонимания. Так, еще в 1823 году начал печататься составленный им Катехизис (изложение основ вероучения) с цитатами из Священного Писания и отцов Церкви на русском языке, а также с параллельным русским текстом основных молитвословий. Но в конце 1824 года печатание Катехизиса прекратили. Его возобновления удалось добиться только в 1828 году, но с цитатами исключительно на церковнославянском языке. А работа по переводу Священного Писания на русский язык была продолжена лишь в 1857 году благодаря титаническим усилиям святителя Филарета. Полный перевод Библии увидел свет уже после его кончины. Митрополит Филарет канонизирован Русской Православной Церковью в 1994 году.

Напомню, что А.С. Пушкин любил читать Библию, изучил ее от первой до последней буквы. Вынужденно читал на церковнославянском, но, не понимая многие устаревшие слова и выражения, должен был обращаться к французскому переводу.

Но, наверное, более всего о глубине и серьезности отношения Пушкина к православию говорит стихотворение, написанное по-этом в конце жизни, в 1836 году. В нем уже нет и тени уныния, сомнения, тоски, а есть лишь светлая печаль прикосновения к великой истине:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи⁸.

Мне представляется совсем не случайной любовь Пушкина именно к этой молитве Ефрема Сирина. Сам образ великого подвижника, его жизненный путь, его поучения должны были быть созвучны мятущейся душе поэта и давать надежду на возможное нравственное и духовное исцеление.

Святой преподобный Ефрем Сирин, живший в IV веке, был сыном бедного землевладельца из города Назибии в Месопотамии. Родители воспитывали его в благочестии, но, отличаясь с детства вспыльчивым, раздражительным характером, он в юности часто ссорился с окружающими и совершал необдуманные поступки. Однажды его несправедливо обвинили в краже овец и посадили в темницу. Во сне он услышал голос, призывавший к покаянию и исправлению. Этот Божественный знак, видимо, совершил переворот в мятежной душе юноши. С этого момента начинается трудный путь Ефрема к Богу. Юноша был оправдан, освобожден, после чего удалился в горы и стал отшельником. Затем переселился в монастырь близ города Едессы, где стал усердно изучать Священное Писание. Впоследствии Ефрем написал ряд богословских трудов, множество поучений, песнопений и молитв, самая известная из которых «Господи и Владыко живота моего...», неоднократно повторяемая во время каждого богослужения Великого поста и столь любимая Пушкиным. Василий Великий хотел рукоположить Ефрема во священника, но преподобный счел себя недостойным этого звания и принял лишь сан диакона. Впоследствии Василий Великий приглашал преподобного на кафедру епископа, но смиренный Ефрем отклонил от себя эту честь, удалился в пещеру под Едессой, где и оставался до конца своих дней (ум. 373/379).

Я думаю, проблемы покаяния, искупления греха, способность следовать высоким христианским идеалам в земной жизни особенно

---

⁸ Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 456.

волновали Пушкина. Этому посвящена и драма «Борис Годунов», возможно, лучшее, самое зрелое и глубокое произведение поэта.

Находясь в ссылке в своем имении Михайловское, 25-летний поэт в 1824–1825 годах создает литературный шедевр. Что вдохновляло его больше: прогулки по аллеям парка, чистый, пьянящий псковский воздух, река Сороть, которую он видел из собственного окна, Савкина горка, с которой смотрел поэт в бескрайнюю даль? Скульптор Сергей Тимофеевич Коненков (1874–1971) сказал, что с горки этой видна вся Россия. А может быть, Святогорский монастырь и его добрейший настоятель игумен Иона (1759–?)? Или внимательное изучение «Истории государства Российского» великого историографа Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), так глубоко почитаемого им? Несомненно одно — возможно, впервые в жизни, в уединении, в глуши Пушкин почувствовал себя именно русским, именно православным и как-то по-особому осознал сопричастность народной судьбе.

И вслед за Н.М. Карамзиным мог бы воскликнуть: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими; когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере, я люблю сии времена...»⁹

Время действия пушкинской драмы — 1598–1605 годы, годы правления царя Бориса Федоровича Годунова (1552–1605), «черные годы» в русской истории, годы начала Смуты. Но чтобы полнее понять образ Бориса Годунова, мы должны вспомнить предысторию его царствования.

В 1584 году умирает царь Иоанн IV Васильевич Грозный (1530–1584). На престол восходит его сын Феодор I Иоаннович (1557–1598) и правит с 1584 по 1598 год, вплоть до своей кончины.

Вот как оценивает годы его правления крупнейший специалист по русскому Средневековью Дмитрий Михайлович Володихин: «В царствование Федора Ивановича были совершены великие державные дела: именно при нем Россия присоединила к себе огромные территории в Западной Сибири, выиграла войну со Швецией и вернула значительные территориальные потери прежних времен. Именно при этом царе в Москве была учреждена патриаршая кафедра и возобновилось книгопечатание, на долгое время прервавшееся при Иване IV. У подданных, таким образом, имелись самые серьезные основания

---

⁹ Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь: повести. М., 1988. С. 18.

считать, что их правителя возлюбил Бог. Россия в годы его правления процветала»¹⁰.

Но стоит напомнить, что глубоко набожный, смиренный, незлобивый Феодор Иоаннович, великий молитвенник за Русскую землю, управлял своей державой несамостоятельно. Был ли он слабоволен или, что представляется более достоверным, не хотел применять силу, особенно после жестоких лет правления его отца, но фактически всю полноту власти царь передоверил своему шурину, родному брату любимой жены Ирины Годуновой (1557(?)–1603), — Борису Федоровичу Годунову.

Обратимся к Н.М. Карамзину: «К счастью России, Феодор, боясь власти как опасного повода к грехам, вверил кормило Государства руке искусной — и сие Царствование... казалось современникам милостию Божию, златым веком, ибо наступило после Иоаннова!»¹¹

Царь жалует Борису Годунову древний знатный сан конюшего, титул ближнего великого боярина и фактически делает правителем России. И проявил себя Годунов в эти годы прекрасно. Способствовал основанию первых русских городов в Сибири: Тюмени, Тобольска, Пелыма; строительству новых городов на юге государства: Воронежа, Ельца, Кром, Белгорода и Царицына.

Именно Борис Годунов добился разрешения от константинопольского патриарха Иеремии на учреждение патриаршей кафедры в России. Избранный в 1589 году первый патриарх Московский и всея Руси Иов (ок. 1525–1607), по мнению Бориса Андреевича Успенского, «вошел в число «вселенских» (первопрестольных) патриархов, возглавляющих Вселенскую Церковь»¹². Продолжим цитирование Б.А. Успенского, крупнейшего филолога и историка культуры: «Учреждение патриаршества в Москве в 1589 году было, несомненно, одним из самых значительных событий в истории Русской Церкви. Постановление патриарха завершает реставрацию Византийской империи (в духе концепции «Москва — Третий Рим»); одновременно оно свидетельствует о признании

---

¹⁰ Пушкин А.С. Борис Годунов: подробный иллюстрированный комментарий / текст, коммент., подбор иллюстраций Д. Володихина. М., 2025. С. 28.

¹¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12 / послесл., коммент. А.Ф. Смирнова; грав. Б. Чорикова. М., 2003. С. 209, 210.

¹² Козляков В.Н. Борис Годунов: трагедия о добром царе. М., 2011. С. 108, 109.

восточными патриархами автокефалии Русской Церкви. С появлением патриарха Москва окончательно уподобляется Константинополю как столице Византийской империи: так же, как и в Константинополе, здесь есть теперь и царь, и патриарх»¹³.

Но в 1598 году, не оставив наследника, скончался царь Феодор Иоаннович. Прервался род Рюриковичей, правящий Русской землей по прямой мужской линии с 862 года. Это не значит, что не осталось потомков легендарного Рюрика. Князья Шуйские, Сицкие, Воротыньские, Ростовские, Телятевские, Пожарские и другие были природными Рюриковичами. Но никто из них не входил в правящий до сих пор московский дом Рюриковичей. Это событие вызывает сильнейшую тревогу и растерянность в народе. Возникает мысль о временной передаче власти вдове царя Феодора — Ирине Федоровне Годуновой, а затем ее брату — Борису Федоровичу Годунову. «Древняя византийская традиция, — пишет Д.М. Володихин, — позволяла передать царский венец по родству с женой монарха, но на Руси выглядела сомнительно: русская традиция не предполагала передачи власти по женской линии. Русская традиция предполагала очень большое внимание к родовому, «кровному» аспекту престолонаследия, в то время как византийская основывалась на одобрении общества, армии, Церкви, при наличии которого кровно-родственные нюансы передачи престола отходили на второй план. Поэтому в России переход власти от сестры к брату смущал многих. Его воспринимали как нечто, находящееся на грани мошенничества. Но обилие народных толп, выкликающих имя Годунова, поддержка Церкви и множества вельможных сторонников сделали его царем. Земский собор 1598 года предложил царский венец лишь одному претенденту — Борису Годунову. О возможности выдвижения кого бы то ни было другого даже речи не велось. Однако источники сохранили сведения о глухом ропоте русской знати: многие видели себя возможными претендентами, но им дорога к трону оказалась перекрыта»¹⁴.

«...Борис венчался на Царство еще пышнее и торжественнее Феодора, ибо приял утварь Мономахову из рук Вселенского Патриарха, — пишет Н.М. Карамзин. — Народ благоговел в безмолвии; но когда Царь, осененный десницею Первосвященителя, в порыве живого чувства как бы забыв устав церковный, среди Литургии воззвал громогласно: «Отче,

¹³ Козляков В.Н. Борис Годунов: трагедия о добром царе. С. 287.

¹⁴ Пушкин А.С. Борис Годунов: подробный иллюстрированный комментарий. С. 8.

великий Патриарх Иов! Бог мне свидетель, то в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного» — и, тряся верх своей рубашки, примолвил: «Отдам и сию последнюю народу», — тогда единодушный восторг прервал священнодействие: слышны были только клики умиления и благодарности в храме; Бояре славословили Монарха, народ плакал. Уверяют, что новый Венценосец, тронутый знаками общей к нему любви, тогда же произнес и другой важный обет: щадить жизнь и кровь самых преступников и единственно удалять их в пустыни Сибирские. Одним словом, никакое Царское венчание в России не действовало сильнее Борисова на воображение и чувство людей»¹⁵.

Обратимся к мнению современника Годунова, дьяка Ивана Тимофеева (ок. 1555–1631), автора «Временника»: «В начале своей жизни он во всём был добродетелен. Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для Бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающихся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах; он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов; он много заботился об управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрез меру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями... он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием»¹⁶.

Казалось бы, избрание Бориса Годунова на царство было абсолютно законно. Но нет... По словам Н.М. Карамзина, «если бы родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших Венценосцев в мире; но рожденный подданным, с необузданною страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодною — и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову»¹⁷.

Что же имеет в виду знаменитый историограф? Борис Федорович Годунов — худороден. Для православного и убежденного монархиста

---

¹⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12. С. 333.

¹⁶ Козляков В.Н. Борис Годунов: трагедия о добром царе. С. 6.

¹⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12. С. 212.

Н.М. Карамзина царская власть священна. И право на нее дается лишь при рождении, независимо от личных качеств человека. Конечно, Карамзин писал «Историю государства Российского», преследуя научные цели: познакомить российское образованное общество с историей Отечества. Но не только... Историограф исповедовал и глубоко моральные, я бы даже сказал, учительские цели: показать русским монархам необходимость высоконравственного управления вверенной им страной, ведь именно они избранники Божии. К этой же высокой миссии Карамзин подвигал и весь правящий класс, всю русскую аристократию. Уверен, что именно так рассуждал и Пушкин, который чрезвычайно гордился своим древним родом и неслучайно вывел своего предка Гавриила Григорьевича Пушкина (ок. 1560–1638) в драме «Борис Годунов».

О роде же Годуновых поэт был, по-видимому, невысокого мнения. В уста князя Шуйского он вкладывает весьма обидную для Бориса характеристику:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач...¹⁸

Шуйский вспоминает кровавого опричника Иоанна Грозного Малюту Скуратова (Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский; первая половина 1530-х — 1573), на дочери которого Марии Григорьевне (ок. 1552–1605) был женат Борис Годунов.

«Родословная легенда Годуновых, а вместе с ними и других семейств одного с ними корня — Сабуровых и Вельяминовых, — пишет Д.М. Володихин, — возводит их к общему предку: ордынскому мурзе Чету. Ряд современных исследователей оспаривают достоверность названной легенды. Весьма возможно, все три рода имели чисто русское происхождение, а родословные легенды в условиях допетровской России «украшали» генеалогию рода, но далеко не всегда имели корни в исторической почве. Стоит обратить внимание, что Сабуровы, род боярский, стояли намного выше Годуновых и, очевидно, покровительствовали им. Сабуровых никто бы не назвал ни татарами, ни рабами; они давно и прочно входили в состав русской аристократии. Но злые слова, прозвучавшие в отношении Годуновых, справедливы в одном

---

¹⁸ *Пушкин А.С.* Борис Годунов: трагедия / вступ. ст. С.М. Бонди; примеч. Д.Д. Благого; грав. В.А. Фаворского. М., 2002. С. 19.

отношении: Годуновы — парвенно в ряду старинных родов русской знати. И они рвались наверх, имея на это сомнительные права»¹⁹.

Вернемся к пушкинской цитате. Был ли Борис «в душе палачом»? Можно ответственно утверждать: нет, не был. И хотя он мог быть жесток и несправедлив, чем, безусловно, запятнал годы своего правления, но по сравнению со своими современниками — правителями Средневековья — Годунов был намного более гуманен.

Но есть еще более страшное препятствие законности власти царя Бориса. В 1591 году в Угличе погиб младший сын Иоанна Грозного царевич Димитрий (1582–1591), возможный кандидат на царский трон в случае бездетности царя Феодора Иоанновича. Точная причина его смерти вызывает дискуссию у современных историков, но для Карамзина, а вслед за ним и для Пушкина вопрос очевиден — убийц к юному царевичу направил Борис Федорович Годунов, чтобы расчистить себе дорогу к трону.

Обратимся вновь к Н.М. Карамзину, размышляя о венчании Годунова на царство, он пишет: «Что, по-видимому, могло быть торжественнее, единодушнее, законнее сего наречения? И что благоразумнее? Пременилось только имя Царя: власть державная оставалась в руках того, кто уже давно имел оную и властвовал счастливо для целости Государства, для внутреннего устройства, для внешней чести и безопасности России. Так казалось; но сей человеческого мудростию наделенный Правитель достиг престола злодейством... Казнь Небесная угрожала Царю-преступнику и Царству несчастному»²⁰.

Но разве убийство наследников и даже царей — это единственный случай в русской истории? Разве не свергла с престола и не заточила в крепость малолетнего императора Иоанна VI Антоновича (1740–1764) царица Елизавета Петровна (1709–1762), где он впоследствии и был убит? И не пришла ли к власти путем заговора Екатерина II (1729–1796), фактически унаследовав царство от убитого гвардейцами мужа Петра III (1728–1762)? А ее внук император Александр I (1777–1825) не пришел ли к власти путем дворцового переворота и убийства своего отца Павла I (1754–1801)? Возможно, к самим убийствам они и не были причастны, но плодами их воспользовались без явных угрызений совести.

---

¹⁹ *Пушкин А.С.* Борис Годунов: подробный иллюстрированный комментарий. С. 11.

²⁰ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12. С. 303.

И потомки не ставили им это в вину. Почему же именно Борис Федорович Годунов, человек, обладавший добрыми, истинно христианскими качествами гораздо более других русских правителей, остался в памяти народной как незаконный царь и детоубийца? В этом, на мой взгляд, и есть главная тайна драмы «Борис Годунов».

О чем же пушкинская трагедия? Народ и власть? Да! Русское самозванство? Да, конечно! И еще — значение личности в истории...

Но Пушкин в своем поистине пророческом произведении идет еще дальше, задавшись неразрешимым вопросом: почему один человек угоден Богу, а другой — нет? И тут не имеют прямого значения личные качества человека. Избирает Господь... И выбор Его нам неведом...

Я думаю, что Пушкин проследил в исторической драме три главные линии. Первая линия повествования — Григорий Отрепьев, Самозванец. Беглый монах Чудова монастыря, «и был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота далася ему не от Господа Бога»²¹. У совсем молодого человека нет уже ничего святого. Григорий — это квинтэссенция безверия. Он не только хочет захватить московский трон, не только ведет на Русь «проклятых ляхов», желая разделить с ними все выгоды будущего своего положения, Григорий перекрещивается в католическую веру, предает русское православие и обещает монаху-иезуиту принятие новой веры всей Русью:

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра²².

Но, возможно, Григорий искренен с иезуитом? Вовсе нет. Он открывается лишь Марине Мнишек:

Виновен я: гордыней обуянный,
Обманывал я Бога и царей,

---

²¹ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 39.

²² Там же. С. 73.

Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою²³.

В чем же правда Самозванца — в циничном и наглом безверии, которое он даже не думает скрывать перед гордой и красивой, но, в сущности, такой пустой полячкой?..

Вообще, проблема охлаждения веры была одной из самых острых для современников Пушкина. Образованное общество чувствовало явную остуду к православию, верило скорее по привычке, чем по движению души. Традиционно винили в том век Просвещения, много доброго принесшего России и всё-таки пошатнувшего какие-то важнейшие почвенные основы русского мирознания. Но абсолютно ли это верно?

Пушкин описывает в своей трагедии эпоху конца XVI — начала XVII века. Григорий Отрепьев — воспитанник русской церковной школы, православный монах. Вовсе не поляки, не жадные к миссионерству иезуиты сформировали его духовный мир. Откуда же такая бездна нигилизма в совсем еще юном человеке? Отчасти на этот вопрос отвечает сцена, исключенная из печатной редакции и следовавшая после разговора Григория с Пименом в келье монастыря. Юноша встречается со злым чернецом и жалуется на свою унылую жизнь:

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно:
Только видишь черны ясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь;
Ночью долгою до света всё не спится чернецу,
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят...²⁴

Чернец, не имеющий имени — а это представляется крайне важным, — начинает искушать Григория:

Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?

---

²³ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 87.

²⁴ Там же. С. 135.

Г р и г о р и й. Нет, нисколько.

Ч е р н е ц. Слушай: глупый наш народ
Легковерен: рад дивиться чудесам и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд...
Понимаешь?

(Молчание.)

Г р и г о р и й. Понимаю.

Ч е р н е ц. Что же скажешь?

Г р и г о р и й. Решено!

Я — Димитрий, я — царевич.

Ч е р н е ц. Дай мне руку: будешь царь²⁵.

Путь предрешен. Зло торжествует. Кто же этот искунитель? Монахи, разочаровавшийся в вере, падший ли ангел, принявший на время человеческое обличье, или это адское видение — черная душа Григория? Пушкин задолго до Достоевского показывает схватку Божественного и страшного, происходящую в человеческой душе. Господь, жалея молодого человека, дает ему некое предупреждение — Григорий три раза видит «проклятый сон»:

Мне снилось, что лестница кругая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...²⁶

Какой важный момент, еще не поздно, можно остановиться, но Григорий Отрепьев не внемлет голосу свыше, не желает слушать добрые

---

²⁵ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 136, 137.

²⁶ Там же. С. 32.

наставления старого своего наставника Пимена. Он уже отравлен ядом личного величия, идеей сверхчеловека, карамазовским «если Бога нет, всё позволено» и тем делает первый роковой шаг к своему жуткому, чудовищному концу.

Страшная судьба Григория связывается для Пушкина и со страшной судьбой России — началом Смутного времени. В чем же видит поэт выход? Ответ, мне кажется, очевиден — в православной вере.

Обратимся вновь к митрополиту Анастасию:

«Ранее «Бориса Годунова» (в 1822 году) написаны были его «Исторические заметки», где он в прозаической форме изображает заслуги нашей Церкви и нашего духовенства перед Русским народом. Православная вера навсегда определила по его мнению духовный облик последнего...

«Греческое вероисповедание, — пишет Пушкин, — отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер».

В отличие от западного — католического, составляющего «особое общество», т. е. как бы государство в государстве, наше духовенство жило неразрывной жизнью со своим народом, служа «посредником между ним и государем, как между человеком и Божеством». «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением»²⁷.

Приведу еще один совершенно неизвестный факт. Пушкин в начале 1830-х годов предстает перед нами как исследователь древней агиографии. Он переложил с церковнославянского на современный ему литературный язык древнее Житие Саввы Сторожевского, причем переписал его набело (беловик хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге). Преподобный Савва Сторожевский (?–1407), ближайший духовный ученик и последователь святого Сергия Радонежского (1314–1392), канонизирован в 1547 году. Пушкинское переложение кратко, без описания чудес, связанных с именем святого. Приведем здесь этот небольшой текст, он поможет нам лучше понять образ иеромонаха-летописца Пимена, созданный в «Борисе Годунове».

«Декабрь 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

---

²⁷ Анастасий, митрополит (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 55.

Из Пролога. Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел и, пришед к преподобному Сергию, принял ангельский образ и стал подвизаться, угождая Богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесные блага приять от Господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощью вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святой иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу жара дневного. — Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовью, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностью, изобретательницею всего злаго. Потом некий христоробивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и сумму, нужную на создание оногo, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, вода оное на пажить духовную, и быв некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о Господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братьям заповедал пребывать у игумна в послушании и в повиновении. Наконец дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу в руке Божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив Владыке своему, Христу. Услышав о преставлении святого, князь и бояре, и окрест живущие, и все христоробивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовью на погребение отца, принеся с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честью в им построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, Бога нашего,

угодниками своими и по преставлении их преславные чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь»²⁸.

Но вернемся к исследованию «Бориса Годунова». Вторая важная линия повествования — бесконечно прекрасный, чистый, искренний в вере летописец Пимен.

«На почве расширенного духовного опыта поэта и исторических познаний, — пишет митрополит Анастасий, — родился весь несравненный по красоте духовный и бытовой колорит драмы «Борис Годунов», которую автор считал наиболее зрелым плодом его гения (хотя ему было в то время только 25 лет), и особенно «смиранный и величавый» образ Пимена, которого не могут затмить другие действующие лица драмы. Пимен — это не просто художественное изображение, сделанное рукой великого мастера: это живое лицо, которое трогает, учит и пленяет читателя, подчиняя его своей тихой, кроткой, но неотразимой духовной власти. Он вышел из самого сокровенного горнила творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения, как мать со своим ребенком. Не напрасно он говорит, что «полюбил своего Пимена», плененный сам его духовной красотой. В нем поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе...

Пушкин уразумел своим русским чутьем, что здесь запечатлена от века лучшая часть нашей народной души, видевшей в монашестве высший идеал духовно-религиозной жизни. Ее неутомимая тоска по горнему отечеству находила отклик в его собственном сердце, звавшем его туда, «в заоблачную келию, в соседство Бога самого». Уже одним этим своим чудным и возвышенным образом, вышедшим из народной стихии и снова воплощенным в нее гением поэта, он искупил в значительной степени нравственный соблазн, который он мог посеять вышеуказанными своими легкомысленными произведениями»²⁹.

И наконец, третья, самая трагическая линия пушкинского рассказа — образ царя Бориса Федоровича Годунова. Правление Годунова, глубоко, истово верующего, омрачено чудовищными бедствиями: трехлетним страшным голодом, моровой язвой, безвременной кончиной жениха

---

²⁸ Ковалев К.П. Савва Сторожеский. Жизнеописание: факты и мифы, предания и гипотезы. М., 2008. С. 317, 318.

²⁹ Анастасий, митрополит (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. С. 22, 23.

любимой дочери царевны Ксении принца Иоганна Шлезвиг-Гольштейнского и, что самое ужасное, появлением Самозванца и началом Смуты. Все эти беды Борис связывает с гневом Божиим за злодейское убийство маленького царевича Димитрия в Угличе. Народ не любит царя, связывая с ним все беды, происходящие на Руси. Незаконно захваченная власть становится непосильна для Годунова. Мучимый совестью во все года своего правления, царь Борис, не перенеся столь великого греха и зная невозможность искупить его добрыми делами, в 53-летнем возрасте умирает.

Очень важным мне представляется первое появление Бориса Годунова. Он предстает перед читателем в момент искренней молитвы, обращенной к патриарху и боярам, пришедшим звать его на царство:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам —
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты³⁰.

В словах молитвы Годунова невозможно усмотреть и тени фальши. Он верен памяти усопшего царя Феодора Иоанновича, любит свой народ и, конечно, желает ему лишь блага. Борис верит в Бога. И к нему он тоже обращается с открытым сердцем. Годунов верит в свои силы, в свою богоизбранность, в возможность долгого и счастливого царствования.

И что же может ему помешать? Ответ на этот вопрос представляется истинно мистическим, но ведь и Пушкин был мистиком — Господь не полюбил Бориса, не избрал его своей «угодой»! И грешный царь это вскоре осознает. Перечисляя все многочисленные благодеяния,

---

³⁰ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 25, 28.

которыми он успел наградить свой народ за пять лет царствования, Борис в тоске восклицает:

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе³¹.

В погоне за троном Годунов надеялся «перешагнуть» через «кровь невинного младенца», но христианская душа не дает ему покоя:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста³².

И всё-таки Пушкин сострадает своему герою. Как же, воскликнете вы, это возможно? Ведь самый гармоничный, абсолютно положительный образ трагедии — Пимен — является его ярким хулителем. Он впрямую обвиняет Бориса, говоря:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе царевубийцу
Мы нарекли³³.

---

³¹ Пушкин А. С. Борис Годунов: трагедия. С. 42.

³² Там же. С. 43.

³³ Там же. С. 36.

Но Пушкин никогда не был бы Пушкиным, если бы не «призывал милость к падшим». В каком-то смысле поэт милосерднее доброго и смиренного старца. Подчеркивая очистительные страдания царя Бориса в конце жизни, он дает ему упокоиться на руках сына Феодора, которого Годунов безмерно любил, принять схиму и отойти к своему Небесному Отцу. И лишь Небесный Судия вправе вынести ему справедливый приговор.

Но необходимо вспомнить и два кульминационных эпизода трагедии, через которые Пушкин безжалостно проводит своего героя. Душевные муки и раскаяние Годунова примиряют читателя с грешным царем.

Это исполненный дивной прелести рассказ патриарха Иова о чуде на мощах усопшего царевича Димитрия. Пушкин впервые в светской русской литературе поднимается на невиданную высоту духовного рассказа. Пред нами встает картина столь умилительная и совершенная, что она достойна была бы пера великого летописца древности. Слепому старцу — пастуху — является во сне ангел-царевич и зовет его в Преображенский собор в Угличе, обещая исцеление. Влекомый только искренней верой, старик отправляется в путь:

Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: «Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия». И мальчик
Повел меня — и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку³⁴.

Царь слушает сей рассказ в присутствии бояр, он смущен, растерян, «несколько раз отирает лицо платком»³⁵. В завершение сцены, по уходе Бориса, один боярин в тревоге обращается к своему товарищу:

---

³⁴ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 97.

³⁵ Там же.

Заметил ты, как государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал?³⁶

И тот отвечает:

Я — признаюсь — не смел поднять очей,
Не смел вздохнуть, не только шевельнуться³⁷.

Терзаемый явными муками совести, Годунов, кажется, близок уже к полному раскаянию, публичному признанию своей вины...

Вторая сцена душевных страданий Бориса не менее потрясающе выписана Пушкиным. Это явление юродивого Николки и его страшные, обличающие слова:

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода —
Богородица не велит³⁸.

Годунов потрясен, мучается, казнит себя и вскоре, по повествованию, умирает.

Образ Николки очень важен для Пушкина. Блаженный говорит голосом Бога, голосом тихой, смиренной народной совести. И потому его маленькая, невзрачная фигура вырастает до исполинских высот библейского пророка. Поэт, рисуя своего юродивого, конечно, опирается на рассказ Н.М. Карамзина о другом святом праведнике — Николе Салосе, который своим смелым пророческим обличением жестокосердного тирана Иоанна Грозного спас от страшного разорения Псков. Старец «предложил Иоанну в дар... кусок сырого мяса; что Царь сказал: «Я Христианин и не ем мяса в Великий Пост», а пустынный ответствовал: «Ты делаешь хуже: питаешься человеческой плотию и кровию, забывая не только Пост, но и Бога!» Грозил ему, предсказывал несчастья и так устрасил Иоанна, что он немедленно выехал из города; ...и как бы невольно пощадив Ольгину родину, спешил в Москву...»³⁹

---

³⁶ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 98.

³⁷ Там же. С. 99.

³⁸ Там же. С. 108.

³⁹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12. С. 72.

Сколь изумительные примеры русского подвижничества показал Пушкин в своей трагедии! Прикоснулся к истории государства Российского, сохранившего еще дореформенную, глубокую веру. На читателя как будто давят пудовые вериги юродивого, он идет по морозной московской площади вслед за царем Борисом в Покровский собор, молится, кается, ищет ответы на главные вопросы бытия... Все пушкинские герои живые, полнокровные, за ними миры...

У Пушкина удивительный финал трагедии. Бояре без суда задушили юного царя Феодора Борисовича Годунова (1589–1605), которому так недавно присягали, и его мать царицу Марию. Один из бояр — Мосальский — выходит к народу, лживо рассказывает об их самоубийстве и требует кричать здравицу царю Димитрию Ивановичу. Следуют великие слова: «Народ безмолвствует»⁴⁰. Но это совсем не молчание рабов, застывших в испуге пред грозным господином. Это красноречивое молчание, кричащее молчание... Народ не желает участвовать в кровавом убийстве. Живая совесть народа взирает на бесчинства бояр. Именно из этой массы людей выдвинется впоследствии Кузьма Минин (1562/1568–1616) с пламенным призывом постоять за Русскую землю, сбросить с себя ненавистное иго Смуты — вероломных поляков и предателей-бояр. И люди поднимаются и почувствуют себя нацией.

* * *

Приступая к работе над «Борисом Годуновым», я очень много прочитал. Собственно, всё написанное выше — это плод моих многолетних размышлений над гениальным пушкинским произведением и подготовка к самому иллюстрированию. Впервые я стал работать над «Борисом Годуновым» в 2005 году, создавая станковые, большого размера акварели, которые предназначались для моих персональных тематических выставок в музеях России, которых за эти 20 лет прошло немало. О создании полноценной книги с моими иллюстрациями я тогда не задумывался. И только в 2024 году в издательстве «Редкая книга из Санкт-Петербурга» (издатель Петр Геннадьевич Суспицын) был подготовлен уникальный фолиант в единственном экземпляре, большого размера 54 × 38 × 5 см, с рукописным текстом, написанным каллиграфом Денисом Валерьевичем Лотаревым, и 25-ю моими полосными

---

⁴⁰ Пушкин А.С. Борис Годунов: трагедия. С. 133.

иллюстрациями, а также множеством орнаментов, заставок и концовок в тексте, исполненных в технике акварели, темперы, золочения.

В настоящее время я полностью погружен в работу в том же издательстве над новым прочтением гениальной трагедии Пушкина. Макет книги совершенно иной. Вместо полосных иллюстраций предполагается создать 10 диптихов в технике офорта, иллюминированных акварелью. Это абсолютно новаторское решение, никогда еще «Борис Годунов» не иллюстрировался подобным образом. Предполагаемый тираж 30 экземпляров. Поэтому от каллиграфического текста пришлось отказаться — текст предполагается наборный. Процесс работы над изданием очень сложен. И результат пока весьма неочевиден. Но молимся и надеемся...

К своим иллюстрациям я еще вернусь, а пока перечислю некоторых художников, в разные годы создававших зримые образы пушкинских героев: Степан Филиппович Галактионов (1779–1854), Григорий Григорьевич Мясоедов (1834–1911), Василий Григорьевич Перов (1833–1882), Василий Иванович Суриков (1848–1916), Клавдий Васильевич Лебедев (1852–1916), Василий Николаевич Масютин (1884–1955), Василий Иванович Шухаев (1887–1973), Борис Васильевич Зворыкин (1872–1942), Владимир Александрович Свительский (1904–1937), Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964), Евгений Адольфович Кибрик (1906–1978), Владимир Николаевич Минаев (1912–1993), Анатолий Григорьевич Слепков (род. 1937).

По-видимому, первую известную иллюстрацию к трагедии «Борис Годунов» — «Сцена в келье» — в 1827 году (еще при жизни А.С. Пушкина) создал С.Ф. Галактионов в технике гравюры резцом на меди, по собственному рисунку (оригинал: сепия, тушь, кисть)⁴¹. Иллюстрация была напечатана в «Невском альманахе» за 1828 год. Перед зрителем предстает почти идилическая картина: убеленный сединами старец, удобно сидя за столом, при свете свечи пишет «последнее сказанье»⁴². Он расположен в центре изображения, освещен ярким светом, исходящим, кажется, от лампы пред образом Богородицы. Григорий располагается в правом нижнем углу гравюры. Молодой инок спит, его лицо светло, мечтательно и не омрачено еще страшным пророческим сном.

⁴¹ А.С. Пушкин в изобразительном искусстве. Альбом репродукций / сост. и вступ. ст. Э. Гальпериной. М., 1961. Ил. 56.

⁴² А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. В 2 т. Т. 1: Каталог-справочник. М., 1987. С. 9.

Всё изображение проникнуто гармонией и покоем, которые распространяет вокруг себя чудный старец. Ведь именно затем и уходят из мира в монастырские кельи...

Художник явно работал с удовольствием и полюбил своего Пимена. Одно лишь замечание: русский монашеский быт XVII века был ему совершенно незнаком. Кельи монастырей были, конечно, маленькими, тесными и, увы, темными; потолки — низкими. Распятие, стоящее на столе, — это чисто католический атрибут. И икон в божнице бывало гораздо больше. Да и голова иеромонаха, скорее всего, была покрыта скуфеейкой.

Обратимся теперь к трем великим передвижникам — Г.Г. Мясоедову, В.Г. Перову и В.И. Сурикову, — в разные годы прикоснувшимся к пушкинской драме.

Г.Г. Мясоедов в 1862 году пишет живописное полотно «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе»⁴³, за что получает большую золотую медаль Академии художеств, где он учился. Напомним, что именно Г.Г. Мясоедов был одним из основателей Товарищества передвижных художественных выставок. В этой ранней работе художник, отказавшись от изображения античных и библейских сюжетов, проявляет неподдельный интерес к отечественной истории, к простой народной русской жизни. И пушкинский сюжет как никакой другой отвечает этой задаче. Ничего не приукрашивая, Г.Г. Мясоедов пишет темную, плохо освещенную горницу в корчме на литовской границе. Картина как бы разделена надвое. Справа в страшном испуге застыла группа лиц. Образы весьма выразительны и написаны мастерски. Странствующие нищие монахи Варлаам и Мисаил ошарашены внезапно открывшейся правдой: их случайный попутчик оказывается беглым иноком Чудова монастыря, изменником — Гришкой Отрепьевым. За их спинами один из приставов, который должен арестовать Григория, и хозяйка корчмы. Вся группа застыла, парализованная ужасом. В левой части картины изображен молодой человек в белой рубашке, который стремится выпрыгнуть в окно. Это и есть государственный преступник, называющий себя чудом спасшимся царевичем Димитрием, младшим сыном Иоанна Грозного. Второй пристав делает слабую попытку задержать беглеца, но силы слишком неравны. Григорий настроен решительно, он

---

⁴³ А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. В 2 т. Т. 2: Альбом. М., 1987. Ил. 190.

уже вытащил нож и не желает сдаваться на милость властей. Обуянный гордыней, юноша уже определил себе великую судьбу и направляется в Литву, чтобы опереться на помощь польского короля и шляхты. Г.Г. Мясоедов создает правдивые образы малограмотных, вечно пьяных монахов и приставов, даже не умеющих прочесть важную грамоту о поимке беглого преступника. Этим людям с простыми крестьянскими лицами противостоит молодой, исполненный страстных порывов и желаний, дерзновенно устремленный к великим целям будущий Лжедмитрий I.

В.Г. Перов в 1879 году обращается к образу Пимена⁴⁴. Возможно, художник задумывался о создании большого живописного полотна, но дальше карандашного наброска не пошел. Образ иеромонаха создан уже вполне реалистично, со знанием исторического материала. Пимен пишет летопись очень внимательно, задумываясь над каждой фразой, осознавая свою ответственность перед потомками. В.Г. Перов, не изменяя своей реалистической манере, передает серьезные раздумья и сосредоточенность Пимена его позой: монах, склоненный над рукописью, левой рукой поддерживает голову. По прикрытым глазам, как бы замедленному письму видно, что старец устал, видимо, писал уже всю ночь. Художник обращает внимание зрителей на левую руку иеромонаха с натруженными, искривленными пальцами. В этой старческой руке ясно читается долгая трудная жизнь подвижника.

Прикоснулся к пушкинским образам и гениальный В.И. Суриков. В 1898 году художник создает рисунок углем «Прощание Бориса с сыном»⁴⁵. На фоне множества икон, висящих на стене, стоит кресло, в котором сидит умирающий царь. Он держит за руку склонившегося к нему сына Феодора, которому должен успеть дать последний наказ. Красивый, благообразный сын скорбит о безвременном уходе отца. Но в лице его художник передает и иные чувства — чувства растерянности, робости, ведь в эту минуту отец не просто прощается с любимым сыном, а передает ему завет об управлении государством. После кончины Бориса Федоровича Годунова на трон должен взойти юный Феодор Борисович Годунов. Но по Сеньке ли шапка? В.И. Суриков ясно показывает, что юноша совершенно не готов к подобной роли. Его лицо явно выражает невозможность принятия на себя ответственности за огромную страну. Феодор приложил левую руку к сердцу, умоляя отца

---

⁴⁴ А.С. Пушкин в изобразительном искусстве. Альбом репродукций. Ил. 57.

⁴⁵ Там же. Ил. 58.

избавить его от подобной участи. В лице самого умирающего Годунова тоже заметна растерянность. Но, собрав последние силы, он настаивает, что царский престол должен быть занят Феодором. В.И. Суриков, несколько изменяя своей реалистической манере, рисует Бориса несоответственно маленьким, подчеркивая всю слабость, беспомощность уходящего царя, бессмысленность надежды на счастливое продолжение династии Годуновых на российском престоле. Возможно, это не лучшее произведение мастера русской исторической трагедии. Но невозможность человеческими усилиями изменить волю Божью В.И. Суриков сумел зримо показать. Сколько бы ни надеялся отец на счастливую жизнь любимого сына, страшный конец уже предрешен.

В 1880 году в Москве издается альбом памяти А.С. Пушкина. В него вошли две работы К.В. Лебедева к «Борису Годунову»: «Сцена у фонтана» и «Кончина царя Бориса» (названия мне неизвестны, в источниках я их не нашел и даю произвольно)⁴⁶.

Обе литографии, созданные в традиционной академической манере, изобилуют многочисленными, любовно выписанными деталями. Что бы ни изображал художник — прекрасный парк в замке воеводы Мнишка со статуей и фонтаном, кремлевские палаты с расписными потолком и стенами, изразцовый печью, огромным персидским ковром на полу, костюмы многочисленных персонажей, — всё прорисовано внимательно, с большим старанием. Но невольно закрадывается мысль: что же в первую очередь волнует художника — богатая материальная культура прежней эпохи или сложный внутренний мир героев? И тут нелишне привести цитату из «Московских ведомостей» (1880. № 185) по поводу изданного альбома: «Пушкин, по-видимому, не производил никакого впечатления на художников альбома. Они не вдумывались, не вглядывались в него. Иначе нам нельзя объяснить себе необыкновенного равнодушия, с которым отнеслись они к своим сюжетам, и необыкновенно прозаический выбор этих сюжетов... Для того, чтобы читать поэтов, нужно не просто знать грамоте, но воспитывать в себе чувство и понимание прекрасного. Воспитано ли это чувство в современных художниках? Воспитывают ли они его в себе сами? В этом можно сомневаться. Особенно посмотрев альбом памяти Пушкина»⁴⁷. Я не уверен абсолютно, что данная оценка подходит именно К.В. Лебедеву.

⁴⁶ А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. В 2 т. Т. 2: Альбом. Ил. 191, 192.

⁴⁷ Там же. Т. 1: Каталог-справочник. С. 145.

Но вот к большому количеству художников XX и XXI веков, считающих себя с А.С. Пушкиным «на дружеской ноге» (невольно вспоминается хрестоматийный Иван Александрович Хлестаков), без необходимого пиетета и глубокого знания его произведений, я бы отнес сию цитату с удовольствием. Многих из них мне хочется спросить: «А имеете ли вы моральное право прикасаться к гению? Обладаете ли вы достаточными знаниями и культурой?» Но это вопрос, конечно, риторический...

К 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 100-летию создания «Бориса Годунова» за границей были подготовлены три издания: в 1924 году в Берлине выходит книга на немецком языке с иллюстрациями В.Н. Масютина, в 1925 году в Париже — на французском языке с иллюстрациями В.И. Шухаева, в 1927 году в Париже — на французском языке с иллюстрациями Б.В. Зворыкина.

Все три художника были эмигрантами, покинувшими Советскую Россию после революции 1917 года. Но глубокая любовь к оставленной родине, желание познакомить западную публику с величайшим произведением русской литературы, безусловно, прослеживается в их творениях.

Издания «Бориса Годунова» на иностранных языках, о которых я пишу, являются сегодня подлинными раритетами, библиографическими редкостями. Сами эти книги я, к сожалению, никогда не видел. Произведения В.Н. Масютина и В.И. Шухаева известны мне лишь по отдельным иллюстрациям в альбомах. А работы Б.В. Зворыкина стали невероятно популярны в России в 2000-е годы, выпущено уже несколько красивых подарочных изданий. В моей библиотеке их три, я буду описывать издание 2008 года.

Из созданных В.Н. Масютиным 14-и иллюстраций в технике гравюры на дереве, ксилографии, мне знакома лишь одна — «Кончина Бориса Годунова»⁴⁸. Четыре персонажа пушкинской трагедии объединены художником в единое целое. Падающий в предсмертный миг царь Борис, пытающийся подхватить его, стоящий на коленях царевич Феодор, поддерживающая голову мужа царица Мария и протягивающий крест для последнего, предсмертного целования патриарх Иов. Все четыре фигуры захвачены, кажется, неистовым ветром, и очень скоро поднявшийся исторический вихрь унесет всех четверых. И если царевич

---

⁴⁸ А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. В 2 т. Т. 2: Альбом. Ил. 196.

Феодор, царица Мария и патриарх Иов еще не знают своей горькой судьбы, то лик Бориса уже нездешний, надмирный: царь, оставляя всё земное, отправляется к своему Небесному Судии.

Для книги «Борис Годунов» В.И. Шухаев создает 18 цветных иллюстраций в технике гуаши, туши, белил. Манера, используемая художником, определяется искусствоведами как отсылка к русской иконописи XVII века. Думаю, что это определение не вполне верно. В.И. Шухаев был художником, исповедовавшим принципы неоклассицизма, участником движения «Мир искусства». В его работах, созданных еще в России, до революции, не видно никакого налета религиозности. Вспомним знаменитый автопортрет в образе Пьеро. И вдруг за границей, в эмиграции, художник решает иллюстрировать драму Пушкина в совершенно несвойственном ему художественном стиле. И получается некий синтез из иконописи и народной картинки. Некий лубок, довольно примитивная стилизация. Да, В.И. Шухаев знает приемы иконописания и умеет их использовать. Но это лишь примат приема. Главным — духовным содержанием изображаемого — художник совершенно не озабочен. Допускаю, что сама пушкинская драма, сложные исторические и мировоззренческие проблемы, поднимаемые великим поэтом, не слишком волновали В.И. Шухаева. Но он считал своим долгом познакомить западного читателя с русским гением. Поэтому сознательно ушел от своей творческой манеры, предпочитая ей псевдорусский стиль.

Рассмотрим образ царя Бориса на фронтисписе книги⁴⁹. Пред нами лицо татарского хана, с огромными черными глазами, тонкими усиками, маленькой бородкой и пробивающейся сединой в смоляных волосах. В.И. Шухаев подчеркивает ордынское происхождение Годунова. И шапка Мономаха, увенчанная крестом, не делает образ царя более русским. Этим изображением художник отрывает царя Бориса от русской, корневой почвы, сразу заявляет как некое инородное тело на российском престоле. Столь явная негативная характеристика Бориса Годунова представляется мне спорной.

Б.В. Зворыкин — известный и любимый многими художник, мастер так называемого «русского стиля». В 1915 году он наряду с художниками Иваном Яковлевичем Билибиным (1876–1942), Виктором Михайловичем Васнецовым (1848–1926), Михаилом Васильевичем

---

⁴⁹ А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации. В 2 т. Т. 2: Альбом. Ил. 197.

Нестеровым (1862–1942), Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947), а также архитекторами, искусствоведами, литераторами, общественными и церковными деятелями стал учредителем «Общества возрождения художественной Руси». Члены созданной организации понимали свою задачу как распространение в народе глубоких знаний о древнерусском искусстве. Художники, члены Общества, оказали на Б.В. Зворыкина очень сильное художественное влияние, в особенности И.Я. Билибин и В.М. Васнецов. Древнерусское искусство, которым так восхищались последние, приобрело в их работах некий налет былинности, сказочности. Русская старина в их произведениях представляла мечтой об утерянном граде Китеже. Именно эту линию в изобразительном искусстве и поддерживал Б.В. Зворыкин.

Книга «Борис Годунов» с иллюстрациями художника богато украшена, нарядна, празднична, безусловно, нравится читателям. Я не уверен, что иллюстрации отвечают сложному трагическому тексту А.С. Пушкина, но, видимо, этого и не требовалось. Б.В. Зворыкин много работал над сказками поэта: в 1903 году выходит «Сказка о золотом петушке», в 1915 году — «Сказка о медведихе». И наконец, уже в эмиграции, в Париже, в 1925 году издан сборник на французском языке «Золотой петушок и другие сказки», в который вошли: «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Допускаю, что в определенном смысле эти пушкинские сказки и «сказание» о трагическом царе Борисе для западных издателей соединились в одно целое.

Книга «Борис Годунов» получилась у художника подчеркнута русской, с интересными орнаментальными заставками, концовками, богато украшенными золотыми куполами, крестами и шестикрылыми серафимами. Есть в заставках и имперский герб с двуглавым орлом, и образ Георгия, побеждающего змия. Все герои красивы и величественны. Борис Годунов, с тонким, вытянутым лицом, со смоляными с проседью волосами, привлекает своей чуть усталой мужской красотой. Кстати Б.В. Зворыкин не показывает его на смертном одре — это явно лишнее, у художника-эмигранта и так слишком много проблем, чтобы еще оплачивать несчастного царя.

Зато как прекрасна Марина Мнишек. Польская часть смотрится весьма выигрышно. Обычно иллюстраторы не уделяют этой части драмы должного внимания, но у Б.В. Зворыкина она вполне хороша.

Отдавая должное несомненному таланту художника, я всё же не могу согласиться с трактовкой одной из его иллюстраций: сценой рассказа патриарха Иова о чуде исцеления слепого пастуха на мощах царевича Димитрия в Угличе⁵⁰. Годунов изображен художником в страшной панике от услышанного. Образ, созданный Б.В. Зворыкиным, выглядит несколько карикатурно. Да, Годунов потрясен, мучается, но тут изображен какой-то панический ужас. И почему при этом патриарх одет в схиму — совершенно неясно. Чтобы еще больше напугать царя Бориса? Напомнить ему о неминуемой и скорой смерти? Известно, что русские правители перед кончиной во искупление грехов принимали схиму. Подобная судьба ждет и Годунова. Но ведь патриарх Иов хотел своим рассказом поддержать и успокоить царя, которого искренне любил и почитал. Кстати, на иллюстрации, показывающей патриаршские палаты в Чудовом монастыре, Б.В. Зворыкин одевает Иова подобающе: в белый патриарший клобук и мантию⁵¹.

Интересно, что в своих иллюстрациях, видимо, тоскуя по России, художник делает явные отсылки к хрестоматийным картинам русских мастеров. Иллюстрация «Призвание народом Бориса Годунова на царство»⁵² отсылает внимательного зрителя к «Боярыне Морозовой» В.И. Сурикова: странник-старовер с посохом, девушка в оранжевом платке, склонившая голову, за ней монашенка в черном, юродивый в веригах, старушка-нищенка на коленях, священник в дорогой шубе и собольей шапке, шустрый мальчишка, забравшийся высоко над толпой, — все до боли знакомые образы. Уверен, что, находясь на чужбине, Б.В. Зворыкин хотел подчеркнуть свою корневую принадлежность родной земле, а может быть, и напомнить эмигрантам столь любимые с детства образы. Это же относится к иллюстрации в конце книги, на которой изображен Пушкин, обращающийся с амвона к народу⁵³. На переднем плане привлекает внимание старец с заплечным мешком и посохом — это явная отсылка к «Святой Руси» М.В. Нестерова, к образу Амвросия Оптинского.

В 1936 году в издательстве «Academia» (Москва, Ленинград) выходит «Борис Годунов» с 16-ю иллюстрациями В.А. Свительского в технике прорезного рисунка. Издание подчеркнуто аскетичное,

⁵⁰ Пушкин А.С. Борис Годунов / ил. Б. Зворыкина. М., 2008. С. 97.

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² Там же. С. 17.

⁵³ Там же. С. 130.

совершенно лишённое ненужного украшательства, при этом подготовленное с большим тщанием и вниманием к пушкинскому замыслу — в книгу даже вошли две сцены, исключённые из печатной редакции: «Ограда монастырская» (следовала после сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и «Замок воеводы Мнишка в Самборе» (следовала после сцены «Краков. Дом Вишневецкого»).

Иллюстрации решены В.А. Свитальским в черно-белой гамме, лишь в некоторых художник прибавляет терракотовый цвет. За явной стилизацией и поиском своего языка прослеживается любовь к книжности, прекрасное знание средневековой миниатюры. Герои трагедии кажутся несколько отстранёнными, неживыми, неполнокровными. Художник лишь силуэтно намечает их. И в этом, как мне кажется, очень большая задумка — не рассматривать красивые картинки, а вчитываться в гениальный текст. В.А. Свитальский лишь чуть-чуть намечает, слегка помогает увидеть столь замечательно выписанные А.С. Пушкиным образы.

И не могу не остановиться на двух иллюстрациях, практически не встречающихся у других авторов. Первая — «Кончина Бориса Годунова»⁵⁴. Художник изображает царя Бориса на смертном одре, успевшего принять схиму. Образ восхищает иконописной красотой, умиротворением, видимой гармонией. Всё земное уже оставило Годунова. Символы правителя России, скипетр и держава, покоятся на полу — они уже не имеют никакого значения для идущего к Богу Бориса. А над усопшим склоняются в едином движении скорбящие царица Мария, царевна Ксения и царевич Феодор. В этой дивной, наполненной уже надмирным светом композиции я вижу истинную иконопись. Не букву, но смысл, духовную суть религиозного осмысления мира.

Вторая иллюстрация, представляющаяся мне чрезвычайно удачной, — «Убийство царя Феодора Борисовича Годунова и его матери царицы Марии»⁵⁵. Ни сам момент жестокого убийства молодого, совсем недавно венчанного царя и его матери, ни кровавых убийц — предателей-бояр — В.А. Свитальский не изображает. Пред нами вновь образ вполне иконописный. В нижней части изображения — лежащие Феодор и царица Мария. У обоих сложены руки, как в момент отпевания. Но истинного церковного отпевания несчастным героям не суждено

---

⁵⁴ *Пушкин А.С.* Борис Годунов / рис. В. Свитальского. М. ; Л., 1936. С. 129.

⁵⁵ Там же. С. 143.

испытать. Злодеи-убийцы бросили их где-то в глухих подвалах Кремля. И уже в маленьком клейме, в правой части изображения, боярин лжет собравшемуся народу об их самоубийстве. Несчастные мать и сын, кажется, всеми оставлены, брошены, забыты... Но нет — с ними Бог! Из маленького узкого оконца направляет художник на безвинно замученных героев два луча. И можно не сомневаться, что Бог увидел их кончину и осиял их ярким Фаворским светом.

После издания «Бориса Годунова» в 1936 году в «Academia» проходит 20 лет, и в 1956 году в СССР выходит издание трагедии А.С. Пушкина с иллюстрациями В.А. Фаворского, ставшее каноническим. Я вырос на этой книге, которая вместе со «Словом о полку Игореве» с иллюстрациями того же художника была в 1960–1970-е годы в библиотеке каждого культурного человека. Это и не удивительно, ведь подобные книги издавались в СССР огромными тиражами. В моем собрании — второе издание, «пересмотренное» (так напечатано в книге), 1960 года, зачитанное и засмотренное до дыр. Но это и понятно — я читатель, а не коллекционер. Книга воистину великолепна. Кроме гениального пушкинского текста и великих иллюстраций В.А. Фаворского прекрасен сам макет книги, созданный чрезвычайно талантливо: с большими полями, внимательной продуманностью и к набору текста, и к печати иллюстративного материала. Чрезвычайно важно еще, что издание было снабжено подробной историко-литературоведческой статьей Дмитрия Дмитриевича Благого (1893–1984). Конечно, сегодня далеко не со всеми пассажами крупнейшего советского филолога можно согласиться. Но для того времени его многостраничный труд был необыкновенно важен: он знакомил пытливого читателя со сложной историей царствования Бориса Годунова, тяжелейшим периодом русской Смуты начала XVII века, объяснял многие «темные» места пушкинской трагедии — и тем самым приближал образы действующих лиц драмы к читателям.

Но обратимся к художнику книги В.А. Фаворскому. Я не являюсь учеником этого великого мастера, никакого художественного влияния на мое творчество он не оказал. И тем не менее, говоря о нем, я испытываю истинный пиетет.

Почему же так происходит? Какая загадка, какая тайна скрыта в этих маленьких гравюрах (художник работал в технике ксилографии — гравюры на дереве)? Почему при внимательном всматривании они вдруг вырастают до исполинских размеров? И кажется, что ты уже видишь Красную площадь, запруженную народом, нехватную взглядом.

И юродивый в железном колпаке обличает царя Бориса. И грешный Годунов почти готов упасть, не в силах перенести муки совести. Небольшая гравюра, а за ней мира...⁵⁶

Когда мы говорим о художнике «гений», то представляем как минимум В.И. Сурикова с его грандиозной «Боярыней Морозовой». Но почему же так волнуют нас эти маленькие по размеру иллюстрации к пушкинскому шедевр? Я думаю, ответ очевиден: В.А. Фаворский — это чудо, посланное нам Богом. И его родословная тому подтверждение.

Обратимся к искусствоведу Юрию Яковлевичу Герчуку (1926–2014): «Владимир Андреевич был москвич, родился здесь 15 (2) марта 1886 года. В Москве он жил и умер. В роду его отца было несколько поколений... сельских священников в Нижегородской губернии. Фамилия их была Епифановы, и только дед художника, Евграф Андреевич, вместе со своим братом Максимом получили при поступлении в семинарию более звучную фамилию — Фаворские (от евангельской горы Фавор). Дед, не доживший до рождения внука Владимира, был священником в большом селе Павлове на Оке, знаменитом центре слесарных промыслов. А сын его, Андрей Евграфович, стал адвокатом. В конце девяностых годов Андрей Евграфович представлял Нижегородскую губернию в Государственной думе. Обосновавшись в 1882 году в Москве, он не терял связи со своим родовым гнездом, а позднее, купив ниже села землю, построил на ней хутор или небольшую усадьбу Епифановку»⁵⁷.

Сколь много дала будущему художнику Нижегородская земля, сердце России, в которой он подолгу пребывал ребенком, В.А. Фаворский не раз вспоминал в старости. И не кажется ли вам промыслительным, что именно такую фамилию дали деду художника его мудрые наставники? Ведь Иисус впервые явил ученикам свою Божественную сущность, просияв надмирным светом на горе Фавор. Я уверен, что дивный Фаворский свет коснулся своими лучами и художника, ставшего истинным русским чудом.

И еще одна цитата. Искусствовед Михаил Владимирович Алпатов (1902–1986) пишет: «...в формировании Фаворского как художника большую роль сыграла русская школа. С глубоким благоговением он вникал в мир древнерусской живописи, новгородской иконописи XV века и Андрея Рублева, в это искусство благородной простоты

---

⁵⁶ *Пушкин А.С.* Борис Годунов. 2-е изд., пересмотр. / послесл. и примеч. Д. Благого; грав. В. Фаворского. М.; Л., 1960. С. 106, 107.

⁵⁷ *Герчук Ю.Я.* Фаворский. М., 2018. С. 7.

и духовной силы. Среди русских мастеров XIX века ему близко лирическое дарование А. Венецианова, строгая классика Александра Иванова, опыты возрождения мозаики М. Врубеля. Устанавливая художественную генеалогию Фаворского, не следует забывать и русской художественной литературы от Пушкина до Чехова, и это не только потому, что Фаворский иллюстрировал русских авторов, но прежде всего потому, что всё его искусство проникнуто духом русской литературы. Она воспитала его нравственное самосознание, эстетические взгляды и художественный вкус»⁵⁸.

«Поэзия Пушкина для Фаворского всегда была олицетворением России», — пишет многолетний собеседник художника и чуткий исследователь его творчества Юрий Яковлевич Халаминский (1923–1975)⁵⁹.

Мне кажется, что самой лучшей, я бы сказал, главной иллюстрацией В.А. Фаворского к «Борису Годунову» стала «Смерть Бориса»⁶⁰. Умиравший царь полулежит на высоком кресле, а у ног его на коленях замер царевич Феодор. Столько горя, столько неизбывного горя в лице грешного царя. Левой рукой он опирается на подлокотник, а правую руку силится поднять, возможно, желая в последний раз благословить любимого, столь рано оставляемого сына. Художник поднимается на невиданную высоту изображаемой трагедии. Но как он милосерден — кажется, ни один другой иллюстратор не сострадал так сильно несчастному Борису. В.А. Фаворский вслед за А.С. Пушкиным истинно добр и «милость к падшим» призывает... В этом проявляется вся его замечательная личность, «святоотеческая ласковость», по словам искусствоведа Абрама Марковича Эфроса (1888–1954)⁶¹.

А теперь поговорим о другом великом советском графике — иллюстраторе пушкинского «Бориса Годунова», Е.А. Кибрике. Мастер работал над трагедией в 1959–1964 годах, создав серию в технике черной акварели, карандаша. Первое издание с иллюстрациями художника выходит в 1965 году. У меня, к сожалению, нет этого издания, поэтому я буду рассматривать более позднее — 1981 года.

Обладая огромным человеческим и творческим опытом, Е.А. Кибрик поднимается в этой работе на самую вершину своего мастерства.

---

⁵⁸ Книга о Владимире Фаворском / вступ. ст. М. Алпатова. М., 1967. С. 9.

⁵⁹ *Халаминский Ю.А.* Владимир Андреевич Фаворский. М., 1964. С. 181.

⁶⁰ *Пушкин А.С.* Борис Годунов. 2-е изд., пересмотр. / послесл. и примеч. Д. Благого; грав. В. Фаворского. С. 123.

⁶¹ Книга о Владимире Фаворском. С. 24.

В каждой иллюстрации прорывается мощная, захлестывающая темпераментом личность художника. Тут нет частностей, нюансов. Все герои укрупнены, выделены из будничной суеты и приближены к зрителю, чтобы открыть ему сокровенные тайны. Герои нестатичны, они пребывают в энергичном движении. Художник лишь на миг их замедляет, чтобы мы успели взглядеться и понять тайные смыслы мятежных душ.

Лица героев необыкновенно выразительны: нахмурен и замышляет очередное коварство Шуйский⁶², громко разносится монастырская песня бродяги-чернеца Варлаама⁶³, сияет молодой красотой Курбский, сейчас, в эту минуту, решивший пойти на службу к Самозванцу⁶⁴.

И как не похожи два портрета царя Бориса: исполненный высшего величия Годунов на фронтисписе книги⁶⁵ — и он же, трагически запрокинувший голову, с закрытыми глазами, встречающий конец своего жизненного пути⁶⁶. Глубокое горе запечатлел художник в образе умирающего царя.

Гениален и образ юродивого Николки. Сколько боли в этом изможденном, худом лице (так и хочется сказать — лике). Глаза переполнены слезами: мальчишка отнял последнюю копейку, обидел слабого, незащищенного... Этот глубоко несчастный, никому, кроме Бога, не нужный человек по-детски не понимает — за что? И за этим блаженным юродивым зримо вырастает образ страдающего народа России...

А как хорош портрет Марины Мнишек!⁶⁷ Это, безусловно, лучшее изображение гордой полячки. Сколько ненависти, как бешено горят глаза, как изломаны соболиные брови! Эта обуянная гордыней шляхтенка уже сделала свой выбор — она пойдет до конца, не сворачивая, до трона московских царей. Ее уже ничто не остановит, Марина видит себя царицей. А кто ее приведет в Москву — настоящий царевич Димитрий, сын Иоанна Грозного, или беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, — не имеет уже никакого значения.

Столь же лаконично решает Е.А. Кибрик и сцену у фонтана⁶⁸. Конечно, никакого фонтана художник здесь не изображает. Это всё

---

⁶² Пушкин А.С. Борис Годунов / ил. Е. Кибрика. М., 1981. С. 11.

⁶³ Там же. С. 43.

⁶⁴ Там же. С. 75.

⁶⁵ Там же. С. 2.

⁶⁶ Там же. С. 133.

⁶⁷ Там же. С. 87.

⁶⁸ Там же. С. 93.

частности, которые только отвлекают внимание зрителей от главного — чувств героев драмы, страстей, которые их бушуют. Марина стоит очень прямо, вся вытянувшись в струнку, ведь только что она обвиняла Григория, издевалась над ним. Лжедмитрий поднимает руку, как бы закрываясь от обидных слов надменной полячки, и одновременно в его лице и фигуре художник угадывает желание ударить девушку, прямо сейчас ответить ей на жестокие оскорбления. И мы как будто слышим брошенную им фразу: «Тень Грозного меня усыновила...»⁶⁹

Решение Е.А. Кибрика создать именно черно-белый цикл иллюстраций кажется мне абсолютно верным. А введение в двух форзацах кроваво-красного цвета доводит пушкинскую трагедию до апогея.

Первый форзац — это сцена обличения царя Бориса юродивым Николкой. Пред зрителями раскрывается картина поистине библейского накала. Сквозь черноту неба гордо высится белый храм. Так же, в светлых тонах, художник изображает стоящих на коленях юродивого и нищих. В противовес этим праведникам Годунов, бояре и стража изображены в красно-черной гамме. Кровь невинных, которой уже запятнали себя царь Борис и его окружение, предвещает страшные будущие бедствия России, кровавые войны и Смуту.

Второй форзац не менее страшен. На фоне светлого величественного собора сгрудился молчаливый народ. А на переднем плане, опять кроваво-красная, стоит с топорами стража, готовая в любую минуту превратиться в палачей. И в ужасе от этой сцены поднимается в небо стая воронья как предвестие великой беды.

В 1993 году я познакомился с совсем иным прочтением пушкинской трагедии, приобретя книгу «Борис Годунов» с иллюстрациями В.Н. Минаева, исполненными в свободной манере рисунка углем. Собственно, иллюстраций в тексте нет — они собраны отдельным блоком в конце книги. И мне это понравилось. Вдумчивый читатель, внимательно, с душой войдя в мир гениального текста, уже представив в своем воображении сложные образы героев драмы, может познакомиться с вдохновенным, так и хочется сказать, боговдохновенным взглядом замечательного мастера.

На фронтисписе книги В.Н. Минаев помещает совершенно необычный портрет А.С. Пушкина — лиричного, трепетного, беззащитного... Такого изображения гения русской литературы я просто не встречал.

---

⁶⁹ Пушкин А.С. Борис Годунов / ил. Е. Кибрика. С. 92.

Я не знал художника лично, но смею утверждать, что он искренне любит поэта. И испытывает такие же чувства любви и бесконечного страдания и к грешному царю Борису, и к его умному, образованному сыну Феодору, который будет безвинно убит предателями-боярами, и к его красавице сестре Ксении, которую отдадут вскорости на потеху Лжедмитрию, и к патриарху Иову, который, не желая отречься от Годунова, будет лишен своего патриаршего величия и отправлен в дальний монастырь, где ослепнет... И ко всему русскому народу, который даже не догадывается еще, какие страшные испытания ждут его в будущем...

Образ народа именно так, в цельнокупности, удивительно удался художнику. Народ на коленях и народ, готовый к бунту, горько рыдающий и заходящийся в бешеной пляске, народ монашествующий и народ разбойный, народ, ищущий правды, и народ, презирующий своих героев... Всё это — русский народ, всё это — мы с вами. Смутное время русского Средневековья соединилось в творении В.Н. Минаева со смутными годами перестройки, когда прошлое уже было разрушено, а будущее — темно и неведомо. И надежда только на Бога, всепрощающего, любящего детей своих, как отец... Укажи, Господи, путь нам, путь Великой России...

В книге опубликована статья искусствоведа Марии Андреевны Чегодаевой (1931–2016) о цикле иллюстраций В.Н. Минаева. Какие-то оценки могут показаться спорными, но уважение к художнику, которое прослеживается в статье, необыкновенно мне импонирует. Приведу одну цитату: «...распространившемся в последнее время невежественному историческому самодовольству, лубочно-пряничной умиленности по поводу «святой Руси», попыткам изобразить ее историю как некое сплошное единение под сенью икон и хоругвей и Божьего благословения — Минаев противопоставляет трагическую пушкинскую правду, далекую от благостности, тревожную, неудобную для многих. Если читатели, глядя на иллюстрации, ощутят эту тревогу, услышат грозный вой ветра над черной смятенной землей, ощутят в душе такое чувство, как историческая совесть, — значит, художник работал не напрасно»⁷⁰.

В 2019 году была издана книга с иллюстрациями А.Г. Слепкова, народного художника РФ, члена Санкт-Петербургского Союза художников, ныне здравствующего нашего современника. По этическим

---

⁷⁰ Пушкин А.С. Борис Годунов / ил. В. Минаева. М., 1993. С. 97.

соображениям оценивать творчество А.Г. Слепкова я не стану. Единственное, что я позволю себе заметить, — подобная трактовка пушкинских героев мне не близка.

Итак, в конце моих коротких размышлений я расскажу немного о своем видении «Бориса Годунова». Вернее, не совсем так. О своем философском и религиозном осмыслении трагедии я уже достаточно написал. Постараюсь очень кратко рассказать, что же я хотел изобразить в своих произведениях.

Первое, что для меня очень важно, — я никогда не занимаюсь прямой иллюстрацией текста. Глубоко погружаясь в материал, влюбляясь в героев, я вступаю в некий визуальный диалог с автором. За долгие годы работы я сроднился с царем Борисом, полюбил его и выступаю ярым его защитником. Годунов столь много доброго сделал для России. Возможно, А.С. Пушкин не обо всём знал... В качестве правителя России при добром царе Феодоре Иоанновиче Борис Годунов был весьма хорош. Но в качестве царя Господь его не принял! Что ж, остается лишь сочувствовать несчастному, отвергнутому Богом Борису...

В «Венчании Бориса Годунова на царство» мне хотелось показать искреннего, беспокоящегося о благеверяемого ему государства человека. Но власть его столь непрочно, зыбка, что я поместил Бориса на неровную плоскость. Годунов вступает на царство как будто бы по узкой, качающейся над пропастью доске. Царь — «величественен красотой»⁷¹, но в лице его уже видны растерянность и смятение...

В сцене «Успения Бориса» я использовал чисто иконописные приемы. Но не стал обрывать Годунова в черное одеяние монаха-схимника. По истории известно, что царь принял перед смертью схиму с именем Боголеп. Но черное пятно в центре изображения кажется уж слишком мрачным. Мне же хотелось достичь в своей работе некоего духовного просветления.

Очень важны для меня образы летописца Пимена и юродивого Николки. Каждому из них я посвятил отдельную работу, выделив их из общего числа действующих лиц трагедии. Поиску истинного православного подвижничества я посвятил многие годы своих паломнических поездок. В святых местах я пытался найти тот невидимый Фаворский свет, который обрели монахи-исихасты в своей праведной жизни.

---

⁷¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т., в 3 кн. Кн. 3, т. 9–12. С. 212.

Поэтому своих любимых героев Пимена и Николку я символически осенил лучами надмирного света, желая показать их близость к Богу.

Я не буду описывать все свои работы. Какие-то из них кажутся мне более удачными, какие-то требуют серьезных размышлений и доработки... Но одного произведения, никогда ранее не встречавшегося в иллюстрировании пушкинской драмы, я бы хотел коснуться. Это диптих, посвященный паломничеству слепого старика-пастуха с внуком к мощам царевича Димитрия в Угличе (сам момент исцеления от слепоты я тоже изобразил, но в другой работе).

Через всю неохватную взглядом Русскую землю идут эти двое странников за великим чудом. Маленькие фигурки в необъятных просторах. Сколько в них родной щемящей красоты... Я решил поместить своих паломников в пейзаж сельца Михайловского, имения А.С. Пушкина, где и родилась эта гениальная драма. С дивной красотой заливных лугов, речкой Соротью, которой любовался наш великий поэт, Савкиной горкой, с поклонными крестами... И я верю, что сам Господь полюбил этих милых дедушку и мальчика внука и своим ярким Фаворским светом указывает им единственно верный жизненный путь.

Закончить свои короткие размышления я бы хотел словами великого православного философа И.А. Ильина (1883–1954). Пушкин «дал нам еще один великий и последний дар: он дал нам возможность, и основание, и право благословлять нашу Родину всегда и во всём, любить ее, гордиться ею и прозревать ее великое будущее — нерушимо верить в нее и в ее грядущий расцвет, что бы ни принесла нам ее история, какие бы еще лишения и страдания ни выпали на долю русских поколений...»

И в годы разложения и стыда, унижения и смуты, воочию созерцая «бессмысленный и беспощадный русский бунт», сколько раз там, в глубине России, в опасностях и тюрьмах, сколько раз спрашивали мы себя: «неужто конец? неужто мы погибли? неужто кончено с нашей замученной, с нашей изумительной Россией?..»

И каждый раз два луча утешали и укрепляли душу в ее утомлении и сомнении: *религиозная чистота и мудрость русского православия и пророческая богоозаренность нашего дивного Пушкина...*⁷²

---

⁷² Ильин И.А. О России: статьи, речи, главы из книг. М., 2025. С. 39, 40.

Из изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Вячеслав Козмин

«ХОЦУ — НЕ ХОЦУ».

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПСКОВСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»¹

С появлением в 1986 году в Пушкинском Заповеднике музея в деревне Бугрово (в настоящее время — «Пушкинская деревня») значительно расширились возможности литературно-этнографического комментария к целому ряду произведений А.С. Пушкина. В первую очередь это относится к тем произведениям, в которых автор описывает крестьянский быт, фиксирует тексты народных песен, цитирует пословицы и поговорки. В экспозиции музея присутствует ряд предметов, упоминаемых поэтом, что создает условия для более точного донесения до посетителя тех смысловых нюансов, которые автор подразумевал в том или ином случае. О расшифровке одного из затемненных мест в области пушкинской фразеологии, осуществленной при «содействии» музейных предметов, пойдет речь ниже.

Предметы, «говорящие» на языке пушкинской поэзии, расположены преимущественно в «Доме крестьянина» в «Светлице». Здесь находятся обыкновенные деревянные лавки: «В традиционном русском жилище лавки шли вдоль стен вкруговую, начиная от входа, и служили для сидения, спанья, хранения различных хозяйственных мелочей. Каждая лавка в избе имела свое название, связанное либо с ориентирами внутреннего пространства, либо со сложившимися в традиционной культуре представлениями о приуроченности деятельности мужчины или женщины к определенному месту в доме (мужская, женская лавки)... Девушки сидели на «долгой» или «бабьей» лавке, которая тянулась от коника

---

¹ Ранее статья опубликована в: Одиннадцатые Псковские Международные краеведческие чтения. XVII Порховские районные краеведческие чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Порхов, 1–3 октября 2021 года). Т. 2. Псков, 2022.

к красному углу, вдоль боковой стены дома... Эта лавка, подобно печенному углу, традиционно считалась женским местом, где в соответствующее время занимались теми или иными женскими работами, такими, как прядение, вязание, вышивание, шитье»². Для современного посетителя музея деревянные лавки вдоль стен ассоциируется чаще всего с пословицей «Семеро по лавкам». Впрочем, широко известен ее укороченный вариант, а в полном виде пословица выглядит более информативно: «У самой семеро по лавкам и все седуны, мал мала меньше». В другой пословице лавки выступают мерилom лжи и пустословия: «Так врет, что под ним ни одна лавка не устоит». О веселых посиделках говорили: «И печка и лавка пляшет. Ходи, изба, ходи, горница!» О пьянстве и разгуле — «Пошел черт по лавкам». О трудолюбии — «Пряди, девица, не ленись, по лавкам не тянись»!

Ряд пословиц имеет свадебную тематику. В имевшемся в библиотеке А.С. Пушкина «Собрании 4 291 древних российских пословиц» помещена пословица «Из кута по лавке, шелудяк наголо»³. В данном случае «шелудяк» — один из свадебных гостей, отличившийся глупостью и бесцеремонным поведением. К тому же ряду можно отнести пословицы, имеющие несколько затемненную этимологию: «Не ходи по лавкам, не заглядывай в окно! Из кута по лавке, а всё женихи»⁴, «Став на лавку, да в пол головой». Эти пословицы возникли на основе обрядов, связанных с взрослением и замужеством крестьянской девушки.

Современный этнолог А.К. Байбурин обратил внимание на ряд отмеченных в литературе примеров специфической ритуализации лавок в крестьянских избах: «Особую роль лавки занимали в обрядах, связанных с взрослением крестьянских девушек». В обрядовой ситуации лавки иногда принимали совершенно не свойственное им в обыденной обстановке значение пути. Так, в обряде «девичьей зрелости»: «По исполнении 12 лет, до какой поры она (девочка) считалась ребенком и ходила в одной нижней рубахе, родители ставили ее в избе на лавку и заставляли пройти по лавке взад и вперед известное число раз; после этого, перекрестившись, девушка должна была прыгнуть с лавки в подставленный родителями новый сарафан, сшитый для этого случая. С этого момента начинался девический возраст, и девушке

---

² Русская изба: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 33–34.

³ Барсов А.А. Собрание 4 291 древних российских пословиц. М., 1777. С. 89.

⁴ Там же.

разрешалась ходить хороводы и считаться невестой» (ср. хождение и прыганье с лавки самой невесты в знак согласия; ср. также путь свахи по лавке от дверей до печи и вождение по лавке жениха дружкой в доме невесты). Хождение по лавке можно рассматривать с двух точек зрения: как ритуальное нарушение обыденного порядка и как специальное подчеркивание идеи движения, желание подчеркнуть, что передвижение по дому тоже семиотично⁵. Автор фиксирует наличие двух похожих обрядов, связанных с взрослением крестьянских девушек и обретением ими нового статуса. Зачастую период между «посвящением» в девичество и согласием выйти замуж оказывался непродолжительным. Браки в крестьянских семьях заключались рано. Свидетельством тому может служить рассказ-исповедь «Филипьевны седой», няни героини пушкинского романа «Евгений Онегин» Татьяны Лариной:

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь,
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет⁶.

(VI, 59)

Внешне совершаемые девочкой и будущей невестой хождение по лавке и прыжки были идентичны. Однако во втором случае обряд сопровождался устойчивой обрядовой репликой в устах избранницы: «Хочу — не хочу». Крестьянской девушке позволялось сделать выбор: идти замуж или отвергнуть нелюбимого человека. Подобный либерализм в брачных отношениях носил, разумеется, весьма условный характер, о чем свидетельствует приведенный выше отрывок: «...В эти лета мы не слыхали про любовь». Однако сам фразеологизм носил устойчивый характер и просуществовал в русском языке вплоть до XX века.

---

⁵ *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 159.

⁶ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. М., 1994–1997. Здесь и далее номер тома указывается римской цифрой, страница — арабской.

С ним связана наша гипотеза о псковских корнях выражения, присутствующего в черновых вариантах повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

В 1998 году В.П. Старк в статье «Хронология и топография «Повестей Белкина» обратил внимание на присутствующий в повести псковский колорит: «В одной из отдаленных наших губерний» происходит действие последней в цикле повести «Барышня-крестьянка». Губерния, в которой расположены поместья Берестовых и Муромских, разве что в черновике означена в словах Лизы, подделывающей под местный крестьянский говор с характерным псковским «цоканьем», так хорошо знакомом Пушкину: «А по-здешнему я говорить умею прекрасно: даво! не хоцу...» Неожиданным призраком Михайловского мелькнут и строки о «роще, стоящей на рубеже отцовского владения», и затерявшийся в черновиках шум ее деревьев: «невнятный шум ее приветствовал», отозвавшийся в позднейшем стихотворении сходными строками: «На границе / Владений дедовских...» и «Знакомым шумом шорох их вершин / Меня приветствовал»⁷. Находясь в 1830 году в «окающем» Болдине, Пушкин не единожды вспоминал «цокающую» Псковщину. В том же Болдине осенью 1830 года он создает «Историю села Горюхина». В произведении присутствует ироничное описание языкового своеобразия жителей села, характерного именно для псковских говоров: «Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно» (VIII, 135). Воспоминания о Михайловском, вероятно, были вызваны ситуацией дежавю, в которой оказался поэт: такая же деревня, такие же крестьяне...

В повести «Барышня-крестьянка», написанной в то же время, диалектизмы появляются в сцене подготовки героиней «спектакля» с элементами переодевания, а также речевого перевоплощения: «И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает. — А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная

---

⁷ Старк В.П. Хронология и топография «Повестей Белкина» // Сборник докладов IV Пушкинской конференции в Нижнем Новгороде. СПб., 1998. С. 232.

выдумка! — И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение» (VIII, 113). В варианте строк этого эпизода появляются образцы псковского говора: «цаво! не хоцу» (приписано)» (VIII, 631). По-видимому, эти два выразительных словечка были чем-то важны для автора. Вероятно, они были связаны с каким-то запомнившимся ярким событием периода михайловской ссылки, так как в фразе присутствует восклицательный знак. В тех же черновых вариантах повести присутствуют детали быта, близкие тому, что зафиксировал И.И. Пущин в своих воспоминаниях о приезде к поэту в январе 1825 года: «Вошли в нянину комнату, где собрались уже швейи»⁸. В «Барышне-крестьянке» Лиза «засатила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово» (VIII, 113). Далее по тексту автор приводит еще один вариант псковского говора: «...а сцо ты думаешь, а чаво ты думаешь» (VIII, 675). В черновиках сцены встречи Лизы с Берестовым встречается характерное для псковского диалекта произнесение звука «ф» как «х» и употребление слова «баишь» в значении «говоришь»: «Собаку кличеш по хранцузски, баишь» (VIII, 675).

Диалектизмы, появившиеся в «Барышне-крестьянке», повсеместно присутствовали в речи жителей Опочецкого уезда Псковской области. В 1920-х годах В.И. Чернышев, проводивший экспедицию в окрестностях Михайловского, отметил наличие у жителей пушкинских мест характерного цоканья: «Цоканье хорошо еще сохранилось в говоре. Совершенно свободны от него лишь более культурные обыватели. Они смеются над «цокающиками», в семьях учат детей не говорить цаво, пецка и под.»⁹ В воспоминаниях местных крестьян о Пушкине и его окружении исследователь зафиксировал замену звука «ф» на «х»: «Иван Сахонич приказал в праздник согнать на барщину весь народ тягать лен...», «...генерал Хок стрелял в голубей и сжег этот дом...»¹⁰ Речь идет о муже П.А. Осиповой (Вульф) Иване Сафоновиче Осипове и владельце имения Лысая Гора А.В. Фоке. В «Словаре диалектных слов жителей деревни Савкино», составленном в 1928 году псковским

---

⁸ *Пушкин А.С.* в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. / вступ. ст. В. Вацура; сост. и коммент. В. Вацура, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. М., 1985. С. 102.

⁹ *Чернышев В.И.* Говор Пушкинского района // В.И. Чернышев. Избранные труды. В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 377.

¹⁰ *Чернышев В.И.* «Пушкинский уголок», его быт и предания // Известия Российского географического общества. Л., 1928. Т. 60. Вып. 2. С. 252, 254.

краеведом К.А. Иеропольским, присутствует расшифровка внесенного Пушкиным в черновик повести глагола: «Баит(ць) — рассказывать»¹¹.

Еще одна нить связывает «Барышню-крестьянку» и псковскую пору жизни Пушкина. В годы ссылки поэт создает трагедию «Борис Годунов». При написании текста автор использует пословицы и поговорки, услышанные им в живом общении с местными крестьянами. Одна из таких пословиц, в несколько измененном в соответствии с ситуацией виде, появляется в сцене «Корчма на литовской границе»:

М и с а и л. Вольному воля...

В а р л а м. А пьяному рай, отец Мисаил!

(VII, 29)

В повести в сцене встречи Лизы с Алексеем в речи героя появляется «канонический» вариант ранее внесенной в текст трагедии пословицы: «Я провожу тебя, если ты боишься, — сказал он ей, — ты мне позволишь идти подле себя?» — «А кто те мешает? — отвечала Лиза, — вольному воля, а дорога мирская» (VIII, 114).

Демонстрация дочерию англомана Муромского прекрасного знания псковского наречия невольно заставляет вспомнить основанную на фонетических особенностях поговорку: «Отличное от псковичей самознание местного населения и специфика говоров отразились в противопоставлении жителей юга Псковщины «скобарям». Местное русское население называли «кацапами»: «Скобари опоченские, а пустошкински кацапы». Жители Себежского уезда четко знали, где проходит граница со скобарями: «Вод за ету реку называюца скобари». Местное население создавало пословицы и поговорки, подчеркивающие отличие своих говоров от псковских; «Пскопацане те же англицане, только наречие немножецко инаце» (дразнилка «цокающих» псковичей в Пустошкинском районе)»¹². Впрочем, подобное сближение между англоманом и «цокающей» Лизой носит, скорее всего, случайный характер, так как вопрос

---

¹¹ *Иеропольский К.А.* Говор д[еревни] Савкино Пушкинского района Псковского округа // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 3. Кн. 2. М., 1930. С. 504.

¹² *Харитонов В.И.* Белорусы на юге Псковщины // Записы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага / Інстытут беларускай гісторыі і культуры. Вып. 1. Рыга, 2013. С. 158.

о существовании поговорки о «псковичанах-англичанах» в пушкинское время остается открытым. Любопытной представляется другая проблема: только ли яркие фонетические особенности речи стали причиной появления в тексте характерных псковских словечек — местоимения «цаво» и глагола «не хоцу».

В статье «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских» известный русский этнограф Д.К. Зеленин по сохранившимся печатным источникам восстановил детали обряда, связанного с совершеннолетием и замужеством женщины: «Путешествовавший в 1823 году по южной России А. Глаголев сообщает в своих «Записках» между прочим следующее о жителях принадлежавших графу Бобринскому сел Богородицкого уезда Тульской губернии: «Вообще обычаи здешних крестьян отличаются своею странностию. Девки ходят здесь до 15 и до 16 лет в одних только рубашках, опоясанных красным шерстяным поясом; а по прошествии этого срока на девку надевают поневу (так, как у римлян надевали на семнадцатилетнего юношу пурпуровую тогу). Обряд же надевания поневы совершается в день именин девки, в присутствии всей родни ее. В это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинает ходить из одного угла в другой. Мать ее, держа в руках открытую поневу, следует за нею подле лавки и приговаривает: «Вскоци, дитетко; вскоци, милое»; а дочь каждый раз на такое приветствие сурово отвечает: «Хоцу — вскоцу, хоцу — не вскоцу». Но как вскочить в поневу значит объявить себя невестою и дать право женихам за себя свататься, то никакая девка не заставляет долго за собою ухаживать да и никакая не дает промаху в прыжке, влекущего за собою отсрочку в сватовстве до следующего году»¹³. Далее автор приводит сведения, которые классифицируют данное действие исключительно как часть свадебного ритуала. Среди прочего, Зеленин пишет также о псковском варианте обряда, отмеченном И.П. Сахаровым и В.И. Далем: «...Все прочие наши источники основываются уже на глухих и туманных слухах. И.П. Сахаров (родом, как известно, туляк) в своей статье «Русские народные присловья» пишет о псковичах: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу — будто в старину, когда просватывали невесту, мать делала из пояса круг посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отец с матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвечать: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу».

---

¹³ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 годов. М., 1994. С. 184–185.

Если она соглашалась, то становилась в круг; а если нет, то начинала плакать»... В.И. Даль повторяет это же присловье о псковичах, несколько изменив пояснение: «В старину невеста говорила: «Хочу — вскочу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку»¹⁴. Кроме того, Даль воспринимает «присловье» как пословицу и помещает ее в свой сборник пословиц и поговорок в подраздел «Псковская губерния»: «Хочу — вскочу, не хочу — не вскочу» (в старину невеста говорила: хочу — вскочу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку)»¹⁵; а также в раздел «Сватовство»: «Хочу вскочу, не хочу не вскочу» (от обычая Тамб. губер. приглашать невесту вскочить в юбку, по-неву, которую носят одни замужние)»¹⁶. Вышедшая из недр свадебного обрядового действия пословица была на слуху у пишущей и читающей публики. Ф.М. Достоевский вводит ее в роман «Братья Карамазовы»: «Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу». За ней ходят с сарафаном али с паневой, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу»... Это в какой-то нашей народности...»¹⁷

Данные, приведенные Д.К. Зелениным, позволяют утверждать, что описываемый обряд существовал в южной России, а также в Псковской губернии на протяжении XIX века, являлся частью свадебного обряда и мог попасть в поле зрения поэта в пору сбора им песен свадебного обряда в окрестностях Михайловского. В сюжете повести «Барышня-крестьянка» случайно проявились общие с народным обрядом мотивы: переодевание, мнимое сватовство, грядущая свадьба. Поскольку обряд не был зафиксирован в письменном виде, воспоминания носили фрагментарный характер, что и нашло отражение в «приписанных» автором вариантах реплик героини. Цель пушкинской героини — не продефилировать на подиуме, а сыграть новую для себя роль. Поэтому перевоплощения дворянки в крестьянку не ограничивается переменной одежды и обуви. Ее «костюмером» становится дворовая девушка Настя. Местным

---

¹⁴ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 годов. М., 1994. С. 186–187.

¹⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 292.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 243.

¹⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 116.

говором владеет сама героиня — странные «словечки» воспринимаются ею как местная экзотика и потому легко запоминаются. Перед выходом «на сцену» Лиза с удовольствием репетирует обязательные при встрече с барином поклоны: «Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котов» (VIII, 113). Следовательно, «перевоплощение» осуществлялось через костюм, речь и традиционные ритуалы. Похожую роль «сыграл» на Святогорской ярмарке сам Пушкин 29 мая 1825 года. Особое внимание было уделено народному костюму, описанному автором в беловых вариантах четвертой главы «Евгения Онегина»:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский на распашку
И шляпу с кровлею как дом
Подвижный...

(VI, 598)

Однако, наряду с одеждой, Пушкин-«крестьянин» продемонстрировал также навыки духовного песнопения, присущие старцам и нищему люду: «Когда в монастыре была ярмарка в Девятую пятницу, Пушкин, как рассказывают очевидцы-старожилы, одетый в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою, с таковою же и через плечо, не узнанный местным уездным исправником, был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее человеке Божием, и других, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь на ярмарку. От такого ареста был освобожден благодаря лишь заступничеству здешнего станового пристава»¹⁸.

В пушкинской повести акт перекодировки привычного костюма носит не единичный характер. Наряду с переодеванием из дворянки в крестьянку Лиза также осуществляет перевоплощение из русской барышни в отставшую от современной моды даму конца XVIII — начала XIX века: «...его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурмлена пуще

---

¹⁸ *Иоанн, игумен.* Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии. М., 2003. С. 86.

самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали как фижмы у Madame de Pompadour; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах» (VIII, 120). В своем втором костюмированном выходе на сцену героиня демонстрирует прямую противоположность тому образу простолюдинки, который был продемонстрирован ею в первом «акте» произведения. Возникающая оппозиция «крестьянка» — «дама времен Людовика XIV» является, на наш взгляд, еще одной авторской реминисценцией к периоду пребывания в Михайловском в 1824–1826 годах. Но на этот раз она предстает в виде пушкинского рисунка.

В мае — начале июня 1825 года, сразу после скандального визита на Святогорскую ярмарку, в тетради ПД № 1063 Пушкин пишет статью «О поэзии классической и романтической». В статье, в частности, анализируются отличия между французской классической литературой и новым романтическим направлением, опирающимся на народную культуру и поэзию. Одновременно на полях рукописи автор рисует профиль одного из самых заметных представителей классицизма Франсуа Вольтера. Вольтер, как известно, жил и творил во времена «короля-солнца», написал большой исторический труд «Век Людовика XIV», и находился в весьма сложных отношениях с всесильной маркизой де Помпадур. Под портретом Вольтера в пышном парике Пушкин изображает себя «в русской рубашке-косоворотке, с усами и бакенбардами, переходящими в бородку»¹⁹. Произошедшие с Пушкиным метаморфозы внешности как будто иллюстрируют содержание народной пословицы: «Ус да борода — молодцу похвала». Позднее 30 октября 1833 года из Болдина поэт послал жене в Петербург письмо, в котором сообщал: «...отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут» (XV, 82). Автопортреты Вольтера и Пушкина выглядят, как своеобразная иллюстрация к тексту статьи, причем, судя по почерку, сначала появились портреты, а потом — текст. А это, между прочим, принцип создания простонародных лубочных картинок. Таким образом, прослеживается связь между полемическим содержанием статьи, в которой романтизм противопоставляется классицизму,

---

¹⁹ Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб., 1995. 427. С. 56.

Вольтером, в характерном для своего времени парике, и Пушкиным-«молодцем» в русской рубашке, а также Лизой, «барышней-крестьянкой» и одновременно «дамой» из эпохи «Madame de Pompadour».

Но и на этом элементы ряжения героев не заканчиваются. Алексей, подобно Лизе, прибегает к мимикрии и скоропалительно пытается понизить свой социальный статус. Увы, безрезультатно: «А ты, барин? Тугиловский, что ли?» — «Так точно, — отвечал Алексей, — я камердинер молодого барина». Алексею хотелось уровнять их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь, — сказала она, — не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин» (VIII, 114). Героиня тотчас разоблачает недостаточно костюмированного барина. Так же разоблачен был сам автор во время посещения упомянутой выше ярмарки: «Ярмарка тут в монастыре бывает в Девятую пятницу, перед Петровками; народу много собирается; и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу приехал туда капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посылает старосту спросить, кто, мол, такой»²⁰.

Процесс перевоплощения в представителя иного сословия и иной культуры не ограничивается одним костюмом. Случайное происшествие смирило шекспировские страсти в отношениях между двумя семьями и побудило Ивана Петровича Берестова к решению женить сына на дочери соседского помещика:

— Хорошо, — отвечал Иван Петрович, — вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покамест намерен я тебя женить.

— На ком это, батюшка? — спросил изумленный Алексей.

— На Лизавете Григорьевне Муромской, — отвечал Иван Петрович, — невеста хоть куда; не правда ли?

— Батюшка, я о женитьбе еще не думаю.

— Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал.

— Воля ваша. Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

— После понравится. Стерпится, слюбится.

---

²⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. С. 465.

— Я не чувствую себя способным сделать ее счастье.

— Не твое горе — ее счастье. Что? так-то ты считаешь волю родительскую? Добро!

— Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться (VIII, 114).

Диалог сына и отца перемежается народными поговорками: «Стерпится, слобится»; «Не твое горе — ее счастье». Но «дух народный» проявляется также через перекодировку оппозиции «мужское — женское» на уровне заимствования традиционной формулы свадебного обряда: «Хочу — не хочу». В комедии перевоплощений, каковой, по сути, является повесть «Барышня-крестьянка», «жених» примеривает на себя роль «невесты». В таком варианте реплики Алексея «На ком это?» и «Я не хочу жениться» оказываются синонимичны записанным в черновиках девичьим фразам «Цаво? Не хочу!», которые, в свою очередь, являются фрагментами хорошо известного на Псковщине обряда.

Любопытно, что в говоре крестьян Вороничского уезда присутствовало двусмысленное выражение, также нарушающее наше привычное представление о соотношении полов: «В сказке герой ее, Гольш, говорит: «Настенька, возьми меня замуж!» (т. е. за своего мужа, в качестве мужа). Наше обычное словоупотребление («он взял ее замуж») не соответствует в данном случае прямому смыслу слов. Лучше здешнее: «он взял ее в замуж», потому что оно ближе к естественному выражению: «брать, взять в замужество», т. е. в состояние замужества, замужнее»²¹. Подобные диалектные особенности могли спровоцировать появление неожиданных «подсказок» для автора комедии переодеваний.

В псковском областном словаре зафиксированы выражения, имеющие, на наш взгляд, прямое отношение к утраченному ныне полному комплексу свадебных ритуалов. В словарной статье со словом «выскочить» присутствуют такие образцы свадебной семантики: «Выскочить — «выйти замуж»: «Я за сваёва ф сямнацать выскачыла. Дн. Выскочить замуж. Гуляли п и дыльшы, не выскъчыли замуш. Дн. В горьдита замуш выскъчыла. Н-Рж.»²² В том же словаре приводится еще одно местное слово «выскочки» в значении: «Небольшие выездные сани.

²¹ Чернышев В.И. «Пушкинский уголок», его быт и предания. С. 392.

²² Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1984. № 6. С. 61.

Патом катаютца [жених и невеста] на дяревне, саначьки-выскачьки, маленькие таки. Гд.»²³ То есть, свадебные сани-«выскочки» — это сани, предназначенные для «выскочивших» замуж. Эти записи были сделаны во время диалектологических экспедиций на территории Псковской области в 1960–1970-х годах. Однако выражение «выскочить замуж», означающее поспешный необдуманный брак, присутствует и в современном русском языке. Внешне оно напоминает несколько модернизированный вариант выражения «хоцу — вскоцу».

Отмеченный в статье В.И. Чернышева процесс активной нивелировки диалектных особенностей псковского говора привел к постепенной утрате многих ярких и запоминающихся выражений. Однако кое-что и кое-где сохранялось вплоть до 1990-х годов. В том числе — ритуальная формула, рассматриваемая нами в статье. В процессе подготовки данной публикации в июне 2021 года нами были записаны воспоминания об Александре Васильевне Федоровой 1917 года рождения, проживавшей в деревне Застременье Бежаницкого района Псковской области. Среди прочего, информатором было упомянуто о том, что на разного рода просьбы мужа бабушка зачастую отвечала: «Хоцу вскоцу, а не захоцу — не вскоцу». Очевидно, что перед нами утративший первоначальный смысл, но сохранивший грамматическую структуру реликт известного свадебного выражения.

---

²³ Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1984. № 6. С. 60.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Афанасьева Эльмира Маратовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Блинова Наталья Владимировна — ведущий специалист по методической работе Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Васильев Андрей Михайлович — хранитель Некрополя Ганнибалов — Пушкиных (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Васильева Анна Петровна — заведующая музейно-образовательным отделом Государственного мемориально-архитектурного комплекса «Музей-усадьба П.И. Чайковского» (Воткинск).

Васильева Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Виноградов Денис Михайлович — хранитель «Музея-мельницы в деревне Бугрово» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Виноградова Наталья Викторовна — начальник службы по организации и проведению праздников и массовых музейных мероприятий Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Воронов Александр Владимирович — преподаватель Санкт-Петербургского медико-технического колледжа (Санкт-Петербург).

Бревская Наталия Александровна — научный сотрудник Центра перспективных научных проектов, библиотекарь 1-й категории Отдела редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Егоров Александр Александрович — старший научный сотрудник отдела «Древлехранилище» Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Калинина Лариса Николаевна — заведующая Солигаличским краеведческим музеем имени Г.И. Невельского, филиалом Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Костромская область).

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, почетный работник образования РФ, хранитель музея-усадьбы «Петровское» (Пушкинский Заповедник, Пушкинские Горы).

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Кологривов Андрей Александрович — прапраправнук А.С. Пушкина, физик (Москва).

Крапошин Петр Валентинович — референт-переводчик Всероссийского института научной и технической информации РАН (Москва).

Люкшин Юрий Константинович — живописец, искусствовед, заслуженный художник России, почетный член Российской Академии художеств (Санкт-Петербург).

Медвинский Дмитрий Юрьевич — старший научный сотрудник Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Мисочник Светлана Михайловна — кандидат филологических наук, президент Государственного мемориального музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока (Московская область).

Родникова Наталья Владимировна — начальник отдела «Древлехранилище» Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Романова Ирина Владимировна — заведующая Лужским историко-краеведческим музеем — Лужским филиалом государственного бюджетного учреждения Ленинградской области «Музейное агентство» (Луга).

Ткачева Светлана Петровна — ученый секретарь Краеведческого музея города Великие Луки (Великие Луки).

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО] 3

**«Музеи России — духовный щит Отечества»
Материалы XXIX Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко (12–15 февраля 2026 года)**

Анатолий Филимонов

ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ В МИХАЙЛОВСКОМ
(КОНЕЦ 1920-Х ГОДОВ)..... 4

Александр Егоров

«...Я НЕ МОГУ ЕХАТЬ В МИХАЙЛОВСКОЕ»:
ДИРЕКТОР ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
М.З. ЗАКГЕЙМ — КОРРЕСПОНДЕНТ
И РЕЦЕНЗЕНТ Л.А. ТВОРОГОВА
Переписка М.З. Закгейма с Л.А. Твороговым 1945–1947 годов..... 13

Андрей Васильев

УЧАСТНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ ПУШКИНОГОРЬЯ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕСНОКОВ.
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ГЕРОЯ..... 42

Александр Воронов

ЛЕНИНГРАД — ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ
В 1968–1988 ГОДАХ. ВСТРЕЧИ С С.С. ГЕЙЧЕНКО
По материалам архива Владимира Владимировича Воронова..... 62

Наталья Блинова

МУЗЕЙ ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ: ПРОЕКТЫ
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА
ДЛЯ СЕМЕЙНОЙ АУДИТОРИИ..... 69

<i>Эльмира Афанасьева</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ А.С. ПУШКИНА С МАТЕРЬЮ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА	74
<i>Мария Васильева</i> ОБРАЗ ПУШКИНА В МУЗЕЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	83
<i>Светлана Мисочник</i> ПУШКИНСКОЕ МИХАЙЛОВСКОЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ФОТОХУДОЖНИКА В.С. МОЛЧАНОВА	95
<i>Лариса Калинина</i> МУЗЕЙ В СОЛИГАЛИЧЕ: ЧЕМ ДЕРЖИМ ОБОРОНУ?	101
<i>Анна Васильева</i> МУЗЕЙ-УСАДЬБА П.И. ЧАЙКОВСКОГО. ОПЫТ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ЩЕЛКУНЧИК»	113
<i>Вячеслав Козмин</i> СОРОК СОРОКОВ. РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ «ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА В ДЕРЕВНЕ БУГРОВО»	122
<i>Светлана Ткачева</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ВЕЛИКОЛУКСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ИСТОРИЯ. ПРОБЛЕМЫ	173
<i>Ирина Романова</i> ИСТОРИЯ ОДНОГО ФОТОАЛЬБОМА	179
<i>Денис Виноградов</i> БУГРОВСКИЕ МЕЛЬНИКИ ОЛЬХИНЫ	193
<i>Любовь Козмина</i> РАРИТЕТ В МУЗЕЕ: К ВОПРОСУ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ ПРЕДМЕТА В КОНТЕКСТЕ	

КОМПЛЕКТОВАНИЯ В 1970-Х ГОДАХ МУЗЕЙНОГО ФОНДА	199
--	-----

Наталья Виноградова

«ДО РАДОСТНОГО УТРА». ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ОБНАРУЖЕНИЯ НАДГРОБНОЙ ПЛИТЫ МЛАДЕНЦА ПЛАТОНА ПУШКИНА В СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ. 1926–1928 ГОДЫ	218
--	-----

Наталья Вревская

ПОСЛЕ Н.П. ВРЕВСКОЙ: СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КРУГУ СЕМЬИ ВРЕВСКИХ СОТРУДНИКАМИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В 1950–1998 ГОДАХ	238
---	-----

Наталья Родникова

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ	251
----------------------------------	-----

Петр Крапошин

ОТРАЖЕНИЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ М.А. БУЛГАКОВА В МОСКВЕ СВЯЗИ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ С НАСЛЕДИЕМ А.С. ПУШКИНА	262
---	-----

Дмитрий Медвинский

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ БУТИКОВ: ПОДВИЖНИК И НОВАТОР МУЗЕЙНОГО ДЕЛА	272
---	-----

Гости «Михайловской пушкинианы»

Андрей Кологривов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТОМКОВ ОДНОГО ЛИЦА (А.С. ПУШКИНА) ЗА 1832–2008 ГОДЫ.....	286
--	-----

Юрий Люкшин

А.С. ПУШКИН И ПРАВОСЛАВИЕ.	
----------------------------	--

ХУДОЖНИКИ-ИЛЛЮСТРАТОРЫ ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ»	301
--	-----

Из изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Вячеслав Козмин

«ХОЦУ — НЕ ХОЦУ».

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПСКОВСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА» .....

344

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» .....

357

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 112

«МУЗЕИ РОССИИ — ДУХОВНЫЙ ЩИТ ОТЕЧЕСТВА»

МАТЕРИАЛЫ

XXIX Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко
(12–15 февраля 2026 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фотографий Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
Г.Н. Алексеев. Часовня сельца Михайловское.
2007 год. Из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

6+

Подписано в печать 08.05.2026.
Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Объем 22,75 печ. л. Заказ № 968. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.